

Вера Викторовна Камша
Зимний излом. Том 2. Яд минувшего. Ч.2

Отблески Этерны – 4

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
«Камша В. Яд Минувшего. Часть 2»: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-21484-6

Аннотация

Свершилось. Принц-изгнанник Альдо Ракан коронован в городе, где некогда был предан и убит его предок. Ворон Рокэ, Повелитель Ветра, потомок предателя и опора династии Олларов – во власти нового государя. Его ждут суд и казнь. В этом не сомневается ни сам Альдо Первый, ни готовый шагнуть за сюзереном хоть в Закат Повелитель Скал, ни выбирающий между страной и другом, бывшим другом, Повелитель Молний, ни скрытный Повелитель Волн.

Их четверо. Всегда четверо. Навеки четверо. Скованных невидимой цепью, но идущих разными дорогами. А отставших и отчаявшихся за поворотом ждет пегая кобыла – и это не самое плохое, что может случиться. Хуже, если древняя вестница смерти опоздает.

Вера КАМША
ЗИМНИЙ ИЗЛОМ. ТОМ 2. ЯД МИНУВШЕГО. Ч.2

*Автор благодарит за оказанную помощь
Александра Бурдакова, Галину Каспарову,
Александра Зелендинова, Марину Ивановскую,
Данила Мелинца, Юрия Нерсесова,
Ирину Погребецкую, Михаила Черниковского,
Татьяну Щапову.*

В чужих словах скрывается пространство:

*Чужих грехов и подвигов череда,
Измены и глухое постоянство
Упрямых предков, нами никогда
Невиданное. Маятник столетий
Как сердце бьется в сердце у меня.
Чужие жизни и чужие смерти
Живут в чужих словах чужого дня.
Они живут, не возвратясь обратно
Туда, где смерть нашла их и взяла,
Хоть в книгах полустерты и невнятны
Их гневные, их страшные дела.
Они живут, туманя древней кровью
Пролитой и истлевшей давно
Доверчивых потомков изголовья.
Но всех прядет судьбы веретено
В один узор; и разговор столетий
Звучит, как сердце, в сердце у меня.
Так я двусердый, я не встречу смерти
Живя в чужих словах, чужого дня.
Лев Гумилев*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ «Колесница» ¹

*Слишком лютая ненависть ставит нас ниже тех, кого мы
ненавидим.*

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 НАДОР

400 год К.С. Вечер 18-го дня Зимних Скал

1

Госпожа Арамона, – уже видящая себя в столичном особняке Джоан сделала вполне сносный книксен, – к вам тенъент Левфож.

– Пусть войдет. – Луиза поправила шаль и потянулась к корзине с шитьем. – Дверь можешь не закрывать.

– Да, госпожа Арамона. – Проныра предпочла бы дверь закрыть, а щелочку оставить. Обойдется, а заодно узнает, что дуэнье молодой герцогини и кавалеру Селины скрывать нечего. И это действительно так. Пока.

Занятая шушуканьем с Айрис дочка на красивого офицера не глядела, Рауль подумал и принялся обхаживать маменьку красавицы, и ведь не боится! Ну, допустим, Селина и через

¹ Высший аркан Таро «Колесница» (Le Chariot). Карта символизирует поиск и нахождение своего места в жизни, движение, прогресс, победу. Это самопознание, сила воли, ответственность. Может предвещать путешествие или же праведную жизнь. Может означать преодоление препятствий, снятие (временное) противоречий, обуздание противоборствующих сил, вовремя подоспевшую помощь. Иногда карта напоминает о том, что для того, чтобы оставаться победителем, необходим тщательный баланс, умение примирять противоположности и находить взаимовыгодные решения. Может означать излишний динамизм, переходящий в суетливость. ПК (перевернутая карта) – стремление к неудачной цели, разрушение планов из-за неправильно понятой ситуации. Указывает на неблагоприятное влияние окружающих, неуверенность, сомнения, топтание на месте. Может обозначать переоценку собственных сил.

двадцать лет чудищем не станет, но внучки частенько удаются в бабушек.

– Сударыня, – Рауль подмел щербатый пол столичной шляпой, – прошу меня простить, но вы мне очень нужны.

Луиза отложила шитье и улыбнулась:

– Неужели я? А мне кажется, кто-то другой.

– Вы, – просто сказал Левфож. И Луиза поверила, южанин врать не умел. – Госпожа Селина сказала, будто вы не считаете, что госпожа Мирабелла отравила коня госпожи Айрис.

– Я не очень хорошо знаю лошадей, – госпоже Селине надо учиться молчать, – но герцогиня Окделл не похожа на отравительницу. Другое дело, что линарец больше никому не мешал. Садитесь, Рауль.

– Благодарю. – Теньент опустился на изящно скрипнувший стул. – Сударыня, мне кажется, вы правы.

– То есть? – наострила уши Луиза, после откровений Эйвона проникшаяся к герцогине чем-то вроде сочувствия. – Слуги постарались?

– Поймите, я не могу сказать наверняка. И никто не может.

– Говорите, как есть. – Мирабелла, конечно, змея, но змея несчастная. Если Айри это поймет, пожар может и погаснуть. Душа у великой заговорщицы добрая.

– Лошади – создания загадочные. – Лицо Левфожа стало мечтательным, не знай капитанша, о чем речь, решила бы, что теньент думает о Селине. – Недаром говорят, приведи к коню двух коновалов, услышишь про восемь болячек.

– Но вы-то – один, – улыбнулась капитанша, – и вы не коновал, а офицер.

– Сударыня... – Рауль задумался, подбирая слова. Красивый мальчик, хоть и рыжий. – Конь мог отравиться случайно. Если косят не глядя, в сено может попасть болиголов, дигитта или собачья трава. Болиголова, правда, нужно много, и вряд ли бы обошлось одним конем, а дигитта действует иначе. Из трав, что я знаю, Бьянко мог убить огнеплас, но здесь он не растет.

– Зато здесь произрастают анемоны, – не удержалась Луиза, – в изобилии. А также незабудки и ромашки.

– Ромашки не ядовиты. – Разумеется, Левфож ни кошки не понял. – Сударыня, я склонен думать, что гибель Бьянко была несчастным случаем. Я расспросил конюхов, они не ума палата, но рука на лошадь у них не поднимется, а госпожа Мирабелла... Она скорее бы отрубила Бьянко голову на площади и насадила на копье.

– Принадлежащее святому Алану, – уточнила Луиза, и все было кончено. Ухажер Селины и предполагаемая теща не смеялись – они выли в голос, утирали слезы и только что не катались по растрескавшемуся полу.

Луиза опомнилась первой:

– Прошу простить. – Хорошо, ресницы не покрашены, а то бы потекло. – Так от чего, по-вашему, погиб Бьянко?

– Колики, – объявил Рауль, – штука очень коварная и непредсказуемая, а выглядит как отравление, не отличишь.

– А с чего он мог заболеть? – Луиза окончательно отдышалась и глянула в открытую дверь: пусто, и слава Создателю. – Нет, Рауль, я вам верю, но я должна убедить Айрис.

– Я понимаю. – Офицер был страшно серьезен. – Когда мать и дочь ни в чем не соглашаются, это ужасно.

Если б только не соглашались! Герцогини надорские сожрать друг друга готовы. Капитанша подмигнула Левфожу:

– Наш долг – прекратить войну.

– Я к вашим услугам, – заверил Левфож. – Госпожа Айрис чувствует лошадей, но она была знакома лишь с местной... я бы не назвал это породой...

– Назовите их одрами, – подсказала капитанша, и Рауль снова фыркнул.

– Они ужасны, но неприхотливы, а Бьянко к таким, простите, – южанин задумался,

подыскивая слова, – к таким могилам не привык, да и корма сменились. Дорогих линарцев растят на всем лучшем, а тут коза и та затоскует. Конюхи говорят, госпожа Айрис гоняла Бьянко по холоду, он пил холодную воду, вот и не выдержал.

– Слишком быстро все произошло, – подняла голову дворцовая подозрительность, – у моего, прости Создатель, супруга колики случались, так ведь не с... не умер.

– Тут наложилось одно на другое, – наморщил лоб Левфож. – Начались колики, конь, чтобы избавиться от боли, принялся кататься по полу... Виконт Лар это увидел и побежал за госпожой Айрис и герцогом Окделлом. Пока он их искал, Бьянко становилось все хуже, конюхи попробовали ему помочь, да перемудрили.

Ларс, старший конюх, не хотел говорить, но я его... убедил. Болван признался, что напоил беднягу местной тинтой, думал, полегчает. Другому, может, и помогло бы, а Бьянко стал задыхаться. Похоже, отек гортани... С лошадьми такое бывает: сотня выпьет и спасибо скажет, а сто первой – конец.

– С людьми тоже бывает. – Этот довод Айрис поймет. Сама же говорила, что от ветропляски задыхается, а Ричарду с Дейдри хоть бы что. – Рауль, вам не кажется, что виконт Реджинальд задерживается? Кузина его заждалась.

– Да. – Теньент мечтательно улыбнулся, и вряд ли от мысли о загулявшем толстячке. – Госпожа Айрис каждый день ездит его встречать. Эти прогулки укрепляют ее здоровье.

А тебе позволяют водить в поводу кобылку Селины, ну и води на здоровье. Хороший ты парень, а папенька умрет, станешь бароном. Надо тебя в заговор затащить, заговоры сблизжают, а первая любовь рано или поздно складывает крылья. Должна сложить...

Госпожа Арамона убрала шитье:

– Я сейчас же поговорю с Айрис, а вам пора седлать коня. Или вы предполагаете остаться на ночь?

– О нет. – Левфож еще разок подмел пол алыми перьями. – Мое место рядом с моими людьми. Не хочу вас пугать, но на тракте беспокойно. Будем откровенны, провинция Окделлам не принадлежит. Монсенюру следует поторопиться с приездом и еще больше с отъездом.

2

Айрис сидела на сундуке и теребила перчатки, она вечно что-нибудь теребила. От камина несло закатным жаром, а мутные окна заросли ледяными папоротниками, дикость... Луиза переставила подсвечники и велела приткнувшейся в уголке Селине выйти. Дочка подхватила недонизанные бусы и скользнула за дверь, Айрис вздернула подбородок:

– У меня от Сэль тайн нет.

– А у меня есть. – Луиза уселась на еще теплый стул и поняла, что забыла вышивание, ну и кошки с ним. – Свои камни надо таскать самой, а не вешать на чужие шеи.

– Я не стану просить прощения, – девица Окделл предпочла взять быка за рога, – и молиться не пойду. Просить Создателя еще хуже, чем Манриков.

– А ты пробовала? – Луиза расправила шаль: шелковистые кисти напомнили об исчезнувшей Кончите.

– Нет, – отрезала молодая герцогиня. – Манрики – свиньи, а свиней не просят. Рыжие ничего хорошего никому не сделали, им нравилось, что они могут все.

– Это многим нравится, – пожал плечами капитанша, – и всегда нравилось, но равнять тессория с Создателем – это слишком.

– Создатель хуже. – Перчатки перелетели через комнату, одна достигла стола, другая свалилась на ковер. – Он создал Манриков, и Ракана, и все остальное... Ему нравится, что все плохо, но благодарить за это я не буду.

– Твое дело, – прервала богословский спор Луиза, – но твоя мать создала не Манриков, а тебя.

– Матушка ненавидит Монсеньора, – пустила в ход неубиенный довод дочь великого Эгмонта, – и она убила Бьянко.

Что ж, вот и повод для откровений!

– Бьянко никто не травил, – выпалила дуэнья, уподобившись своей воспитаннице. – Он сам сдох, и кто бы на его месте не сдох? Это люди могут здесь жить, а линарец – существо деликатное.

– Это ОНА так говорит, – буркнула Айри, за неимением перчаток принимаясь теребить юбку.

Госпожа Арамона с вожделением глянула на приткнувшуюся к камину кочергу.

– Это говорит Левфож, – вот ведь ослица злопамятная, – я ему верю и тебе советую. Парень предан Эпинэ и прекрасно разбирается в лошадях.

– Все равно, – вот что девочка никогда не делает, так это не опускает глаз, – значит, она подумала, что это слуги. Она всегда хотела, чтоб другие убивали по ее приказу. Вы не видели, как она радовалась, когда Бьянко... Это все равно что убить самой!

Луиза вздохнула.

– Герцогиня Мирабелла – немолодая, некрасивая, недобрая и несчастная женщина. Я понимаю, почему ты от нее сбежала, но теперь ты сильнее. Ты не в ее власти, но в твоей власти ее пожалеть, так пожалей.

– А вы? – не спустила флаг непокорная дочь. – Вы ее жалеете?

– Я? – Луиза усмехнулась. – Я тоже некрасивая, недобрая и немолодая. Не скажу, что жалею, но понимаю.

– Вы – добрая! – возмутилась Айрис. – Селина говорила... И я сама вижу, и вы красивая! Эйвон в вас влюбился и правильно сделал, только он старый совсем!

Она тоже не молоденькая, но услышать, что ты – мать, а не мармалюка, приятно. Не меньше чем узнать, что ты в свои за сорок слишком молода для графа. Ну а про Эйвона не заметим, сейчас он не нужен.

– Послушай, что я тебе скажу. – Может, поймет; не сейчас, так потом, ожегшись. – Твоя матушка с детства была обручена с одним человеком. Не знаю, любила она или нет, но женихом его считала. А потом ей сказали, что он встречается в столице с... с не очень хорошей женщиной.

– Он ее любил? – деловито уточнила невеста герцога Эпинэ. – Ту, с которой встречался?

– Вряд ли, – Луиза решила быть честной, – он просто... проводил с ней время.

– Ну и что? – взмахнула ресницами Айрис. – Монсеньор тоже встречался. У него даже бастарды есть, он же мужчина...

– Кто тебе сказал? – Вот и бери на себя заботу о распускающемся цветке, а это не цветок, а готовое яблочко. Славное такое, наливное, с червячками.

– Если мужчина спит с женщиной, – объяснила девица Окделл, – у них бывают бастарды, и в этом нет ничего страшного. То есть для мужчины нет. Хорошо, что новым королем будет сын Монсеньора. Фердинанда никто не слушал. Мне его жалко, не хочу, чтоб его убили.

Фердинанда Оллара жаль, собственную мать – нет, вот и решай, кто здесь мармалюка.

– Я тоже не хочу, – не покривила душой госпожа Арамона. Несчастный Оллар заслуживал выволочки, но не смерти. Айрис радостно улыбнулась:

– Сэль говорит, вы не верили, что я предала Монсеньора.

– Не верила, – подтвердила Луиза, – и сейчас не верю.

– Ну вот видите, – обрадовалась непонятно чему заговорщица, – а все остальные поверили. Даже Сэль.

– Селина не умеет врать, – сказала полуправду Луиза, – и не понимает, когда врут другие.

И еще дочка влюблена в того же синеокого красавца, что и ты, только без надежды.

Айрис оперлась рукой о подбородок.

– Хотите, я расскажу, как мы встретились с Монсеньором?
– Герцог Алва сказал, что ты приехала к брату. Когда просил меня переехать в его дом.
– Он сразу в меня влюбился, – мяукнула Айрис, – только не понимаю почему... Я думала, он меня прогонит, с ним один кавалер был, кудрявый, в бантах. Вот ему я точно не понравилась, а Монсеньор... Я хочу, чтоб у моих детей были синие глаза.

– Серые тоже неплохо. Айрис, когда мы отсюда уедем, ты будешь красить ресницы и брови.

– Хорошо. – Айрис было не до краски. – Понимаете, он сначала просто хотел жениться. Для наследника и вообще. Дикон ему сказал про меня, а Окделл лучше, чем Манрик или Придд... Рыцари часто женились на сестрах оруженосцев. Монсеньор купил Бьянко и прислал в Надор Дикона, а этот гаденыш...

– Вы еще помиритесь.

– Никогда, – тряхнула головой сестрица, – и Монсеньору не дам! Дикон все предал, понимаете, все! Расселся в доме Монсеньора, как... как стервятник, и совал мне женихов и приданое... Бархат и рубины... Клещ собачий! Когда домой приехал, на нем ни одной надорской нитки не было. Баловника отослал, потому что у него теперь мориска – Монсеньор подарил.

Монсеньор дарил, а он глотал, кукушонок несчастный, а потом... Все забыл, в своего Таракана вцепился! Повелитель Скал! Тварь болотная, жаба... Отравитель! Если б ему удалось, Монсеньора... уже бы не было! Всыпал яд и удрал! А я... Я на следующий день приехала.

– А это кто тебе рассказал?

– Краклиха... То есть Людовина Кракл. Помните, Фердинанд прислал пироги с земляникой, а они плевались?

– Не помню. – Фердинанд всегда посылал фрейлинам лакомства... Бедолага!

– Мы перемазались, пошли в туалетную, мыться. Тут дура белобрысая и шепнула, что мне гордиться нечем, потому что Дикон – убийца.

– Странно, что ты ее не побила.

– Графиня Рокслей пришла, – извиняющимся тоном сказала Айрис. – Я ее спросила: правда, что Дик отравил Монсеньора? Дженнифер велела Людовине извиниться, потому что еще ничего не известно. Краклиха извинилась, и тут я подумала, что Дик мог на самом деле... И что тогда Монсеньор не просто решил жениться. Он в меня влюбился, потому он и кукушонка этого простил.

– Он простил раньше.

– Нет, когда увидел меня... Если он после такой подлости меня за одно только имя не выгнал.

– Никогда бы не подумала, – удивилась Луиза, – никогда бы не подумала, что ты можешь так молчать.

– Могу молчать? – Недоумевающие серые глаза были хороши. Воистину молчание и удивление украшают.

– О том, что тебе наговорила эта... Кракл, я слышу только теперь. Сэль тоже не знала?

– Я не хотела, чтоб знали. Даже вы. – В серых омотах что-то плеснуло и ушло в глубину. – Вы – люди Монсеньора, если б вы узнали... Да я сама с собой из-за такого брата перестала бы говорить, и потом... Краклиха могла и соврать. Она ведь сплетница.

– И дура к тому же, – уточнила госпожа Арамона. – Только ты – это ты, а твой брат – это твой брат. Что бы он ни натворил, ты не виновата.

– Я тоже Окделл, – лицо Айрис стало грустным, – а мы только и делаем, что себя позорим. Я так хотела, чтобы все стало враньем и Дик просто уехал по делу. Ну мог же Монсеньор его куда-нибудь послать?

– Конечно, мог...

– А он в самом деле предал, – выдохнула Айрис. – Мне в Багерлее снилось, как они возвращаются с Монсеньором и вышвыривают Манриков. Я... Я думала, эти сны вещие.

Когда нас выпустили, я... Вы мне сказали, что неприлично все время говорить про Монсеньора, и я спросила про Дикона. И Краклиха... Я не хотела верить, не хотела!.. А он, оказывается... Письмо пришло, а там сплошной Ракан-Таракан! И дребедень всякая – лошади, серьги... Лучше б он сдох!

– Прекрати! – прикрикнула капитанша. – Ричард Окделл не первый и не последний. А ну, накинь шаль!

Айрис дернула головой и часто задышала. Слишком часто! Луиза ухватила меховое одеяло и замотала воспитанницу по самый нос.

– Ты третий месяц твердишь, что у тебя нет брата. Его и нет. Забудь. К приезду Эпинэ ты должна быть здорова. Поняла? Ради твоего Монсеньора!

– Я буду, – пообещала Айрис, – пусть все знают, что я, хоть и Окделл... Я достойна имени Алва.

– Всем знать как раз и не следует, – напомнила Луиза. – Время неподходящее.

– Это потом, – утешила девица, – когда мы будем вместе в Алвасете. Госпожа Арамона, я так его люблю... Вы не понимаете...

– Отчего же, понимаю. В первый раз всегда так.

– Не в первый, но в последний.

– Не в первый? – Сегодня вечер откровений. – Какая ты опытная.

– Я влюбилась в Джеймса Рокслея, – Айри по-кроличьи дернула носом, – мне было тринадцать лет, только он на меня не смотрел.

– Ты была маленькая, и тебя плохо одевали, – утешила Луиза.

– В серое, как Эдит и Дейдри. Когда я увидела Монсеньора, было еще хуже, а он как вошел, так и замер... Если б он в меня не влюбился, он бы меня выгнал. Из-за Дикона.

Выгонишь такое... Это хуже, чем котенка выбросить.

– Айрис, почему герцог Эпинэ решил тебе помочь? Он ведь решил?

– Монсеньор ему спас жизнь, – объяснила заговорщица, – а Робер – Человек Чести! Они с Монсеньором станут как братья, а я буду Эпинэ сестрой. Госпожа Арамона... Нехорошо, что Сэль не хочет замуж! Давайте сделаем так, чтобы она вышла за Эпинэ.

– Айрис, – вздохнула Луиза, – Эпинэ – герцог, а Селина...

– Сэль – красавица, – отрезала юная герцогиня. – Рамиро Алва женился на Октавии, а она вообще была никто. И Франциск на ней женился, и все с ней были счастливы, и Робер будет.

– Со святой Октавией? – улыбнулась Луиза.

– С Сэль, – прыснула Айри, – это я напутала. Эпинэ, он ведь тоже красивый. Вы заметили?

– Разумеется, – кивнула Луиза, – очень красивый и очень порядочный. Мы не должны его подвести. Робер хочет спасти Монсеньора, он не обидится, если мы напишем Савиньяку?

– Конечно, нет, – подпрыгнула Айрис. – Я хотела Реджинальда попросить, но он где-то застрял, а сама я обещала из Надора не уезжать, хотя я могу...

– Ты можешь. – Луиза поняла, что гладит пепельные волосы, только почувствовав под пальцами живое тепло. – Ты многое сможешь и многое вынесешь... Завтра я переговорю с Левфожем, только сначала одна. Хорошо?

– Конечно, – согласилась Айри. – У вас лучше получится. Робер приедет, мы возьмем солдат Лионеля и вернемся за Монсеньором.

– Эреа Айрис. – Унылый слуга откровенно наслаждался жарой. – Ужин подан в трапезной, но госпожа герцогиня ужинает у себя.

– Ну и хорошо, – выпалила Айрис и вдруг добавила: – Госпожа Арамона... Я завтра попробую помириться с матушкой... Я в самом деле попробую.

Айри-то попробует, осталось уговорить Мирабеллу. Госпожа Арамона деловито поправила своей подопечной прическу:

– Не надо спешить. Первый шаг должна сделать эреа Мирабелла.

Глава 2 Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

1

– Брат мой, вас спрашивают, – пожилой монах говорил шепотом, но Катари все-таки услышала и открыла глаза.

– Тебе нужно идти? Иди...

– Тише. – Робер тихонько сжал хрупкое запястье: оставлять сестру, хотя бы и у Левия, было страшно. – Кому я понадобился?

– Наш гость назвал себя генералом Карвалем. Он очень настойчив.

– Карваль? – переспросила Катари. – Твой капитан? Это, наверное, важно.

Это важно без всяких «наверное», Никола настаивает только тогда, когда не может решить сам, а такое бывает нечасто.

– Я узнаю, в чем дело, и вернусь.

– Не нужно, – женщина осторожно высвободила руку, – со мной все хорошо... Его высокопреосвященство меня не оставит, а ты нужен другим. Только приходи вечером, я должна знать, что с ними... С герцогом Алвой и... моим мужем.

– А что с ними может быть? – улыбнулся Иноходец. – Суд провалился, их вернули в Багерлее. Вот увидишь, весной твоему величеству придется вступаться за нас с Карвалем. Ты не позволишь отрубить мне голову?

– До весны надо дожить. – Катари или не поняла шутки, или не захотела понять. – Отодвинь занавеску, пожалуйста.

– Сейчас. – Робер потянул черный бархатный шнур. Серебристое полотнище поползло вверх, открывая предрассветную тяжелую синеву, сквозь которую прорастали звезды. Ночь кончилась, а он и не заметил.

– Какая я гадкая, – Катари перебросила на грудь спутанные волосы, – спала, как сурок, а о тебе не подумала. Ты ведь сидел со мной всю ночь?

– А с кем мне еще сидеть, – отмахнулся Робер, – разве что с Клементом. Это мой крыс, я его в Агарисе подобрал. Ты боишься крыс?

– Нет, – она все-таки улыбнулась, – теперь, наверное, нет. Я боюсь только людей. Твоего Альдо боюсь...

– Он тебе ничего не сделает, – поспешно выговорил Робер, – ты – женщина и гостья кардинала.

– Мне – нет, – тонкие пальцы то ли разбирали светлые прядки, то ли путали, – но тебе... Твой король – жестокий человек. Ты не представляешь, как Фердинанд любит Алву, а его заставили лгать. Фердинанда пугали не просто смертью... Боюсь... Боюсь, они обещали что-то сделать со мной.

Похоже на то, только вряд ли сюзерен запугивал Оллара сам. Поручил очередному Морену, знавшему, на чем поймать бывшего короля. Другое дело, что Альдо дал понять, чего ждет от следствия. Эпинэ поцеловал сестру в лоб.

– Я пошел к Карвалю. Ничего не бойся, отдыхай, жди меня вечером. И выкини из головы всякие глупости. Для тебя главное – сын, вот о нем и думай.

– Не могу. – Катарина виновато улыбнулась. – Наверное, я больше королева, чем мне казалось... Я хотела быть просто ждущей ребенка женщиной и не сумела... Я всегда думала, что не хочу короны, и я ее не хотела, клянусь тебе! Но когда Манрики бросились на Эпинэ, во мне что-то взорвалось, а теперь еще хуже... Будь твой Ракан добрым рыцарем из сказки, в которого я верила, я бы просто жила, а он губит Талиг. Это судилище... Я однажды потеряла

ребенка... Испугалась, пошла кровь... Мне казалось, ничего страшней быть не может, но когда рушится все, чем мы жили...

Робер, я хочу убить Альдо Ракана, а я ведь никого не хотела убивать... Никогда. Даже Сильвестра. Я не умела ненавидеть, только плакать, а теперь ненавижу!.. Не за себя. За всех, кого убили и убивают... Фердинанд был так счастлив, когда выпустил всех из Багерлее, а Ракан... Он хочет крови, как... как Манрик с Колиньярами, но Манрик не король, и Ракан не король...

Не король, это очевидно, поэтому нужно что-то наконец сделать. К счастью, время теперь есть. Благодаря Левию и Катари.

– Спи, – велел Робер развоевавшейся горлинке, – позабудь обо всем и спи. Ты сделала, что могла, дальше не твоя забота.

– Извини, – она виновато улыбнулась, – я не должна была так говорить о... о твоём друге и сюзерене.

– Альдо мне больше не друг и даже не сюзерен, – глядя в эти глаза, нельзя врать, – но убить его я не дам, постараюсь не дать. Попробуй меня понять, ведь ты не оставила ни Фердинанда, ни Алву...

– Я понимаю, – тихо произнесла женщина, – я все понимаю... Да смилуется над тобой святая Октавия. Иди, твой генерал ждет.

2

– Монсеньор! – Карваль с неудовольствием глянул на монаха, и тот незамедлительно покинул пропахшую шадди комнатку. – Я был вызван во дворец и получил приказ непосредственно от Альдо Ракана. Приказ весьма странный, чтобы не сказать иначе. Мне предписано прочесать юго-восточные предместья и окрестности. Там якобы видели два больших кэналлийских отряда, но мои разъезды ни о чем подобном не доносили.

– Кэналлийских? – переспросил Робер, отгоняя внезапно навалившийся сон. – Здесь? Бред!

– Полагаю, монсеньор, – предположил Никола, – мне предстоит гоняться за несуществующими доказательствами.

– Думаешь, ряженые? – Эпинэ потер виски, потом провел ладонями по бровям. – В таком случае неплохо поймать пару человек.

– Я постараюсь, – заверил маленький генерал. – Альдо Ракану полезно получить своего петуха в чужих перьях. Могу я узнать, как здоровье ее величества?

– У нее лихорадка. – Хотела Катари или нет, для Карваля она вчера стала королевой, и вряд ли только для Карваля. – Ей не следовало появляться в этом вертепе даже с людьми Левия.

– Ее величество настоящая Ариго. – Никола светился гордостью за родную провинцию. – Монсеньор, я отбываю. С вами остается граф Пуэн и пять сотен человек.

– Хватит и пары сотен, – не согласился Робер, – вряд ли сегодня что-нибудь случится.

– Не могу разделить вашу уверенность. – В голосе Карваля звучало неподдельное сожаление. – Вынесение приговора способно вызвать стихийное возмущение.

– Вынесение приговора? – пробормотал Робер, разминая вдруг затекшие пальцы. – Но ведь суд отменили.

– Как же! – Лицо Карваля стало злым. – Простите, монсеньор, я думал, вы знаете. Из обвинения вычеркнули несколько строчек и перенесли заключительную речь прокурора и слово обвиняемого на утро, только и всего.

– Закатные твари! – Эпинэ вновь потер виски, унимая бешенство. – Они хотят его убить. Несмотря ни на что...

– Да, монсеньор, – подтвердил Никола, – и это не только отвратительно, но и глупо. Тем не менее я должен ловить кэналлийцев, а вам нужно ехать в Гальтарский дворец.

Разрешите идти?

Робер взглянул в светлеющее окно. Утро молочников и булочников перерастало в утро чиновников и судейских. Заезжать домой и тем более ложиться спать смысла нет.

– Карваль, прошу вас задержаться еще на минуту. Вы отправляетесь за город ловить кэналлийцев, а уверены ли вы в том, что они не прячутся возле Багерлее? Не бросят же они собрано на произвол судьбы. Вы не согласны?

Мир вокруг медленно наливался красным, Робер на мгновение прикрыл глаза, и все стало на свои места, только слова кончились, вернее, не кончились, а замерли, как испуганные кошки. Никола Карваль верен, но до какой степени? Хватит ли его на то, чтоб переступить через ненависть к Ворону?

– Монсеньор, – маленький генерал зачем-то вытащил кинжал, тронул лезвие и сунул обратно в ножны, – если у вас будет время проехать по городу, то, на мой взгляд, имеет смысл осмотреть окрестности Голубиной площади. Я был там прошлым вечером. Признаюсь, это место меня беспокоит.

– А что с ним такого? – Ему кажется или они думают об одном и том же?

– Вы помните заколоченный дом в Шляпном переулке? – сощурился маленький генерал. – Возле него растет старый клен. Если дерево упадет, оно перекроет дорогу. Улица узкая, карете не развернуться, а дворами можно проскочить до Капустной. Если кэналлийцы захотят отбить своего герцога, это место им понравится.

– Для начала нужно, чтобы узника из Багерлее повезли именно в Занху, а заговорщиков собралось не меньше трех десятков.

– Четырех, – поправил Карваль. – Три десятка во дворах и с десятков на крышах с мушкетами.

Сегодня Ворона осудят, а еще через пять дней убьют, то есть казнят. Если не вмешается кардинал, послы и судьба... Если они с Карвалем не свалят старый клен.

– Вы опасаетесь нападения? – Сердце подскочило и заколотилось, как в детстве на подходе к барьеру. – Или знаете о нем?

– Альдо Ракан отправляет нас ловить кэналлийцев. – Никола и не подумал опустить взгляд. – Если б я захотел освободить герцога Алва, то выбрал бы Шляпный. У кэналлийца много сторонников и становится все больше. Они не позволят его убить.

Осталось всего ничего, сказать вместо «они» «мы» – и заговор готов. Конечно, можно и промолчать...

– Вы возьмете Шляпный на себя? – отдельно произнес Эпинэ, сжигая последний и без того плохонький мостик.

– Да, но будет лучше, если мои люди получают приказ о дополнительном патрулировании Старого города. Герцог Окделл весьма щепетилен, когда речь заходит о полномочиях.

– Вы хотите сказать, глуп? – Если предстоит драка, вранье лучше отбросить. – Дик слишком молод, и он рано потерял отца.

– Я своего отца не помню, – набычился коротышка, – но это ничего не меняет. Если я предам, меня следует расстрелять, если не справлюсь с тем, что мне поручено, – разжаловать.

– А вы можете предать? – Они говорят о Диконе или сговариваются о нападении?

– Нет, монсеньор, – лицо маленького генерала стало странно торжественным, – на мою верность вы можете рассчитывать. Я выполню любой ваш приказ. Почти любой.

– То есть? Что значит «почти»? Договаривайте.

– Я не оставлю вас, даже если вы прикажете, – отчеканил Карваль, – и не только я. Мы в вашем распоряжении, монсеньор. Пока речь не идет о вашей жизни.

– Моя жизнь недорого стоит.

– Мой герцог, – свел брови южанин, – мы сами решаем, чему служить и за кого умирать. Если понадобится, мы это сделаем не хуже Алвы.

Спорить бесполезно. Никола не уступит, и Сэц-Ариж, и Дювье со своими теперь уже

драгунами, и Форестье. Как там говорил Спрут – «мои люди слушают только меня»? Стали бы лиловые спасать своего герцога вопреки его приказу?

– По Гальтарским кодексам казнь назначат на утро пятого дня после оглашения приговора. Вам хватит времени?

– Должно. – Коротышка вновь был спокоен и деловит. – Лучше, чтоб это была Занха, но деревья растут и на других улицах.

Моро кэналлийцу пока не видать. Вернуть коня – все равно что расписаться в похищении, значит, нужно добыть мориска или хотя бы полукровку.

– Нужно подыскать подходящую лошадь.

– Лошадей, – поправил Карваль. – Я знаю, где купить полуморисков.

– Деньги возьмете у меня. – Он должен задать этот вопрос, не может не задать. – Вы понимаете, кого решились освободить?

– Разумеется, монсеньор, – подтвердил Никола. – Я освобождаю Талиг. Могу ли я вернуться к своим обязанностям?

– Отправляйтесь. – Эпинэ внезапно понял, что улыбается. – Желаю вам обнаружить побольше... кэналлийцев.

3

Я вас предупреждаю, вам же хуже,
Коль скоро вы отринете совет,
Хлебнете вы неисчислимых бед,
Я вас предупреждаю, вам же хуже...
У вас ни памяти, ни чести нет,
Свинья душой, ступайте ж в вашу лужу...
Я вас предупреждаю – вам же хуже,
Коль скоро вы отринете совет.

Почему-то вспомнилось, что эта мерзость называется триолетом. Триолет был выведен каллиграфическим почерком на оборотной стороне выписок из кодекса Диомида, которыми снабдил Высоких Судей еще Кракл. Под виршами виднелась прозаическая приписка. Граф Медуза лаконично уведомлял герцога Окделла, что в случае вынесения герцогу Алва смертного приговора он, Суза-Муза, возьмет дело в свои руки, и горе тем, кто встанет у него на пути. Далее следовала подпись и печать со свиньей на блюде. Неведомый затейник продолжал свои шуточки на глазах у целой армии военных и судейских...

Дрожа от ярости, Дикон перечитал послание. Граф был верен себе, кусая именно тогда, когда про него забывали. Подлец пролезал в самые невозможные щели, путая следы не хуже знаменитого лиса-призрака ². *«Я вас предупреждаю – вам же хуже...»* Безграничная наглость, но кто за ней стоит? Найденный было ответ после исчезновения Удо обернулся новыми вопросами. Тех, кто не мог быть Сузой-Музой, Дик знал наперечет, но не подозревать же всю столицу.

– Монсеньор. – Помощник экстерриора казался смущенным. – Монсеньор... Вам не попадалось в бумагах адресованного вам послания вызывающего содержания?

– Нет. – Дикон торопливо облокотился на злосчастный кодекс. – А что, кто-то получал?

– Господин гуэций, господин супрем, господин обвинитель, а также большинство Высоких Судий, – с готовностью перечислил чиновник. – Им были подброшены

² Изначально персонаж варитской мифологии, затем – герой множества сказок и легенд, рассказываемых на севере Золотых земель. Лис-призрак помогает воссоединиться разлученным влюбленным, в качестве платы за свои услуги обманом выторговывая первенца объединенной пары.

оскорбительные стихи с угрозами.

– Вот как? – Начав врать, нельзя останавливаться. – Что ж, писавший, кем бы он ни был, знает, что угрожать Окделлам бессмысленно.

– Письма подписал так называемый граф Медуза, – сообщил судейский. – Монсеньор, возможно, есть смысл просмотреть бумаги на вашем столе?

– Нет. – Показывать вирши не хотелось, а для расследования хватит и того, что нашли. – Мне ничего не подбрасывали. Покажите мне то, что подкинули герцогу Придду.

– Конечно, монсеньор...

Любопытно, чем припугнули Спрута? Ричард протянул руку, в нее послушно лег плотный лист. Начало было до отвращения знакомым:

Я вас предупреждаю, вам же хуже,
Коль скоро вы отринете совет,
Вам лучше не родиться бы на свет,
Я вас предупреждаю, вам же хуже,
Достойней дать единственный ответ,
Чем спорить со свиньей неуклюжей...
Я вас предупреждаю, вам же хуже,
Коль скоро вы отринете совет.

– Герцог Окделл читает чужие письма? – Валентин Придд собственной персоной стоял за спиной чиновника. – И почему это никого не удивляет?

– Поимка Сузы-Музы входит в обязанности гражданского коменданта Раканы, – отрезал Дикон, бросая злополучный листок на стол.

– В таком случае нашему таинственному другу ничего не грозит. – Длинные пальцы ухватили послание. Словно щупальца. Придд пробежал глазами письмо и аккуратно сложил. – Граф настроен весьма решительно, впрочем, в том, что касается меня, он прав. Я и впрямь злоупотреблял вашим вниманием.

– О нет! – Дику удалось выдавить из себя улыбку. – Что вы скажете насчет совместной прогулки после обеда?

– Если мы покончим с судейскими обязанностями, – уточнил Спрут, – в противном случае нас могут счесть дезертирами.

– Разумно, – согласился юноша и, чтобы не видеть Придда, уткнулся в обвинительный акт. Черные строчки доносили об убийствах, нападениях, злоупотреблениях, но вдуматься в написанное не получалось, может быть, потому что главного в бумагах не было и о нем не знали ни Фанч-Джаррик, ни гуэций, ни Спрут.

Можно спорить, был ли Ворон сообщником Сильвестра и кто убил Оноре. Можно простить Алву, как простила Катари, это ничего не меняет. Объединение Золотых земель под скипетром Раканов в опасности, пока жив законный потомок Рамиро, и виновны в этом не Альдо и не Ворон, а недостойные собственной крови древние короли...

В конце прошлого круга, круга Молнии, из четырех Повелителей выжил лишь хозяин круга Шарль Эпинэ. Последним погиб Повелитель Скал, оставив грядущий круг малолетнему сыну. Все повторяется, но отчаянье сменила надежда. Смерть Повелителя Ветров в начале круга Ветра положит конец безвременью и смутам, а его сын не будет расплачиваться за преступления предков. Понимает ли это Алва? Наверное, иначе бы не прекратил бороться.

Ворон сложил оружие не у эшафота Оллара, а здесь, в зале Гальтарского дворца, взглянув на того, кого всю жизнь спасал. И на того, с кем пытался сражаться.

«Король Талига не может лгать», и молчание... Ворон мог рассказать о многом, мог отомстить, облить позором, утянуть за собой десятки людей, а он смотрел в стену, иногда по

привычке огрызаясь. Нет, Алва не спустил флаг, не сдался, он умер, как жил, с гордо поднятой головой, но борьба для него потеряла смысл. Как страшно понять, что ты прожил жизнь, защищая предавшее тебя ничтожество, но отступать Ворону некуда. Только в Закат, и это будет конец вражды и войны. Конец Золотого Договора и начало новой Золотой Анаксии от Седого моря до Померанцевого.

Глава 3 Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

1

– Ваше высокопреосвященство, господа судьи, господа послы, сейчас вы услышите то, что не успели услышать вчера из-за внезапной болезни госпожи Оллар. Поскольку нынешнее заседание является продолжением вчерашнего, Высокий Суд не просит вас встать. Господин Фанч-Джаррик, вы продолжаете утверждать, что обвиняемый виновен?

– Да, господин гуэций, – церемонно кивнул Фанч-Джаррик.

– Высокий Суд слушает. – Кортней излучал уверенность, все-таки не зря он стал супремом, вчерашние откровения скатились с него как с гуся вода.

Обвинитель утвердился на кафедре и развернул длинный свиток, заменивший разрозненные листы. Наверное, так было нужно.

– *Ваше высокопреосвященство*, – прочитала ученая горошина, монаршей милостью выкатившаяся в дыни, – *Высокий Суд, господа послы, обвинение считает доказанным, что присутствующий здесь Рокэ Алва виновен в преступлениях двоякого рода. Первые могут быть отнесены к тем, за что подлежали смертной казни уже в Гальтарские времена, про другие кодекс Эрнани и кодекс Доминика в его первоизданном виде молчат, но не потому, что наши предки были склонны прощать подобные деяния! Они были слишком чисты сердцем, чтобы допустить саму возможность подобного. Лишь в последних дополнениях к кодексу Доминика, в кодексе Лорио Кроткого и протоколах Клеменция Шестого, появились описания преступлений, подобных тем, что совершал обвиняемый, что и было доказано в ходе процесса. Сейчас же я ограничусь кратким перечнем преступных деяний Рокэ Алвы, отдав приоритет первой категории...*

В Фанч-Джаррике, без сомнения, погиб ликтор, но вранье не становится правдой, сколько раз его ни запиши. Вчера суд начал походить на суд, сегодня он вновь стал мистерией. Обвинитель, не краснея, зачитывал опровергнутую свидетелями дурь, остальные слушали, как обвиняемый *«возглавил до сих пор не раскрытый до конца заговор, одним из участников которого является Чарльз Давенпорт. Подсудимый и Давенпорт замыслили и осуществили нападение на кортеж его величества Альдо Первого, на собравшихся в Тарнике офицеров, вставших на сторону законного короля, а также на Первого маршала Талигойи герцога Эпинэ и маршала Симона Килеан-ур-Ломбаха»...*

Эпинэ перевел взгляд на Ворона, тот сидел, слегка запрокинув голову и прикрыв глаза, длинные пальцы бездумно перебирали цепь. В Сагранне он точно так же молча играл сапфирами, а за стеной завывали местные волынки и плясали счастливые бакраны. Плясал ли кто-нибудь в Олларии в честь победы Ракана?

– *...неоспоримые доказательства сговора герцога Алва с Чарльзом Давенпортом, — бубнил Фанч-Джаррик, — каковой Давенпорт, будучи оставлен в столице и переведен в Личную охрану Фердинанда Оллара, действовал в соответствии с отданными подсудимым распоряжениями. Следуя оным распоряжениям, Чарльз Давенпорт хладнокровно застрелил маршала Генри Рокслея и бежал, чтобы присоединиться к отряду кэналлийцев, во главе*

которого ворвался в Тарнику и зверски умертвил шестнадцать преданных его величеству офицеров, не ожидавших подобного вероломства. ..

Альдо читал этот бред, не мог не читать, и оставил, как есть. Даже после показаний Пьетро и криков Фердинанда. Сюзерен решил идти до конца, значит, осталось пять дней, за которые нужно добыть кэналлийское платье, сменить лошадей, позаботиться о караулах вдоль дорог...

– *Сторонники Давенпорта действуют и сейчас. Даже лишившись своего предводителя, они продолжают преследовать друзей и соратников его величества. Не далее как шестнадцать дней назад их руки обагрила кровь герцога Эпинэ, и только сверхъестественное мужество Повелителя Молний и его мастерство бойца сохранили герцогу жизнь. Не может быть сомнений в том, что эти смерти на совести подсудимого, отдавшего Давенпорту приказ истреблять верных престолу людей и сеять ужас на дорогах, дабы лишить жителей Раканы подвоза продовольствия. ..*

Главное, вытащить Ворона из столицы и замести следы. Альдо вовремя выдумал кэналлийцев и страшного Давенпорта. Тот, кто перебил в Тарнике верных Раканам офицеров, освободит и Алву. Не верить во второе – значит назвать ложью и первое. Жаль, Люра не узнает, как его вранье спасло жизнь его же палачу.

– *...Жажда убийства, которой одержим подсудимый, неоднократно толкала его на немыслимую жестокость, – строго объявил Джаррик. – Первым преступлением, совершенным герцогом Алва, преступлением, с которого началась его черная дорога, стало убийство его непосредственного воинского начальника генерала Карлиона. Завершила же кровавую дорогу резня, случившаяся в восьмой день Осенних Волн минувшего года, когда Рокэ Алва собственноручно убил находящегося при исполнении своих обязанностей маршала Талигойи Симона Люра графа Килеан-ур-Ломбаха, а с ним пятерых офицеров и одиннадцать солдат его величества Альдо Первого, исполнявших свой долг.*

А может, не рядиться в чужие перья и поднять честный мятеж? Отбить Алву и угробить Дикона с кучей горожан в придачу? Жители столицы в стороне не останутся, а когда обыватели прут на солдат, города захлебываются кровью. Толпу не уймёт даже Ворон, толпа не разбирает, толпа не боится, толпа не милует, она понимает только силу. Вырвавшуюся ярость можно затоптать лошадьми, вымести картечью, загнать в горящие дома, но лучше до этого не доводить.

– *В начале минувшего года подсудимый вступил в преступный сговор с ныне покойным Квентином Дораком, незаконно и богохульственно присвоившим себе титул кардинала Талигойского. Начавшаяся с детоубийства так называемая Октавианская ночь унесла множество жизней. Святой Оноре умолял герцога Алва остановить резню, но ответом ему был смех. Алва бездействовал, пока гибли невинные, когда же план Дорака был выполнен, обвиняемый своими руками уничтожил главного свидетеля – лжеепископа Авнира, оборвав тем самым нити, ведущие к Дораку.*

Обвинитель перевел дух, на тугой младенческой щеке плясал солнечный зайчик, день вообще выдался ясный, не то что вчера. В день несостоявшейся казни и в день коронации тоже было солнечно. Солнце видело, как рвали на куски Вешателя, и от отвращения позеленело. Других тоже разорвут, и виновных, и невинных...

– *Несомненна вина подсудимого и в событиях, недавно потрясших Ракану. По приказу Алвы недобросовестные негоцианты продали короне гнилой лес, что стало причиной трагедии в Доре, однако последствия могли быть еще страшнее, потому что гнилые доски предназначались для строительства нового моста через Данар, укрепления осыпающихся берегов и ремонта храма Святого Доминика. ..*

Дора – это тоже Ворон?! Додумались, хотя надо же чем-то заткнуть пробитые Левием и Катари дыры. Сестра и кардинал сделали все, чтобы предотвратить убийство. Не удалось. Значит, придется убивать гимнетов и цивильников. Значит, будут казнить заложников... А что, если пустить в дело Джереми? Переодеть в кэналлийца и пристрелить на месте драки? Замечательная мысль! До такого только после бессонной ночи и додумаешься. Джереми Бич

– доверенный слуга Ричарда Окделла, присягнувшего Алве. Свалить нападение на Джереми все равно что донести на Дика. Что ж, будем играть в Хуана, или как там его зовут, и скажем спасибо господам судьям за Фердинанда. После вчерашнего об Олларе можно забыть. И ему ничто не угрожает, и сам он такой никому не нужен. Алва свободен от своего короля, такое предательство убьет любую верность...

– *Наши предки не могли предположить, что власть законных королей падет и меч Раканов окажется в чужих руках, —* Фанч-Джаррик смотрел уже в конец свитка, *— тем не менее герцог Алва не желает возвращать меч законному обладателю, не только присвоив чужую собственность, но и оскорбляя чувства всех подданных его величества, для которых меч Раканов является величайшей ценностью.*

Солнечный луч скользнул по лицу подсудимого, Рокэ глубоко вздохнул, приоткрыл глаза и снова закрыл. Эпинэ охотно бы последовал его примеру, но проявлять неуважение к Высокому Суду может первый маршал Талига, но не Талигойи.

– *...подводя итог, обвинение полагает доказанной вину герцога Алва в намеренном, неоднократном публичном оскорблении дома Раканов и его величества лично, множественных убийствах талигойских подданных, в том числе офицеров и солдат, исполнявших свой долг, подстрекательстве к убийствам, неповиновении короне и иных преступлениях, а также в злоупотреблении властью, присвоении чужого имущества и преступном бездействии.*

Фанч-Джаррик иссяк, и стало чудовищно тихо, только танцующее на витражах солнце, смеясь, забрасывало почуявших кровь людей разноцветными лепестками: синими, красными, лиловыми, желтыми.

– Высокий Суд выслушал обвинение, – слова гуэция были круглыми и тяжелыми, как булыжники, – Высокий Суд готов выслушать обвиняемого.

2

– Высокий Суд готов выслушать обвиняемого. – Жезлы судебных приставов согласно ударили об пол, и все смолкло. Не будь утреннего сговора с Никола, Робер бы не выдержал этой тишины. Даже теперь она казалась жуткой, словно сквозь переполненный зал прошел кто-то невидимый и безжалостный. Первым не выдержал Кортней.

– Герцог Алва, – голос гуэция сорвался на крик, – вы будете говорить?

– Простите, – Ворон очень медленно открыл глаза, – задумался... Вы не находите, что сегодня отменная погода?

– Герцог Алва, – половина лица супрема была лиловой, половина – золотистой, – вы находитесь перед судом, и вам предоставлено последнее слово. Разговоры о погоде неуместны.

– Да, действительно, – согласился Ворон, – в погоде меня, кажется, не обвиняли. Господин Джаррик, вас не затруднит передать мне ваши записки, а то я боюсь что-то пропустить...

– Это против правил, – отрезал обвинитель. – Впрочем, если на то будет воля Высокого Суда, я готов предоставить обвиняемому копию.

Кортней глянул на Алву. Тот пожал плечами и прикрыл ладонями глаза. Встать нужным он не счел, и ему никто не напомнил.

– Предоставьте. – Гуэций кивнул прокурору и торопливо ткнулся в бумаги. Он не знал, что в Шляпном переулке смотрит свой последний зимний сон старый клен.

– Обвинение исполнит волю Высокого Суда. – Фанч-Джаррик с недовольной миной протянул судебному приставу желтоватый лист. Пристав торопливо, словно боясь обжечься, сунул акт Ворону.

– Благодарю... – Кэналлиец рассеянно принял бумагу. – Так... государственная измена... Это не ко мне, а к господину в перевязи и десятку мерзавцев, которых я прикончил... если не ошибаюсь, в восьмой день Осенних Волн уже прошлого года. Теперь

предъявить обвинения покойным могут разве что закатные кошки, предоставим это им... Дальше у вас... Ага... множественные убийства. Тут, как говорится, на войне как на войне... Врагов моего короля и моего королевства я убивал и убивать буду, иначе какой же я Первый маршал Талига.

Властью я не злоупотреблял. Я ее употреблял по назначению. Уничтожал врагов Талига и тех, кто по глупости или трусости играл им на руку, а вот бездействие... Чего не было, того не было. Это покойный Карлион бездействовал, в связи с чем мне и пришлось злоупотребить пистолетом по причине отсутствия власти.

Неповиновение короне? Смотря какой. Приказы моего короля я исполнял неукоснительно, что до корон дриксенской и гайифской, то увы... Их приказы исполняли те, кого я убивал по долгу службы и велению сердца.

Оскорбление величества и дома Раканов... Налицо явная путаница. В доме Раканов, как и везде, попадались всякие. Кто-то являлся оскорблением для своего рода, кто-то – наоборот. Я им не судья, но при чем здесь отсутствующий молодой человек в белых штанах? Он не станет королем Талига, даже сняв оные согласно гальтарскому обычаю. Впрочем, если ему приятно считать себя оскорбленным, я никоим образом не возражаю.

Что там у вас еще? Ах да... Чарльз Давенпорт, подрядчики и меч... Судя по всему, речь идет о тенъенте, которому я устроил выволочку на предмет исполнения приказа первого из убиенных мной Килеан-ур-Ломбахов... Вот где, кстати говоря, имело место преступное бездействие. Судя по всему, урок пошел молодому человеку впрок. Надеюсь, господин Давенпорт продвинется по службе дальше своего отца. Тот – хороший генерал, но маршалом станет вряд ли.

Подрядчики с гнилыми досками? Могу посоветовать повесить тех, кто эти доски покупал, это обычно помогает... И что у нас осталось? Поразивший воображение моего бывшего оруженосца меч?

Будь он в той же степени дорог королеве Бланш, она бы утащила его с собой вместе с драгоценностями, среди которых затесались и фамильные камни Людей Чести, пожертвованные на защиту тогда еще Кабитэлы... Королева решила, что камни важнее дурно откованной железки, и я ее понимаю. Как бы то ни было, меч достался Олларам, и они имеют на него не меньше прав, чем предки Готфрида на марагонские изумруды, которые они, в смысле предки, выковыряли из чужой короны и вставили в свою. Господа, я удовлетворил ваше любопытство?

Господа смотрели на бледного черноволосого человека, как на выходца. Первым очнулся супрем.

– Это все?! – Вороном называли Алву, но каркнул именно Кортней. – Все, что вы можете сказать в своем последнем слове?

– В последнем? – поднял бровь Алва. – Последнее слово я скажу не сейчас и не вам. Можете удаляться и совещаться, мне вам сказать нечего, вам мне – тем более!

Глава 4

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

– Эории Кэртианы, – голос Альдо звучал резко и звонко, словно перед боем, – сегодня мы впервые собрались в Зале Зверя, зале Малого Совета. Сюда могут входить лишь главы Великих Домов, их кровные вассалы и гимнет-капитаны. Мы желали бы, чтобы призвавшее нас дело было иным, но долг следует исполнить, как бы тяжел он ни был. Нам предстоит

решить судьбу Повелителя Ветра, обвиненного во множестве преступлений. Будь этот человек крестьянином, ремесленником, ординаром, его участь определил бы обычный суд, но речь идет о главе Великого Дома. Древний закон гласит – равного судят равные. Пусть гимнеты выйдут и закроют двери. Мы не покинем Зала Зверя, пока не примем решения. Да будет так! Орстон!

– Так и будет! – откликнулся Мевен, замирая у порога.

– Мэратон! – Одри Лаптон встал за креслом государя, очередной раз напомнив, что отравитель еще не пойман.

Пальцы сюзерена легли на эфес шпаги. На ее месте должен быть меч, тот самый, что Дикон держал в руках после покушения на Ворона.

– Хозяин Круга, Повелитель Скал, – знакомые слова в Зале Зверя обрели новый смысл, – готов ли твой Дом сказать свое Слово?

Дикон поправил цепь Найери, просто для того, чтобы коснуться прохладных опалов. «Умереть за государя просто, – учил Лорио Отважный, – сложнее удержаться над головой повелителя видимую лишь тебе скалу». И что с того, что скалу по имени исповедь Эрнани видит не только Ричард, но и сам Альдо? Это ничего не меняет. Так вышло, что шкатулку с завещанием открыл Повелитель Скал, став поверенным позора Раканов и Приддов, но на Изломе случайностей нет. Исповедь труса скрепила дружбу сюзерена и вассала. Это больше чем верность, даже больше чем Честь. Это таинство, доступное лишь двоим, и есть Сердце Зверя, и нет в мире ничего выше и крепче!

– Дом Скал готов. – Как странно звенит голос, словно в пещере! – Дом Скал ответит.

– Здесь ли твои кровные вассалы?

– Трое моих братьев здесь, а Джон-Люк Тристрам в пути.

– За него скажет Повелитель, и будет так, как он скажет!

– Повиновение государю.

– Мы слушаем волю Скал. Виновен ли Повелитель Ветров перед своими братьями и своим государем?

– Я спрошу своих братьев, – выдохнул Дик. Зимнее солнце ударило в глаза, отчаянно застучала в висках враз погорячевшая кровь, а губы стали сухими и непослушными. Трое кровных вассалов смотрели на своего Повелителя, они были готовы отвечать, но первым говорит младший. Даже не младший, а тот, чьи заслуги меньше. Берхаймы отсиделись в Агарисе и вернулись к чужой победе, они не воины, они придворные...

– Мариус, граф Берхайм, я, Повелитель Скал, спрашиваю тебя, виновен ли герцог Алва? Подумай и скажи.

– Мой государь, мой герцог! – Мариус думал недолго. – Рокэ Алва виновен и должен понести наказание. На его руках кровь наших братьев, а в сердце нет ни раскаяния, ни смирения.

– Я понял тебя. – Берхайм ошибается, Алва сложил оружие, только это мало кто заметил. – Ангерран, граф Карлион. Скалы ждут твоего слова.

Матушка обидится, если узнает, а узнает она непременно. Первое, что сделает Ангерран, выйдя отсюда, напишет в Надор, нажалуется, что его называли вторым, а не третьим... Ничего, обойдется. Заслуги Карлионов и заслуги Рокслеев несопоставимы.

– Ваше величество. – Родич преклонил колено перед сюзереном, он до сих пор не понял, чем отличаются Раканы от Олларов. – Я, граф Карлион, полагаю Рокэ Алву виновным и заслуживающим смертной казни.

– Эорий, – Альдо недовольно сжал губы, – поднимись. Твоего слова ждет глава Дома. Отвечай ему.

Смотреть на выступившую на лбу дядюшки испарину было противно, и Дикон поднял глаза к потолку, где люди в ярких одеждах благоговейно вглядывались в пронизанные невидимым солнцем облака. На мгновение Дикону показалось, что он видит среди них соразмерное, покрытое чешуей тело...

К Весеннему Излому потолок Зала украсит плафон со Зверем, но станет ли лучше?

Временно взятый из дворцовой церкви плафон создавал ощущение ожидания. Смогут ли художники воплотить в красках само чудо, не ожидаемое, а явившееся во плоти?

– Мой герцог, – скрипучий голос выхватил юношу из солнечного гальтарского сна, – Алва виновен. Виновен во всем... На эшафот изменника и убийцу!

– Граф Карлион, – свел брови Альдо, – как умрет Рокэ Алва, решаем мы и закон. Эории оценивают справедливость обвинений, но не выбирают наказание. Герцог Окделл, продолжайте.

– Граф Рокслей, – послушно окликнул Дикон. – Скалы ждут твоего слова.

– Герцог Алва виноват. – Дэвид не стал считать до шестнадцати, он приговорил Ворона много раньше. Ричард обнажил шпагу.

– Джон Люк Тристрам далеко, но я не усомнюсь в его ответе. Герцог Алва виновен.

Сюзерен торжественно наклонил голову.

– Мы выслушали вассалов Скал. – Как давно не звучали эти слова, как давно Кэртиана не слышала своего повелителя! – Слово главе Дома! Ричард, сын Эгмонта, мы ждем. Во имя Зверя!

Это не будет легким, но клятва и честь обязывают служить сюзерену не только мечом, но и словом, а это неизмеримо труднее... Альдо ничем не выдал своих чувств, но Ричард знал, что он думает о том же.

– Мой государь, герцог Алва виновен. – Каменный поток сорвался с вершины, понесся вниз, вбирая в себя малые камни и целые скалы, набирая скорость, захлебываясь древней, изначальной мощью. Бег превратился в прыжок, прыжок – в полет...

– Ты сказал, мы слышали, – откликнулись Скалы, Зверь, глядящая в сердце Вечность.

– Мы слышали, – повторил Альдо Ракан, – Дом Скал сказал свое слово, и оно было единым. Дом Ветра не имеет кровных вассалов, а глава его не вправе говорить о себе. Дом Ветра молчит. Повелитель Волн, готов ли твой Дом сказать Слово?

2

Зачем все это?! Неужели нельзя обойтись без гальтарских мистерий?! Решил убить, убивай, только скорее!

– Повелитель Волн, готов ли твой Дом сказать Слово?

– Дом Волн готов. – Физиономия Придда не выражала ничего, вот уж воистину темна вода во глубинах.

– Здесь ли твои кровные вассалы? – Сюзерен знал древний ритуал назубок. Тяжелые, нелепые фразы вымораживали все вокруг, оставляя лишь ледяное, зимнее сиянье.

– Моих братьев здесь нет, – отчетливо произнес Спрут. А ведь у него на самом деле остались братья. Где-то во Внутренней Придде.

– Ты скажешь за них. Мэратон!

– Орстон!

Айнсмеллера отдали толпе, Алву скормят старым врагам и древней придури, а суть одна. Отдать на смерть и посмотреть, что получится... Молодой человек в белом... На белом кровь видней всего, это красное прячет красное. До поры до времени.

– Я готов держать ответ перед моим государем и моей Честью. – По части старых ритуалов Придд мог дать фору кому угодно. Будущий великий анакс еще прыгал по разумным вдовам, а Спрут уже читал своего проклятущего Павсания. Зачем? Покойный папенька заставлял?

– Мы слушаем волю Волн. – Неужели эти слова когда-то были живыми, неужели у Волн, Скал, Молний была своя воля? – Виновен ли Повелитель Ветров перед своими братьями и своим государем?

Придд положил руку на украшенный аметистами эфес. Закатные твари, он снова притаился не со шпагой, а с мечом.

– Во имя Чести, – спокойно сообщил Спрут, – мой брат Вольфганг фок Варзов давал ту же клятву, что и герцог Алва. Я не видел графа фок Варзов около двух лет, но у меня нет сомнений в его решении. Я отвечаю за своего вассала «невиновен».

– Разрубленный Змей. – Дурацкая присказка сама слетела с языка, но ее вряд ли кто-то расслышал. Альдо замер, вцепившись в резные подлокотники, зато Дикон вскочил с места, хорошо хоть шпагу не выхватил. Мевен непонятным образом тут же оказался за спиной Повелителя Скал, Лаптон рванулся к Спруту, а Карлион с Берхаймом вжались в спинки своих кресел. Только Дэвид Рокслей ничего не заметил и только Придд не пошевелился...

– Вольфганг фок Варзов – изменник, – Альдо все же удалось ухватить себя за шиворот, – он лишен нами права отвечать.

– Лишенный голоса молчит, – подтвердил Спрут, – но голос его принадлежит ему и только ему. Павсаний пишет, что отданный голос в одной цене с Честью. Не исполнить волю отсутствующего – убить свою Честь. Воля маршала Талига Вольфганга фок Варзов несомненна. Его не называли молчаливым, и его не освободили от данных им клятв, и я отвечаю «невиновен».

Савиньяка тоже не освободили. И Дорака с Ариго! Трое вассалов Молний и фок Варзов... Четверо из двенадцати! Треть, а не половина...

– Слово фок Варзов услышано. – Альдо тоже знает сложение, он считал и сосчитал. – Вечером мы подпишем эдикт, разрешающий всех эориев от ложных клятв и примем их службу, где бы они ни находились. Клятвы, данные узурпаторам, больше не смогут служить оправданием.

Вряд ли Лионелю или Ноймаринену понадобится оправдание, чтобы повторить подвиги Рамиро-Вешателя, а Эпинэ уже ничего не поможет, но какая же здесь холодина... От ненависти или от нерадивости?

– Ричард, сядь, – велел Альдо, но Дикон остался стоять. Ненависть липла к молодому лицу серой маской.

– Окделл, очнись! – рявкнул Альдо. – Напоминаю об эдикте. Никаких дуэлей! Ты меня слышишь, никаких! Повелитель Волн, твой вассал граф Гонт неизвестен, готов ли ты ответить за него, как за себя?

– Готов, – в светлых глазах что-то блеснуло, словно клинком поймали солнце, – во имя Чести и Государя! Я не знаю, кто из ныне живущих потомков Рутгерта Гонта имеет право на титул, и отвечаю за своего вассала так же, как за самого себя. Невиновен.

3

«Герцог Алва невиновен...» Скалы казнят, Волны оправдывают, а решать Молниям. Три голоса Придда и четыре Эпинэ. Вместе семь! Опять вместе, как в Доре... Пять голосов Окделла и голос Эпинэ против трех голосов Молний и трех Волн. Шесть на шесть... Или девять против трех, если подличать и ждать ответа от Савиньяка. Чего он только ни передумал, но то, что Ворона можно оправдать, в голову не приходило.

– Герцог Придд, – взгляд Альдо не сулил ничего хорошего, но с тем же успехом можно вывернуться на мраморного истукана, – объяснитесь! Что значит невиновен?

– Герцог Алва невиновен в том, в чем его обвиняют. – Закатные твари, и этот кусок льда ровесник Дикона?! – Алву допустимо убить без объяснений, как опасного врага, чье существование угрожает Великой Талигойе, но его нельзя осудить. Это незаконно.

– Странно слышать это из ваших уст, – очнулся Карлион, – из уст человека, чью семью уничтожили прихвостни Олларов.

– Не вижу ничего странного. – А лед, оказывается, может гореть. – Нас убивали не потому, что мы виновны, а потому, что Колиньяры и Манрики делили север и юг! Это они, решив от нас избавиться, утопили убийства в законе. Я не желаю превращаться в Манрика, я предпочитаю шпагу.

Если Придда возьмут, станет ли он защищаться? К чему он готов?

– Вина Алвы доказана. – Парой месяцев раньше Валентин лежал бы у камина с разбитой головой, но сюзерен учится, учится стремительно. – Часть обвинений отпала, зато другая не вызывает сомнений. Вы слышали обвинение, этого достаточно для сотни приговоров.

– Отнюдь нет. – Спрут выдержал бешеный взгляд и бровью не повел. – Алва присягал Оллару. Все, что он делал и делает, направлено на исполнение присяги. Мне не кажется правильным судить зория за верность, кем бы его сюзерен ни был, особенно накануне большой войны. Любой из нас может оказаться перед тем же выбором, что и Алва. Жизнь сюзерена или собственные жизнь и свобода... Повелитель Ветров выбрал Честь. Это достойно уважения, а не осуждения.

Валентин воистину был сыном супрема, хоть и покойного. Что сделает Альдо? Пошлет к кошкам гальтарские кодексы и отправит Ворона на плаху или отыграет назад? Будь Малый Совет большим, кто знает, но буря в тазу не буря. Выходит, присоединиться к Скалам? Ну и кто после этого будет спрутом?

– Герцог Алва смел, – Альдо все еще удерживал вожжи, – я бы даже сказал, слишком. Он не похож на слабоумного, значит, у его наглости есть объяснение.

– В древности подобные поступки объясняли благородством. – Лед погас, Валентин вновь был спокоен. – Я знаю, что герцог Окделл придерживается иных взглядов. Его право и его выбор. Кстати говоря, не первый.

– Я не позволю оскорблять себя на глазах Альдо! – Упавшее кресло, обнаженный клинок, и голодное солнце на потолке... – На глазах его величества... Не позволю!

– Я охотно оскорблю вас в любом удобном для вас месте. – Белые от бешенства глаза Дика и любезная улыбка в ответ. Воистину в Старом парке Дикон уцелел чудом. – Но наше непонимание никоим образом не отменяет нашего долга. Я подтверждаю свои слова. Герцог Алва обвинен несправедливо. Он должен быть оправдан, а недобросовестных чиновников, готовивших процесс, следует отстранить от должности и лишить содержания.

– Хватит! – От голоса Эмирани Ракана падали кони, Альдо почти догнал легендарного предка. – Если вы скрестите шпаги, окажетесь в Занхе раньше кэналлийца. Я сказал, вы слышали. Герцог Окделл, ты слышал слово Волн. Ты отказываешься от своего решения?

– Нет, государь!

– Герцог Эпинэ, что скажешь ты?

А что он может сказать? Только одно!

– Граф Савиньяк, граф Дорак, граф Ариго не могут осудить Алву. Я отвечаю за них: «невиновен»!

Вот оно! Пять смертей, шесть жизней и ты между... Ты выбираешь, но решит все равно другой, а он хочет смерти, так зачем закон? Скажи «виновен» и свали старый клен... Так проще, так умнее, так безопасней для всех!

– Вассалы Молнии служат не Талигойе, а Талигу, не Чести, а бесчестию. – Какие у Альдо злые глаза, совсем как у твари с герба... Золото, а под ним – пятна, темные, мокрые, жуткие. Сколько ни замазывай плесень, она проступит, сколько ни лги, проговоришься...

– Повелитель Молний, мы ждем.

Еще можно уйти, спрятаться в вырытую Приддом нору. Вассалы присягнули Олларам, Повелитель – Ракану, каждый верен своему сюзерену. Еще можно сравнять голоса, и пусть начинают сначала. Еще можно...

– Герцог Эпинэ, отвечайте!

– Я согласен с Повелителем Волн. Герцог Алва невиновен.

Глава 5

Ракана (б. Оллария)

Если бы не потерявшая сознание у кафедры Катари, Робер не сказал бы «нет», а Катари хотела только одного. Справедливости. Королева не знала, чем грозит Талигойе ее поступок. Благородных людей может убедить только правда, но сюзерен доверяет лишь Окделлу, и Окделл будет молчать. А потом, все уже случилось. Даже узнай Катари и Иноходец об отречении, что они смогут? Алва оправдан. Оправдан судом эориев, решение которого не отменить!

Альдо ничего не сказал. Ни единого слова, только поднялся и вышел, толкнув сапогом замешкавшуюся дверь. Дикон бросился следом, и не потому, что был Хозяином Круга, просто из-за Спрута все летело в Закат, и нельзя было схватить за руки, объяснить, потребовать...

– Дорогу Государю! Дорогу Повелителям...

Гимнеты раздвигали алебарды, хлопали створки дверей, кланялись кавалеры, приседали в реверансах дамы, но Альдо не отвечал, все убыстряя и убыстряя шаг. Дикон едва поспевал за сюзереном, ощущая терзавшие того ярость и сомнения. Этикет запрещал пойти рядом, взглянуть в лицо, заговорить, спросить, утешить. Юноша мог только мчаться сквозь разворошенный дворец, глядя в белую напряженную спину, перечеркнутую золотой перевязью... Золотой, не алой, а память будоражила ночными кошмарами, в которых мертвый Люра бросался в погоню за Алвой и Приддом. Сон оказался пророческим. По милости Спрута обвинение развалилось на куски, как развалилось тело несчастного маршала...

– Государь, лошади у крыльца, эскорт ждет приказаний.

– Хорошо!

Они куда-то едут... Куда? Сюзерен что-то бросил Мевену, но Дикон не расслышал. Не сбиться с шага становилось все труднее. Сменился караул, и анфиладу второго этажа, ту самую, по которой Ворон вел оруженосца в день рождения Катари, охраняли полуденные гимнеты. Лиловые туники напоминали о предательстве Эктора, отречении Эрнани, роковой выходке Валентина.

Какой бы тварью ни был Придд, он понимает, что без Раканов ему конец. Каким бы болваном ни был Иноходец, он сообразит, что будет, если исповедь Эрнани огласят при живом Алве, но Роберу заморочил голову Придд, а Придду застили глаза Манрики, и, что самое мерзкое, не зная Дик всей правды, он бы тоже отдал должное верности. Честь эория требовала сказать «невиновен», долг Повелителя Скал и друга государя – обвинить. Святому Алану было проще. Намного...

Справа мелькнул Круглый зал, и Ричард сообразил: они идут к бывшему Арсенальному крыльцу. Эскорт ждет, сюзерен куда-то собрался. В Гальтарский дворец?! Неужели он станет смотреть, как с Ворона снимут цепи? Станет, потому что прятаться и отступать – не для Альдо Ракана, но что потом? Чем обернется для Талигойи этот день?

Сзади неотвязным эхом катились чужие шаги, но Дик не оглядывался. Он и так знал, что за спиной – Придд, раз в жизни поступивший по чести и стронувший лавину. Сделал бы Спрут то, что сделал, не появившись в суде Катари? Теперь королева узнает, что Эпинэ и Придд на ее стороне, а Окделл верен Раканам. Как же тяжело будет с ней объясняться, а Робер, узнав, что его держали в неведении, оскорбится. Столько лет оставаться лучшим другом и уйти в тень, уступив младшему. Это счастье, что Эпинэ не честолюбивы, но всему есть предел.

Ноги тонули в прижатых медными прутьями коврах, на незнакомых шпалерах парили в небесах, качались на зеленой воде, сплетали шеи, распускали хвосты и гребни невиданные птицы. Раньше здесь висели трофейные знамена – гайифские, дриксенские, гаунаусские,

каданские... И будут висеть! Альдо не нужна чужая добыча, он вернет величие предков собственными руками. Будут войны, будут и трофеи, а пока гайифские летуны могут резвиться в своих тростниках.

Потянуло холодом – гимнеты распахнули дверь, ведущую на крыльцо, камердинеры с господскими плащами замерли у стен вперемешку со статуями. Сюзерен остановился у ног занесшего меч воина с молнией на щите.

– Мы едем в Гальтарский дворец. – Если бы не блеск глаз и золото на плечах, Альдо был бы неотличим от мраморных гальтарцев. – Мы надеялись обойтись без этого, но чрезмерная щепетильность наших вассалов обязала нас пустить в ход королевское право. То самое, что сделало Эктора Придда регентом Талигойи. Герцог Алва девятью голосами против семи признан виновным и умрет, как и подобает эорию из Дома Ветра, на пятый день, считая от этого.

Мы можем простить своих врагов, но не врагов Великой Талигойи. Мы не можем уподобляться чиновникам и ценить бумажные увертки выше истины, а истина в том, что Рокэ Алва – преступник, на совести которого тысячи убитых. По коням, господа, не стоит заставлять правосудие ждать.

2

При появлении эориев Великой Талигойи Алва не встал, а поднимать обвиняемого силой гуэций не рискнул. Кракл с Феншо не постеснялись бы, но супрем есть супрем: стерпит любое вранье, любую подлость, но не драку в зале суда. Драка – дело солдафонское и лакейское, юристы такого не одобряют, юристы убивают за беседой у камина, промокая губы надушенными платочками. Или зачитывая приговоры.

– ...Рокэ герцог Алва обвинен согласно законам прошлым и настоящим. – Сверху усов и бородки не видать, сверху Кортней в венке кажется женщиной. Холтийкой, как заметил бы Капуль-Гизайль, которому пора нанести визит. Сегодня же! Пять дней – это только кажется, что много, а гимнеты и люди Нокса не так плохи, как хочется думать Карвалю, и не так глупы... Кэналлийцы кэналлийцами, нужен и второй след. На всякий случай. Нужны «висельники»...

– Высокий Суд внимательно рассмотрел представленные улики ... – А гуэций частит. Еще бы! Одно дело – быть одним из многих и совсем другое – дать убийству свое имя.

– ...пришли к заключению, что они являются достоверными и служат неопровержимыми доказательствами...

Да уж, неопровержимыми... И стоило перешибать плетью обух и бодаться со стеной? Решил обойтись без драки? Как бы не так! Это Валентин может думать, что для сюзерена не все средства хороши. Придд не знает ни про гоганов, ни про Тарнику, ни про Удо, но ты-то?! Если приспичило переть на рожон, свалил бы оправдание на отсутствующих вассалов, а сам согласился с Рокслеем... Стало бы шесть к шести, Альдо так и так пришлось бы вмешаться, но он записал бы маршала в верные дураки и успокоился...

– ...очевидность вины герцога Алва пред государем и Создателем не вызывает сомнений ...

Джереме придется прикончить, из мерзавца выйдет чудесный кэналлиец. Пусть думают, что люди Люра взяли за старое. Труп Бича отвлечет от Карваля, а Дику это не повредит. Дик единственный, кто остался по одну сторону реки с сюзереном, не считая всякой швали и Рокслея, но Дэвид после Доры не живет.

– ...несмотря на злонамеренное упорство обвиняемого, ему не было отказано в его праве. Судьбу герцога Алва решили те, кто равен ему по рождению, но не запятнал себя преступлениями против короля и Создателя. И да будет по слову их!

Торопливый бархатистый голос смолк, и к холоду прибавилась тишина. Послы, судейские, гости смотрели на обвиняемого, обвиняемый смотрел в окно, а у Робера в голове

Багерлее мешалась с Сагранной. Ледяная горная синева разрывала раскаленную сухую тьму и меркла, оставляя на губах привкус соли.

– Именем Создателя и во имя Его, – зеленый судебный пристав, настоящий гигант, ударил жезлом, и где-то со звоном сломался невидимый клинок, – именем Великой Талигойи и во имя ее, слушайте его величество!

– Слушайте его величество, – повторили приставы поменьше, грохая о пол окованным медью деревом. Робер облизнул прокушенную губу, пытаясь ухватить что-то важное, крадущееся по самому краю затопившей душу пустоты. Проклятая память плясала ренквахскими холодными огнями, куда-то тянула и гасла среди трясин.

– Государь встает, – напомнили приставы, – всем встать во имя Справедливости.

Звякнули, столкнувшись, пять тяжелых золотых цепей – король... Король? Молодой человек в белых штанах, белых сапогах, белом камзоле, только и всего.

– Государь встал. Слушайте его величество!

Поднялся ли Левий? За двойным рядом гимнетов малорослого кардинала не разглядеть, но Ворон остался сидеть, только отвернулся от окна. Теперь он смотрел прямо на Альдо. Без ненависти, без усмешки, без сострадания.

– Рокэ Алва, глава Дома Ветра! – Альдо заговорил раньше, чем следовало. И быстрее. – Эории Великой Талигойи признали тебя виновным. Мы сказали, а ты слышал. Ты ответишь за свои преступления сполна. Мэратон!

– Орстон! – Вот теперь Алва поднялся. Стремительно и неожиданно, словно выброшенное пружиной лезвие. – Ты сказал, я слышал. Ты сказал, и тебя слышали. Что ж, эории Великой Талигойи, я к вашим услугам. Предлагаю шпагу и кинжал, но готов и на что-нибудь более гальтарское.

3

Ворон – Повелитель Ветра, он не должен драться с Альдо! Это ошибка! Святой Алан, это ошибка! Скрестить шпагу с судьями может только Ракан, или все-таки нет?!..

– Герцог Алва, – чтобы перекрыть поднявшийся гул, гуэций почти кричал, – ваша бравада неуместна! Вы не на дуэли, а перед лицом Высокого Суда... С вами никто не станет драться.

– Станут, – отрезал Ворон, – и не кто иной, как эории Кэртианы. В строгом соответствии с гальтарскими традициями. Законы, господин Кортней, они вроде болота. Если вы перешли замерзшую Ренкваху и не заметили, не спешите лезть туда же летом.

Это такая же ложь, как с озером. Адгемар поверил, принял ультиматум и погиб. Альдо тоже погибнет, если примет вызов, но Ворон врёт! Повелителей Ветров казнили стрелами, и только Ракан погибал в бою или уходил в пещеры...

– Только Ракан посылает вызов обвинителям. – Слава Создателю, Альдо знает правду. – А вы, несмотря на все ваши преступления, не Ринальди.

– Верно, не Ринальди. – Лицо Ворона было злым и веселым, словно за карточным столом, и Дикону стало жутко. Потому что Килеан проиграл, когда не мог проиграть, а ворон убил орлана, хотя это и было невозможно. – Герцог Окделл, вы читали о Беатрисе. Отвечайте, что вы помните?

– Ринальди не должен был драться с Эридани! – закричал Дикон. – Первым был Лорио Борраска... Он... Эр Рокэ, вы не можете драться с... с Альдо!

– Юноша, – Ворон сверкнул зубами, – неужели вам запомнились только мучения гордой эории? Эридани не скрестил меч с братом, потому что промолчал. Произнеси анакс «виновен», он бы дрался, хоть и после Лорио, ведь тот был истцом и оскорбленной стороной, а Эридани только судьей. У нас оскорбленным себя полагает господин в белом. Значит, он будет драться первым. Или не будет... В последнем случае вам остается залезть на стол и закричать, что «эр Альдо не турс»...

Окровавленные перья на колючих, багровых от ягод ветках, сквозь сухую траву просвечивают черные сапоги, трещит, разгораясь, костер...

– Первым буду драться я! – Ричард схватился за шпагу, словно поединок уже начался. – Я вызвал эра Рокэ после Эстебана, он принял вызов. Я дерусь первым...

– Герцог Окделл, помолчите! – В голосе Альдо было что угодно, но не облегчение. – Если принять вызов – наше право и обязанность, мы его никому не уступим, но законники не могут знать право хуже военных. Фанч-Джаррик, сколько правды в том, что говорит этот человек?

– В царствование Эрнани Святого прецедента не было, – круглое личико кривилось, морщилось и больше не казалось младенческим, – никто из осужденных не дрался с судьями, иначе это вошло бы в анналы. В годы правления Эрнани было осуждено шестьдесят четыре эория. Все приняли приговор достойно и смиренно, все...

Ворон усмехнулся, и чиновник замолчал. Он умолк бы и раньше, но раньше Алва на него не смотрел.

– Эрнани Святой до безумия боялся судебных ошибок, – губы Ворона кривила знакомая усмешка, от которой становилось не по себе не только судебским, – а Манлий Ферра и Диамни Коро умели докапываться до правды. Господа, вы будете смеяться, но при Эрнани судили исключительно виновных. Более того, все они признавали как свою вину, так и полномочия судей. Я не признал ни первого, ни второго, значит, нас рассудят гальтарские боги. Или, если угодно, демоны!

– Это кощунство! – крикнул гуэций. – Кощунство перед лицом его высокопреосвященства.

Кардинал не откликнулся. Ворон слегка повернул голову.

– Это всего лишь законы, сударь. Гальтарские законы. С точки зрения нынешних эсператистов, они еретичны, но кодексы пишут не для богов, а для людей. Осужденный без признания вины дерется с осудившими, сколько б их ни было. Первым в кабитэлский период этим правом с благословения святого Адриана воспользовался Ивиглий Пенья, последним – Цинна Марикьяре в 344 году Волн. После запрета Агарисом боев на линии об этом постарались забыть.

– Герцог Алва говорит то, что соответствует действительности. – В посольском ряду, кашляя и крихтя, поднялась коричневая фигура, и Дик узнал дуайена. – Древнее право подразумевало божий суд во всех Золотых землях. В Дриксен этот обычай позабыт, но не отменен и по сию пору. Не правда ли, граф фок Глауберозе?

Затянутый в темно-синее дриксенец походил на замерзшее копьё.

– Дриксен – страна чести и памяти, – холодно произнес он, – но я не предполагал, что в Урготе столь хорошо знают наше прошлое.

– А меня удивляет, что герцог Алва, отрицая права его величества Альдо на трон предков, столь рьяно навязывает Высокому Суду один из законов Раканов, – встрял Карлион. – Нельзя настаивать на одном законе, отрицая другие.

– О, – Алва рассмеялся и махнул рукой, – не волнуйтесь, барон, это вышло само собой. Юристы называют такое прецедентом. Эории Кэртианы уже приговаривали меня к смерти и даже называли это судом. Правда, сообщить мне об этом они забыли. Я узнал о «приговоре» через несколько лет, когда число приговоривших странным образом уменьшилось. Первым убрался в Закат ваш кузен генерал Карлион. Я пристрелил его, чтобы спасти арьергард фок Варзов, зная не зная, что исполняю волю гальтарских богов. Не правда ли, забавно?

– Если это правда, – Альдо смотрел не на Карлиона, а на Ворона, – ответьте, кто вам сказал о приговоре?

– Окделл. – Ворон учтиво и холодно улыбнулся. – Эгмонт Окделл. Он не соглашался на убийство, пока ему не предложили считать сие благое дело казнью, а себя – судьей.

– Отец рассказал?! – Часовня в Надоре, странные гости, непонятный тогда разговор. – Рассказал?!

– Окделл! – Окрик сюзерена вырвал Дикона из прошлого. Ничего не изменилось,

только Ворон больше не улыбался.

– Рассказал, – подтвердил он. – Прежде чем стать на линию. Я спросил Повелителя Скал, подсылал он ко мне убийц или нет. Эгмонт был безмерно оскорблен и сообщил о суде Чести. Я его заколол, но мне стало любопытно, я начал читать... Увы, когда я осилил старые ману-скрипты, из моих судей оставались в живых только старик Эпинэ и Вальтер Придд. Но мы заговорились, а дни сейчас не из длинных.

Кардинал молчит. Он не вмешается, он хочет, чтобы Альдо погиб, чтобы они все погибли...

– Я готов! – Дикон шагнул вперед, понимая, что к вечеру его не станет. Сюзерена можно спасти, лишь убив Алву, и это придется сделать перед поединком. Пусть в спину, если не будет другого выхода. Алана казнили. Ричард избавит Альдо от этой необходимости, его хватит и на второй удар.

4

– Я сказал «виновен» раньше Окделла. – Дэвид Рокслей смотрел ясно и прямо, с его плеч словно свалилось что-то грязное и тяжелое. – Я дерусь первым.

– Мы бросим жребий. – Робер изловчился ухватить Дикона за плечо. Возмездие, о котором говорил Енниоль, запоздало совсем немного. Любопытно, догонят они с Альдо в Закате Адгемара или нет...

– Я дерусь первым, – повторил Дэвид. – Алва, я обвинил вас раньше Окделла.

– Сожалею, но первым это сделал Берхайм. – Придд и не подумал встать. – Рокслей был третьим, после Карлиона, Окделл – четвертым.

– А вы? – обернулся к Спруту Ворон. – Каким по счету были вы?

– Я не счел вас виновным в том, в чем вас обвиняют, – Валентин церемонно наклонил голову, – и герцог Эпинэ со мной согласился. Вас следовало не судить, а убить.

– Тонкое наблюдение, – согласился Алва, – и тонкий ум. Значит, мне предстоит бой со Скалами и господином в белых штанах. Досадно...

– Досадно? – не выдержал Рокслей. – Вы сказали досадно?!

– Мой оруженосец вызвал семерых, а мне досталось лишь пятеро, – задумчиво произнес Ворон. – Разве что счесть обладателя белых одежд за четверых?

– Вы деретесь со мной! – выкрикнул Ричард, выворачиваясь из рук Робера. – Слышите? Я убью вас!

– Помолчите, юноша! – Ворон резко развернулся к Альдо. – Ты, дурак агарисский! Нельзя атаковать вниз по склону, не зная местности, но ты сказал, и тебя слышал не только я. Ты назвал себя Раканом, тебе придется драться прежде твоих прихвостней. Или отдать себя на милость древних сил. Они будут развлекаться дольше меня...

– Нет! – Ричард был сильнее и моложе Робера, но Эпинэ как-то его удержал, а потом подскочил Мевен. – Нет!.. Он тебя убьет!

– Хватит! – прикрикнул Альдо, и Дикон послушно замолчал. – Мы проверим кодекс Диомида и посмотрим старые хроники. Если Рокэ Алва имеет право на бой с нами, мы скрестим шпаги. Кортней, Фанч-Джаррик, позаботьтесь на этот раз представить все необходимые документы.

– В этом нет нужды. – Раздавшийся из-за спин гимнетов голос был мягким и спокойным. – Анналы Адриана в полной мере подтверждают сказанное обвиняемым. Осужденный может требовать поединка с обвинителями, последние же не могут ему отказать. Будь герцог Алва осужден судом зориев, все решало бы его желание отстоять свою невиновность, но два дома из четырех его оправдали, а третий объявили молчащим. Герцог Алва оправдан судом зориев и осужден по праву анакса. Он не может драться с оставшимися в меньшинстве обвинителями.

– Поединка не будет? – Дикон опередил Робера на полвздоха. – Не будет? Да, ваше

высокопреосвященство?

Кардинал кротко вздохнул и поправил эмалевого голубя на груди. Сейчас ударит. Из-за угла и со всей силы.

– Увы, сын мой, – голубые глаза смотрели прямо и скорбно, – поединок состоится, но без участия Дома Скал. По древним законам и по Адриановым анналам Альдо Ракан обязан биться с Рокэ Алвой один на один, если Рокэ Алва не признает свою вину. И если приговоривший не проявит милосердие и не помилует преступника, отдав его на поруки, как Эрнани Святой отдал на поруки святого Адриана Силана Куллу.

Это выход! Для всех – для Алвы, Альдо, Дикона и для них с Никола... Ворон переберется в Ноху, сюзерен останется жив, город цел, можно будет ждать весны и Лионеля...

– Герцог Алва признаёт свою вину, – отрезал Альдо, – или мы будем драться.

– На линии, – холодно уточнил Ворон.

– На линии, – боднул воздух Альдо, – завтра на рассвете. И пусть Повелители и кар... и его высокопреосвященство увидят все. Орстон!

– Мой государь, – подался вперед Дикон, – мой государь...

– Помолчите, Окделл!

– Сын мой, – взгляд Левия стал еще мягче, белые пальцы скользнули по белой эмали, – я, скромный слуга Создателя нашего, именем Милосердия Его и во имя Возвращения Его прошу тебя помиловать Рокэ Алву и отдать мне на поруки. Залогом моей искренности да будет жезл святого Эрнани.

– Умоляю о милосердии... – Дуайен посольской палаты громко закашлялся и торопливо закрыл рот платком.

– Ваше величество, – поддержал дриксенец, – именем моего кесаря прошу проявить милосердие.

– Мой государь, – заворковал экстерриор, – послы Золотых земель...

– Ваше величество...

– Мой государь...

– Умоляем...

– Будьте великодушны...

Нужно было просить, доказывать, умолять, а язык не поворачивался. Левий делал невозможное – он спасал всех, дарил время и жизнь, послы, судейские, эории выплясывали вокруг Альдо, хлопоча, кто за себя, кто за сюзерена, а Иноходец тупо смотрел перед собой, запоминая всякую чушь вроде чернильного пятна на мизинце Фанч-Джаррика. В голове гудело, словно в нее набилась стая мух, их жужжанье глушило память, а нужно было вспомнить... Во что бы то ни стало вспомнить, только о чем?.. Или о ком?

– Я не могу отказать его высокопреосвященству и вызвать неудовольствие его святейшества и держав Золотого Договора, – Альдо не говорил, он рычал, – но если Алва исчезнет из Нохи, ответят головой все... Все, вынуждавшие нас даровать преступнику жизнь. Ваше высокопреосвященство, мы сказали, а вы слышали.

– Мэратон! – Кардинал сложил ладони на груди и улыбнулся. – Мои люди готовы сменить гимнетов прямо сейчас.

– Этого не будет, – отрезал сюзерен. – Рокэ Алву доставит в Ноху цивилизная стража и личный полк Повелителя Скал, но не раньше чем будут оговорены условия. Мы согласились сохранить герцогу Алва жизнь, но мы не можем допустить, чтобы он вредил делу Великой Талигойи. Мевен, уведите осужденного. Пока он находится в Гальтарском дворце, за него отвечаете вы.

– Повиновение государю. – Гимнет-капитан шагнул к Алве, вернувшемуся к созерцанию витражей. Гуэций затряс своим колокольчиком, невидимые мухи притихли.

– Герцог Алва, – теперь супрем говорил медленно и внятно, – заступничеством его высокопреосвященства Левия вам сохранена жизнь. Вы будете помещены в Ноху под двойной охраной цивилизной стражи и людей его высокопреосвященства. Возблагодарите

милосердие Альдо Ракана.

Алва потянулся, распрямляя плечи, и поднялся:

– Значит, все-таки не анакс, а ничтожество в белых штанах... Скучно, но предсказуемо... Мевен, дайте пройти!

Глава 6 Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

1

Алва вышел. Безупречно ровная спина скрылась за плащами гимнетов, торопливо сдвинула алебарды охрана, и Дик понял, что обошлось. Непоправимого не случится, сюзерен не будет драться и останется жив, они все останутся живы... От мысли, что он мог потерять Альдо, как потерял отца, стало холодно. Запоздалый страх, холодный, тяжелый, липкий, словно снег на крышах во время оттепели, рухнул на плечи, вдавливая в кресло. Хотелось одного – закричать и броситься вон, но Повелители не кричат, это Ричард Окделл усвоил еще в младенчестве.

Юноша прижался к изукрашенной гербами спинке, пытаясь унять нахлынувшую дрожь, а вокруг шевелилось, шуршало, гудело. Зал дышал и ворочался, под деревянной кожей дрожал уставший камень. Гальтарский дворец желал избавиться от набившихся в него людей, позабыть о том, что видел, уснуть, но люди не уходили. Они ждали сюзерена, а тот листал огромный, переплетенный в темную кожу том. Старые законы пахли плесенью и кровью, их не следовало будить, в государстве должно быть одно право – право государя.

Государь может все, и он никому ничего не должен. Раканы изначально, как изначально камни. Каменотес не может повелевать скалами, каменотесы слабы и смертны, камни вечны, и власть Раканов будет вечной. Альдо отыщет ключи к древней магии и станет неуязвим, но сейчас не время испытывать судьбу. Сюзерен совершил единственную ошибку – в обмен на отречение сохранил Фердинанду жизнь. С этого все и началось, а теперь камни недовольны. Они не хотят просыпаться, они устали слушать смертных, они устали...

Сквозь тяжелый холодный ропот пробился мягкий шлепок – государь захлопнул кодекс. Он больше не нуждался в законах.

– Господа послы, – Альдо в который раз справился с собой, он вновь был невозмутим, как гальтарский мрамор, – мы высоко ценим проявленную вами заинтересованность и надеемся и впредь на вашу лояльность.

Ваше высокопреосвященство, наш разговор не закончен, мы просим подождать нас в Бронзовом кабинете. Кортней, Фанч-Джаррик, вы нам нужны незамедлительно. Первый маршал, гражданский комендант, гимнет-капитаны, ждите дальнейших распоряжений, остальные могут быть свободны.

– Его величество покидает зал, – торопливо возвестил старший пристав. – Дорогу его величеству Альдо Ракану! Дорогу его высокопреосвященству Левию! Дорогу послам Золотых земель! Дорогу Высокому Суду!

Пристав еще кричал, а сюзерен уже сошел вниз. Альдо всегда ходил быстро, но сегодня он почти летал, в отличие от неспешно выступавшего кардинала. Лицо Левия лучилось мягкой улыбкой, и Дика передернуло от отвращения. Это Оноре был добр, а Левий лгал. Истинной доброты и милосердия в кардинале было не больше, чем в Сильвестре, и все же он предотвратил поединок...

Кардинал выплыл из зала, послы тоже медленно и с достоинством разошлись. Дик вытащил из-под кучки бумаг листок с посланием Сузы-Музы, сунул в карман и поднялся,

выискивая глазами Придда. Спрут, выпятив губу, слушал поднявшегося на помост лилового гвардейца. Увы, Карлион сидел ближе.

– Мевену не следовало уводить осужденного, прежде чем его величество нас покинет, – во всеуслышание объявил Ангерран, подхватывая Ричарда под руку. – Это нарушает этикет.

– Это Ворон увел Мевена. – Дэвид не мог оторвать взгляда от опустевшей скамьи. – Проклятый кодекс...

– Во всем виноват Кракл, – напомнил Мариус Берхайм и чихнул. – Косая образина напутала с обвинением, и все пошло кувырком, но какой же здесь холод!

– О да, – закивал Ангерран, не выпуская Дикова локтя, – коменданта дворца следует отправить в Багерлее за попытку нас всех заморозить. Не правда ли, Ричард?

Дикон рассеянно кивнул, думая о деле, которое следовало решить. От Ангеррана толку мало, но Рокслей сюзерену и другу не откажет.

– Дэвид, идемте со мной, – Дикон высвободил локоть из дядюшкиных лап, – вы мне нужны.

– Ричард, – Ангерран в очередной раз ничего не понял, – вам нужна помощь? Но мы, как ближайшие родичи...

– Мне поможет граф Рокслей. – Невежливо, но только родственников ему на дуэли не хватало. – Засвидетельствуйте мое почтение вашей супруге.

– Но, Ричард...

К кошкам дядюшку! Вместе с родичами, но какие же огромные у Спрута гвардейцы, наверное, всю Придду перерыл, пока нашел.

– Вижу, вы торопитесь.

Валентин сухо поклонился:

– Увы, меня ждут неотложные дела.

– Одно из них можно решить прямо сейчас. – Пережитый ужас сменился бешенством, и оно тоже было холодным. – Нам следует договориться о встрече.

Спрут уставился на Дика ничего не выражающими глазами.

– Сожалею, – наконец изрек он, – но в связи с открывшимися обстоятельствами дуэль между нами невозможна. Более того, будь я более осведомлен, не состоялась бы и предыдущая.

– Разумеется, – кивнул Ричард, – вас отрезвило то, как я владею шпагой.

– Как раз это, как выразился ваш бывший покровитель, предсказуемо, – оскалил зубы Валентин. – В Лаик вы фехтовали всего лишь сносно, но потом вам несказанно повезло с учителем.

– Так в чем же дело? – поднял бровь Дикон. – В том, что, пока одни воевали, другие позабыли, как держат шпагу?

– Багерлее, знаете ли, не располагает к тренировкам. – Святой Алан, эту тварь не переспоришь. – Но не переживайте. Герцог Алва справится с вами шутя. Даже в цепях.

– При чем тут Ворон? – Нужно во что бы то ни стало сохранить спокойствие и вынудить Придда принять вызов. – Не при том ли, что из страха перед поединком вы предпочли его оправдать?

– А вы предпочли осудить, чтобы не возвращать дом и вещи, которые ваши слуги столь успешно распродают? Надо полагать, по вашему распоряжению, но мы отклонились от предмета нашей беседы. Ваш план очевиден.

– План? – не понял Дикон. – Какой, к кошкам, план?

– Весьма разумный. – Серый бархат, серое лицо, серая душа. – Вы бросили вызов человеку, который прикончит вас первым же ударом, вам не хочется прослыть трусом, еще меньше хочется умереть, и вы ищете равного вам противника. Ничего нет проще, чем обменяться парой ударов и отменить главную дуэль из-за раны, скажем, в запястье... Вы же не трусите, вы просто не можете держать шпагу.

Так вот, герцог Окделл, я не дам вам этой возможности. Настолько, насколько это зависит от меня, вы доживете до поединка со своим эром без единой царапины.

Ударить по холеной бледной морде? Кулаком, изо всей силы... Невозможно! После сказанного невозможно.

– Герцог Алва отправляется в Ноху. – Только бы не сорваться, святой Алан, только бы не сорваться. – У нас с вами есть время.

– Вы в этом уверены? – Ворон поднимал бровь, Придд – уголок рта, и это было еще отвратительней. – В любом случае, сейчас вы ближе к дуэли, чем утром, но не сомневайтесь, если Алва вас помилует или... неожиданно умрет, я пришлю к вам секундантов, а сейчас разрешите откланяться.

2

Стоять у одного окна с Левием и не иметь возможности заговорить – это хуже соленой воды и гитары без струн. Будь на то воля Робера, прицепившийся к кардиналу Кортней незамедлительно бы отправился к кошкам, но Первый маршал Талига не может выгнать супрема, а супрем не уймется, пока не заболтает свой конфуз.

– Старые кодексы несовершенны и противоречивы, – уныло доказывал Кортней, – а возможности опираться на прецеденты мы были лишены, что поставило нас в крайне неприятное положение.

Робер схватил себя за язык, его высокопреосвященство не считал нужным:

– Юристы, уступившие военному, отказавшемуся от судебной защиты и лишенному даже книг, должны заняться более подходящим для них делом. Я бы посоветовал выращивание моркови. Этот овощ весьма неприхотлив и самостоятелен.

Кортней затанцевал на месте, как огорченная лошадь, но доконать собеседника Левий не успел. Вошел Лаптон.

– Его величество просит передать свои извинения, – гимнет-капитан казался озабоченным, – его величество получил весьма важные и неприятные известия, требующие немедленного вмешательства. Сейчас будут поданы напитки и легкие закуски.

– В этом нет необходимости. – Левий стоял очень прямо и все равно в сравнении с торчащими по углам гимнетами казался маленьким. – Как долго продлится столь необходимое вмешательство?

– Не более часа, – заверил Лаптон. – Его величество весьма раздосадован...

– Вне всякого сомнения. – Кардинал тонко улыбнулся. – Мы все понимаем, и мы подождем, не правда ли, Эпинэ?

– Конечно, – подтвердил Иноходец, отгоняя проснувшийся голод, – но во дворце назначена аудиенция дуайену, а мы еще здесь.

Левий улыбнулся еще раз:

– Маркиз Габайру все поймет правильно. Кстати, господин Кортней, я прочел вашу записку внимательнейшим образом и вынужден ответить «нет». Светские власти, как бы они ни были сведущи в каноническом праве, не могут отринуть мир, а посему суд светский никогда не сможет заменить суд церковный.

– Однако, – не растерялся супрем, – в кесарии Дриксен Белый Суд ³ уполномочен рассматривать дела о богохульстве и ереси.

Взгляд Левия стал жестким.

– Ксаверий Дриксенский в своей борьбе с эгидианством допустил ряд промахов и бросился за помощью к кесарю. Это ошибка дорого обойдется и пастве, и пастырям.

Поймите, барон, посвятившие себя Создателю думают лишь о воле Его, они чужды мести, корысти и ненависти, а неприявшие обет выискивают в святых текстах

³ Высший судебный орган.

подтверждения своей правоты и оправдания своих деяний и чувств. Обманутая жена жаждет наказать мужа за измену, но не за нарушение заповеданного Создателем. Сосед доносит на соседа не потому, что тот – еретик, а потому, что богат. Король хочет смерти врага своего, видя в нем угрозу власти своей, но не власти Создателя...

– Его величество Альдо справедлив и милосерден, — напомнил Кортней. — Он сохранил жизнь герцогу Алва, несмотря на все его преступления.

Левий поправил наперсный знак, словно это была перевязь.

– Уста часто торопятся оправдать тех, кого обвиняет сердце, — произнес кардинал голосом кота, поучающего попавшую в когти мышь. — Если сердце знает, что некто честен, уста промолчат, как бы громко рядом ни кричали «Держи вора!». Защищая тех, кого не обвиняют, вы указываете на возможного преступника...

– Ваше высокопреосвященство, — позеленевший не только платьем, но и лицом супрем являл собой весьма кислое зрелище, — вы меня не так поняли. Я...

Оправдания грозили затянуться, и Робер отвернулся к окну. Солнце еще светило, но тени сделались синими и длинными. Они заполнили внутренний двор и подползли вплотную к воротам. Если Альдо не перестанет беситься, возвращаться во дворец и везти Ворона в Ноху придется ночью.

Существой кэналлийцы Давенпорта на самом деле, они бы такую возможность не упустили, но таинственные отряды были такой же выдумкой, что и полученные сюзереном известия. Альдо просто злился, для отвода глаз гоня по городу ни в чем не повинных офицеров. Ничего, сюзерену полезно проиграть, хотя, по большому счету, он выиграл ни много ни мало – жизнь. Дурак, не понимает, что родился заново, и хорошо, а то с него сталось бы отыграть назад и принять вызов.

– Добрый вечер, господа. — Сменивший Лаптона Мевен, как и положено гимнет-капитану, на закате явился в красно-черном. — Ваше высокопреосвященство, его величество готов отбыть во дворец и просит вас и герцога Эпинэ к нему присоединиться.

– Благодарю, сын мой. — Левий неспешно обернулся. — Но сначала я хотел бы убедиться, что герцог Алва находится в Нохе. Помещение для него уже готово?

– Ваше высокопреосвященство может не беспокоиться, — заверил Мевен. — Гимнет-капитан Лаптон и полковник Нокс лично осмотрели выбранный вами флигель и доложили его величеству, что побег оттуда невозможен. Его величество только что подписал указ о переводе узника в Ноху, его отправят туда незамедлительно.

– Мои люди и карета готовы, — кивнул кардинал.

– Его величество не возражает против дополнительного эскорта, но герцога Алва в Ноху препроводят гимнеты и цивильная стража. Вчера, как вам известно, в окрестностях города были замечены кэналлийцы.

– Сегодня у них отпала необходимость подвергать себя и своего соберано риску, — Левий тронул голубя, — а чрезмерная осторожность является не добродетелью, но пороком.

– Когда речь идет о Кэналлийском Вороне, осторожность не может быть чрезмерной, — вступился Кортней. — Алва не способен оценить милосердие государя.

– Вы полагаете, он пойдет на побег, чтобы потребовать у его величества удовлетворения? — подсказал кардинал. — Эти опасения я готов разделить. Кто возглавляет эскорт?

– Цивильный комендант Оллари. Ему помогают полковник Нокс и ваш покорный слуга. Прикажете пересадить заключенного в вашу карету?

– Не стоит подвергать кэналлийского герцога подобному испытанию, — улыбнулся Левий. — С него достанет и общества брата Пьетро. По дороге в святую обитель узнику будет полезно узнать, что думал о нем преосвященный Оноре.

– И что же? — с удовольствием подыграл его высокопреосвященству Эпинэ.

Кардинал резко поднял голову, умело поймав взгляд Мевена.

– Епископ Оноре редко ошибался в людях, — отдельно произнес Левий, — и он не увидел в герцоге Алва зла. Я навещал кэналлийца в Багерлее и склонен согласиться с

преосвященным. Герцог Кэналлоа чрезмерно горд, невосдержан на язык и всем сердцем предан своему королю. Верность же павшим и самопожертвование есть величайшие из добродетелей, они не останутся без награды ни за Порогом, ни перед ним. Задумывался ли ты над этим, сын мой?

– Нет, ваше высокопреосвященство, – пробормотал Мевен. – Я могу идти?

– Разумеется, – разрешил Левий. – И помни, долг наш перед Создателем превышает долг перед земными владыками, и, в отличие от последнего, он вечен.

3

На зеленоватом, словно дурная торская бирюза, небе проступила половинка луны – слабенькая, дрожащая, полупрозрачная. Она висела над черным гребнем крыш, и не глядеть на нее было трудно.

– Первая четверть, монсеньор. – Нокс никогда не испытывал тяги к небу, но леденящий зеленый шелк встревожил даже его. – Я бы предпочел, чтоб мы ехали в Багерлее, а не в Ноху.

– Почему? – не сразу сообразил Ричард и немедленно пожалел о сказанном. Не следует задавать школярских вопросов подчиненным, даже самым верным и неразговорчивым.

– Не сто́ит иметь пол-луны за спиной, – неохотно буркнул Нокс, – тем более ржавой. Дороги не будет.

Дикон еще раз глянул вверх: месяц был обычным, тускло-серебристым, вокруг него уже проступили звезды.

Юноша старательно пожал плечами и поправил плащ.

– Это не наша дорога, полковник, а кардиналу и Ворону приметы не нужны.

– Не сомневаюсь, монсеньор. – Северянин больше не думал о небе. – Вы доверяете гимнетам?

– Мевена и Лаптона выбрал государь. – Святой Алан, Нокс сам на себя не похож. Сначала луна, потом эти расспросы. – Полковник, что с вами? Что-то случилось?

– Ровным счетом ничего, монсеньор... Просто я подумал, что этот Суза-Муза... Он может быть гимнетом, иначе как он всюду пробирается?

– Вполне возможно. – Не возможно, а так и есть! Только гимнеты сопровождают сюзерена повсюду. Гимнеты и граф Медуза!

– В таком случае в карету с герцогом Алва должен сесть цивильный офицер. Прошу меня простить, но Суза-Муза монсеньора ненавидит. Боюсь даже предположить, что будет, если он встретится с кэналлийцем.

Это так, забывать о неуловимом мерзавце нельзя. Граф Медуза объявил войну не только Альдо, но и Окделлу, и еще этот утренний ультиматум... Волны и Молнии уступили, Скалы – нет, теперь жди любой подлости!

– В карету сядет северянин, – отрезал Ричард. – Мевен поймет, а людям Айнсмеллера я не верю.

– Если монсеньор не возражает, я возьму это на себя, – Нокс запнулся, но решительно добавил: – Видите ли, монсеньор, мои люди... Они были очень преданы генералу Люра... Я не хотел бы рисковать.

Что сделает Карваль, оказавшись один на один с убийцей Робера? С убийцей, ушедшим от палача? Если люди Симона расправятся с его убийцей, исповедь Эрнани утратит силу, но обвинят Альдо. Тот же Левий и обвинит, а другие подхватят.

– А вы, Нокс? – Ричард положил руку на плечо северянину. – Вы за себя ручаетесь?

– Да, монсеньор, – полковник был слегка обижен, – могу поклясться.

– Я вам верю. Доложите Мевену, что мы готовы, и ступайте за... кэналлийцем. Мы и так задержались.

Нокс щелкнул каблуками и исчез. Солдаты без лишних слов принялись разбирать

лошадей, на ступени вышли два монаха, сгустившиеся сумерки превращали их в олларрианцев. Следовало подойти и заговорить, но не хотелось.

Дикон облизнул пересохшие губы и подошел к коню. Поправил поводья, с облегчением почувствовав живое тепло. Карас негромко вздохнул, из нежных ноздрей выбились струйки пара, большой, добрый глаз отсвечивал красным. Ричард поднял голову: половинка луны над острыми крышами и впрямь была багровой.

Глава 7 Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 19-й день Зимних Скал

1

– Вот ящерица, – шепнул Альдо, приподняв портьеру, – ты заметил? Он меня короновал, и он же ни разу не назвал меня в разговоре «ваше величество», а этот город – Раканой.

– Не ящерица, – таким же шепотом откликнулся Робер, чувствуя, что противен сам себе, – голубь.

Шутка удалась, Альдо весело подмигнул. Он не сердился на утренний приговор или делал вид, что не сердится.

– Ящерица или голубь, пора выходить. Если я не сяду за стол, неровен час, съем кардинала вместе с послами.

– Главное, подданных не ешь, – еще раз пошутил Иноходец, глядя в рыжую от горящих свечей приемную. – Они тебе еще пригодятся.

– Подданные невкусные. – Король Великой Талигойи одернул золотистый камзол и подхватил своего маршала под руку. – Пора являть себя волчьей стае. Слушай, неужели ты есть не хочешь?

– Нет, – признался Робер, – в Ружском, думал, проглочу кого-нибудь, а вернулись, как отрезало. Вот упасть и уснуть хочу.

– Потому и имена путаешь, – вздохнул сюзерен. – А не проглотил зря. Маршал должен быть хищным, иначе слопают.

– Хищных иноходцев не бывает. – Да что с ним такое, откуда это шутовство?

– Иноходец, говоришь? – Альдо махнул стоящим у дверей закатным гимнетам. – Хотел бы я увидеть, как Ворон с голубком уживутся. Спроси Левия при случае, он тебя любит.

– Не замечал. – Шутки шутками, а до конца далеко, до настоящего конца. – Не верю я клирикам... Еще с Клемента не верю.

– И правильно делаешь, – посерьезнел его величество, – но свое мы с них получили. Жезл наш, коронация прошла, теперь пускай подвинутся.

Выжать и выбросить... Откуда это у него, не было ведь раньше... Да нет, было, только не с тобой, а с женщинами да лошадьми. Мильжа сказал: кто загонит коня, тот и друга загонит. Бирисец думал про Адгемара, а вышло про Альдо.

2

Город притих. Темные улицы словно вымерли, лошадиный топот и скрип колес в выставшей, настороженной тишине казались неуместными, как смех на кладбище. Эскорт молча полз меж вжавшихся в землю домов, говорить не тянуло никого, даже Мевена.

В Октавианскую ночь тоже молчали, но иначе. Тогда все было другим, даже катящиеся перед факельщиками тени, а вот висела ли над крышами луна, Дик не помнил. Память сохранила запах дыма, багровые сполохи, колокольный звон и мерный топот за спиной. Тогда они шли в бой, но страха не было; теперь он пришел. Горели факелы, тряслись в седлах цивильники и гимнеты, и все равно было чудовищно одиноко.

Дикон поправил шляпу и придержал Караса, дожидаясь Мевена, хотя приближаться к карете не хотелось. Факельщики на рысях прошли дальше, свернули за черную, длинношеюю церковь, следом истаял первый десяток цивильников...

– Вы о чем-то вспомнили? – Гнедой Мевена в свете факелов стал рыжим. – Или просто заскучали?

– Сам не знаю, – Ричард шевельнул поводьями, – похоже, заскучал.

– С удовольствием разделю вашу скуку, – виконт приподнялся в стременах, глядя вперед, – чем дальше от Триумфальной, тем гаже дорога.

– Возле Триумфальной видели подозрительных всадников, – напомнил юноша, – а его величество не хочет стычки.

– В здешних лабиринтах можно подозрительный полк спрятать, – хмыкнул Мевен, – никто не проснется.

– Зато здесь нас не ждут, – напомнил Дикон, – Нокс проверял. Разрубленный Змей!

Лошади факелоносцев зауросили, не желая идти в проход меж двумя глухими стенами, за которыми угадывалось что-то темное и растрепанное. Тополя! В ветках запутался гнилой лунный обломок, тени черными мечами рубили улицу. Раздался шорох, блеснули два круглых глаза. Кошка!

– Вот ведь тварь! – Мевен с трудом удержал прянувшего вбок полумориска. – Нашла где шастать.

– Господин цивильный комендант, – доложил сержант, – переулок узкий. Четверо в ряд еще проедут, а как с каретой быть?

Спросить Нокса? Но он с Алвой, а карету лучше не открывать.

– Не останавливаться. – Выдра для засады выбрал похожий проезд, но сорок человек мелкой шайке не по зубам, а большому отряду в такой тесноте не развернуться. – Рысью!

Мевен окинул взглядом темную щель и окликнул гимнет-сержанта.

– Один человек у дверцы проедет, остальные – спереди и сзади. Станет улица пошире, перестроимся. Понятно?

– Да, господин гимнет-капитан.

Сержант завернул коня, Мевен почесал нос:

– На вашем месте, Ричард, я бы не связывался с Алвой, по крайней мере сегодня. Проводить его в Ноху мог и Рокслей.

– Я не боюсь, – отрезал Дикон. Справа зазвонил колокол, там была Дора.

– То, что вы не боитесь, вы доказали, – хмыкнул гимнет-капитан, и на душе у Дика потеплело. – Дело не в вас, а в Алве. Не стоит его раздражать. Представляете, что будет, если Ворону захочется свернуть голову Ноксу и отправиться во дворец, дабы настоять на поединке? Лично я не уверен, что полковник защитит себя и монашка. Цепи в карете мало помешают.

– Нокс – боевой офицер... Он не растеряется.

Мевен покачал головой:

– Вы не видели, как Алва управился с Гирке и Килеаном, а я видел. Впечатляющее зрелище. Будет лучше, если я присоединюсь к вашему полковнику.

Чья-то лошадь захромала и пошла шагом. Неровный стук копыт выбивался из общего топота.

– Нокс справится. – Остаться без Мевена среди грязных темных стен? Увольте! Северянин не станет ждать и тянуть, он, если что, ударит сразу, а Пьетро закричит. На это способен даже монах.

– Как хотите, – пожал плечами виконт, – но одного человека мало.

– Нас сорок, а я пока еще цивилильный комендант!

Зачем он это сказал? Мевен – друг, он хотел помочь, и он прав. Пусть посадит к Ноксу гимнета и успокоится, вот проедем старые аббатства, и пусть сажает...

За стеной уныло и равнодушно, словно исполняя надоевшую работу, завывала собака, ей ответил такой же бесплотный пустой голос. Лучше б здесь жили кошки. Они хотя бы не воют, но какое же гнусное место... Если что-то и нужно сносить, так это старые аббатства, они все равно насквозь прогнили.

– Отвратительное место!

– Монастырь как монастырь. Тут все такие.

Обиделся... Нашел когда! Дикон послал Караса вправо и вперед, подальше от заплесневевшей стены, и прикрыл глаза, но стена не исчезла. Грязная и старая, она была испятнана плесенью, а по ее утыканному гвоздями верху, сверкая круглыми голыми пятками, шла маленькая ювелирша.

– Девочка!.. Девочка, стой!

Дик пришпорил Караса, конь перешел на рысь, потом на кентер, оставив позади и карету, и эскорт, но догнать девчонку не удавалось. Малявка вприпрыжку бежала по гвоздям, оборачивалась, показывала зеленоватый язык, бежала дальше. Пахло мертвыми лилиями, цокот копыт перешел в болотное чавканье, Ричард оглянулся, сзади не было ничего, только плесень на стенах и лунная гниль.

– Трак-так-так, ты – дурак, – завопила девчонка, приставляя к носу растопыренные пальцы, – и тебя укусит рак...

3

– Проснись, – велел Альдо и тут же сам широко зевнул: – Пойдем, поприветствуем этот зверинец.

– Я готов. – Все утряслось, почему же он не радуется? Нету сил, или дело в старом клене, который теперь доживет до весны? Ты долго решался и наконец решился, а драки не будет. Ты оказался не нужен, Ворон перезимует у Левия, весной подойдет Савиньяк...

– Доброй ночи, господа. – Его величество широким жестом обвел разглядывавших гобелены приглашенных и уверенно направился к кардиналу. – Признаться, ваше высокопреосвященство, – сюзерен улыбался широко и беззаботно, – я рад, что вы приютите кэналлийца. Этот зверь слишком хлопотен в содержании.

– Я был готов освободить вас от него еще днем, – напомнил кардинал, трогая милосердного голубка. – Надеюсь, герцог Окделл скоро к нам присоединится.

– Вне всякого сомнения, – заверил Альдо, – мы не намерены отпускать гостей раньше полуночи. Окделл и Мевен появятся не позже половины одиннадцатого, разве что застрянут перед зеркалом.

Дикону сегодня не до зеркал. Сопровождать в Ноху собственного эра, а до этого бросить ему вызов... Мевен обещал не допустить встречи, но Дикон, чего доброго, попробует доказать то ли Придду, то ли себе, что не боится. Глупо...

– Молодым людям свойственно уделять внимание своей внешности, – кротко произнес его высокопреосвященство, – мы подождем цивилильного коменданта, сколько бы ни занял его туалет. Кстати, не могу не отметить, что зимой золотистый цвет выглядит приятней, нежели режущий глаза белый.

– Принцесса Матильда и моя названная кузина думают так же, – быстро произнес сюзерен. – Они привезли из Алати множество сундуков, неприлично держать их закрытыми.

– Без сомнения, – одобрил Левий, – тем более в глазах Создателя нашего бел лишь Эсператор, но когда мы увидим ее высочество?

– Моя предприимчивая бабушка с отрядом мушкетеров лично проверяет Кольцо Эрнани, – засмеялся Альдо. – Скоро она вернется, и я дам в ее честь большой прием.

– Гостеприимство Раканов поражает, – вступил в беседу кашляющий дуайен, – мой преемник будет счастлив попасть к столь блистательному двору.

– Но мы не желаем расставаться с вами, маркиз, – сюзерен выпустил локоть Робера и подхватил Габайру, – без вас Посольская палата опустеет.

– О, – старикашка прикрыл рот золотистым платочком, – граф фок Глауберозе более представительен, нежели я, и он отличается крепким здоровьем. Я бы не пережил известий, подобных тем, что граф получил из Хексберг.

– Граф фок Глауберозе – дриксенец, а значит, воин, – пришел на помощь оледеневшему союзнику Маркус Гамбрин, – воин вынесет больше купца.

– Кому это и знать, как не купцу, – ухмыльнулся в свой платок Габайру. – Увы, сударь, тревога гнездится не только на севере. Вы слышали, что мориски зашевелились и собираются на Межевых⁴ островах напротив гайифских берегов?

– Маркиз Габайру, – торопливо вмешался экстерриор, – когда мы увидим вашего преемника?

– Граф Ченизу прибудет на следующей неделе, – с готовностью объявил старикашка. – Это достойный во всех отношениях человек. Он пользуется исключительным расположением его величества Фомы и знаком с талигойскими... особенностями. Я узнал о его приезде прямо в королевской приемной, без сомнения, это доброе предзнаменование. Кстати, курьер, доставивший известие, проехал мимо Нохи и Ружского, простите, Гальтарского дворца и не встретил ни герцога Окделла, ни эскорта. Только людей его высокопреосвященства. Так странно...

– Действительно, странно, – согласился очнувшийся Рокслей, – на этой дороге невозможно разминуться.

– Ваше величество, – королевский дворец, Ружский, Ноха, ворота Лилий... Тут и впрямь не разминешься, – нелишне проверить, где эскорт. Я мог бы...

– Нет! – Сюзерен не сказал, а рыкнул и тотчас улыбнулся Роберу: – После лихорадки на холод?! Мы не можем рисковать нашим Первым маршалом накануне войны.

– Я должен проверить. – Проснувшееся беспокойство визжало все громче. – Карваль занят, Лаптон тоже, кроме меня некому.

– Гимнеты, скрестить копыя. – Альдо был непреклонен. – Вы останетесь с нами, Эпинэ, и сядете ужинать. Для беспокойства нет причин. Мы высоко ценим генерала Карваля, но у нас нет повода оскорблять недоверием гражданскую стражу и солдат гарнизона. К тому же утром прибыло подкрепление.

– Я видел лазоревые кокарды, – вступил в разговор посол Дриксен, – раньше их не было.

– Утром подошел кавалерийский полк Халлорана и шесть пехотных рот из ближайших гарнизонов, – пояснил сюзерен, удивив если не послов, так Робера. – Кэналлийцев должны ловить кавалеристы, но оставлять столицу без защиты было бы опрометчиво.

С эскортом все в порядке... Должно быть в порядке, просто они задержались на выезде. Расковался конь, сломалась ось у кареты, Рокэ отказался ехать с клириком...

– Ваше величество, – румяный распорядитель грохнул об пол золоченым жезлом, до омерзения напоминавшим судейский, – столы накрыты.

Итак, Первый маршал не знает, какие войска входят в город. Красота!

Халлоран, пусть даже его вызвали приказом государя, обязан был доложить, но не доложил. Это не небрежность, это хуже.

– Господа, прошу, – Альдо мигом обратился в любезнейшего из хозяев, – дам и пулярок не следует вынуждать ждать.

⁴ Цепь островов в Померанцевом море, расположенных ближе к Багряным землям и занятым морскими шадями. Заходить за Межевые острова без разрешения морских шадов золотоземельцам не допускается. Исключение – кэналлийцы и марикуяре.

– О да! – Габайру вежливо рассмеялся. – Что первые, что вторые хороши, когда свежи, но, боюсь, мы шокируем его высокопреосвященство.

– Остывшее мясо не украшает стол, – пальцы кардинала пробежались по державшей голубка цепи, – но пастырю надлежит беспокоиться не об ужине, но о пастве. Я желал бы убедиться, что герцог Окделл благополучно следует в Ноху.

– Мы убедимся в этом еще до окончания ужина, – пообещал Альдо, – вдогонку Окделлу незамедлительно отправится разъезд. Боюсь, цивилизный комендант примет наше беспокойство за недоверие.

– Я разрешу его сомнения, – голубые глаза были внимательными и холодными, очень холодными, – ведь утешать усомнившихся и укреплять неуверенных – мой долг.

4

– Ричард, – кто-то с силой тряхнул юношу за плечо, – проснитесь!

Мевен, и ничуть не обиженный! Остальное – сон, мерзкий до невозможности, но в Олларии такое случается.

– Простите, задремал. – Хромую лошадь надо бросить, а всадник может встать на запятки, один человек там еще поместится.

– Бывает. – Виконт вытащил из ольстры пистолет, сунул назад, подумал и осенил себя Знаком. – Вы – смелый человек, герцог, а вот мне не по себе. Паршивое место, и луна паршивая. Нет, в следующий раз пускай Лаптон едет.

– Ноксу луна тоже не понравилась. – Дикон выдавил из себя усмешку. – Говорит, ржавая.

– Ржавая? – удивился гимнет-капитан. – Гнилая, как те цветочки... Помните, в гробнице?

– Еще бы, – буркнул Ричард, косясь на зловерное светило. Хорошо, что с ними Пьетро. Монах знал святого Оноре, у него должна быть настоящая эспера. Может, даже Адрианова...

– Не надо было лезть в гробницу. Началось с Франциска, кончилось Дорой...

– Узурпатору не место в храме, – откликнулся Дик, вслушиваясь в неровное клецанье. Проклятая кляча сбивала с шага весь отряд. Потеряла подкову?

– Пусть солдат, у которого захромала лошадь, встанет на запятки. Мы не можем его ждать.

– Захромала лошадь? – удивился Мевен. – Вы о чем?

– Мне слышалось. – Ричард огляделся: в первом ряду кони шли ровно, дальше было не разглядеть, но копыта стучали, как положено, и примыкающая к угловому дому стена была обычной, сухой и серой – ни пятен, ни плесени. Старые, выстывшие аббатства остались позади, вокруг тянулся Новый город с его домами, мастерскими, складами.

– Не понимаю я Олларов. – Мевен достал флягу, отхлебнул и протянул Дикону: – Хотите? Будь я на их месте, я б эти могильники срыл под корень.

– Я бы тоже. – Дик с благодарностью глотнул вина. – Вы все еще намерены пересечь в карету?

– Пожалуй, нет. – Мевен поднес флягу к уху и потряс. – Но больше я сюда не ногой, уж лучше кэналлийцы...

– Вы суеверны, как бергер, – посетовал Дикон. Камень с души свалился, но голова оставалась тяжелой. Чтобы окончательно проснуться, требовалось хоть какое-то дело. Юноша привстал на стременах: – Надо же, мы почти у поворота на Вдовью площадь.

– Вы слишком крепко спали, – усмехнулся гимнет-капитан. – Поворот на Вдовью мы проехали минут десять назад.

– Разрубленный Змей! Мевен, почему вы раньше не сказали?

– Потому что не знал, куда вы столь уверенно направляетесь, – зевнул гимнет-

капитан. – Хотите повернуть?

– Даже не знаю, – протянул Дикон. – Карета тут, пожалуй, развернется...

– Воля ваша, – откликнулся Мевен, убирая флягу, – но так мы скоро доберемся до Желтой, а с нее все равно попадем в Ноху, только по другой улице. Возвращаясь назад, мы потеряем больше времени.

– Хорошо. – Дик пожал плечами и послал Караса вперед. Линарец согласно взмахнул хвостом и с видимым удовольствием зашагал неширокой сонной улочкой. Все было спокойно, уютные двухэтажные домики мирно спали, как и вымощенная барсинским камнем площадь с молчащим фонтаном посередине. Дик придержал коня, любуясь осевшим на танцующих птицедевах инеем.

За раскинутыми крыльями начинался город Франциска, который пора переименовывать. Жаль, Оллария росла, куда придется, как ее ни крои, равнозначных частей не получится. А как заманчиво разделить столицу на четыре части и назвать по-гальтарски – город Скал, город Ветра, город Молний... Юноша приласкал благодарно всхрипнувшего Караса и оглянулся на приближающиеся рыжие отблески. В Желтую площадь со стороны аббатств вливалась одна улица, а в город Франциска вели целых три.

Куда сворачивать, Дикон не представлял, но дважды ошибиться дорогой было бы неприлично. Оставалось спросить у Мевена или выслать вперед разведку. Дикон отсалютовал стынущим под луной крылатым красоткам и завернул коня навстречу факельщикам. Страхи рассеялись вместе с дремотой, а сверкающая инеем и звездами ночь была прекрасна.

– «Чем горше сон, тем слаще пробуждение, – невольно прошептал юноша, – чем ночь темней, тем радостней рассвет...»

– Да, монсеньор? – На физиономии сержанта-цивиляника застыло удивление.

– Это Веннен, – засмеялся Ричард, – и он, как всегда, прав. Надеюсь, вы знаете, какая улица ведет в направлении Нохи?

– Конечно, монсеньор, – перевел дух вояка. – Аптекарская.

– Вот ее и проверьте, – велел юноша. – Да поживее, поздно уже.

– Слушаюсь. – Цивильник, не забыв отдать честь, махнул двоим солдатам: – За мной.

Конские подковы застучали по спящим камням. Обычные подковы обычных лошадей. Вот и все! Через полчаса они в Нохе, а к полуночи – во дворце. Катари тоже в Нохе, но к ней ночью не войти, и вообще, пусть успокоится. Женщины, даже лучшие, никогда не поймут смысла войны и справедливости победы. Они будут защищать проигравших, даже любя победителей...

Юноша неспешно двинулся вдоль ползущего конвоя. Сколько можно вспоминать кошмары! В Надоре собаки воют каждую ночь, а луна над башнями такая, какой здесь и не увидишь. Огромная, серебристая, а на сверкающем диске, если взглядеться, можно рассмотреть вставшего на дыбы Зверя.

– Вот уж не думал, что люблю мещанские кварталы. – Оказавшийся рядом Мевен деловито поправил шляпу. – Что-то я проголодался, а вы?

– А я – нет. – Пережитые страхи обернулись не голодом, а досадой. Ничего, в полнолуние он выпьет шадди и проедется старыми аббатствами. Кентером, чтобы не снилась всякая чушь... Огонь гасят огнем, а страх – взглядом в лицо!

– Монсеньор, – вернувшийся цивильник был доволен, – впереди тихо. Улица широкая, пятеро в ряд спокойно проедут.

– Отлично! – Мевен повернулся к Дику: – Надо взять карету в кольцо.

– На площади, – уточнил юноша. – Жду вас у фонтана.

Карас с готовностью перешел на рысь, догоняя факельщиков, на ограде углового особняка засверкал иней, развернули крылья уже знакомые танцовщицы, и тут же позади что-то треснуло, охнуло, закрипело... Грохнули выстрелы, пуля чиркнула по камням возле самых копыт Караса. Брызнули белые искры, линарец вскинулся на дыбы, ехавший слева факельщик свалился на камни, его факел за что-то зацепился, опалив круп соседней лошади.

Та, ошалева от боли, взметнулась свечкой, сбросила седока и исчезла в темноте. Откуда-то выскочили люди с мушкетами, сколько их было, Дикон не разобрал...

5

Грохот. Двое цивильников летят наземь, перепуганный Карас бьет копытами, в глазах мечутся факелы, сбоку что-то звонит и рушится.

Конь!.. Главное – подчинить коня... Леворукий бы побрал этих линарцев! Дикон обеими руками сжал шею жеребца, наваливаясь на нее всем телом. Если обойдется, на эту тварь он больше не сядет. Карас взвизгнул, опускаясь на передние ноги. Сона бы не взбесилась! Сона – умница, нужно ездить на ней и только на ней...

Толчок снизу, под ногу, неожиданный и сильный. Лошадиная спина куда-то делась, навстречу понеслись холодные камни, они распробовали кровь и хотели еще... Чьи-то лапы рванули пояс, кто-то огромный и горячий навалился сзади, Дик вскрикнул от боли в сведенных за спиной локтях и ощутил на горле острый, опасный холод.

– Смотри не придави, он тут из главных.

– Ага. – Похожий сразу на быка и на медведя здоровяк рывком поднял Дика на ноги. Рядом второй, тоже не маленький, удерживал хрипящего линарца, позади что-то мелькало и лязгало.

– Господин полковник, вот, взяли.

– Хорошо! – Лица офицера не разглядеть, только ногу в стремях. – Связать руки и – к карете. Остальные?

– Сдались.

– Хорошо, – повторил старший, звякнул поводьями, и убрался. Ричард судорожно вздохнул, но в горле застрял холодный, липкий ком. Сердце бешено колотилось, во рту сразу пересохло, грубые веревки резали запястья. Дик попытался ослабить узлы и заработал тычок в спину.

– Пошли!

Сбоку вспыхнули новые факелы, свет отскочил от мушкетных стволов, но лица стрелков остались в темноте. Ворота углового особнячка были распахнуты, во дворе приплясывали оседланные кони, их держали солдаты. Чужие. Дальше понуро стояли гимнеты, двое скорчились возле опрокинутой решетки. Так вот что звенело, когда взбесился Карас...

Юноша споткнулся о какую-то оглоблю, упасть не дал конвоир.

– Где полковник, Тобиас?

– На площади, – буркнул «Медведь», – добычу считает. Вот, еще один...

Мевен был жив. Скулу виконта украшала ссадина, запястья были стянуты так же, как у Дика.

– Спокойно, – шепнул гимнет-капитан, – только спокойно. Мы ничего не можем.

Перевязи на Мевене не было, плащ тоже куда-то делся, а на мундире недоставало пуговиц.

– Это не кэналийцы, – прохрипел Дик. – Кто это?

Мевен не ответил. Становилось все холоднее, руки болели так, словно их жалили все муравьи мира.

– Дорогу!

Из темноты улицы выкатилась карета, скрипнула, остановилась. Тот, кто спрашивал про полковника, вскочил на подножку и распахнул дверцу. Внутри зашевелились, и из кареты вывалилось тело. Кони дернулись и захрапели, один из солдат поднял факел, круг света накрыл полковника Нокса желтым саваном.

– Милосердны будьте, ибо Он милосерден. – Пьетро замер на подножке, не зная, куда поставить ногу. Монаха била дрожь, но свои четки он не бросил.

– Отодвиньте, – приказал какой-то офицер. Медведь-Тобиас ухватил Нокса за ноги и рывком отшвырнул. Лицо мертвеца было искажено, на открывшейся шее чернела широкая полоса.

– Брат мой, дайте руку. Вам ничего не грозит.

Пьетро вздрогнул и оперся на огромную лапищу. Тобиас ловко поставил монаха на землю и вдруг... раздвоился. То есть из кареты вылез еще один великан. Брат?

– Факелы поднять! – Офицер поправил мундир и обнажил шпагу. – На караул!

– Господа, это лишнее! – Рокэ Алва, звеня цепями, спрыгнул наземь и огляделся. – Доброй ночи, герцог. Это все-таки вы! Несколько неожиданно, но, не скрою, приятно.

Нужно отвечать, но ответ не находился. Дик смотрел на своего эра, а тот улыбнулся и слегка приподнял бровь, возвращая Ричарда в навсегда ушедшее. Навсегда потому, что мир между ними невозможен. Повелитель Скал верен Альдо Ракану, а в Талигойе Раканов места Воронам нет.

– Господин Первый маршал, мы в полном вашем распоряжении! Какие будут приказания?

Валентин! Валентин со своей спесивой миной среди факельщиков и... Эта тварь сняла траур!

– Предатель! – Вербки вгрызлись в кожу, но было не до них. – Подлый предатель!..

– Ричард, – негромко велел Мевен, – тихо.

Так вот с каким «герцогом» заговорил Ворон... Это дело рук Спрута и его стрелков, расплзшихся по городу с попустительства Робера.

– Я убью его! – Кто-то повис у Ричарда на спине, кто-то вцепился в плечо. – Пусти! Обоих... Предатели!

– Говорите, приказания? – Рокэ склонил голову набок. – Найдите что-нибудь выпить, успокойте Окделла, снимите с меня цепи и доложите обстановку. Чем располагаете вы, сколько в городе войск, где они?

– Тобиас, убери этого... Повелителя. – Спина Валентина загородила Ворона, спина предателя, в которую нет возможности всадить кинжал.

– Не слишком далеко, – поправил Алва, подставляя скованные руки кому-то плечистому, – он тоже может быть полезен.

– Создатель хранит ходящих в незлобии и прощающих врагов своих, – пробормотал Пьетро, закрывая лицо Нокса подобранной тут же шляпой.

Глава 8

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Вечер 19-го дня Зимних Скал

1

Левий, как и положено голубку, отщипнул кусочек хлеба. Его высокопреосвященство улыбался. Альдо улыбался еще шире. Неужели научился проигрывать?

– Герцог, вы совсем ничего не едите, – гайифский посол была сама озабоченность. – Вы дурно себя чувствуете?

– Я здоров, – буркнул Эпинэ. Пулярки правили свой последний бал, послы и придворные жевали, гимнеты смотрели, слуги нюхали, и все ждали известий, а может, и не все. Подавальщикам все равно кому подносить тарелки, лишь бы было что уволочь домой...

– Повиновение государю, – возвестил закатный гимнет. – Гонец из Нохи к его высокопреосвященству.

– После ужина, – сюзерен небрежно поднял бокал, – все дела после ужина.

– Пища земная есть средство к существованию, но не цель и не суть его. – Левий промокнул губы салфеткой. – Я выслушаю.

Альдо усмехнулся:

– Ваше высокопреосвященство, мы уважаем тайны церкви, но чтобы узнать о водворении Алвы в Ноху, вставать из-за стола необязательно. Гимнет, пусть гонец войдет.

– Это тоже не обязательно, – усмехнулся Левий, – пусть посланец доверит новость гимнету.

Гонцов лучше расспрашивать без свидетелей, тем более таких. Уж лучше гимнет передаст чужие слова – и все.

– Ваше высокопреосвященство, вы не боитесь жить под одной крышей с еретиком? – полюбопытствовал выздоравливающий ургот.

Сюзерен засмеялся и отодвинул тарелку.

– Наш кардинал очень смел, – объявил он. – Мы обеспокоены его безопасностью больше, чем он сам.

Левий живо повернулся к сюзерену:

– Святой Адриан и память преосвященного Оноре укрепляют меня, – сообщил он, разглядывая королевские цепи, – к тому же страшен не черный лев, но гиена в овечьей шкуре, и не воин с мечом, но отравитель и лжец.

О ком это он? О вновь водворенном в Багерлее Штанцлере или о гостеприимном хозяине?

– Повиновение государю. – Вернувшийся закатный был растерян или это только казалось?

– Мы слушаем.

– Мой государь, гонец послан тенъентом охраны его высокопреосвященства Дексером. Дексер с двумя десятками солдат отправился навстречу эскорту герцога Алва, едва пришло известие о его выезде. Отряд достиг Гальтарского дворца и никого не встретил, о чем тенъент счел нужным уведомить его высокопреосвященство.

– Весьма странно, – кардинал поправил эмалевого голубя, – и весьма неожиданно. Если б разверзлась земля и поглотила грешника вместе с эскортом, Дексер узрел бы бездну, он, знаете ли, весьма наблюдателен.

– Возможно, они не проезжали Триумфальной, – предположил маркиз Габайру и покосился на кардинала. – Не мог ли герцог Окделл, разумеется, по ошибке, вернуть узника в Багерлее?

– В таком случае, – не моргнул и глазом Левий, – ошибку следует исправить. Я немедленно отправляюсь в Багерлее.

– Это исключено, – огрызнулся Альдо. – Цивильный комендант и гимнет-капитан знают, куда везти узника. За Алву, пока он не в Нохе, отвечают они, и только они. Ваше высокопреосвященство, этот человек слишком опасен, чтобы оставлять его на попечении адептов ордена Милосердия. Его и дальше будут охранять гимнеты.

– Лев, и в клетке сидящий, пугает овец, – улыбнулся клирик. – Мне понятны ваши опасения. Четырежды в день гимнеты смогут убедиться, что Рокэ Алва там, где ему надлежит быть. Сейчас же я настаиваю на поисках герцога Окделла.

– Я распоряжусь, – чужим голосом произнес Эпинэ. – К сожалению, генерал Карваль отсутствует, но я пошлю Пуэна.

– К Окделлу уже отправлен разъезд, – напомнил сюзерен, – к тому же с Ричардом Мевен, Нокс и сорок солдат, не считая благочестивого брата. С помощью Создателя доберутся.

перебирал. Тощие пальцы отсчитывали жемчужины, мелкие, плохонькие, чуть ли ни болотные, но руки... Они свободны! Зачем связывать овцу?

– Пьетро... Именем святого Оноре, развяжите нас!

Испуганный, непонимающий взгляд. Чего удивляться: тот, кто трусил в Октавианскую ночь, струсит и в эту.

– Пьетро, ваш долг...

– Все мы должники Создателя и кредиторы Леворукого, – проблеял монах, – прими в свое сердце первого, отринь последнего и будешь спасен.

– Тупица, ты пойми...

– Окделл, успокойтесь, – привалившийся к морщинистому стволу Мевен поднял голову, – мы сейчас ничего не можем, нужно ждать!

Ждать, пока Ворон со Спрутом удерут, как удрали во сне?! Но как же все совпало, даже неровный лошадиный цокот.

– Мевен... Мевен, вы меня слышите?

– Да. – К правой щеке гимнет-капитана прилип высохший листик. Виконт раз за разом вытирал щеку о плечо, но лист держался.

– Мевен, нужно... Мы должны сообщить Альдо... Мевен?

– Помолчите!

– Не поддавайтесь пустому гневу и словоблудию, – пробормотал монах. Смотреть на него было тошно, любоваться на выпясывающего перед Алвой Спрута – нестерпимо. Не спасало даже чувство правоты. Ну и что, что ты предупреждал сюзерена, а тот не слушал? Правотой меряются после победы, а она ускользает по милости сбежавшего к убийце ублюдка.

– Виконт Мевен, – офицер в лиловом. Знакомое лицо... На коронации он держал Спруту стремя, теперь держит пистолет, – вставайте, вы нужны.

– Кому? – Мевен дернул головой, избавившись наконец от докучливого листка, проступила кровь. Это только ссадина, но Придду свидетели его подлости не нужны.

– Герцог Алва хочет задать вам несколько вопросов.

Алва, не Придд!

– Идемте. – Гимнет-капитан неуклюже – мешали связанные за спиной руки – оторвался от черного ствола. Пьетро суетливо отступил, давая дорогу жертве и палачу. Чего хочет Ворон? Мевен не перейдет на сторону Олларов! Он не предатель!

– Мы идем вместе, – отчеканил Дикон, – наш разговор с Приддом не окончен.

«Спрут» пожал плечами:

– Когда вы потребуетесь, – процедил он, – за вами придут.

Их с Мевеном ждут пули, и это в лучшем случае, Алва врагов предпочитает вешать. Святой Алан, пройти Октавианскую ночь, две войны, Дору и проститься с жизнью на каком-нибудь каштане в полухорне от ничего не подозревающего сюзерена!

– Я иду с вами!

Офицер молча кивнул ближайшему охраннику. Грубая солдатская пятерня вцепилась в плечо, отделяя от уходящего друга, Дик рванулся, на помощь капралу подоспел долговязый мушкетер.

– Мевен! – закричал Дик, выдираясь из лиловых лап. – Мевен, держитесь!!!

Виконт не оглянулся. Он медленно шел, почти плыл сквозь разодранную факелами тьму, ноги Мевена обнимали тени, длинные и тонкие, словно плети. Сколько факелов, столько и теней, а человек – один.

Солдаты ослабили хватку, решили, что пленник сдался. Дик не стал выводить их из заблуждения. Если б только Пьетро не был таким трусом! Развязать веревки – это все, что от него требуется, даже не развязать, найти что-то острое... Ворон не должен добраться до армии, иначе конец всему!

Святой Алан, Альдо еще ничего не знает! Помощи ждать неоткуда, когда сюзерен узнает правду, Алва будет далеко, а герцог Окделл умрет. Со связанными руками,

бессмысленно, позорно, упустив самого страшного врага анаксии. Они с Ноксом обманули всех, кроме Придда. Опасаться кэналлийцев и угодить к «спрутам»... А вдруг засады были везде? Хуан засел на Триумфальной, Придду достался кружной путь, а Карваля обманом выманили из города. Маленький генерал опоздал в Дору, опоздает и сейчас.

3

– Мы весьма высоко ценим генерала Карваля и его людей, – обрадовал его величество. – Мы надеемся, что он вернется с добычей или, по меньшей мере, вынудит Давенпорта убраться за пределы Кольца Эрнани. Но полностью исключить нападение нельзя – пока шел суд, в окрестностях Гальтарского дворца были замечены люди, похожие на кэналлийцев, а разъезды видели за Данаром два крупных отряда...

– Могу ли я сделать вывод, – подался вперед гайифец, – что Давенпорт, вопреки полученным с севера сведениям, жив?

– Увы, – подтвердил сюзерен, – ложными оказались ВСЕ слухи о смерти этого человека. Давенпорт прекрасно знает Ракану, а его наглость не имеет границ. Весьма вероятно, что он один или же с кэналлийцами готовил нападение на эскорт.

Посол Ургота негромко закашлялся, прикрыв рот желтой старческой ладонью, гайифец поправил салфетку.

– Означает ли это, что герцогу Окделлу и виконту Мевену предписано ехать кружным путем?

– Им предписано передать Алву его высокопреосвященству, – Альдо слегка поклонился, – но я не удивлюсь, если они направились в объезд.

– Мимо Доры? – Очнувшийся Рокслей с недоумением смотрел на сюзерена. – Это проклятое место.

– Вы становитесь суеверным, граф, – покачал головой гайифец, – церковь этого не одобряет, не правда ли, ваше высокопреосвященство?

– Церковь не одобряет неуважение к смерти, – поправил кардинал, – но церковь и не отрицает огульно народных примет и поверий. Дора вряд ли опасна нескольким десяткам вооруженных мужчин, но одиноким путникам после захода солнца там лучше не показываться. Что до Давенпорта, то я не могу подвергать жезл Эрнани опасности. Святыня останется в Нохе, пока не станет очевидно, что отряд в сорок человек без особого риска преодолеет путь до дворца.

– Если Давенпорт столь опасен, – поежился ургот, – как вышло, что Посольскую палату не предупредили о возможной засаде? Ведь мы все, повторяю, все ездим Триумфальной улицей.

– Для паники нет никаких причин, – заверил Альдо. – Да, мы отправили генерала Карваля, как наиболее опытного в подобных делах, прочесать юго-восточные предместья, но город не остался без защиты.

– Тогда какой смысл везти Алву в обход? – не понял Габайру.

– Герцог Окделл молод, – улыбнулся сюзерен, – днем он проявил отвагу, сейчас проявляет предусмотрительность.

Какая милая шутка, только что-то в ней не то. И в голосе не то, и в том, как старательно глотается мясо и пьется вино. Альдо не ест, не пьет, не шутит, он делает вид.

– Отвага герцога Окделла принадлежит ему самому. – Левий придвинул тарелку к краю стола. – Но вот кому принадлежит его предусмотрительность? Герцог Эпинэ, не будете ли вы столь отважны, что пошлете к Окделлу гонцов?

– Эпинэ будет предусмотрителен, – ввернул Альдо, – и не станет вмешиваться в чужие дела. Гимнет-тенъент, пошлите курьера к Мевену.

– Это весьма... предусмотрительно. – Кардинал невозмутимо впился в цыплячье крылышко; сюзерен пьяно стукнул по столу и расхохотался, но он был трезвей Левия.

Они о чем-то говорили – Мевен, Спрут и Ворон. Слов Дик не слышал, лиц в свете факелов тоже было не разглядеть, только темные, окруженные закатным ореолом силуэты. Рокэ замер, скрестив руки и слегка выставив вперед ногу, на груди Валентина плясали рыжие блики – мерзавец озабочился надеть кирасу. Мевен то и дело поводил плечами, то ли от чего-то отказывался, то ли разминал затекшие локти.

– Молчите! – Зачем он кричит, им нечего сказать, кроме того, что они правы перед государем и Талигойей.

– Поберегите горло, сударь. Ночь холодная, можете простудиться!

Еще один негодай, и тоже знакомый, только мундир раньше был другим – красно-белым!

– Предатель!

– В ваших устах это звучит глупо. Посторонитесь!

Оседланные лошади, десятка два и отдельно пара морисков. Серый Придда и вороной... Моро?!

Черный конь, Придд, Ворон, ночь, кровь на камнях – все это уже было, только вместо Старого парка – спящий город, и нет ни Соны, ни пистолета... И это не сон, это все наяву! Выходит, Робер тоже?! Нет, у Моро не было белой звезды на лбу, а Робер – не предатель. Кто угодно, только не Иноходец, иначе его бы не пытались убить!

– К забору! – Нос у капрала сбит на сторону, бровь рассечена. Война или подлость? – Живо!

Очередной тычок в спину, бессильная ярость, боль в руках... Пьетро подбирает свой балахон, послушно трусит следом, только колокольчика на шее не хватает.

– Тобиаса не видел? К монсеньору!

– За домом глянь!

А факелов стало больше, много больше, и все равно здесь не все. Гвардия у Волн не меньше, чем у Молний и Скал. Если б Нокс взял с собой северян, но он не хотел мести за Люра и поехал один... Бедняга!

– Посторонись!

Несколько всадников срываются с места, исчезают в темноте, а напротив, в десятке шагов, – Алва. Валентин рядом, а Мевена увели. Куда? Что он рассказал? Гимнет-капитан не знает тайных проходов во дворец, а Ворон?!

Сколько же в нем фальши! Молчать и смотреть в окно, изображать проигравшего и ударить в спину! Алве весело, а Спруту – нет, Спруту что-то не нравится, аж в лице переменялся, или это блики? Рыжие блики и боль в руках заполняют ночь, а луна исчезла. Луна забрала Нокса, умылась кровью и растаяла.

Солдат отбросил выгоревший факел, засветил новый, из-за лошадиных спин показался высокий полковник, с ним двое солдат и тенъент из «цивильников». Кто – со спины не узнать, но не предатель, а пленник, шпаги нет, руки связаны. Высокий присоединился к Придду, и Дик его узнал. Граф Гирке, в прошлом виконт Альт-Вальдер. Этому есть за что благодарить Ворона: свой титул он снял с его клинка.

Гирке четко, как на смотре, отдал честь, Алва знакомо кивнул и протянул руку, в которую предатель и вцепился. Потом вперед вылез цивильник и торопливо заговорил. Факелы осветили исполненное усердия лицо. Этот тенъент ехал за каретой, у него была чалая лошадь. Пустое место, о чем с ним говорить, если только он не шпион, но шпионов не связывают. Значит, трус, как и все, собранные Айнсмеллером. Северяне так не лебезят, если б только они были здесь!

Ворон склонил голову к плечу, он всегда так слушал доклады. Мимо Дика пробежал капрал с корзиной, полной бутылок. Еще бы! Монсеньор потребовал вина, и верные

«спруты» добыли, только Алва не оценил, отмахнулся.

Болтун наконец замолчал, и его увели. Алва проводил его взглядом и развернулся боком, брови Валентина сошлись в одну черту. Гирке и безымянный капитан подались вперед, только что рты не открыли. Что-то пошло не так? Вернулся Карваль? Святой Алан, наверняка! Не станет же коротышка гоняться за кэналлийцами ночью! Южане шастают везде, они должны услышать выстрелы!

Ворон что-то сказал, что-то короткое, но Гирке едва не подпрыгнул. Валентин положил руку родичу на плечо и кивнул, Алва усмехнулся и покачал головой: он был уверен в себе, в своих словах, в успехе. «Спруты» переглянулись, и Дику отчего-то показалось, что речь о нем, но четверо у ворот смотрели на улицу...

Простучали копыта – Тобиас и его двойник подвели коней, в том числе и серого мориска. Выходит, Валентин куда-то собрался, а Ворон?! Великаны загородили стоящих, и Дик рванулся к ограде, он должен был видеть! Капрал ухватил юношу за предплечье, но Дикон даже не оскорбился. Солдаты, пули, смерть были рядом, и их не было. Юноша видел только Валентина и Ворона, Придд отдал честь, Алва ответил привычным небрежным жестом. Прихлебатель и господин, предатель и свихнувшийся убийца... Круг замкнулся, еще один круг! Спруты задолжали Раканам, а заплатили Ворону.

Придд сел в седло, звякнули удила, Тобиас набросил на плечи хозяину плащ. Серый! И шляпа серая. Куда он собрался? Три всадника вылетели со двора, следом рванулся четвертый, тот самый, с Золотой улицы... Варден, так его звали... Рэми Варден из Эпинэ, угостивший в Октавианскую ночь оруженосца Ворона касерой, далеко же он пошел! Тогда чесночник хотел убить Килеана, сейчас предал своего герцога и короля.

Алва прикрыл руками глаза и замер, а где-то на улице с места в галоп сорвались кони, много, не меньше двух десятков... Кэналлиец поднял голову, на темных губах играла та же шалая улыбка, что и раньше. Блеснуло стекло, Ворон запрокинул голову, ловя винную струю. Кэналлийский разбойник, шад, отродье Леворукого, кто угодно, только не эорий!

Сквозь уносящийся к Данару топот прорвался колокольный звон. Десять с четвертью...

Пустая бутылка с дерзким звоном врезалась в решетку, взметнулся и опал стеклянный веер.

– На удачу! – выдохнул капрал, возвращая Ричарда в Нижний город.

Алва, не глядя, потянулся за другой бутылкой. Так же долго, с наслаждением, не отрываясь, он пил после Дарамы, но тогда он еще был человеком, а вдоль Биры цвели сады. Как много мы запоминаем, до поры до времени не зная, что вмерзло в нашу память!

Конский топот стих, треск факелов стал громче, огонь плясал в бутылочных осколках рожими звездами, обещая свободу. Нужно только исхитриться и подобрать...

– Тихо! – непонятно кому рявкнул капрал.

Ричард вслушался: где-то у Башни Эльвиры раздались выстрелы, потом еще и еще. Затем наступила тишина.

Глава 9

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Вечер 19-го дня Зимних Скал

1

– Если вашему высокопреосвященству хочется увидеть Багерлее ночью, мы не станем этому препятствовать. – Альдо вздохнул, словно ментор, отчаявшийся унять воспитанника. – Вас проводит Лаптон и рота гимнетов.

– Не разумнее ли отправить их на поиски пропавших? – предположил кардинал. –

Уведомить герцога Окделла о его ошибке я смогу без помощи мушкетеров. С другой стороны, в столицу, воспользовавшись отсутствием Карваля, могут проникнуть головорезы Давенпорта.

– Увы. – Дуайен вздохнул и закашлялся. – Я не очень смелый человек. Мне неприятно ездить ночью по городу, в котором рыщет господин Давенпорт. Ваше высокопреосвященство, нам с вами по пути, я хотел бы присоединиться к вашему эскورتу.

– Буду рад. – Глаза кардинала ласково и тревожно взирали на его величество. – Мне кажется разумным объединить усилия по поимке Давенпорта. Я готов передать под начало генерала Карваля часть моих людей, размещенных по настоянию прошлого гражданского коменданта за пределами города. Тех же, кто не будет занят поисками кэналлийских разбойников, я переведу ближе к Нохе, чтобы предотвратить попытку освобождения узника.

– Если поиски, предпринятые генералом Карвалем, не завершились тем успехом, на который мы рассчитываем, – заверил Альдо, – нам останется лишь с благодарностью принять предложение.

Герцог Эпинэ, поскольку гимнет-капитан Лаптон отправляется с его высокопреосвященством, вы, как Первый маршал, принимаете на себя его обязанности. До возвращения Лаптона охрана дворца возлагается на вас и графа Пуэна.

Иными словами, сам сиди на месте и южан держи, но в Багерлее Алву не повезли, это слишком даже для Альдо.

– Государь, я должен принять дежурство у Лаптона.

– Десяти минут вам хватит?

– Вне всякого сомнения. До возвращения Лаптона я останусь в комнате гимнет-капитана.

– Ступайте! – Альдо повернулся к гостям. – Ваше высокопреосвященство, господин Габайру, у нас есть десять минут, и мы потратим их с пользой. Сейчас подадут десерт.

2

Это был патруль, патруль, нарвавшийся на предателей. Неужели всех перебили? Если солдаты были пешими – скорее всего, а кавалеристы ловят кэналлийцев. Боялись Хуана и прозевали Спрута, но выстрелы ночью разносятся далеко, их обязательно услышат. Левий должен был послать кого-то навстречу, поднять тревогу. Должен... Только их ждали со стороны Триумфальной, там и станут искать в первую очередь, но с кем же была перестрелка?

– Пьетро!

– Да, брат мой?

– Пьетро, солдаты Ле... его высокопреосвященства проверяют окрестности?

Монах удивленно заморгал:

– Солдаты, проводившие нас сквозь земли горящие, стоят за пределами города. Его высокопреосвященство по слову господина твоего взял в Ноху лишь две сотни человек, и мы приняли это с кротостью и пониманием. Плох тот пастырь, что стережется паствы своей.

Две сотни? Дик готов был поклясться, что «серых» в Нохе больше.

– Нас найдут, – твердо сказал юноша, – должны найти.

Полк Халлорана, как же он забыл! Его ввели в город только сегодня и разместили между Нохой и Певанским предместьем. Перестрелка вышла с его разъездом, а церковники засели вдоль короткой дороги, улицы они не патрулируют...

– Ведите! – скомандовал очередной «спрут», махнув рукой в сторону особняка. За лиловыми спинами стражников зашевелились дожидавшиеся своей участи гимнеты. Безоружные и связанные, они понуро побрели в глубь двора, в темноту, и Дик потерял их из виду. Мевена среди пленных не оказалось, и это могло означать самое худшее. Вспомнился лежащий на земле Нокс, нелепо раскинутые ноги, страшный след на шее... Отгоняя

настойчивое виденье, юноша прикрыл глаза и поднял голову, пытаясь за деловитой солдатской возней расслышать хоть что-нибудь, но город как вымер – ни крика, ни выстрела, ставень и тот не хлопнет.

– Пошли! – скомандовал кривоносый капрал. Вернулся и распоряжается!

– Я никуда не пойду, пока не узнаю, где гимнет-капитан Мевен!

– Пойдешь, – «спрут» бесцеремонно ухватил юношу за локоть, – шевелись! Брат, верхом едешь?

– Если того требует мое служение...

– Требуется. – На монаха кривоносый не смотрел, сосредоточившись на Дике. Можно ударить по колену, а потом? Двор полон «лиловыми», руки связаны, оружия нет... Юноша закусил губу, глядя, как «спруты» садятся на коней и выезжают за ворота. Ни Ворона, ни Гирке, ни Мевена видно не было, всем распоряжался незнакомый капитан в лиловом.

Чужие окрики, связанные запястья, мундир без перевязи и бессилие – это и есть плен...

– Развяжите руки! – Если развяжут, вскочить на крайнего жеребца и вперед, в ночь!

– Обойдешься. Подсадите их!

Первым в седло забросили Пьетро. Тощенький монах покачнулся и смешно вцепился в поводья.

– Не упадешь?

– На все воля Создателя.

– Теперь второго!

Это не Карас, а какая-то кобыла, то ли гнедая, то ли рыжая, в свете факелов не разобрать. Поводья привязаны к чужому седлу... К седлу кривоносого! Проклятье...

Капрал проверил пистолеты, что-то буркнул и тронул коня. У решетки призывно блеснули бутылочные осколки, кобыла переступила с ноги на ногу и послушно потрусила за поводырем.

3

Люди, лошади и карета растаяли в ночном городе, а сюзерен ужинает. Не бросается на стены, не рычит, не трясет гимнетов, а кушает желе. Потому что знает, куда делись Дикон с Мевеном, не ждет их и не хочет, чтобы их нашли. Потому он и от Карваля избавился.

– Монсеньор, – порученец графа Пуэна тяжело дышал: надо полагать, бежал бегом если не из Нохи, то по дворцу, – из Старого города они выбрались, а дальше как корова языком... Люди Левия никого не видели, кажется, так и есть.

– Откуда ты знаешь, что они добрались до Нового? Шадди хочешь?

– Расспросил горожан, – улыбнулся тенъент, – нам открывают.

– Шадди будешь, спрашиваю? – Да, южанам открывают, и это еще пригодится.

– Спасибо, монсеньор, если можно, вина... Холодно!

– Возьми у гимнетов. Окделл свернул к Доре?

– К Тополиному проезду, там их в последний раз и видели. Люди огни гасят, но не спят – трясутся, а тут такое на улице. Ясное дело, сразу к окнам.

– Значит, до аббатств ничего не случилось?

– Ехали спокойно, как положено. Факельщики, цивильники, гимнеты вокруг кареты, герцог Окделл – сразу за факельщиками, Мевен возле дверцы. Свернули в Тополиный, я думал, они у Доры вынырнут или у святого Хьюберта. Не было их там, и на Железной не было.

В старых аббатствах не живут, там свидетелей не будет, разве что нетопыри, но Дикон никогда не убьет пленника. Сильного, непобедимого, удачливого врага – да... Чтобы спасти друзей и свою любовь, но любовь теперь за Ворона. Катари Алву не обвиняет, Дик не может это не понять, а Мевен... Мевен не мерзавец, не дурак и не убийца. Виконт везет, раз уж его оседлали, но подлость такому не поручат, это не Люра.

– Согреешься, возьмешь две дюжины солдат. Проедешь Новым городом по кромке аббатств, потом – по городу Франциска, где-то они должны были выехать.

– Да, монсеньор. – Радости в голосе не чувствовалось: еще бы, опять из тепла да в холод. – Только зря они туда сунулись... Кони туда по ночам идти не хотят, помните, третьего дня?

– Помню.

Нечисть не виновата. Сорок человек с лошадьми и каретой она не сожрет, это людские игры, но Альдо отослал Карваля утром, когда не сомневался в приговоре. С утра убийство было ни к чему, ведь Алву собирались казнить. Тогда чем мешал маленький генерал? Сюзерен затеял похищение? Решил вытрясти из кэналлийца меч и гальтарские тайны? Абсурд. Ворон ничего не скажет, уже не сказал, как Морен ни старался! И вообще похищение – лучший способ раздуть слухи. Те самые, что его величество желает пресечь. Показать Алву послам и дать ему исчезнуть? Эта даже не глупость, это безумие, и вдвойне безумие – выбрать в подручные Дикона и пустить в карету монаха, каким бы бараном тот ни был.

– Господин Первый маршал, – уже полуночный гимнет торопливо отдал честь, – в городе Франциска слышали выстрелы.

– Где? И кто?

– Где-то за Желтой площадью.

За Желтой?! Чесать левой ногой за правым ухом умнее, чем ехать в Ноху через Желтую, но все-таки...

– Едем! – Робер потянул с кресла плащ. – Поднимайте Пуэна.

– Куда это ты собрался? – Сюзерен стоял у дальней двери. – Ты сейчас гимнет-капитан, твое место при мне, а я никуда не еду.

– У Желтой площади стреляли.

– Мы знаем. – Альдо зло глянул на гимнета, и тот вышел, но южанин остался – глядел на «Монсеньора» и ждал приказа.

– Идите, тенъент.

– Что он тут делал?

– Докладывал. Люди видели, как Дикон свернул к старым аббатствам. Альдо, Лаптон вернется с минуты на минуту, с тобой останется Пуэн, а я найду Дика.

– Дикон сам найдется. – Альдо зевнул, но спать ему хотелось не больше, чем Роберу. – И с чего ты взял, что они у Желтой? Ты бы еще за Данаром поискал.

– Там стреляли.

– Солдаты передрались, или вора ловили. Да прекрати ты дергаться, не кардинал. Давай лучше о твоей свадьбе поговорим. Я обещал тебя отпустить после суда, ну так я тебя отпускаю. Сколько тебе нужно времени?

– Не знаю. – Отпускаешь или выгоняешь? – До Надора неделя, там еще одна и назад три. Зимой с каретой и женщинами быстрее не выйдет.

Выстрелы в ночи, там, где не ждали, не искали, не думали... Дику не нужно быть убийцей, достаточно из осторожности свернуть, куда добрые люди подскажут, а дальше – дело «Давенпорта».

– Альдо, я должен найти Дикона, – сейчас все и решится, – и я поеду.

– Нет, – отрезал сюзерен, отсекая надежду, – ты мне нужен здесь, Окделл мне нужен там, а Ворон мне не нужен вообще...

И поэтому ты его убил или убиваешь?! Роберу показалось, что он прокричал это вслух, но вокруг мирно горели свечи, а его величество поправлял манжеты и сыто улыбался. Все уже произошло, изменить ничего нельзя, остается ждать известий, прося неизвестно кого, чтобы все стало не так!

Глаза пленным не завязали, но толку от этого было мало: в городе Франциска Ричард бывал нечасто. Днем он бы еще смог отыскать улочку, где жил Наль, но темнота превращала мясницкие домишки в отражение друг друга. Фонарей не было, только в окнах оставшейся справа церкви мелькнул теплый мягкий свет. Что это была за церковь, Дикон не знал, не знал он, и который час, в голове все спуталось, даже плывущие над головой звезды стали незнакомыми. Юноша попробовал отыскать голубую Ретаннэ⁵, но впереди ее не было, а крутиться в седле Дик бросил после первого же окрика.

Если не можешь ни ответить, ни сбежать, остается смотреть вперед, не замечая окруживших тебя мерзавцев. И Дикон смотрел на дорогу, на круп идущего впереди коня, на висящие над коньками крыш созвездия. Было тихо и пусто – ни горожан, ни воров, ни стражников, только пару раз перебежали дорогу загулявшие коты.

Отряд шел на рысях, шел уверенно, чтобы не сказать нагло. Кто его вел, было не разглядеть, но Дику казалось, что Ворон: Гирке бы действовал осторожней – обвязал бы лошадям копыта, пробирался задворками, а не гнал напрямую, понять бы еще куда. О том, что случилось с Мевеном, Дикон старался не думать, но надежда еще раз увидеть гимнет-капитана растаяла, когда их с Пьетро вбросили в седла и потащили со двора. Будь виконт жив, он был бы с ними.

Взявшись за гимнет-капитана, Спрут просчитался, хотя выбора у него не было: Пьетро знал только молитвы, а Окделла Придд никогда ни о чем не спросит. Если б не Ворон, Валентин бы со своим врагом уже расправился, но Алва рассудил иначе. Почему? Переманить Повелителя Скал на свою сторону он не рассчитывает, допроса не было, значит, взяли в заложники. Скоро Альдо придется выбирать между жизнью друга и смертью врага. Сюзерен выберет друга и погубит империю: без меча Раканов и древнего знания с Вороном не совладать. Как ни дорога жизнь Повелителя, Золотая Анаксия дороже.

Где-то впереди раздался оклик. Патруль?! Наконец-то! Юноша плотнее сжал лошадиные бока, если б не привязанный к седлу кривоносого повод... Движение застопорилось, солдат ухватил под уздцы лошадь Пьетро, темные всадники сомкнулись вокруг пленных. Сколько в патруле человек, как далеко они от казарм? Если это цивилистики, толку не будет, но набранный Айнсмеллером сброд не рискнет остановить отряд... Это южане или кавалеристы Халлорана!

Оклик повторился, он звучал спокойно и дружелюбно. Незнакомый офицер ничего не знал, для него лиловые всадники были слугами одного из знатнейших вельмож Талигойи. Другими.

Дикон пошевелил связанными руками, за время пути веревки ослабли, но освободиться не получалось. Оставалось одно – закричать, и будь что будет! Альдо доверил им с Мевеном самого страшного своего врага, Мевен погиб, Алва почти на свободе, но из города ему не вырваться!

Каменные пальцы сдавили горло внезапно и сильно, юноша дернулся, судорожно разинул рот и едва не поперхнулся отвратительной жесткой тряпкой.

– Только вяжи, – кривоносый что-то с силой затянул на затылке, – в глотку пропихну.

Сухой комок раздирал рот, горло свело, из глаз хлынули слезы. Не от страха, не от злости – от боли. Дикон попытался вдохнуть, но грудь и шею сдавило, как во время гусиной⁶ лихорадки. Юноша опустил голову, пытаясь хотя бы немного вытолкнуть тряпку, сквозь удушье и звон в ушах донеслось равнодушное:

– Именем государя. Кто идет?

– Граф Гирке. Приказ Повелителя Волн.

⁵ «Нос Корабля» – звезда, указывающая путь на север.

⁶ Детская болезнь.

– Проезжайте.

Глава 10 Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Ночь с 19-го на 20-й день Зимних Скал

1

Лаптон наконец-то вернулся. Теперь в гимнетной торчал он, а Первый маршал Великой Талигойи любовался королевским кабинетом. Пустым. Сюзерен и друг куда-то выскочил, на прощание лихо подмигнув. Альдо был рад и счастлив, как всегда, когда удавалось кого-то облапошить, хоть Хогберда, хоть очередную вдову или ростовщика. Как же это было весело, пока не стало страшно.

Эпинэ прикрыл ладонями глаза, глазам стало легче, а память со всего маху саданула под ребра. Нельзя стать глупее глупца, упрямей упрямца и подлее подлеца, они с Карвалем попробовали и продули, а что теперь? Доиграть или опрокинуть стол? Ворон бы доиграл, но он умеет. Умел...

Дверь грохнула так, словно в нее вломился осенний лось, но это был всего лишь король.

– Ты опять прав, – объявил его величество. – Проклятье! Все гораздо серьезней, чем казалось...

Сейчас поднимет гарнизон, затопает ногами, потребует достать из-под земли. Теперь это можно, теперь надо утопить улики в воплях и возне. Что ж, представление продолжается!

– Что случилось? – Хорошо, Альдо носится из угла в угол, смотреть ему в глаза нет сил.

– Они в самом деле исчезли! – рявкнул сюзерен. – Все сроки вышли, а их нет. И в городе в самом деле стреляли!..

– Это известно второй час, – не выдержал Робер, – что изменилось?

Если не считать того, что тебе донесли об исполнении и ты изволишь гневаться. К кардиналу с дурной новостью сам поедешь или пошлешь глупого маршала?

– Говоришь, что изменилось? – окрысился сюзерен. – Ничего, только все сроки прошли! Все! Я тоже не железный, но анакс не может квохтать, как курица. Я ждал, потому что ничего НЕ МОГЛО произойти, а они пропали.

– Я сейчас разошлю разъезды.

– Гони всех, – разрешил Альдо, – то есть столько, сколько нужно. И держи в запасе резерв. Разрубленный Змей, этого быть не может!

– Всех? – хмыкнул Иноходец. – Откуда мне знать, кто в городе, а кто – нет. Халлоран мне не докладывался, и только ли он?

– Ну извини, – отмахнулся его величество, – это я ему велел. Хотел сделать сюрприз его высокопреосвященству...

– Мой государь, – вбежавший гимнет-тенъент явно понюхал монаршего гнева, – срочный курьер к Первому маршалу от полковника Халлорана.

– Сюда его! – Сюзерен повернулся к Роберу: – Хоть что-то кстати!

– Халлорана ты поставил у Нохи. – Робер уже ничего не понимал, но Альдо не врал. Он был вне себя, не хватало только мертвого гогана у камина.

– Мой маршал, – начал гонец и переменился в лице, увидев у окна сюзерена. – Мой государь, полковник Халлоран доносит, что два эскадрона вверенного ему полка преследуют отряд, предпринявший попытку отбить герцога Алва. Третий эскадрон перемещен непосредственно к Нохе и готов к бою, четвертый остается в резерве.

– Разрубленный Змей! – Альдо шумно вздохнул и бросился в кресло. – Кого преследуют? Где? Что вообще происходит?

Замечательный вопрос и какой своевременный.

– Суб-тенъент, – Робер довольно ловко оказался между высочайшим креслом и гонцом, – рассказывайте по порядку. Вы слышали выстрелы? Если да, то где и когда?

– Немногим позже десяти. Я только принял дежурство, – поняв, что от него требуется, кавалерист успокоился, – стреляли довольно далеко и скоро перестали, но я доложил полковнику. Он поручил подготовить два разезда, и тут снова началась стрельба, быстро смещавшаяся в сторону Данара. Полковник велел выслать разезды и поднять дежурный эскадрон.

– Что вы нашли? – Альдо и хотел бы не торопить, не получалось.

– Мы не успели выехать, потому что прибыл герцог Придд.

– Закатные твари! – Сюзерен был поражен не меньше Робера. – Что он делал у Нохи?!

– Ехал на исповедь, – с готовностью объяснил гонец, – услышал выстрелы, поскакал туда. Оказалось, у площади Трех Дроздов кэналлийцы напали на отряд, везший в Ноху Алву. Эскадрон атаку отбил, началось преследование.

– Кто был с Приддом?! – Нет, Альдо не притворяется, а гонец?

– Двое гвардейцев, очень больших, и раненый тенъент.

– Раненый?

– Легко. Герцог Придд был без шляпы и очень торопился... Он потребовал полковника. Потерять шляпу может каждый, даже Спрут, шляпу – не самообладание!

– Вы его узнали? Я имею в виду Придда...

– Да, господин Первый маршал. И полковник узнал.

– Что Придд еще сказал?

– Что разбойники уходят за Данар, их преследуют, надо помочь гимнетам и цивильникам и отрезать беглецам путь. Сам герцог Придд передал своих людей под командование капитана Мевена.

Что Валентин делал у Нохи, да еще со «своими людьми»? Уж всяко не исповедовался! *«Вас следовало не судить, а убить...»* Спрут перехватил добычу у Зверя? Или спугнул?

– Где Придд сейчас?

– Отбыл предупредить его высокопреосвященство.

– Вы не спросили, где герцог Придд потерял шляпу? – не выдержал Эпинэ. – Было б неплохо ее отыскать.

– Вероятно, во время нападения. – Суб-тенъент с удивлением посмотрел на Первого маршала. – Господин полковник не счел возможным тратить время на поиски.

– И был совершенно прав, – у сюзерена хватило выдержки на небрежный жест, – гимнет-тенъент о вас позаботится.

В кого целил Спрут, в Окделла или в Алву? Или Леворукий вновь вмешался и спас своего любимца от «кэналлийцев» Люра? А вдруг это Карваль? Решил не дожидаться казни, он ведь не знал, что ее не будет.

– Ваше величество, – король королем, но свой полковник страшнее, – я должен получить приказание.

– Они будут, ступайте. – Сюзерен рванул цепь, но ювелиры сработали на совесть. – Я не знал, что наша медуза спелась с Левиим...

– Придда может понять только Придд, – слова Ирэны сами стекли с языка, – но в кэналлийцев он играть не станет.

– Хватит гадать! – Альдо вскочил, словно под ним что-то загорелось. – Поднимай гарнизон, гимнетов, «спрутов», закатных тварей!..

– Гонять полки ночью, наугад – дурь несусветная! – Как просто врать, когда врешь правду. – Надо сначала разведать... Я верю только южанам, а они по твоей милости...

– Я же сказал уже, что ты прав, – огрызнулся Альдо. – Сколько можно душу мотать?! Посылай разезды, а остальных держи наготове. И пусть знают: кто притащит Ворона хоть

живого, хоть дохлого, станет генералом и богачом! Больше никаких судов и никаких кардиналов... Хватит с меня этой гадины, слышишь?!

2

Дома стали ниже, превратились в домишки, мостовая исчезла, а с ней и цокот подков, потянулись заборы, перешедшие в заросшие высохшим придорожником пустыри. Окраина! Они добрались до окраины, и ни один мерзавец не заметил, не узнал, не остановил!

Капрал на пленника не смотрел, и Дик торопливо завертел головой, пытаясь понять хоть что-то. Вблизи Ворот Роз особняки и сады, у ворот Лилий – церкви, возле Конских дом лепится к дому, остаются Козьи и Ржавые. Которые из них? И что собирается делать Ворон? Штурмовать ворота? Лезть через стену? Ясно одно – они уходят из города, значит, жизнь сюзерена в безопасности.

Кобыла, на которой сидел юноша, споткнулась. Ничего страшного, но кривоносы́й вспомнил о своих обязанностях, пришлось снова пялиться вперед. В свете факелов мелькали разбитые бочки, кучи земли, проржавевший котел и что-то темное, над чем трудились бродячие псы. Один, светлый и кудлатый, поднял бородатую морду и зарычал. Капрал замахнулся, пес, не переставая рычать, отступил в темноту. И снова конская рысь, пустота, холод и неизвестность; знакомое небо и чужая земля. Так бывает во сне, только это не сон. Спереди потянуло теплым смрадом, словно по лицу провели грязной простыней; заколыхалась, заплясала белая муть, раздалось журчанье. Поганный канал! Летом тут задыхаются от вони, потому вдоль него и не селятся.

Отряд перебрался через широкий – две телеги разъедутся – мостик, за горами мусора черной полосой встала стена, к которой жалась дорога. Всадники перестроились, теперь они ехали по трое в ряд. Дика притиснули к старой, неровной кладке, нога раз за разом чиркала по камню, и прикосновения эти отзывались непонятным темным страхом. Это место, эти камни... Они не были добрыми, ведь их бросили...

Ржавый форт возвели еще до Франциска, потом крепость стала не нужна, но бо́льшая часть стен уцелела. Сюзерен собирался осмотреть остатки форта, не успел... Неисполненный долг сдавил горло не хуже кривоносо́го. Если б не ненависть, Дик зарыдал бы от бессилия, но «спруги» плачущего Окделла не увидят. Он не Фердинанд Оллар и не станет ползать на коленях перед врагами Талигойи, но правом последнего желания воспользуется. Чтобы написать сюзерену и попросить прощения за ошибку, пусть ошибка и не его.

Сколько раз он говорил и Альдо, и Роберу, что Валентину нельзя верить, но его не слушали. Даже после того, как открылось предательство Эктора, Альдо думал, что Спрут его не предаст, потому что не может вернуться к Оллара́м. Сюзерен не желал слушать про Джастина, а зря. Придд кинулся не к самозванному регенту, а к любовнику брата. Вместе с Вороном его примут с распростертыми объятиями, и страшно подумать, что начнется, когда в руках у Алвы будет армия.

Звон подков заставил вздрогнуть. Пустыри кончились, кони вновь шли по мостовой, а вокруг теснились дома, мелькнула пара фонарей, и кавалькада выбралась к надвратным башням, в которых дрыхли ничего не подозревающие стражники. Нет, не дрыхли!

Увидев фигуры в кирасах и с факелами, Дикон не поверил собственным глазам. Цивильники застыли двойной шеренгой, загородив проезд, они намеревались исполнить свой долг до конца. Святой Алан, что за дурак ими командует, что за отважный дурак! Надо заклинить решетку и засесть с мушкетами на лестнице и верхних площадках, а они спустились. Дюжина против полусотни!

Офицер цивильников вышел вперед, подняв шпагу в приветствии. Он не дурак. Он, как и те, из патруля, ничего не знает. Гарнизон подняли по тревоге, не сказав, кого опасаться, для стражи лиловые стрелки по-прежнему свои!

Дик изо всей силы саданул шпорами по лошадиным бокам. Кобыла с громким ржаньем

рванулась вперед, кривоносый перехватил повод, но было поздно, цивильники увидели связанного пленника в комендантском мундире и... расступились, освобождая проход к воротам. Решетка скрипнула и поползла вверх, под шляпой с белыми перьями мелькнуло знакомое лицо. Так вот куда ускакал Рэми Варден!

3

Дювье вернулся к двум и привез серую шляпу, пробитую пулей. Шляпу отыскиали там, где говорил Придд. самого Придда сержант не нашел ни в Нохе, ни дома.

– Ворота никто не открыл, – объявил южанин, водружая трофей на стол, – мы только что лбами не стучали – никого, чисто передохли. Ну, мы вроде как отъехали, а потом вдвоем с Анри на стену влезли. Пусто там, дом нараспашку, ветер так и свищет, и никого, только кошки шастают!

– Хорошо смотрел?

– Как сказать... Торопился, конечно, но ясно – ушли «спруты». Не сбегли, а ушли. Я ж был там, когда они с Окделлом друг друга попортили, помню...

– Что они оставили?

– Да, почитай, все... Только картины поснимали, ну и мелочь всякую, а так все на месте. Я письма привез, на столе лежали. Под этой, змеехвостой... Ее мы тоже прихватили...

– Зачем?

– Сами не знаем, – признался сержант, – жалко стало... Ну вроде как собаку бросить.

– Давай письма. – Шелковистая дорогая бумага показалась горячей, и написано на ней было не так уж и много:

*«Подняться из глубин, поднять забрало,
Вздохнуть всей грудью, принимая бой
Как просто встать над смертью и судьбой —
Подняться из глубин, поднять забрало,
Отдать долги и стать самим собой,
Не позабыв о тех, кого не стало
Подняться из глубин, поднять забрало,
Вздохнуть всей грудью, принимая бой .*

С наилучшими и наихудшими пожеланиями остающимся.

Валентин, герцог Придд.

400 год К.С. Ночь с 18-го

на 19-й день Зимних Скал.

Р.С. Я не объявляю о кончине графа Медузы, так как не сомневаюсь, что он воскреснет еще не единожды, как воскрес в моем обличии после отъезда Удо Борна. Смех не умирает, как не иссыкают слезы. В прибрежных тростниках до сих пор слышат песни и плач найери, они оплакивают смелых и поют избранным. Они помнят многое, и они еще заговорят.

Р.Р.С. Все, что находится в этом доме, с соблюдением всех возможных формальностей передано в управление кардиналу Талигойскому и Бергмаркскому Левию и предназначено для оказания помощи родным и близким жителей столицы, как погибших в Доре, так и казненных теми, кто осуществлял власть внутри Кольца Эрнани начиная с 1-го дня месяца Осенних Волн 399 года К.С.

Дарственная, находящаяся у дуайена Посольской палаты, подписана мною 16-м днем 3.С. 400 года, то есть за два дня до того, как я, будучи в здравом уме и твердой памяти,

сделаю то, что г-н Альдо-в-Белом и г-н Окделл сочтут предательством, а я полагаю исполнением своего долга и жизненной необходимостью. Позволю себе напомнить, что согласно всем действовавшим и действующим в Золотых землях законам имущественные распоряжения, сделанные до того, как распорядившийся совершил нечто, что может быть вменено ему в вину, остаются правомочными».

4

– Август! – Высунувшаяся из-за кустов рожа скользнула глазами по Дик и Пьетро и осклабилась при виде кривоносого. – К полковнику!

Капрала звали так же, как графа! Ричард сцепил зубы, сдерживая захлестывавшую разум ненависть, а та рвалась наружу горным селом, с каждой секундой набирая силу и ярость. Дик понимал, что еще немного, и он сорвется, как сорвался с Эстебаном. Если б не связанные руки, он бы уже дрался, но здравый смысл и мерзкий тряпичный привкус в пересохшем рту пока пересиливали. Когда, разминувшись с патрулем, «спруты» вытащили кляп, Дик не понимал, ни куда они заехали, ни чего ждут, он просто жил – дышал, облизывал губы, сглатывал. Потом захотелось воды и хотелось до сих пор, очень хотелось, но просить он не станет никого и никогда!..

– Держи! – Кривоносый Август равнодушно отцепил кобылу Дика от своего коня, перебросил поводья соседу, чихнул и исчез в темноте, сквозь которую доносился отдаленный стук копыт. Кто-то очень торопился, и вряд ли это был друг, друзья ничего не знают, разве что Левий поднял тревогу, но поднял ли? Святоша из всех сил выгораживал Ворона, узнав о нападении, он мог промолчать.

Булькнуло. Оставшийся с пленниками солдат вытащил флягу и присосался к горлышку. Ричард прикрыл глаза, но заткнуть уши было нечем, а «спрут» булькал, как утка.

– Брат мой, – напомнил о себе Пьетро, – мы тоже хотим пить.

Только пить? А в Октавианскую ночь он еще и есть хотел. Как «брат Пьетро» смотрел на преосвященного, когда тот отказался за себя и своих монахов от завтрака.

– Умерщвляя нашу плоть, мы питаем наш дух, – не выдержал Дикон. – Так говорил преосвященный Оноре. Так он В САМОМ ДЕЛЕ говорил.

– Преосвященный был свят, – Пьетро потупил глаза и взял у «спрута» флягу, – а я всего лишь исполненный скверны комок плоти. Благодарю, брат мой.

Стрелок пожал плечами:

– Напьешься, этого своего напой.

– Окделлы ничего не возьмут из рук предателей, – Дикона трясло от отвращения, – а ты... Ты лгал про преосвященного по приказу Левия.

Утром Дик еще сомневался, теперь сомнения рассеялись: Пьетро показал то, что ему велели, его клятвы ничего не стоят. Все было так, как говорит Салиган, вор оказался честнее монаха!

– Воин, не суди этого человека строго, – попросил Пьетро, – сердце его плачет, а уста не ведают, что говорят. Я молюсь, чтоб на него снизошел покой.

– Повелителю Скал не нужны эсператистские молитвы!

– Прости тебя Создатель, как я прощаю. – Монах вернул флягу и взялся за четки. Чужие кони били копытами совсем близко. Вспыхнули факелы, четверо «спрутов» выехали на дорогу, подавая сигнал. Так и есть, подъезжающих ждут.

Жажда становилась нестерпимой, но холод был еще хуже, плащ не грел, а шляпа потерялась при нападении. Ричард несколько раз повел плечами и попытался свести лопатки. Стало теплее, но ненадолго. Придорожная рощица, в которой они задержались, выстыла насквозь – Зимние Скалы брали свое. Самый холодный месяц. И самый темный.

Конский топот, бегущие волчьи огни... Опять! Кто на этот раз? Дикон развернулся в седле навстречу рвущим тьму факелам.

– Стоять! – Солдат со злостью дернул повод, лошадка Дика испуганно всхрапнула и шагнула назад, ошалело завертел головой Пьетро. Пятна света выросли и расплылись, мелькнули быстрые тени – факельщики, пара «медведей», Придд без шляпы, снова факельщики, солдаты... Человек двадцать. Дикон замер, надеясь услышать шум погони. Тщетно: за Спрутом не гнался никто, кроме тишины.

5

- Где они?! – в четырехсотый раз рыкнул Альдо. – Где эти недоумки?!
- Успокойся. – Эпинэ отодвинул штору и глянул на звезды, хотя во дворце от часов не было житья. – Вина хочешь?
- Нет! – Сюзерен пулей пролетел от гобелена с голенастыми цаплями к гобелену с пышными лебедями. – Сколько раз тебе говорить, что нет?!
- Столько же, сколько спрашивать, где они. Успокойся, Халлоран и «спруты» у них на хвосте висят, догонят.
- В предместьях?! – Сюзерен уткнулся носом в лебединый зад. – Мне плевать, что переловят слуг, если Ворон удерет!
- Есть еще Дикон – Дикон, который может надеяться разве что на милость Ворона, потому что Придд ему не заступник, – и Мевен.
- Да помню я. – Альдо отвернулся от гайифских птичек. – Пусть только объявятся, придушу!
- Объявятся, – покривил душой Иноходец, – куда им деваться? А Ворон с охраной наверняка где-то в городе. Не тащить же его с собой.
- Разрубленный Змей! – От спокойствия Альдо осталась одна скорлупа, и та разбитая. – Когда наконец рассветет?!
- Нескоро. – Эпинэ удалось зевнуть. – Может, ляжешь? Все равно сейчас ни кошки не найдешь.
- Левий велел передать, что молится за исполняющих свой долг. – Сюзерен топнул ногой, но холтийский ковер проглотил звук, как жаба комара. – Молится! Лицемер проклятый! Это он все затеял, к астрологу не ходи!
- Ничего он не затеял! – Только драки с кардиналом сейчас не хватало. – Левий чуть на стенку не лез, когда они пропали. Это ты у нас блистал спокойствием, а я тебе завидовал.
- Анакс должен быть спокойным, – огрызнулся Альдо. – Особенно при всякой швали, и потом, я и подумать не мог...
- Что Придд уведет Ворона из-под носа твоих убийц, а ты ему поможешь? Разумеется, не мог.
- Ложись, – повторил Эпинэ, – и я прилягу. Утром все найдутся. Халлоран – хороший вояка, да и Придд подоспел вовремя.
- Вызови его! – потребовал сюзерен. – Траур не траур, а побегать ему придется, будь он четырежды Повелителем!
- Сейчас Дювье пошлю. – Вот и повод найти письмо еще раз. – Заодно и шляпу вернет. Жильбер, что-то новое? Простите, ваше величество, позвольте!
- Не до этикета! – Альдо шумно втянул воздух. – Сэц-Ариж, есть новости?
- Да, ваше величество. Халлоран прислал курьера. Он на южном берегу. Жители видели каких-то всадников, они галопом шли к Барсине. Если это так, они должны встретить Карваля.
- Ну, хоть что-то. – Альдо наконец-то разжал кулаки. – Если Ворона схватит Карваль, никуда не денешься, сделаю его маршалом.
- Никола Ворона не поймает, но Придд что, с ума сошел? Зачем им юг? Или так решил кэналлиец?
- Ваше величество, – запыхавшийся Лаптон внезапно напомнил Реджинальда Ларака, –

ваше величество. Их нашли!

– Где? – Сюзерен едва не схватил гимнет-капитана за грудки. – Где?!

– Герцог Окделл жив? – Не спрашивать о Вороне и о Придде тоже...

– Окделла там не было...

– Где Алва?!

– Ваше величество, нашли только гимнетов и солдат... В погребу у Желтой площади.

Они говорят, на них напал герцог Придд.

– Где Ворон?!

– Ваше величество... О герцоге Алва, равно как о герцоге Окделле... ничего неизвестно...

6

Факелы высветили черно-белую перевязь, сверкнули в камнях эфеса, отразились в глазах мориска. Теперь Дик видел, что вороной заметно крупней Моро. Сколько за него отвалил Спрут, было страшно подумать, но выслуживаться так выслуживаться.

– Вот они, все трое, как вы хотели, – доложил граф Гирке.

– Благодарю. – Ворон скользнул взглядом по лицу Дика, слегка усмехнулся при виде Пьетро, кивнул Мевену и задумался, знакомо наклонив голову.

– Мевен! – шепнул юноша. – Где вы были? Я боялся худшего.

– Я жив, – невпопад буркнул гимнет-капитан, – чего и вам желаю.

Да, они живы, но надолго ли? И что теперь? Ричард торопливо огляделся. Факелов было немного, но для того, чтобы рассмотреть готовый к выступлению отряд, света хватало. Придд собрал, самое малое, полтысячи человек, а в засаде участвовало не больше сотни. Чем в это время занимались остальные, было очевидно. Придд, как и положено Спруту, перекрыл все подступы к Нохе. Какую бы дорогу они с Ноксом ни выбрали, она вела в ловушку, разве что на Триумфальной подоспела бы помощь, и то если кардинал не в заговоре.

– Мевен... Это не мы ошиблись, они были везде, понимаете, везде.

– Ричард, потом....

Если оно только будет, это потом! Придд с Вороном выбрались из города, в темных полях их не найти, а хотя б и нашли! Полтысячи лиловых и Ворон – это больше двух тысяч чесночников с Карвалем. Зверь вырвался из клетки, назад его не загнать, а кинжал Алана у какого-то «спрута», и руки связаны.

– Господин Первый маршал, – Валентин успел надеть шляпу и расправить воротник, – все готово, можем выступать.

– Прекрасно, – Ворон развернул вороного, на конском лбу виднелась белая отметина, – но сперва уладим формальности. Герцог Придд, вы понимаете, что Талиг находится в состоянии войны? Если вы примете сторону Олларов, вам придется стать офицером Северной армии.

– Да, монсеньор, – вильнул хвостом Валентин, – мы готовы.

– Очень хорошо, – похвалил предателя Алва. – Вы присягнули господину в белом?

Валентин еще больше выпрямился в седле. Ну почему он слишком близко, чтобы слышать разговор и слишком далеко, чтоб вмешаться?!

– Монсеньор, я присягал в Лаик. – Спрут говорил громко, громче, чем нужно. – После окончания службы у маршала Рокслея я должен был вновь присягнуть Фердинанду Второму, но Генри Рокслей не успел представить меня к офицерскому чину.

– Его величеству Альдо Первому присягал я! – выкрикнул Дик. – И я буду ему верен до конца!

– На здоровье, – пожал плечами Ворон, – от присяги оруженосца я вас освободил, делайте со своей верностью, что хотите.

– Герцог Алва! – Сейчас самое время решить все раз и навсегда. – Я зову вас на линию!

Немедленно, здесь, сейчас! А потом вашего Спрута!

– Юноша, – поморщился Алва, – прекратите говорить пошлости, вы не в Высоком Суде. Герцог Придд, вы присягали господину в белом? Да или нет?

Опять! Святой Алан, опять! Оскорбления со скамьи подсудимых еще можно терпеть, узник только и может, что огрызаться, но сейчас Алва свободен. И оскорбляет государя перед его вассалами. Пленными!

– Не смейте оскорблять короля в моем присутствии! Вы будете драться, герцоги? Будете или нет?!

Придд спокойно положил руку на эфес шпаги:

– Монсеньор, я присягнул моему королевству и моему королю. Мое королевство – Талиг, имени своего короля в настоящее время я не знаю.

– Хорошо, – Алва смотрел только на Валентина, – как регент и Первый маршал Талига признаю принятую вами присягу правомочной. Полковник Придд, ваш полк, к которому также будут приписаны все, кто к вам присоединится во время марша, поступает в распоряжение маршала фок Варзов. Приказ о вашем производстве – у графа Гирке, вместе с другими бумагами.

– Да, монсеньор, – нет, это не человек, это какая-то бочка льда и грязи, – моя жизнь и моя честь принадлежат моему королю и моему королевству.

– Вы понимаете, что с этой минуты подчиняетесь всем моим распоряжениям, а также распоряжениям всех, кто старше вас по званию?

– Понимаю.

– С этим все. Монах Пьетро должен вернуться в Ноху, а герцог Окделл прогуляется до Кольца Эрнани, где его заберут те, кто за ним явится. О времени и месте передачи следует договориться с герцогом Эпинэ.

– Вы полагаете, общество Окделла избавит нас от дорожных неприятностей? – уточнил Спрут.

– При определенных условиях, – усмехнулся Алва. – На чувства господина в белом я не рассчитываю, но Эпинэ предпочитают видеть друзей живыми. Брат Пьетро, вы передадите письмо?

– Если Создатель не оставит меня своей милостью и проведет сквозь Тьму, – промямлил монах, теребя жемчужины, – я с радостью передам послание.

– Брат Пьетро, вы, как я понял, уже спасались из бездны огненной и пасти львиной, спасетесь и сейчас, – заверил Ворон. – Впрочем, кто-нибудь вас проводит. Полковник Придд, пишите Эпинэ, и выступаем.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Папесса ⁷

Как естественна и вместе с тем как обманчива вера человека в то, что он любим!

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1

⁷ Высший аркан Таро «Папесса» («Великая Жрица»), «La Papesse». См. примечание к «Лику Победы», часть 2. Карта символизирует духовную мудрость, терпение, молчание, глубокое познание и понимание вещей видимых и невидимых; мудрость женского естества, сильную интуицию. Карта означает, что вы пытаетесь понять высший смысл чего-либо, ищите скрытые факторы, влияющие на ситуацию. Смело вскрывайте тайны будущего, но относительно собственных намерений храните молчание. ПК: недостаток проницательности и предвидения, поверхностные знания, самонадеянность, игра на «авось», непонимание противоположного пола. Может означать плотские страсти либо предупреждать о близкой опасности.

Надор. Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Ночь с 19-го на 20-й день Зимних Скал

1

Аглая Кредон томно улыбнулась, провела по щекам кроличьей лапкой, взяла с туалетного столика букетик анемонов и завывала, задрав стареющее личико к потолку, на котором красовалась прибитая гвоздями луна, а вокруг серебристым обручем кружила моль. Подчиняясь маменькиному вою, серые бабочки то приближались к приколоченному светилу, то отступали, а Аглая прижимала к окутанной взбитыми кружевами груди цветочки на бледных жирных стеблях и выла, выла, выла...

– Совсем выстарилась! – прошипела ошалевшая от маменькиной выходки Луиза и проснулась. Госпожа Кредон исчезла, луна и вой – нет. Острые злые лучи процарапали залепивший стекла снег и ворвались в замок, неся на себе собачьи рыдания. Казалось, все псы Надора оплакивают свою незадавшуюся жизнь и дураков-хозяев. Как же все-таки глупо выть, если можно укусить и сбежать...

Госпожа Арамона пожелала снявшим верхний ставень недотепам увидеть во сне Мирабеллу, зевнула и отвернулась от настырного светила. Сон тут же вернулся. Вместе с мужем. Покойный капитан ввалился в комнату по лунному лучу, ведя в поводу украшенную анемоновым венком толстую лошадь. Та топнула ногой, луч проломился, словно гнилая доска, и Луиза вновь проснулась в целомудренном одиночестве.

Сон сбежал окончательно, оставив муторный осадок и желание разбудить хотя бы Селину, но госпожа Арамона не собиралась тревожить и без того плохо спавшую Айрис. Дениза говорила, что, если второй сон хуже первого, нужно зажечь огонь, выпить воды и четырежды обойти комнату. А почему бы и нет? Луиза встала, накинула на плечи покрывало и занялась свечами. Псы были пуще прежнего, а луна забавлялась со стеклянным шаром, на котором госпожа Арамона в порыве скаредности штопала чулки. Круглые блики, дразнясь, скакали по потолку, напоминая о чем-то паскудном. К чему снятся маменька и моль? К Мирабелле! А будет сниться Мирабелла, ищи Аглаю Кредон? Капитанша фыркнула, представив родительницу, созерцающую надорскую герцогиню, и физиономию великой вдовы при виде закутанной в шелка мещанки. Зрелище было волнующим, но, увы, недостижимым. Как конец зимы.

Капитанша замкнула четвертый круг, глотнула прямо из кувшина еще не ледяной воды и уселась у мутного зеркала, словно какая-то невеста. Стало тоскливо, как бывает только зимними ночами. Где-то за продрогшими холмами спали Оллария, Кошоне, Креденьи, Фельп, там жили, дышали, видели сны Герард, Жюль, Амалия, маменька с господином графом, герцог Эпинэ, Катари, синеглазый кэналлиец, а в затерянном полумертвом замке не было ничего, кроме воя, холода и отвратительного скрипа.

– Сударыня! Я не смел надеяться...

– На что? – Капитанша рывком обернулась, не забыв придержать покрывало. Затянутый в камзол Эйвон торчал опенком у возникшей в стене дыры и трясся от собственной смелости.

– Я не смел надеяться, что вы не спите, – простонал он, – я лишь хотел взглянуть на ваш сон...

– Откуда дыра? – строго осведомилась Луиза. – Впрочем, садитесь, раз вошли.

– Благодарю. – Ввалившийся среди ночи к любовнице граф шагнул вперед, но остался стоять. Святая Октавия, он пришел со шпагой! – Сударыня, раньше в этих комнатах жили младшие дочери Повелителей Скал. Потайной ход предназначался для спасения их жизни, если бы замок захватили враги или изменники.

– А сыновей не спасали? – не выдержала госпожа Арамона, но Эйвон глотал любые колючки не хуже осла.

– Подобные ходы есть в апартаментах всех членов семьи, – радостно сообщил граф, – они проложены по приказу прапрадеда святого Алана герцога Эдварда. Его братья и сестры были уничтожены возжелавшим стать Повелителем Скал дядей. Малолетний Эдвард спасся чудом. Когда он стал хозяином Надора, то велел проложить потайные ходы, ведущие в домовую церковь к алтарю Создателя.

– Очень предусмотрительно, – одобрила Луиза, – но я бы прорыла ход к озеру и спрятала там лодку. Сударь, вас не затруднит взять из ларца на каминной полке флакон и подать мне? Я, как вы видите, не вполне одета.

– Я счастлив служить вам, – ночной гость метнулся к камину, – исполнить ваше желание для меня – высочайшая честь и величайшая радость.

– Тогда с вас стакан воды, – рассмеялась Луиза, наблюдая за суесящимся любовником. – Я рада вас видеть, но вы явились слишком неожиданно. Кроме того, помещать дам в комнатах с подземным ходом неприлично.

– Сударыня, – Эйвон покаянно рухнул на колени, и у Луизы замерло сердце: доверенный графу флакон был единственным, – я так хотел увидеть вас спящей... Мы после того дня... После того дивного дня ни разу... Я украл ключ от церкви, я хотел...

– Флакон! – потребовала Луиза. – Неважно, что вы хотели, важно, что вы здесь. Вы уверены, что вслед за вами не явится отец Маттео?

– Он спит. – Граф еще раз преклонил колени, и Луиза выхватила из холодной руки драгоценную вещицу. – Эти ходы давно заброшены... Я две ночи провел у вашей двери и только сегодня осмелился... Я боялся, что замок заклинило, но небо покровительствует любви! Я должен был вас видеть, и я вас вижу!

– И только? – Луиза сощурилась, считая капли. Тинктура пахла сразу полынью и мятой, но не была ни тем ни другим. Настойкой алатской ветропляски Луиза начала баловаться после Циллы, полагая, что пяти детей с нее хватит. Отправляясь во дворец, свежеиспеченная дуэнья прихватила с собой и зелье. Из предусмотрительности. Госпожа Арамона намеревалась стать поверенной чужих тайн, но чтобы ветропляска на старости лет пригодилась ей самой....

– Сударыня! – Эйвон так и не двинулся с места, при его-то болячках! – Клянусь вам, разве я бы посмел...

– Если любите – посмеете! – Луиза озабоченно потрянула флакон. До весны хватит, а потом придется стеречься. – Встаньте. Камни не для ваших костей, и вообще, сели бы вы на кровать, там ковер. Пойдите, держите!

– Волшебница! – Граф с готовностью ухватил стакан. – Я слышал о любовном напитке, навеки связующем сердца, неужели я держу его в руках?

– В каком-то смысле, – хмыкнула волшебница, берясь за гребень. О том, что со слабо заплетенными косами в постель лучше не лезть, Луиза узнала в первую же супружескую ночь. Маменька перед свадьбой чего только не наговорила, а предупредить о волосах то ли забыла, то ли не захотела. Еще бы, ведь господин граф шутил, что его Аглая в восемь раз красивей своих дочерей, и будь у нее в придачу волосы Луизы и грудь Анны, он бы на ней женился...

– Во имя дивной Луизы! – прервал воспоминания Эйвон. – Я стану вашим рабом и умру у ваших дивных ног!

– «Дивных ног»? – возопила капитанша. – «Дивных»?! Сударь, что вы делаете?!

Госпожа Арамона, отбросив гребень, рванулась к любовнику, но опоздала – граф торжественно водрузил пустой стакан на стол:

– Теперь нас не разлучит даже смерть!

Этого дивная Луиза не вынесла. Испустив похожий на мяуканье вопль, женщина ткнулась лицом в вытертый камзол, заталкивая назад рвущийся наружу хохот. Эйвон понял возлюбленную по-своему.

Четвертая ночь разлуки, четвертая ночь без страха, четвертая ночь надежды и ожидания... Мэллит выдержала больше, глядя на полные тайн горы и незнакомые города, вслушиваясь в чужие слова и шум дорог. Она шла к любимому и умирала с ним и за него сорок тысяч раз, но первородный Альдо победил. Луна не властна над солнцем, огненные лучи растопили лед клятв и выжгли траву заклятий, нужно только ждать встречи, верить солнцу и забыть о грозящей луне. Она бессильна, потому и зла. Ничтожная Мэллит, баронесса Сакаци, пригладила отросшие кудряшки и открыла шкатулку с золотыми куницами на крышке. Так решила царственная, одарив гостью похожим на звон хрусталя именем и родовым знаком. Гоганы не знают гербов, рознящих внуков Кабиоховых, но рыбы, полюбив, становятся птицами, а камни – цветами. Мэллит вручила душу первородному, а он оправил жалкий дар в золото и осыпал самоцветами. Гоганни прикрыла глаза и наугад выдернула ожерелье. Круглые матовые бусины казались дикими вишнями, но были тверды и не имели запаха. Девушка лукаво улыбнулась и положила драгоценность на блюдо с яблоками и горькими орехами, что так любил «кузен Альдо». Так первородный велел себя называть, и Мэллит старалась, даже оставаясь одна.

– Ты ешь камни? – Тихий смех за спиной заставил Мэллит вздрогнуть. – Не знал... Нужно дарить тебе больше драгоценностей, может, поправишься наконец.

– Альдо!.. Пришел к...

– Кузен Альдо, – перебил любимый и вновь засмеялся, громко и странно. – Кузен пришел к кухне. Соскучился и пришел. Ну-ка, скажи: «Здравствуй, кузен, как я рада тебя видеть!»...

– Здравствуй, кузен Альдо, – послушно повторила гоганни, глядя в обожаемые, покрасневшие от забот глаза, – недостойная счастлива...

– Достойная! – отрезал любимый. – Достойная, славная, сладкая и рыжая! Надень камешки, раз уж вытащила, а тряпку сними, лишняя она.

Губы первородного изгибала улыбка, но брови были сведены, скулы опалил злой румянец, и в смехе не было радости.

– Первор... Альдо устал? – спросила гоганни, послушно снимая расшитую хвостатыми звездами шаль. – Ушедшие дни принесли много тревог?

– Подлость они принесли. – Названный Альдо тяжело опустился на стул. – Предательство и глупость... Мэллит, ну почему у меня если не змея, то баран или мерин?!

– Где змея? – не поняла Мэллит. Каменные вишни холодили шею, а сердце сжималось от тревоги и чего-то непонятного и жгучего. – Где она, Альдо?

– Одна гадюка – в Нохе, – мощная рука играла золотыми цепями, как судьбами, – еще две удрали, а бараны не сумели их прикончить! Даже Нокс... А уж обещаний было, можно подумать...

Альдо потянулся к кувшину с лимонной водой, сверкнула бегущая через плечо лента.

– Проклятая кислятина! Такое только утром пить...

– Кузен Альдо желает вина? – поняла Мэллит. – Но здесь его нет.

– Ничего, обойдусь, – махнул рукой первородный. Ему было плохо, а у Мэллит не было кэналлийского. В Агарисе она знала, где взять вино и куда идти. Гоганни котенком юркнула вперед, опустилась на ковер возле замшевых сапог и подняла глаза. Любимый улыбнулся, его пальцы скользнули вниз, тронули вишневое ожерелье.

– Суд над неприятным закончен? – спросила Мэллит, убивая тяжелую тишину.

– Закончен. – Какой глухой и гневный голос, словно ропот горного потока. – Эта тварь вывернулась! Вот уж у кого ни стыда, ни разума, ни чести, одна дерзость! А кое-кто у мерзавца на поводу идет, даже твой Иноходец...

– Блистательный Робер верен не ничтожной, а своему повелителю. – Мэллит положила

подбородок на колени первородного и замерла. Так они сидели в проклятом луной Агарисе и в замке, который нужно называть родным, сидели и говорили о старых тайнах, грядущем величии и любви. Зачем тем, кто любит, дворцы и ценности, довольно золотых роз на полу... Только названный Альдо не волен в своих желаниях, и путь его – путь величия и славы.

– Робер за меня умрет, не задумается. – Твердая ладонь коснулась волос девушки, скользнула по шее и замерла, вцепившись в плечо. – И за Матильду тоже, но Иноходец глуп, как и положено коню, вот его и запутали. Ну и Повелители мне достались, но до Ворона я доберусь! Смеялся над гальтарским – поплачет над варитским! Пусть полюбуется, как марагонское отродье усядется на кол, а когда хомяк сдохнет, займет освободившийся... трон. По воле колченогого Эрнани и великого Франциска! И по нашей воле! Я сказал, а ты слышала, Мэллит... Так и будет, слышишь, куничка?! Так и будет!

– Первородный сказал, а ничтожная слышит, – пролепетала Мэллит. – Первородный повергнет своих врагов в прах.

– Повергну, – свел брови любимый. – Ты – умница, куда умней этих... Проклятье, ну почему у тебя нет вина?!

– У ничтожной... У меня нет ничего, – прошептала девушка, – все приносят слуги...

– Нет бы догадаться, что внучке Матильды касера всегда пригодится, – захохотал Альдо, рывком поднимая гоганни с ковра. – Сейчас мы... Знаешь, что мы сделаем?

– Первородный...

– Альдо! Для тебя я – Альдо, раздери тебя кошки! Ты – не гоганни, ты – приемыш Матильды! Неужели трудно запомнить раз и навсегда?! И брось это свое дурацкое... Даже не знаю, как назвать... Тоже мне «ничтожная!» Ты – красотка, ты – умница, ты мне нравишься, ну так живи без вывертов.

– Я буду, – выдохнула враз опьяневшая Мэллит. – Я не гоганни, я сделаю все... Все по воле любимого...

– Так-то лучше, и не вздумай плакать. Не терплю слезливых женщин, они носом шмыгают. – Губы первородного были близкими и горячими, они пахли можжевельником и чем-то непонятным.

– Говоришь, любишь? – шептали они. – Любишь?

– Жизнь ничтожной, – выдохнула Мэллит, запрокидывая голову, – прах под ногами первородного...

– Под ногами? – Цветы и птицы на потолке стали ближе и закружились, пол ушел из-под ног, качнулись и замигали свечи. – А вот и не угадала... Хорошо, что ты тощая... Сейчас хорошо, скоро будет плохо.

– Альдо, – выдавила из себя девушка, – кузен Альдо...

Глупое тело дрожало, не понимая, что происходит, любимый громко дышал. Мэллит замерла, боясь шевельнуться и спугнуть свершавшееся. Альдо подмигнул девушке, шагнул к столу, пошатнулся, ударился о край, одна из свечей выпала из шандала и погасла. Как звезда.

– Свеча упала, – пробормотала Мэллит и оказалась на розовой скатерти.

– Глупости, – шепнул любимый и отбросил шпагу. – Она просто погасла... Не бойся! Ты ведь не станешь бояться?

– Клянусь родившей меня. – Руки сами по себе вцепились в рытый бархат, что-то глухо застучало. Яблоки... Это посыпались на ковер яблоки... Мэллит сама не поняла, что вырывается, но ее прижали к столешнице.

– Успокойся, – велел первородный, – все хорошо...

– Мое сердце спокойно, – солгала Мэллит, узнавая и не узнавая любимого. Первородный был прекрасен, как сын Кабиохов, сошедший к избранным, его глаза сияли, а грудь вздымалась. И ничто не могло сломить волю его и встать на пути его.

– Куничка!.. Моя куничка!..

Рывок – и склоненное лицо стало ближе, в спину впилося что-то жесткое... Край стола... Ноги соскользнули в пустоту, но Мэллит не упала, ей не позволили упасть.

– Тихо! Лежи тихо!..

– Альдо...

Треск раздираемого атласа, холод, жар, боль и кивающая тень на потолке – огромная, черная, гривастая... Тень нависает над ними, мерно качается, и вместе с ней растет и качается боль, она тяжела, как жернов, и горяча, как печь.

– Куничка, – приоткрытый рот, раздувающиеся ноздри, слипшиеся волосы... Неужели это любимый? Неужели это высочайшее счастье и тайна тайн?! – Молодец, малышка, – выдыхает незнакомый. – Умница... Ты...

– Ты?! – Это она кричит или рвущаяся в окно луна. – Ты?!

Черная тень замирает, тает в мутно-зеленых волнах, сквозь которые проступает другое лицо – спокойное, гладкое, мертвое. Откуда оно?!

– Ты... – шепчут белые губы. – Ты...

– Ты... – У камина встает кто-то в плаще и шляпе, руки скрещены на груди, лица не видно. – Ты...

– Ты... – Лунные волны накатывают на серый берег, растут, несут на плечах бледных и спящих. Их много, очень много.

– Ты... – Бескровные пальцы тянутся вперед, по зеленоватой коже ползут медленные капли. – Ты...

– Что ты кричишь? – Нет луны, нет страшного лица, нет незнакомца у камина, есть боль и любимый. – Так всегда бывает, когда первый раз. Потом привыкнешь...

– Первородный!.. – Надо утереть глаза, но пальцы не разжимаются, а слезы текут и текут. Сами.

– Да оставь ты своих первородных! Ты сама хотела, а теперь хныкать поздно...

– Яблоки рассыпались...

– Ну и кошки с ними! Хочешь, чтоб я ушел, так и скажи! Мне вранья не нужно.

Как сказать любимому, что ей пригрезился лунный мертвец, что у камина стоит чужой и гневный, что сама она тонет в боли и ужасе? Первородному хватит его тревог и его войны. Мэллит улыбнулась:

– Ничтожная забыла себя... от великой радости...

– Вот ведь! – Губы любимого, живые и красные, трогает улыбка. – Не ожидал... Хотя тихие, они все такие... Мы еще с тобой порадуемся, куничка... Ну, иди ко мне... Вот и умница.

– Кузен Альдо, – выдохнула Мэллит, закрывая глаза, чтоб не видеть напряженного, чужого лица, – мой кузен Альдо...

3

– Сударыня, – сообщил Ларак, – сегодня удивительная луна.

– И удивительные собаки, – откликнулась Луиза. – Их что, покормить забыли?

– Их кормили, – задумчиво пробормотал Эйвон. – Их каждый вечер кормят... Сударыня, я умоляю вас о милости!

– О какой? – Госпожа Арамона перекатилась на живот и улыбнулась любовнику. Лет двадцать назад и без бородки Эйвон был весьма недурен, да и сейчас с кровати не свалишься, и потом, он любит. Не во сне, на самом деле.

– Луиза, – голос графа дрогнул, – я умоляю вас спуститься со мной в церковь. Я перед алтарем Создателя поклянусь вам в верности.

– А почему не на скале Окделлов? – сладким голосом осведомилась капитанша. – Перед памятью прикованных предков?

– Сударыня! – задохнулся Ларак. – Вы... вы рождены на юге, но чувствуете зов Надора, как никто. Мы встретим полдень на утесе, и это навеки скрепит наш союз, но я поднимусь к заветному камню уже вашим рыцарем!

Ну вот, вляпалась! Теперь придется лезть на обледенелую гору и любоваться на свиные морды, и ведь никто за язык не тянул! Хотела укусить и увязла в патоке!

– Луиза, – не отставал Эйвон, – я должен... Умоляю вас!

Госпожа Арамона высунулась из-под одеяла и вздрогнула: спальня уже выстыла, а на лестницах и вовсе только выходцев морозить, но рыцарская клятва стоит жертв.

– Хорошо, – обреченно произнесла прекрасная дама, – только вам придется мне помочь.

– Я отнесу вас на руках, – объявил полуголый Ларак, выпутываясь из одеял. А что говорит своим женщинам синеглазый кэналлиец? Вряд ли что-то глупое, хотя кто знает...

– Я пойду сама, – Луиза потянулась за нижним платьем, – но вам придется послужить мне камеристкой. Справитесь?

Эйвон промычал нечто невразумительное, капитанша сунула графу его собственную рубаху и штаны и целомудренно отвернулась. Собаки не унимались, и это начинало пугать.

– Наверное, Джек умрет. – Ларак уже в пристойном виде застегивал пояс. – Прежний привратник... Думали, на поправку пошел, а они воют.

Значит, Джек. Похоже на правду – псы и лошади чуют смерть раньше людей, кошки тоже чуют, но молчат, им все равно. Луиза натянула черное платье и повернулась спиной к любовнику.

– Что? – несчастным голосом переспросил тот. – Что я должен делать?

– Берите и шнуруйте, – велела Луиза, – крест-накрест.

– Справа или слева? – не понял Ларак. – И потом, здесь же не сходится.

– И не должно, – успокоила капитанша. – Иначе я задохнусь. Затяните немного, и хватит. Как вы можете не понимать в женских платьях, если столько лет женаты?

– Я исполнял супружеский долг только в спальне, – пропыхтел граф. – Госпожа Аурелия знала, когда я должен прийти, и была готова... Ей помогали служанки... Только служанки.

– То есть? – уточнила Луиза, топя непонятное волнение в болтовне. – В чем же она вас ждала?

– В супружеской сорочке, – объяснил Эйвон. – Понимаете... Госпожа Аурелия преклоняется перед Мирабеллой, а кухня... Она полагает супружество долгом и не считает возможным превращать его в блуд.

– Эйвон, – женщина выдержала очередное надорское известие, даже не фыркнув, – а на что они похожи, эти сорочки? Понимаете, я при дворе о них не слышала.

– Оллары забыли о пристойности, – начал Эйвон и замолчал. Видимо, вспомнил, что сам погряз во грехе.

– Ну же, – поторопила Луиза, – какие они? Их трудно сшить?

– Не знаю, – промямлил Эйвон, – они из полотна, длинные, закрытые от шеи до пят, с рукавами, с воротом, и еще у них... есть... эээээ... отверстие.

– Принесите мне такую, – попросила госпожа Арамона. – Это, должно быть, восхитительно.

– Я бы не сказал, – вздохнул граф, – ваша сорочка... Она вышита и открывает плечи и... не только.

– Но у нее нет отверстия, – не унималась Луиза, – это нецеломудренно. Что скажет ваша супруга!

– Моя супруга отказалась меня принимать после гибели Эгмонта, – вздохнул Эйвон. – Она поклялась Мирабелле разделить ее утрату.

– Могло быть и хуже. – Госпожа Арамона повела лопатками и попробовала вздохнуть. Эйвон с испугу перестарался, но до церкви она как-нибудь доберется. – Что бы вы запели, если б кухня потребовала от вас возместить ее утрату? В постели.

– Сударыня! – Ларак судорожно вздохнул. – Кухня никогда... Никогда меня не привлекала. Она... нехороша собой! Клянусь, я не любил никого, кроме вас!

– Я верю, – проворковала капитанша голоском Катари. – Возьмите свечи, и идемте.

Эйвон послушно поднес фитиль к огарку, и тут в стену что-то грохнуло. Граф так и замер с двумя свечами в руках. Луиза бросилась к окну, в которое ломилось нечто вроде издохшего супруга, потому что живые так не стучат. Грохот перешел в глухой гул, словно в дальний погреб скатывали полные бочки, псы завывали сильнее, хоть это и казалось невозможным. Луиза рывком распахнула нижние ставни. За ними не было никого, только клубилась в лунном свете снежная пыль.

Глава 2 Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Утро 20-го дня Зимних Скал

1

– Господин Первый маршал, – младший Тристрам изо всех сил соблюдал субординацию, и Робера это вполне устраивало, – беглецы ушли через Ржавые ворота.

– Вы уверены? – Эпинэ потер виски, пытаясь проснуться. – Странный выбор.

– Да, монсеньор. – Тристрам подозревал, что герцог Эпинэ противился его назначению на место Рокслея, и был бы прав, не решишь Иноходец изменить Альдо. Для заговорщика чем хуже защитники трона, тем лучше, и Робер не стал возражать, когда сюзерен отдал четырехцветную перевязь спесивому зануде. Иноходец снова потер виски:

– Докладывайте.

– Тревогу поднял офицер гражданской стражи, отпущенный на ночь в город. К шести часам он вернулся к воротам и обнаружил их открытыми, а караульные помещения пустыми. Офицер бросился в казармы гражданской стражи. Оказалось, что охрана была снята с постов и отправлена в казармы лично графом Гирке. Он предъявил фальшивый рескрипт, предписывавший ему взять под охрану Ржавые ворота.

– Это не доказывает, что Алва ими воспользовался. – Левия бы сюда, с шадди. – Халлоран тоже получил «приказ», а Карваль со вчерашнего утра ветер ловит. Два ложных следа у нас уже есть, только третьего не хватает.

– Они там были. – Тристрам не собирался сдаваться. – Посетители трактира «Разухабистый молодчик» слышали, как мимо проехал большой отряд. Хозяин выглянул в окно. Ворота были открыты, но на подъезде стояли гражданские с факелами. Трактирщик ничего не заподозрил, решил, что так и надо.

– Он видел только стражников?

– Нет, он видел конный отряд, но со спины.

– Я доложу его величеству, – пообещал Эпинэ, проклиная свою голову и назойливого генерала. – Когда вы сможете выступить?

– Хоть сейчас! – обрадовал Тристрам. – Гвардия готова!

– Сейчас рано. – Иноходец глянул в окно: благословенная зимняя ночь и не думала кончаться. – В такой темноте только ноги лошадям ломать. И потом, нужно о городе подумать. Мы не кого-нибудь ловим, а Ворона! С него станется выманить защитников за стены и захватить дворец. Если ворота стояли открытыми, мятежники могли выехать вместе и с шумом, а вернуться порознь и тихо.

– Об этом я не подумал, – на исполненной рвения физиономии проступило беспокойство, – я вышлю разведчиков.

– Договоритесь с Пуэном, – велел Робер, – у нас не так много людей, чтобы гонять их одними и теми же улицами. У Ржавых вы уже были, разузнайте, что творится у Конских, и к десяти утра будьте готовы.

– Государь велел докладывать лично ему, – напомнил Тристрам, – и я не хотел бы...

– Государь занят, – отрезал Эпинэ, зная не знавший, куда провалился утешавшийся можжевелевой настойкой сюзерен, – а время не терпит. Не волнуйтесь, генерал. Я доложу о вашем... усердии и о том, что именно вы напали на след.

– След еще нужно проверить, – заволновался Тристрам. – Мы не можем рисковать. Если Алва вернулся в город, следует принять дополнительные меры по охране дворца.

– Они приняты. – Эпинэ подтянул к себе первый попавшийся документ, оказавшийся все тем же письмом Придда. – Охраной его величества командует гимнет-капитан Лаптон, и у меня нет оснований ему не доверять. Идите, договаривайтесь с Пуэном. Простите, я очень занят.

– Да, монсеньор!

Тристрам наконец убрался. Со спины он напоминал покойного Рокслея, но офицер из него был никакой.

Эпинэ подавил зевок, развернул план города и обвел Ржавые ворота. Далеко, что не может не радовать. Пока рассветет, пока объявится Альдо, расспросит разведчиков и доставленных очевидцев, прикажет что-нибудь судьбоносное... Раньше одиннадцати не выступить, а до ворот на рысях больше часа. Из города они выберутся в полдень, не раньше, значит, у Ворона десять часов форы и три дороги на выбор, а преследователям еще нужно разобраться, где свернуть. Вряд ли Алва с Валентином позабудут спутать следы, значит, погоне придется делиться, и еще вопрос, кто кого в конце концов поймает. Если вообще будет ловить.

Если Альдо пошлет за одним Первым маршалом другого, да еще с Карвалем, то почему бы его и не догнать? Не догнать и не вернуться вместе. Две с половиной тысячи южан, «спруты» и полторы тысячи Левия, если кардинал рискнет, против тысячи гимнетов и десяти тысяч не поймешь кого – не так уж и плохо. Особенно с Вороном во главе. Главное, не допустить бунта, но Алва и не такое может... Только бы найти и договориться, дальше пусть командует сам, а наше дело – исполнять. Проклятье, и что это случилось с Эпинэ, раньше были маршалы как маршалы, а сейчас на полковников и то не тянут.

2

– Монсеньор. – Глаза у Жильбера были на лбу. – Гимнет-капитан Мевен!

– Что? – не понял Робер. – Ты о чем?

– Эпинэ? Это вы? – Мевен, пошатываясь, ввалился в приемную. Его мундир был измят, небритую щеку украшали ссадины. – Где... где его величество?

– Не знаю, – честно признал Иноходец. – Он устал и... удалился. Вам удалось бежать?

– Нет, – замотал головой виконт, – не удалось. Мне ничего не удалось.

– Садитесь, – велел Робер, и Мевен плюхнулся в ближайшее кресло. Он и в самом деле не бежал, его отпустил Ворон. Кэналиец вечно всех отпускает, а вот Дикон... Простил и взял с собой или хуже?

– Где Окделл?!

– По дороге в Придду. – Виконт тоскливо огляделся, и Робер понял, в чем дело.

– Вино будете?

– Да.

– Не вставайте, я налью.

– Спасибо. Признаться, рад, что нарвался на вас.

И радость эта взаимна. Только б Альдо не проспался раньше времени, но, слава Леворукуму, еще темно.

– Что с Ричардом? Только правду, слышите?!

– Вот, – Мевен вытащил из кармана измятый листок, – от Придда. Как говорится, в собственные руки.

– Закатные твари! – Эпинэ выхватил послание. – Второе письмо от Спрута за ночь – это

чересчур.

Мевен, не отрываясь от бокала, поднял глаза. Слишком усталые, чтобы быть удивленными.

– Второе?

– Пейте, – велел Иноходец. Читать было страшно, и Робер бросился в письмо, как в бой.

«Любезный господин Эпинэ, – может, Валентин и писал на колене, на почерке это не отразилось, – исполняя приказ Первого маршала Талига, уведомляю вас, что господину Окделлу не грозит ничего, кроме мук совести, каковые ему также не угрожают.

При желании вы можете получить означенного Окделла в свое полное распоряжение не раньше первого и не позже третьего дня Зимних Ветров текущего года в Фебидах. Чтобы получить искомое, вам следует прислать доверенное лицо, снабдив его доказательствами того, что оно действует по вашему поручению. В противном случае я буду вынужден вывезти господина Окделла в Ноймар, так как отвечаю за сохранность Повелителя Скал и, следовательно, не могу отдать его на милость его (господина Окделла) разума и воображения.

Пребываю к вам в глубочайшем уважении.

Полковник Придд.

Окрестности Оллариш. 400 год К.С. Утро 20-го дня Зимних Скал».

– Вы читали? – сдавленным голосом произнес Робер, понимая, что обошлось.

– Нет, – поморщился Мевен, – но там должно быть об Окделле.

– У Кольца Эрнани его отпустят, – подтвердил Робер, – вернее, не отпустят, а передадут тому, кто за ним приедет.

– Это правильно, – одобрил гимнет-капитан, – иначе бедняга наделает глупостей.

– Я отправлю за ним Карваля, – решил Эпинэ, – когда он вернется.

Только сперва надо решить с погоней, потому что сюзерену нужнее мертвый Алва, чем живой Дикон. Проклятье, неужели Никола опоздает, за Вороном отправят очередную шваль или рискнут гимнетами? Альдо может...

– Мевен, пока мы вдвоем, расскажите, что же все-таки случилось. Разумеется, потом вы доложите еще раз.

– Что случилось? – дернул ободранной щекой виконт. – Как оказалось, ничего... Несколько трупов, дюжина выстрелов, скачка и – ничего...

– То есть? – Окна неумолимо наливались утренней синевой. Скоро кто-нибудь явится.

– Ах да... Вы же не знаете главного – Алва в Нохе.

3

– Как?! – Наверное, он произнес это вслух, потому что Мевен как-то по-лошадиному кивнул.

– Так. Решил вернуться и вернулся. Придд отправился на север без него.

– Закатные твари! – На сей раз Иноходец свой голос услышал. – Он что, с ума сошел?

– Не сказал бы, – Мевен с досадой заглянул в пустой бокал. – Если кто и рехнулся, так это я.

– Потому что вернулись? – Алва у Левия! Успел ли кардинал стянуть к Нохе солдат и где, в конце концов, Карваль?!

– Между нами говоря, да. – Гимнет-капитан тронул ссадину и поморщился: – Проклятый кэналлиец...

– Это он вас заставил?

– Нет, – Мевен досадливо махнул рукой, – я сам... Разрубленный Змей, чувствуешь себя косноязычным болваном. Поймите, я...

– Виконт Мевен! – Альдо в кирасе поверх мундира стоял в дверях. – Как вы здесь

оказались?! Эпинэ, что все это значит?!

– Это значит, – отчеканил Робер, занимая позицию между вскочившим Мевеном и сюзереном, – что спешить больше некуда. Алва в Нохе, а гнаться за Приддом – подвергать опасности Ричарда.

– Что? – Альдо рванулся вперед, едва не сбив Эпинэ с ног. – Ворон у Левия?! Не в Багерлее – в Нохе! Под крылом у этого недомерка голубинового?! Это вы его туда отвезли?! Вместо того чтобы пристрелить на месте, как беглого убийцу!

– Ваше величество, – Мевен слишком устал, чтобы бояться воплей, даже королевских, – это не я доставил герцога Алва в Ноху, а он меня и монаха.

– Гимнет-капитан Мевен действовал правильно. – Робер оттер Мевена плечом, и тот послушно отступил за маршальскую спину. – Бегства не было, было возвращение. Виконт, вы в вашем положении могли что-нибудь предпринять?

– У меня не было оружия, – Мевен не оправдывался, он просто говорил, как было, – за моей спиной сидел монах, а моя лошадь никогда бы не угналась за мориском.

– Трус! – припечатал Альдо. – Я окружен трусами! Кэналлиеца прямо-таки заморозил вас, трясетесь, как зайцы. Сорок человек упускают одного... Где ваша шпага, гимнет-капитан Мевен?! У Ворона? Или кардиналу подарили?

– Моя шпага сломана, – лицо Мевена из серого стало пунцовым, – и это ваше счастье... Можете отправить меня в Багерлее или сразу... к Айнсмеллеру. Так мне и надо, нечего было возвращаться!

– Хватит! – рявкнул Робер, сам не зная на кого. – Хватит... Мы все устали.

– В самом деле. – Сюзерен шумно вздохнул и разжал кулаки. – Проклятье...

– Мне кажется, – поспешил развить успех Иноходец, – нужно услышать все с самого начала. Мевен почти ничего не рассказал. Только про Алву и Дика. Спрут прислал письмо, он отпустит Ричарда у Кольца Эрнани.

– Что? – Альдо честно пытался сосредоточиться, но ярость еще была хвостом. – Эта тварь смеет нам угрожать?

– У этой твари в руках Дикон! – заорал Робер. – Дикон! Его убьют, если мы нападем, это ты понимаешь?!

Сюзерен понял. По крайней мере, кивнул.

– Мевен, мы слушаем. С самого начала, и сохрани вас гальтарские боги от вранья. Как вас занесло к Желтой площади?

– Мы задержались с выездом. Было уже темно. Герцог Окделл сказал, что он имеет точные сведения о том, что в город проникли кэналлийцы и следует ожидать нападения. Я подобными сведениями не располагал, но гимнеты охраняют...

– Мы знаем обязанности наших военных. – Альдо вновь был монархом. – Итак, герцог Окделл испугал вас рассказами о кэналлийцах?

– Никоим образом, – гимнет-капитан вскинул колючий подбородок, – я настаивал на короткой дороге. Триумфальная не располагает к засадам, к тому же там находились люди его высокопреосвященства. Окделл не согласился и напомнил, что решает гражданский комендант.

– Он так и сказал? Этими словами?

– Да, – Мевен снова поморщился, – именно этими.

– Окделл превысил свои полномочия, – решил сюзерен, – но сейчас он в руках врага, и мы не желаем говорить о его ошибках.

Ошибках ли? Будь это ошибкой, сюзерен полез бы на потолок задолго до Левия, а он пил вино и тянул время. Нет, Дикон не ошибался, а выполнял приказ. И выполнил, только Леворукий опять смешал карты.

– Мевен, – Альдо сменил гнев на милость, – вы подчинились требованиям гражданского коменданта, который отвечал за доставку узника. Вы невиновны. Говорите дальше.

– Мы поехали дорогой, которую выбрали герцог Окделл и полковник Нокс. У Желтой площади на нас напали. Граф Гирке занял угловой особняк, пропустил гражданских и

факельщиков и отсек карету. Мы с герцогом Окделлом были впереди. Услышав выстрелы, я бросился назад, Ричард остался на площади, но нам одинаково не повезло. Кому я должен передать перевязь?

– Об этом поговорим, когда вернется Окделл. Дальше.

– Я узнал графа Гирке и понял, что нас захватили люди Придда. Гирке и не думал скрываться, хотя сам герцог Валентин появился позже. Мы с Окделлом видели, как освободили Алву, с ним был монах, его связывать не стали.... Нас с монахом отвели во двор особняка. Нокс погиб при захвате кареты.

– Мы знаем, – щегольнул осведомленностью Альдо. – Вас допрашивали?

– Окделла и монаха, как мне кажется, нет. Меня – да.

– Что вы сказали?

– Ничего, – твердо ответил Мевен. – Я предложил Алве и Придду сдаться, указав, что их дело безнадежно и что к нам вот-вот подойдет помощь. Я ошибся – они нашли выход. Мы выбрались из города без единого выстрела.

– Кто нас предал, кроме Придда?

– Я заметил нескольких офицеров старого гарнизона, но рассмотреть всех было невозможно. Захвативший нас отряд насчитывал не больше полусотни, а из города выехало несколько сотен.

– Как вышло, что Алва вернулся? Говорите, что знаете.

– Нас подвели к Ворону всех троих. Он велел Придду написать герцогу Эпинэ...

– Что тебе написал Придд? – Альдо протянул руку. – Покажи!

– Смотри, – пожал плечами Робер, протягивая лист. Буря утихла, но надолго ли?

– Подонок, – сюзерен швырнул письмо на пол, – но придется уступить, Ричард дороже.

Кого пошлешь?

– Карваля, а сейчас отправлю разъезд. Пусть следят, но издали.

– Правильно, – одобрил Альдо. – Мевен, письмо намекает на поведение Ричарда. Что он сделал?

– Настаивал на поединке, – на губах Мевена мелькнула улыбка, – но его не стали слушать.

– И хорошо, – не выдержал Эпинэ. – Значит, Придд написал письмо?

– И передал монаху. Вот тут Алва и спросил, не желаю ли я составить компанию брату Пьетро и ему. Я сперва не понял, и все остальные тоже.

– Он объяснил свое решение?

– Он сказал, что не сошел с ума и не устал жить.

– Только это?!

– Они заспорили с Приддом, но это продолжалось недолго. Мне велели взять в седло Пьетро, и мы поехали.

– В дороге Алва что-нибудь говорил?

– Нет, напевал, пока не показался Ржавый форт. Потом замолчал. Мы спокойно въехали в ворота, они никем не охранялись. В городе я попробовал освободиться, но Ворон решил, что я еду с ним. У него были пистолеты, у меня – нет.

– Сейчас они у вас будут, – пообещал сюзерен. – Эпинэ, вызывай эскорт. Мы едем в Ноху, и пусть только эта мышь голубиная начнет юлить.

Глава 3

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Утро 20-го дня Зимних Ветров

Левий не юлил, скорее, наоборот. Ворота Нохи были красноречиво закрыты, а подъезды охраняло церковное воинство в серых плащах. Альдо взял с собой полсотни гимнетов и сотню гвардейцев, но людей кардинала было заметно больше: его высокопреосвященство ждал высочайшего визита и ясно давал понять, что пугаться не намерен.

Робер повернулся к сюзерену:

– Возвращайся во дворец. С Левием я поговорю.

– Не доверяешь голубку? – усмехнулся его величество. – Я тоже не доверяю, но не отступать же! Сегодня я шарахнусь от церковных крыс, завтра Левий решит, что король – он. Не дожидется!

– У нас полтораста человек, – напомнил Эпинэ, – и три сотни Халлорана поблизости. В Нохе не меньше полутысячи, а если Левий уже вызвал свой полк? Ты же ему вчера разрешил...

– Дураком был, – признал ошибку Альдо. – А ты меня почему не остановил?

– Тебя, пожалуй, остановишь.

– Тогда не останавливай. – Его величество дал шпоры линарцу и, как всегда, перестарался. Несчастный конь рванул к воротам, словно за ним выходцы гнались. Ничего царственного в этом не было, но в седле Альдо усидел и даже засмеялся.

– Не откроет, – его величество собственноручно взялся за тяжелое бронзовое кольцо, – пусть пеняет на себя!

– А мы уже воюем с Агарисом? – осведомился Эпинэ, косясь на серых вояк. – Не рановато ли?

– Сейчас узнаем. – Альдо от души саданул по старой бронзе, вызывая привратника, но зарешеченное окошечко осталось темным и пустым, зато из-за прилепившейся к стене часовни показался высокий всадник, за которым следовали солдаты. Его величество развернул коня навстречу, со всей силы рванув повод. Хитрый линарец, спасая рот, лебедем выгнул шею. Человеку, оседланному дураком, так просто «за удила» не уйти. Иноходец невольно усмехнулся и последовал за сюзереном, время от времени косясь на церковников. Те, на первый взгляд, нападать не собирались. Предводитель что-то приказал подчиненным и направился к воротам, серые солдаты остались на месте.

– Будут говорить, – не выдержал Робер. – Твое дело, но я бы начал войну не сегодня.

Сюзерен не ответил. Не услышал?

– Полковник Мэйталь к услугам вашего величества, – церемонно представился высокий.

Робер выехал вперед.

– Его величество желает видеть его высокопреосвященство. – Альдо не понравится, что разговор начал не он, но лучше высочайшая выволочка, чем драка с солдатами.

– Его высокопреосвященство будет счастлив, – заверил Мэйталь, и ворота неспешно, словно по собственному почину, распахнулись. За ними, выстроившись в две шеренги, замерли церковники в кирасах. Очень почетно и безопасно. Или, наоборот, опасно. Альдо решил, что почетно, и без колебаний въехал во двор, Робер отстал ровно на столько, сколько требовал этикет. Утренняя Ноха казалась тихой и благостной. Неужели он во сне бродил именно здесь?

Живой коридор оборвался у знакомого крыльца, на перилах, словно в насмешку, пристроился белый голубь, а по ступенькам прыгали воробьи. Двое монахов, весьма похожих на бывалых вояк, взяли королевского линарца под уздцы, и Альдо, чуть заметно промешкав, прыгнул на землю.

– Его высокопреосвященство ждет! – Пьетро! В свежей рясе, на руке – четки, глаза

опущены, под ними – круги.

– Где Алва? – не выдержал Альдо. – Ну же!

– Мне нечего скрывать, – твердо сказал секретарь, – но я могу отвечать лишь с разрешения его высокопреосвященства.

– Хорошо, – буркнул сюзерен, словно не видя заполонивших переходы гвардейцев.

– Его высокопреосвященство не один, – предупредил монах, с трудом поспевая за августейшим визитером.

– Еще лучше, – Альдо шумно втянул воздух, – нам нужен именно гость.

– Государь! – Робер рванулся к двери, но оттереть сюзерена не успел: Альдо ворвался к Левию первым. И застыл.

– О ваше величество, – маркиз Габайру торопливо поставил прозрачную чашечку и, кряхтя, поднялся, – какое счастливое утро!

– Маркиз, – сюзерен походил на быка, собиравшегося забодать пастуха и налетевшего на забор, – это вы?

– О, – кашлянул Габайру, – вчера после приема я осознал, что не могу покинуть этот город, не исповедовавшись и не заказав молебен о здравии моего государя и о собственной безопасности в пути. Его высокопреосвященство любезно предложил мне стать его гостем, и вот я здесь и прошу разрешения сесть, ибо все еще нездоров.

– Садитесь. – Альдо вполне овладел собой. Настолько, что, увидев у жаровни кардинала, благочестиво наклонил голову: – Ваше высокопреосвященство, мы позволили себе прервать ваши занятия...

– А вот я, увы, не могу, – кардинал со знанием дела пошевелил песок, – в противном случае я загублю шадди. Полагаю, герцог Эпинэ после ночных треволнений не откажется от угощения, но как относитесь к морисскому ореху вы?

– Мы выпьем вина. – Альдо, не дожидаясь приглашения, уселся рядом с урготом. – Ваше высокопреосвященство, нам нужен герцог Алва, но прежде мы желаем выслушать рассказ брата Пьетро.

– Герцог Алва спит, – сообщил Левий, сосредоточенно вливая в готовый шадди холодную воду. – Каждое создание должно спать, и только Создатель бодрствует денно и нощно. Что до брата Пьетро, то он готов повторить свой рассказ.

Тепло и горький запах знакомо кружили голову, обещая безопасность и отдых, но сегодня не будет ни того, ни другого. Кардинал достал из ларца знакомые чашечки.

– Сын мой, – велел он топтавшемуся у двери секретарю, – расскажи, что ты видел. С самого начала.

– Я не видел почти ничего, – обрадовал Пьетро. – Воин, которого я не запомнил, помог мне подняться в карету. Герцог Алва и офицер, чье имя я узнал лишь после его смерти, уже находились внутри. Дверь закрыли, и мы поехали. Занавески на окнах были опущены, и я не мог видеть, что происходит снаружи, к тому же на улицах было темно. Я слышал лишь стук копыт и скрип колес.

– Ваши спутники молчали? – помог делу Габайру.

– Офицер... Я могу называть его полковником Ноксом?

– Можете, – разрешил Робер, косясь на сюзерена. Тот, слава всем кошкам мира, сидел смирно. Пока.

– Полковник Нокс хранил молчание, – сообщил монах, – герцог Алва сначала тоже, потом стал напевать.

– Что именно? – подался вперед Альдо. – Не упоминался ли в его песне ветер?

– Он пел на неизвестном мне языке, – пальцы монаха монотонно отсчитывали жемчужины, – но мелодия была очень красива.

– Но вряд ли богоугодна. – Левий разлил шадди в чашки. – Продолжай, сын мой.

– Мы ехали долго, потом послышались странные звуки, я не сразу понял, что это выстрелы. Карета остановилась. То, что случилось дальше, поразило меня. – Лицо Пьетро утратило безмятежность, он судорожно сжал свои четки и оглянулся на кардинала.

– Брат Пьетро стал свидетелем весьма неприятного события, – пояснил тот. – Говори, сын мой, наши гости должны знать, как погибло их доверенное лицо.

– Герцог Алва сидел, прислонившись к стенке, – покорно начал Пьетро, – он сидел, и глаза его были прикрыты. Герцог даже не шевельнулся, но полковник Нокс выхватил огромный нож. Он задумал убийство, и сердце мое оборвалось. Я зажмурился, моля Создателя о милосердии и справедливости. Раздался шум, и был он не смертным стоном, но звуком борьбы. Я открыл глаза: кинжал лежал на полу, а герцог Алва душил полковника Нокса цепью. Я хотел закричать, но мое горло свела судорога, а затем на крышу кареты что-то обрушилось. Раздался треск, и я увидел над собой чужие сапоги. Это были люди герцога Придда, но тогда я этого не знал.

Не в силах ничего понять и ничего изменить, я шептал молитвы, пока не почувствовал на своем плече чужую руку. Это был герцог Алва.

– Брат мой, – сказал он, – можете открыть глаза, я его уже убил.

Я взглянул и увидел полковника. Он был мертв, на его шее темнел страшный след. Мне стало дурно, я не помню, как выбрался из кареты, как меня подвели к герцогу Окделлу, тоже пленному. Я понял, что герцог Придд освободил герцога Алва, но это все, что я могу сказать. Я просил Создателя защитить меня и моих спутников, и Создатель внял моим мольбам. Я вернулся в обитель вместе с господином Мевеном, а жизни герцога Окделла ничего не грозит. Это все.

– Ты слышал, как герцог Алва объявил о своем возвращении?

– Да, – подтвердил монах, – и возрадовался, ведь моим долгом было проводить его в Ноху. Я опасался, что герцог прельстится свободой и войной, но долг в его сердце перевесил соблазн. Он остался непреклонен, как святой Адриан перед абвениатами.

– Что именно сказал Ворон? – Сюзерен походил на готовую взорваться гранату, но Пьетро боялся иного гнева. Монах наморщил лоб, собираясь с мыслями, и вздохнул:

– Герцог Алва не любит лишних слов. Он спросил, согласен ли господин Мевен проводить его и меня до Нохи. Тот согласился, и герцог Алва, видя мою усталость, велел Мевену взять меня в седло. Если б не он, я бы заблудился и замерз, но не этой ночью суждено было мне окончить путь свой.

– Ваше величество, – улыбнулся Габайру, – вы спрашивали, что Алва пел в карете. Брат Пьетро забыл сказать, что на обратном пути герцог вновь запел.

– Это была другая песня, – негромко сказал монах. – Когда стены города закрыли звезды, он сказал виконту Мевену, что судьба его – звездный иней. Мевен не понял, герцог Алва объяснил, что есть такая песенка. Он так и сказал: «песенка». Я не увидел в ней никакого смысла, только тоску по неизбежному.

– О чем говорили Придд и Алва? – Закатные Твари, неужели Альдо думает, что Ворон станет откровенничать со Спрутом при монахах и гимнетах?

– Я замерз и устал, – потупился Пьетро, – а слова их были далеки от моих мыслей. Герцог Алва пообещал полковнику Придду маршальскую перевязь. И еще он запретил смотреть назад, но это недобрый совет, ибо Создатель заповедовал оглядываться на след свой, дабы понять, бел он или же черен.

3

Дорога стала каменистой, словно в горах, а по пустым полям стадами разбрелись серо-розовые валуны. Казалось, гранитные глыбы провожают отряд настороженным, недобрым взглядом, но дело было в скользких по неровным бокам солнечных бликах и разыгравшемся воображении. Кони камней не боялись, они шли ровной походной рысью, и в согласном стуке копыт навязчиво проступал мотив, который хотелось вырвать из памяти вместе с прошлой ночью:

Судьба моя – звездный иней,
Звезда над дорогой дальней...
Звезда над долиной синей,
Звезда на холодной стали.

Дикон потряс головой, стараясь думать о чем угодно, лишь бы позабыть Алву с его проклятой песней. Или вообще не думать, но память тянула в темную придорожную рошу, словно в омут, заставляя восемь раз переживать одно и то же.

Снова горели факелы, хмурились лиловые стрелки, хрустела смерзшаяся листва, вздыхали и фыркали лошади. Снова Придд отдавал честь и исчезал за солдатскими спинами, Гирке распоряжался, Пьетро перебирал четки, а кэналлиеца напевал, глядя в ночное небо, как напевал в Сагранне, и деться от его кантины было некуда:

Мой друг, я в Закат гляделся,
Звездой летя в бесконечность,
Мой друг, я в Закат гляделся,
Но я Рассвета не встречу...

– *Что это? – не выдержал Пьетро. – Прошу простить мое любопытство, мне не следует спрашивать.*

– *Это песенка, благочестивый брат, – бездумно откликнулся Алва, – пришла в голову. Очень грешная песенка, не обращайтесь внимания, молитесь...*

– *Я молюсь неустанно, – заверил монах, – но последовать вашему совету не могу. Есть песни, на которые не обращать внимания невозможно.*

– *О да, – кивнул Алва, – особенно много их в горных странах. Возможно, виноваты слишком близкие звезды...*

– *Звезды – слезы Создателя, оплакавшего несовершенство мира, – не согласился Пьетро, – они несут покой и утешение, а ваши напевы полны тревоги и горечи.*

– *Значит, их сочинили люди, только и всего, – пожал плечами Ворон. – Мы все рождаемся людьми, а если повезет, ими и умираем...*

– *Монсеньор. – Из полумрака вынырнул Придд, протянул руку с чем-то светлым: – Письмо герцогу Эпинэ.*

Алва поморщился:

– Отдайте брату Пьетро.

– Монсеньор не желает прочесть?

– Полковник, – отмахнулся кэналлиец, – маршем командуете вы. Это ваше письмо, и это ваш заложник. Полагаю, вы не написали ничего, что может быть истолковано превратно...

– Нет, монсеньор, все предельно ясно.

– Отлично. Мевен, вы не откажетесь проводить меня и брата Пьетро до Нохи?

Гнедой мерин, на которого пересадили Дика, споткнулся, но тут же выправился. Юноша под неприязненным взглядом Вардена сжал поводья, готовясь ответить на очередное оскорбление, но южанин промолчал. Еще одна ошибка, на сей раз Рокслея... Если Придда и его солдатню терпели по воле Альдо, то Вардена в гвардию взял Джеймс, не удосужившись разобраться, что у бывшего гарнизонного офицера за душой. Для Рокслея Варден стал еще одним уроженцем Эпинэ, вставшим на сторону Ракана. Так уж вышло, что южанин в Ракане означает «вассал Эпинэ», а вассал Эпинэ не обязательно друг, но всегда союзник. Можно подумать, колинъяров и дораков из Холты привезли и у них нет ни слуг, ни прихвостней.

– Окделл, что с вашим конем? – Накликал, теперь не отвяжется!
– Он устал, – буркнул Дикон. Руки юноше развязали, но в центре отряда толку от свободы немного. Может быть, на привале? Должны же они остановиться и покормить лошадей.

Варден ухватил гнедого под уздцы и внимательно оглядел:

– Всем бы так устать. До обеда продержится, а вам нужно лучше следить за дорогой.

– Оставьте ваши советы при себе, – отрезал Ричард. – Нам не о чем говорить.

– С вами говорить и впрямь бесполезно, – окрысился южанин, – но мой долг – доставить вас в Фебиды, и вы там будете.

Долг... Много этот предатель знает о долге... Но как же любят мерзавцы прятаться за красивые слова. Воистину «зло – это яд в кольце высоких фраз, кто в обращенье прост, тот сердцем не предаст». Даже странно, что это сказано больше тысячелетия назад. Сколько веков уткло, а все по-прежнему: Джереми молчит, а Спрут болтает о долге и Чести. И находятся те, кто слушает, Ворон и тот...

– Полковник Придд, – в знакомом голосе не было смеха, – не только у вас есть долги.

– Простите, монсеньор, – предатель, ставший прихотью Алвы полковником, не собиравший отступать, – ваш долг перед Талигом больше долга перед человеком по имени Фердинанд.

– Одно равняется другому, – сощурился кэналлие. – Не волнуйтесь, я не сошел с ума и не устал жить. Впрочем, это одно и то же. Запомните на всякий случай.

– Я запомнил, монсеньор. Сколько человек вам требуется?

Алва свел брови, разглядывая застывшего в седле Придда; сменились факельщики, в вершинах деревьев что-то произошло, словно гигантская белка скользнула. Ворон улыбнулся одними губами:

– Мой вам совет, Валентин. Когда станете приносить маршальскую присягу, думайте, что говорите. Не следует повторять чужих ошибок. Мевен, вы едете с нами или отправляетесь на север?

Рука гимнет-капитана потянулась к несуществующему эфесу:

– Герцог Алва, не только у вас есть совесть. Я остаюсь с вами...

Мевен – человек чести и офицер, он не мог оставить государя, но почему вернулся Алва? Смешной вопрос! Кэналлие сговорился с Левием еще в Багерлее, а сюзерен не поднимет руку на агарисскую крысу. Теперь в самом сердце столицы обоснуется злейший враг Раканов, и только Леворукий знает, что он приказал Ноймаринену и что собирается сделать.

Полторы тысячи церковников и Алва, который знает город как свои пять пальцев!.. И еще Суза-Муза, разгуливающий по дворцу, как по собственной спальне, Давенпорт со своими убийцами и кэналлийцы. И это не считая предателей и трусов, которые, случись что, не замедлят перескочить на сторону Олларов.

Если Алва и Левий решат захватить власть, между ними и Альдо окажется только недотепа Карваль и пара полковников, которые даже Придда не сумели задержать. Им ли справиться с лучшим полководцем Золотых земель?! Но неужели Левий пойдет против Эсперадора, благословившего сюзерена?

Пойдет, если пронюхал про исповедь или, того хуже, раздобыл доказательства того, что Альдо поклоняется истинным богам! Тогда Агарис из союзника станет врагом. Страшным врагом, потому что истинные создатели Кэртианы для выдуманного Создателя опасней оллариянства. Неужели сюзерен был так неосторожен, что раньше времени раскрыл свою тайну?..

Матильда! Альдо от бабки не тайлся, но принцесса всю жизнь дружила с Эсперадором, а теперь эта дружба перекинулась на Левия. Алатка рассказала кардиналу все, а тот... до поры до времени спрятал беглянку в Нохе вместе с Темплтоном и доезжачим. Неудивительно, что их никак не найдут, ведь они не уезжали. Теперь у эсператистов в руках живое доказательство измены Альдо. Сестре алатского герцога поверят, особенно если

захотят...

– Вам дурно? – Варден не скрывал своего отвращения, но был полон решимости дотащить пленника до Кольца Эрнани.

– Мне неприятно ваше общество, – отрезал Ричард, – не более того.

– И все же выпейте. – Офицер протянул флягу, ту же, что была у него в Октавианскую ночь. И Дик взял. У него тоже есть долг. Перед сюзереном и Золотой Анаксией. Альдо должен узнать, что Матильда почти наверняка в Нохе и призналась во всем. Сюзерен не допускает мысли о предательстве бабки, но другого объяснения ее исчезновению нет и быть не может.

Ричард от души хлебнул холодной касеры, на мгновенье перехватило дыхание, а серые холмы заволокла радужная пелена. Сегодня двадцатое, через неделю их нагонит Карваль... Неделю пережить можно, пережил же он путешествие с Хуаном, а ведь тогда Ричард Окделл еще не присягнул, у него не было ни цели, ни долга, только Честь и Любовь!

– Благодарю, – Ричард спокойно вернул южанину флягу. Шесть дней конь о конь с предателем не длиннее месяцев в Высоком Совете с Приддом. Скоро эта дорога и эти люди станут прошлым. Они уже прошлое, ведь своей изменой они отрезали себя от государя, Золотой Анаксии, истинных богов... У них нет будущего, а Повелитель Скал вернется к сюзерену, смыв с себя дорожную грязь и чужую подлость. Надо ждать дня, а не бояться ночи, смотреть вперед, а не оглядываться назад!

– Не смейте оглядываться, – велел кэналлиец, – тогда вы доберетесь туда, куда собирались, и, что важнее, дотащите тех, кто в вас вцепится.

– Да, монсеньор, – отдал честь Спрут. – Варден, возьмите Окделла в голову колонны. Попробует обернуться – завяжите глаза...

Южанин ухватил повод, и глупая кобыла послушно повернулась. Придд что-то говорил Ворону, но слов Дик разобрать не мог, а вот ответ юноша расслышал.

– Прощайте, полковник! – отрезал Алва. – Прощайте, я сказал! – И звоном лопнувшей струны короткая фраза на кэналлийском. Три или четыре слова, непонятных и звонких, как песня, от которой не избавиться.

*Чужак, твоя кровь струится,
И ты бледнее тумана .
Чужак, твоя кровь струится,
Не мне закрыть твою рану .*

...Валентин обогнал их с Варденом на выезде из роуи. Спрут смотрел прямо перед собой, вслед за хозяином двумя огромными тенями скользили Тобиас и его двойник. Отряд деловито и равнодушно покидал отслужившую свое роуи, впереди тянулись разодранные тенями поля и тускло блестела дорога, над которой висела предавшая юношу в городе голубая Ретаннэ.

*Судьба моя, звездный иней,
Звезда над дорогой дальней,
Звезда над долиной синей,
Звезда на холодной стали...*

– Я подтверждаю, что все, сказанное Пьетро, – правда. – Кардинал поднялся во весь рост, он был готов к бою. И он, раздери его кошки, этого самого боя хотел!

– Здесь не может быть двух мнений, – вмешался ургот. – Придд действовал на свой

страх и риск, но как действовал! Боюсь оказаться пророком, но этот молодой человек имеет все шансы рано или поздно надеть маршальскую перевязь.

– Повелитель Волн и его пособники будут казнены, – отрезал Альдо. – Мы ошиблись, решив возродить к жизни талигойское рыцарство. Его времена миновали, у государства может быть лишь одна голова, одно сердце и один закон. И это – король.

– Внутри королевства, без сомнения, – Габайру вежливо кашлянул, – но государства Золотого Договора связаны взаимными обязательствами. Их общая воля превышает личной воли каждого из монархов.

– Пока, – огрызнулся сюзерен, подтверждая наихудшие опасения Иноходца, но тут же опомнился: – В любом случае, государственная измена и убийство – внутреннее дело Великой Талигойи. Мы возвращаем Рокэ Алву в Багерлее, где он будет находиться до казни.

– Никоим образом, – поднял подбородок кардинал, – герцог Алва останется в Нохе. Мне, как пастырю, неуместно напоминать слова, сказанные Алвой у эшафота, хоть они и верны по существу. Я напомним о вашем слове, произнесенном в присутствии послов Золотых земель, и моем, как посланника Святого престола. Неожиданное вмешательство Придда не может повлиять на принятые решения.

– На них влияют убийство полковника Нокса, захват герцога Окделла и побег. – Пальцы сюзерена сжали эфес. Нечаянно или нарочно?

– Герцог Алва останется в Нохе, – с расстановкой повторил Левий, – или же незамедлительно будет вывезен мною в Агарис. Полторы тысячи весьма недурных солдат под началом лучшего полководца Золотых земель с помощью Создателя прорвутся в Новую Эпинэ без особых усилий, но вы потеряете благословение Святого престола. Вместе с правом на корону и поддержкой эсператистских династических домов.

– Мы помиловали Ворона, – рыкнул сюзерен, – до того, как эта гадина бежала. Вы любовались его смелостью, а он знал о засаде, потому и хорохорился. Разумеется, Алва вернулся, ведь его ждала не казнь, а ваше покровительство, чтобы не сказать пособничество! Вернулся, чтобы вредить нам из Нохи, но мы этого не потерпим!

– Сын мой, одумайтесь! – Взгляд кардинала был спокойней льда. И тверже. – Гнев – дурной советчик, особенно в паре с глупостью. Нокс погиб, пытаясь совершить убийство. Он напал с кинжалом на безоружного узника, не предпринимавшего попытки к бегству. Герцог Алва вернулся в Ноху по доброй воле, при его возвращении присутствовал дуайен Посольской палаты. Ни о каком бегстве не может быть речи.

– Мне будет весьма затруднительно объяснить моему герцогу причину, по которой Альдо Ракан отказывается от своего слова, – ввернул ургот. – Боюсь, это произведет неприятное впечатление.

– Наше слово неизменно, – сюзерен рывком повернулся к Габайру, – но мы не позволим нам вредить и не позволим нам угрожать. За нами стоит сама Кэртиана, чья воля привела нас на трон предков. Начинается эпоха Раканов!

– Это – ересь, сын мой. – Его высокопреосвящен-ство пододвинул стул и преспокойно уселся. – Но если принять ее в расчет, вам нечего бояться герцога Алва. Что значит его дар и его смелость против воли Кэртианы? Или вы полагаете, что кэналлиец, даже отрешенный от армии и заключенный в крепости, сильнее?

– Покажите мне Алву, – потребовал Альдо. Сюзерен еще не сдался, по крайней мере, ему так казалось.

– Он спит. – Кардинал дернул звонок, и на пороге возник офицер в кирасе. – Сын мой, какие меры приняты для охраны герцога Алва?

– Он помещен в отдельно стоящем доме, весьма крепком и окруженном стеной в два человеческих роста. У входа в его комнаты и под окнами выставлены усиленные посты. Люди дежурят на лестницах и раз в четверть часа обходят здание внутри и снаружи.

– Очень хорошо, – одобрил Левий. – Кстати, где вы разместили подошедших мушкетеров?

– В помещениях второго двора.

– Идите. – Кардинал повернулся к Альдо. – Как видите, побег невозможен. Герцога Алва стерегут не только обычные караулы, флигель, где его поместили, окружен стеной, к которой примыкают дворы, занятые солдатами. Уверяю вас, чтобы выбраться из Нохи без моего разрешения, нужно не меньше полка.

Мягкая улыбка и аромат шадди. Кто скажет, что кардинал угрожает забравшемуся в ловушку королю? Еще немного глупости, и Левий попросит гостей любезно сопроводить его и Ворона до Кольца Эрнани, подобно тому как герцог Окделл сопровождает ныне герцога Придда.

– Мы настаиваем, чтобы среди охраны были наши люди. – Понял ли Альдо намек или просто начал думать. – Мы каждое утро должны получать подтверждение того, что герцог Алва находится в Нохе.

– Вне всякого сомнения, – кардинал пригубил остывший шадди, – но это можно предоставить коменданту Нохи и военному коменданту столицы. Или же гражданскому, когда он вернется.

– Надеюсь. – Маркиз Габайру тщательно вытер губы коричневым платком. – Надеюсь, что с этим милым молодым человеком ничего не случится. Он так трогателен в своей преданности и отваге. Будь у моего герцога подобный вассал и попади он во вражеские руки, его величество отказался бы от мести, лишь бы сохранить расцветающую жизнь.

– Его величество принял условия герцога Придда, – быстро сказал Робер. – Ричард Окделл вернется к нам живым и здоровым.

– Да, – медленно произнес Альдо, и у Робера в который раз за последние сутки отлегло от сердца. – Мы пошлем за герцогом Окделлом генерала Карваля. На него же совместно с командующим гвардией мы временно возлагаем ответственность за охрану герцога Алва. Эпинэ, ты понял?

– Да, ваше величество.

– Ваше высокопреосвященство, остается ли в силе залог, который святая церковь в вашем лице обещала внести за герцога Алва? Я говорю о жезле Эрнани.

– Церковь держит данное слово. – Левий не удивился, казалось, он ждал этого вопроса. – Его величество отбудет во дворец с жезлом Раканов и с должным сопровождением.

Глава 4 **Ракана (б. Оллария)**

400 год К.С. 20-й день Зимних Скал

1

Кровавые пятна пришлось залить чернилами. Сперва Мэллит хотела разрезать испорченную скатерть на лоскутья и потихоньку вынести в сад, но не решилась. Гоганни научилась добывать и прятать от родных одежду еще девочкой, но в Агарисе к ее услугам был весь дом, а комнаты царственной не покидали любопытные женщины.

Осталось начать письмо и проявить неловкость. Мэллит написала несколько слов «милостивой и дражайшей покровительнице», а потом опрокинула чернильницу. Красно-бурое утонуло в черном, словно грозовая туча скрыла вечерние облака. Девушка поднесла к глазам измазанную руку, на запястье проступали синяки – Первородный не знал своей силы, а она не сказала ни о боли, ни о стоящем у камина, ни о лунном приливе. Ничтожная промолчала, и любимый, уходя, упрекнул ее...

Мэллит отбросила перо и закусила лопнувшую ночью губу. Тело ломило, словно лунные дни пришли раньше времени или царственная вновь обучала нерадивую верховой

езде. Сзади что-то скрипнуло, и девушка торопливо глянула за камин, там не было никого... Никто не посмеет пройти мимо стражи, и только любимый знает, как обойти ее, но до ночи слишком далеко.

От золы тянуло дымной горечью – так пахнут осенние листья, когда их хоронят в огне. Листья – огню, корабли – морю, людей – земле, а песни – ветру...

– Госпожа баронесса, – женщину со скучным лицом и рыбьими глазами Мэллит не любила, но вошла именно она, – поздний завтрак готов.

– В Малой столовой?! – Любимый зовет ее, значит, она станет улыбаться и наденет вишневые бусы, те самые... Кузен Альдо больше не скажет, что у его кунички холодное сердце. Никогда не скажет!

– Стол накроют, где прикажет госпожа баронесса. – Скучная увидела пятно и поджала губы. – Его величество выехал в Ноху и велел его не ждать.

Любимый не придет раньше ночи! Воины, послы и вельможи без остатка съедают дни государей, так было и так будет...

– Я не голодна, – твердо сказала Мэллит, – скажите, чтобы сменили скатерть...

– Да, сударыня. – Женщина присела в принятом у первородных поклоне. – Госпожа баронесса не заболела?

– Просто я не хочу есть.

– Может быть, лекарь...

– Я не хочу! – выкрикнула гоганни. – Уйди!

Похожая на рыбу ушла, и Мэллит испугалась. Себя самое. Раньше она не кричала, а у лекаря есть настойка, глушащая боль, и притирания от синяков, но он бы все понял... Ничтожная будет терпеть: боль телесная гаснет, это душа плачет вечно, но о чем ей плакать сейчас? Мэллит любит и любима, лишь тело ее не создано для счастья. Едва первородный шагнул за порог, она упала у камина, словно отравленная, зажимая рот ладонями, и лежала долго.

Зачем обрекать на одиночество красивых и сильных, если можно отдать слабую? Зачем отбирать нареченных у счастливых женихов, если есть ненужная? Потому-то дочь достославного Жаймиоля и избрали Залогом. Старейшие женщины не знали, что внуков Кабиоховых пленяет иное...

– Госпожа баронесса, разрешите убрать стол?

– Да.

Служанка вынесла испорченную скатерть, ту самую... Стань Мэллит женой достославного Гайраоля, как мечтал отец дочери своей, она бы до конца супружества своего хранила впитавшую девственность ткань, но для Мэллицы из Сакаци гоганские обычаи ничто. Она любит сердцем, а тело подчинится, лишь бы был счастлив любимый.

– Госпожа баронесса желает розовую скатерть или желтую?

Кузен Альдо никогда не увидит ее боли, и боль растает, но как плохо они расстались! Любимого ждала погоня, а она думала только о себе, и он ушел без поцелуя и без молитвы. Теперь мысли первородного полны горечи. Что вспоминает он, торопя коня? Женщина, не согревшая любовью господина сердца своего, грешна в глазах Кабиоховых, но не упавшая в ноги уходящему грешна четырежды...

– Сударыня, так розовая или желтая?

– Нич... Мне все равно... Я... Я желаю знать, когда вернется его величество.

2

Альдо рассматривал жезл, даже не рассматривал, он его ощущал. Если б сюзерен хотя бы раз так взглянул на Мэллит, девочка умерла бы от счастья, но для женщин у Альдо были другие взгляды и другие слова.

Робер подавил вздох и отхлебнул того, что дворцовый повар называл шадди. Сладко-

горькое варево разгоняло сонную муть, но до того, что готовил Левий, ему было далеко.

– Возьми, – велел Альдо, протягивая серебристую, покрытую чернью палку, – возьми и прикрой глаза.

– Если я закрою глаза, я усну. – Пальцы Эпинэ сомкнулись на теплом от чужих рук металле. – Это белое золото?

– Вроде того, – живо откликнулся сюзерен, – надо ювелирам показать. Робер, ты понимаешь, что держишь?

– Нет, – Иноходец честно прикрыл глаза, ожидая сам не зная чего, – меня древности не трогают.

– А ты им, между прочим, жизнью обязан, – напомнил Альдо. – Неужели не чувствуешь? Сосредоточься!

Робер попробовал, но жезл был упрямей ары, а может, Эпинэ ему не нравился. Иноходец честно пытался представить башню на горизонте, бьющие в землю молнии и летящего сквозь небесный огонь жеребца, но древняя магия, в отличие от гоганской, не желала просыпаться.

Повелитель Молний еще немного повертел тяжелую, украшенную отшлифованными камнями палку и бережно положил на стол. Сюзерен сразу же притянул драгоценность к себе – похоже, он и впрямь чувствовал нечто, недоступное простым смертным. Робер зевнул и попытался глотнуть из наполовину заполненной темной гущей чашки, на зубах противно скрипнуло.

– Ты понял, что этот недомерок нам угрожал? – осведомился Альдо, водя пальцем по изящным завиткам.

– Что уедет вместе с Вороном? – Эпинэ, как мог, закрылся чашкой. – Мне кажется, он не шутил.

– Он не шутил, когда вызвал своего солдафона. Мы чудом вырвались... Если б не ургот, пришлось бы драться.

– Ты согласился поэтому? – не поверил своим ушам Робер. – Поэтому?!

– Не кипятись, – велел Альдо. – Что ты в одиночку справишься с дюжиной головорезов, знают все. Смею надеяться, я управлюсь с двумя десятками, и при нас было полтора человека. Мы бы вырвались, но без Алвы и, что важнее, без жезла. Зато теперь мне не хватает только меча, а на Левия я управу найду... Ладно, хватит об этом. Где Карваль?

– Я знаю столько же, сколько и ты. Альдо, зачем ты затеял этот суд?

– Надо было, и затеял, – огрызнулся его величество. – А вот за какими кошками ты на поводу у Придда пошел?

– Закатные твари, да потому что Спрут был прав! Алва чего только ни натворил, но Штанцлер этот...

– Да знаю я! – перебил Альдо. – И про Штанцлера, и про Оноре. Но ты пойми, казнить Алву за Ренкваху и Сагранну не получалось. Из-за «павлинов» с «гусями». Но кэналлиец виноват? Виноват! Так не все ли равно, что накарябают в обвинительном акте? Главное, он ответит и за твоих братьев, и за этого, как его, Мальжу...

– Мильжу. Только Мильжа в самом деле резал талигойцев, а Ворон спас Варасту. Ты же слышал, что сказала Катари?

– Твоя сестрица совсем свихнулась... Женщину к клирикам можно пускать, только если за ней грешки водятся. Из безгрешных святоши веревки вяют. Ты веришь, что эта дура сама до всего додумалась?

– Неважно, кто додумался... Альдо, неужели ты не понимаешь, на кого мы похожи?

– А вот это не твоя забота. – Сюзерен махнул жезлом, весело сверкнуло драгоценное навершие. – Твое дело – идти за мной и слушаться. Я привел тебя в Кабитэлу, я сделал ее Раканой, а Талиг – Талигойей, я и Золотые земли анаксией сделаю.

Негустой туман сглаживал уступы скал, в расселинах смутно белели снежные хвосты. Черные камни, серое небо, белый снег – и тишина, как на кладбище... Луиза Арамона поудобнее подобрала юбки и попробовала ногой не вызывающий доверия булыжник. Лезть на утес было глупостью несусветной, но деваться некуда. Разве что сказать больно и довести Эйвона до обморока. Если сначала Рамиро, а потом Франциск глядели на Октавию, как Ларак на капитаншу, неудивительно, что бедная женщина стала святой. У нее просто не осталось выхода.

Сверху сорвалась снежная глыба, скользнула по обрыву, распадаясь на клочья, белой волной выкатилась на грязно-серую дорогу. Луиза подняла голову – в низком небе не было даже ворон. Прекрасная дама вздохнула и обреченно полезла вверх. Проклятая гора за семнадцать дней словно бы выросла и стала круче, а может, это она стала трусливей. Прошлый раз капитаншу среди унылых каменюк ждало неведомое, сейчас она почти привыкла к чужой любви и прекрасно бы обошлась без геральдических рыл и свежего воздуха. Луиза с ненавистью глянула на черно-белые осыпи и поклялась четырежды думать и только потом язвить. И еще поговорить наконец с Мирабеллой о дочери и лошади.

Айри готова сменить гнев на милость, но только если маменька в ответ не укусит, а с великой вдовы станется. Вот бы в Мирабеллу кто-нибудь влюбился и бухнулся пред ней на колени! Стала б герцогиня после этого махать молитвенником и шипеть на все живое или рискнула бы оттаять? Не могла же она всегда такой быть, во всем виноват благородный урод, в лапы которому угодила дурочка Карлион.

Это ж надо додуматься, назвать дочь именем подружки и сообщить об этом жене! Арнольд и тот был умнее. Что бы он запел, узнав, что его вдова обзавелась любовником, да не каким-нибудь, а графом? Приличные выходцы в таком случае забирают обоих... Эйвона надо предупредить, но как?! Научить Денизиным заговорам? Не запомнит! Остается надеяться, что супруг отцепился: выходцам, им тоже свой срок положен. Приходил зимой, приходил весной, а лето с осенью упустил – все... Через два Излома не перепрыгнешь, ну а Цилла Эйвону нестрашна, только им с Селиной... Святая Октавия, а если дочка, не получив свое в Багерлее, придет за Герардом и младшими?! Если они уже...

Луиза встала столбом в десятке шагов от свиномордого камня. Сердце колотилось, к горлу подступала тошнота, тянуло куда-то мчаться, звать на помощь, колотиться в двери, но не было никаких дверей. Папенька увозил семью от Раканов, про нечисть он не знал, а с маменьки стало бы избавиться от Денизы, и что теперь?!

Внучку господин граф не выставит, да и малышня сестренку на улице не оставит, а ты тоже хороша! Хотя нечисть, она такая, память напрочь отшибает, а с памятью и ум. Может, дочка наконец успокоилась, потому и вспомнилась... Или это в Надоре церковь такая? В старых церквях выходцев отмолить можно...

– Сударыня! Вы уже здесь?

Худшего времени любовничек найти не мог, хотя он-то чем виноват?

– Да, я здесь.

– Что-нибудь случилось? – Эйвон чуял настроение своей дамы не хуже собаки. – Вы опечалены? Чем?

– Ничем, – мотнула головой капитанша, вынуждая себя опереться на предложенную руку. Ларак грустно вздохнул и умолк. Воцарилась полная тишина, неправильная, непонятная, страшная. Луиза не сразу поняла, что затих ручей.

– Эйвон, – шепнула женщина, не позволяя себе заорать от запоздалого ужаса, – что-то с родником. Он... Он исчез!

Глава 5 Ракана (б. Оллария)

Карваль объявился уже за полдень. Судя по забрызганным штанам и красным глазам, маленький генерал по дороге спал не больше маршала, но держался бодро. Что он знал о ночном переполохе и знал ли вообще, по лицу было не понять.

– Докладывайте, – велел Альдо, – мы слушаем.

– Ваше величество, – отгарабанил южанин, – вверенные мне люди проверили все места, где видели кэналлийцев и Давенпорта. Увы, нам не удалось напасть на след. Единственный человек в кэналлийском платье, появившийся в окрестностях, по описанию похож на исчезнувшего камердинера герцога Окделла.

– Это больше не имеет значения. – Сюзерен отложил драгоценный жезл. – Заговор разоблачил сам себя. Сожалею, генерал, но, судя по всему, вы гонялись за переодетыми людьми Придда. Их целью было выманить вас из Раканы.

– Я выполнял приказ вашего величества, – набычился Никола, – но мы и впрямь были нужней здесь.

– Мы это знаем, – не стал спорить сюзерен. – Вы – отменный генерал, Карваль, а это наказуемо. С сегодняшнего дня мы упраздняем должности гражданского и военного комендантов. Будет просто комендант Раканы, и им станете вы. В вашем ведении останется поддержание порядка в городе, а поиском преступников займется Особая канцелярия.

Комендант Раканы, начальник Особой канцелярии и гимнет-капитаны будут подчинены лично нам. Каждое утро вы будете являться к нам за приказами и каждый вечер отчитываться. Вы поняли?

– Да, государь.

– Мы никоим образом не посягаем на вашу преданность нашему Первому маршалу, но с сегодняшнего дня вы ему не подчиняетесь. Вашим первым делом будет обеспечение совместно с Тристрамом внешней охраны Нохи. Приступайте немедленно.

– Да, ваше величество.

– После этого можете отдыхать до утра. Мы помним, что вы провели бессонную ночь. Эпинэ, вы тоже свободны, ждем вас после обеда. Если вы понадобится раньше, мы пришлем курьера. Разумеется, о вашем отъезде в Надор до возвращения герцога Окделла не может быть и речи.

– Пусть курьер меня ищет в особняке Капуль-Гизайлей, – вздохнул Иноходец. – Я выпил слишком много шадди, чтобы уснуть.

– Постарайтесь, чтобы вас там не убили, – пошутил сюзерен. – Вы нам нужны. Карваль, проследите, чтобы к нам доставили Салигана и Штанцлера, и отправляйтесь к Тристраму.

– Да, ваше величество.

Аудиенция была окончена. Эпинэ поднялся и вышел, задрав подбородок, как и положено Первому маршалу. В приемной толкались придворные, что-то вещал расцветший по случаю неудачи Кортнея Кракл, тонко улыбался Вускерд, подпирал стену Рокслей.

– Никола, – Эпинэ ускорил шаг, чтобы не увязнуть в приветствиях, – вы многое пропустили.

– Да, монсеньор, – маленький южанин упрямо оставался вассалом Эпинэ, – про Придда мы узнали на обратном пути. Я решил осмотреть место нападения и трупы погибших. Правда, пришлось сделать крюк...

– И как я не догадался, что без вас не обойдется? – не удержался Робер. – Ну и как, нашли что-нибудь?

– Нокса, без сомнения, задушили цепью, и весьма ловко, но это не все. На правом запястье покойника осталась неровная отметина. Больше всего это похоже на след узловой

веревки. Полковника сначала обезоружили, а потом прикончили.

2

Темно-красные камни на золотом атласе, словно ягоды в осеннем саду... Синяки сойдут, кровь остановится, боль станет привычной, а вишневое ожерелье останется памятью начала начал. Любимый увидит его и все поймет. Мэллит погладила согретые ее теплом шарики и вышла из комнаты.

– Госпова бавонесса, – толстая Мэтьюс отскочила от стола, ее губы блестели, а за щеками таились сласти, – госпова бавонесса желает куфать?

– Госпожа баронесса желает видеть его величество, – твердо сказала Мэллит. – Укажите дорогу.

– Но... – Мягкая шея суетливо дернулась. – Госпожа баронесса... Его величество занят. Он может разгневаться...

Любимый будет гневаться, услышав слова любви? О нет! Он гневался ночью, когда ничтожная не нашла в себе сил улыбнуться и сказать о своем счастье и своей верности.

– Гнев государя и одобрение его падут на приказавшую, – успокоила гоганни ту, чья дочь недавно дала жизнь сыну. – Где он?

– Сейчас, сударыня. – Розовая Людовина смотрела грязными глазами, и Мэллит вспомнила хозяина таверны, где первородный ожидал недостойную. Там их губы произнесли то, что сердца знали всегда, там на пол упали золотые розы, и как же их было много! Мэллит не жалела об оставшихся в доме отца ценностях, но присланные любимым цветы... Как же она плакала, оставляя их умирать.

– Госпожа баронесса, – зубы Людовины были белыми, а волосы желтыми, ее называли красивой, – его величество должен быть в Гербовом кабинете. Вас сопроводить?

– До дверей. – Гоганни вовремя вспомнила, что воспитанница царственной не может идти одна.

– Сударыня, – на лице Мэтьюс были страх и сомнение, – надо послать гимнета. Он доложит, что вы просите аудиенции.

– Нет, – улыбнулась Мэллит, и они с Людовиной пошли меж белых и золотых статуй и подобных им воинов, и было воинов больше, чем обычно.

– Сударыня, – шепнула Людовина, – соизвольте взглянуть направо. – Гоганни повернулась и увидела любимого в белых одеждах и на белом коне. Ветер развеивал полные солнца волосы и золотой плащ, а в небе распластал крылья дарующий Силу Зверь.

– Как прекрасен его величество на новом портрете, – сказала Людовина, пробуждая Мэллит от солнечных снов.

– Да, – ответила гоганни, гордясь и печальсь. Мастер, изобразив государя, был правдив и честен – он не знал того, что знала Мэллит. Первородный ведал и боль, и сомнения. Слишком тяжела была его ноша, и слишком мало достойных было рядом, даже царственная, не поняв его замыслов, бежала, а вчерашний день принес две раны. Первую нанесли враги, вторую – возлюбленная, подменившая золото пеплом, а благодарность – слезами.

– Сударыни... – Офицер с красными глазами замер на пороге круглого зала. За широкими плечами виднелась дальняя дверь и двое воинов по бокам. – Прошу меня простить, – сказал страж, – его величество занят.

Мэллит взглянула в хмурые глаза.

– Он ждет, – сказала она. – Он меня очень ждет, и я иду.

Воины не шелохнулись, их алебарды были скрещены, а лица угрюмы. Мэллит не знала, что будет, когда в ее грудь упрутся железные острия, она не думала об этом, просто шла, и гимнеты шагнули в стороны, а двери распахнулись.

Любимый сидел в кресле у окна. Он был не один. Тучный старик в коричневом платье торопливо поднялся. Первородный обернулся, удивленно поднял брови, и Мэллит бросилась

к нему.

– Ваше величество, – голос гостя был спокойным и добрым, – я прошу позволения удалиться.

– Да, граф, оставьте нас. Мы скоро вас пригласим.

Старик исчез, и Мэллит опустилась на ковер у ног любимого. Как вчера.

– Зачем ты пришла? – Как холоден этот взгляд, рана оказалась глубже, чем она думала. – Кто тебе позволил?

– Ночью недостойная не сказала слов любви... Первородный ушел оскорбленным.

– Ну и чушь! И ты из-за этого ворвалась ко мне, когда я занят?

– Я не могла ждать, зная, что... кузен Альдо не уверен в... моем сердце.

– Сядь, – велел названный Альдо, – по-человечески сядь, в кресло. И учти, ты явилась сюда в первый и последний раз. У нас все было хорошо... и еще будет, но я не позволю никому, слышишь, никому лезть со всякими глупостями в мои дела! Каждый должен знать свое место. Поняла?

– Мое место рядом с любимым. – Почему он так смотрит? Случилось что-то страшное, что-то сжегшее душу и замутившее глаза.

– Ну нет, милая, – и голос, голос тоже другой, – рядом со мной тебе не бывать. Не хотел тебя огорчать, но раз уж пошло начистоту... Ты мне очень нравишься, куничка, я тебе благодарен за вчерашнее... Ты нам всегда помогала, я это помню, но я скоро женюсь. Моей невесте вряд ли будет приятно, что во дворце живет молодая красивая девушка, а нашу связь не утаишь. Есть придворные, есть слуги, есть гимнеты. Рано или поздно кто-нибудь догадается, так что тебе придется уехать.

– Я уеду, – это сон, бред, месть обманутой луны, любимый не может так говорить, так думать, так смотреть! – сейчас уеду... Я вернусь к царственной!

– А вот этого не будет! – Теперь он смеется, но как страшен этот смех. – Я тебя никому не отдам, тем более этой старой дуре! Ты будешь жить в Тарнике, а я буду тебя навещать. Согласна?

– Я уеду, – губы не слушались, но слез не было, – я вернусь в племя свое.

– И разболтаешь все, что знаешь? Не выйдет. Твои родичи мне враги, а мы с тобой связаны какой-то дурью. Ты останешься здесь. Поняла? И учти, криков я не потерплю. Ты сама решила, я тебе ничего не должен.

– Первородный мне ничего не должен, – чужим голосом повторила девушка. – Первородный женится, ничтожная уйдет. Ей не место рядом с любовью.

– Вот и договорились. – Ставшая чужой рука надела на плечо, принуждая сесть. – А я-то думал, гоганни поумнее наших дур, ан нет! Юбка есть юбка, ложка ума, бочка ревности.

– Ничтожная не ревнует первородного. Ничтожной не место рядом с ним...

– Если это не ревность, то я не Ракан. – Этот смех будет ей сниться, смех и луна. – Так и быть, я тебя успокою. Я урготских курочек не люблю и вообще видел только на портрете. Если мазила не врет, в служанки они сгодятся. В служанки, в королевы, но не в любовницы. Старшая – тощая, младшая малость посмазливей... До Кла... До кунички им далеко, но у Фомы золота больше, чем у всех агарисских гоганов, а в приданое я возьму меч Раканов. Ты понимаешь, что это значит?

– Ничтожная не может знать важного.

– Запомни раз и навсегда – я не отдаю то, что принадлежит мне, никому. Меч Раканов дороже всех принцесс мира. Когда он будет у меня... Одним словом, я женюсь на дочери Фомы, а к тебе буду приезжать. Если не станешь плакать и говорить глупости.

– Дочь отца моего не будет плакать. – Мэллит встала и поклонилась, как ее учили женщины из дворца. – Я прошу прощения у кузена Альдо и прошу меня отпустить.

– Вот и хорошо. – На губы названного Альдо вернулась улыбка. – Ты у меня умница. Иди, вечером я постараюсь к тебе зайти. Стой, куда? Без поцелуя я куничек не отпускаю....

Тоненький юноша в лимонной, вышитой по подолу тунике играл на свирели. Морискиллы в огромной перегородчатой клетке на разные голоса подпевали музыканту, а господин Капуль-Гизайль с полужакрытыми глазами вдохновенно размахивал янтарной палочкой.

Робер покосился на хозяйку дома: Марианна смотрела на мужа огромными усталыми глазами. Женщина смеялась и щебетала весь вечер, но когда ее сменили птицы, окаменела. Такой она была еще красивее. На баронессу хотелось смотреть, как на лес или на море, – просто смотреть и ни о чем не думать.

Музыкант заиграл медленнее, тише, странная песенка словно отдалялась, уносилась незримой рекой. Барон поднял палец, и подбежавшие слуги укутали клетку темным бархатом. Птицы смолкли, музыкант замер, лукаво улыбаясь.

– Марий, – воскликнул Капуль-Гизайль, – мальчик мой! Ты играешь все лучше, но в третьей части слишком торопишься. Медленнее! Медленнее и более плавно. Это песнь найери, они текучи, как вода, они сами – вода... Еще раз, с третьего такта...

– Да, сударь. – Паршивец поднес к губам свирель. Снова полилась музыка, слуги убрали покрывало, морискиллы с готовностью защебетали. Наверняка это было прекрасно, но Робер пришел не за песнями.

– Сударыня!

Марианна не вздрогнула и не вскочила, как вскочила бы Катари, она улыбнулась, превратившись из отрешенной богини в недалекую красотку. Робер едва не поверил.

– Сударыня, прошу вас о разговоре наедине.

– Герцог, – сиреневое платье баронессы украшала лиловая хризантема, а в ложбинке между грудей прятался крупный аметист, – я вижу, столько музыки вам не вынести.

– Вы правы, – прошептал Эпинэ, косясь на вдохновенного барона. – Здесь есть сад?

– Разумеется, – в ответ шепнула баронесса, – но для прогулок не время. Я велю накрыть стол у камина.

– О нет. – Вряд ли их будут слушать чужие, Марианна себе не враг, но рисковать глупо. – Мне разонравились камин и ложные двери. Я предпочитаю свежий воздух.

Марианна поправила хризантему, напомнив о красной розе и отчего-то о незабудках, улыбнулась и встала. Морискиллы щебетали, красавчик в тунике наигрывал что-то легкое и негромкое, маленький барон дирижировал, то втягивая, то выпячивая румяные губки. Он не видел их ухода или не считал нужным видеть. Услужливый лакей поднял и опустил портьеры, музыка стала далекой и тихой.

– Сандра, – объявила баронесса, – мы выйдем в садик. К нашему возвращению согрей вина.

– Да, госпожа. – Камеристка была совсем молоденькой. Раньше у Марианны была другая служанка.

– Ваннина меня покинула, – женщина ловко сунула ножку в меховой сапожок, – Сандра – дочка кондитера. Бывшего кондитера... Увы, герцог, наш садик зимой вряд ли вас порадует. Цветы спят, а статуи Коко велит закрывать.

– Я надеюсь увидеть их летом, – соврал Робер, подавая даме руку.

Может, сад и был небольшим, но ночь, иней и луна превращали его в зачарованный лес. Серебряные стволы, черные тени, холодный, равнодушный блеск. Если б не полускрытые кустами мирные ящики, здесь было бы страшно.

– Пройдемте к беседке. – Марианна указала на прозрачное, словно светящееся строенье и замолчала. То ли обдумывала предстоящий разговор, то ли просто устала. Эпинэ вел третьим за зиму садом третью женщину, готовясь к третьему разговору, а сверху глядел недобрый прищуренный глаз. Раньше Мэллит не путала ночь Флоха и ночь Гоха, а читает ли гоганни по луне сейчас?

– Осторожней, здесь водосток.

– Благодарю вас, – первым говорит тот, кто хочет разговора, – но меня извиняет ваш сад. Он хорош, даже зимой.

– Монсеньор. – Марианна остановилась и, отняв у спутника руку, встала к нему лицом. – Вы хотите узнать, почему я вас ударила, а я хочу спросить, почему вы меня не выдали.

– Баронесса, – Робер был готов к чему угодно, но не к достойной Айрис откровенности, – я... Вы правы, я хочу знать, кто и почему на меня напал. Я не мог выдать вас, не зная ответа. Надеюсь, мне не захочется это сделать, и когда я его получу.

– Решать вам. – Женщина смотрела твердо. – На вас напали «висельники», которых по моей просьбе нашел Салиган. Он давно с ними водится, а я имею дело с ним. Я поняла, что вы решили остаться на ночь, и вызвала разбойников через вора, которого взяла на место сбежавшего слуги. Мы не хотели вас убивать.

– Я это понял. – Марианна говорит правду. Не потому, что неспособна лгать, как Катари или Айрис. Баронесса все обдумала и решила, что так лучше. И так на самом деле лучше.

– Поняли? – Из рта женщины вырвалось облачко пара. – Конечно... Нас выдала сеть.

– И дубинки. И то, что убить меня мог и один человек. Вы.

– Могла, – она и не думала отпираться, – однажды я убила. В юности. Это вышло случайно, но я не жалела. Совсем не жалела. Я убила бы еще раз, но обстоятельства изменились...

Кого она прикончила? Насильника? Соперницу? Влезшего в дом вора?

– Сударыня, вы не могли не знать, что Раймон Салиган выступит свидетелем на суде, но вы остались в городе. Вас это не испугало?

Марианна склонила голову набок. Она не походила ни на Айрис, ни на Катари, ни на Мэллит. Тем хотелось целовать руки, а не губы. Баронесса тронула мантилью:

– Салиган плутует в карты, путается с гайифским послом, не чурается краденого, но по-своему предан мне, а я – ему. Без необходимости он меня не выдаст. Ручаюсь, он врал так, как хотел Ракан. Он и гайифцам говорил не что есть, а что те хотели слышать.

– Салиган и вправду шпион?

– Он – свинья, – припечатала баронесса, – но мы росли в одном хлеву, и это он нашел мне барона.

– Вы были неосторожны...

– Я была глупа, – спокойно признала женщина, – мне давно следовало отослать Ваннину в Рафиано, а я жалела, хоть и знала, что она – дура. Причем злобная.

– Значит, вас выдала служанка?

– Не выдала, – полные губы искривила усмешка, – наврала из ненависти к Раймону и угадала. У мерзавца нашли ворованное, но он как-то вывернулся. Раймон всегда умел путать следы. Да и кто бы после ваших слов поверил, что виновата я?

– Но служанка у вас новая, я заметил.

– Коко, когда вернулся, был вне себя. Можете не верить, но он умеет злиться. Он был очень... не смешным. Ваннина вылетела из дома в чем была.

– Значит, вы уверены в Салигане?

– Раз он молчит, значит, ему это выгодно, – отмахнулась красавица, – да и сказать ему нечего. Он знает, что я искала помощников среди городского отребья, только и всего. Если б все всплыло, я бы сказала, что наняла «висельников» для охраны от мародеров, а они решили пожить. Окделл бы мне поверил, уверяю вас...

– Не сомневаюсь, – поклонился Робер, – но мне вы скажете, зачем вы все затеяли?

– Разве вы не догадываетесь?

– Вам понадобился заложник? – Впутывать в свои игры Катари – преступление, но Марианна понимает, на что идет. Это ее выбор.

– Да. Я собиралась заполнить Окделла, но пришли вы. Это было намного лучше. Без

Окделла Ракан обойдется, без вас и ваших южан – нет. В обмен за вашу жизнь мы потребовали бы Алву.

– Маршала за маршала? Рокэ Алва стоит дороже, чем я.

– Вы не просто маршал, вы – друг. – Где бы записать: знаменитая куртизанка верит в дружбу Ракана, а Эпинэ – нет.

– У Альдо нет друзей, только подданные. – Эта женщина – твой союзник, и она настоящий боец, с ней можно быть откровенным. – Вы зря рисковали.

– Нет. – Женщина придвинулась ближе. – Не зря. Я узнала вас. Вы помните, кому обязаны жизнью, это радует.

– Вы знаете и это?

– Окделл много говорил о Сагранне. – Лицо Марианны стало злым. – Гаденыш бывал у меня, и я его принимала. По просьбе его господина.

– Марианна, – он должен спросить, хотя ответ ясен и так, – вы понимаете, что и кому говорите?

– Понимаю. – Спокойный голос, спокойный взгляд. – Кэналлийский Ворон избавил меня от самого отвратительного из известных мне мужчин. Я в долгу перед ним, хоть и не в таком, как вы.

– Я это помню. – Больше, чем Алве, он должен лишь Лауренсии, но этот долг не вернешь.

Баронесса поправила мантилью, метнулась черная тень.

– Коко думает только о морискиллах и антиках, но он умеет видеть и понимать. Он чуть не убил меня, но я сказала, что Алву казнят только через мой труп. И барон согласился привести вас в гости. Почему вы не пришли?

– Не получалось, – не стал вдаваться в подробности Эпинэ. – Вы снова хотели натравить на меня «висельников»?

– Я не столь глупа, – Марианна торопливо облизнула губы, знатная дама подобного бы себе не позволила, – я хотела раскрыть карты. Вы меня не выдали, вы обязаны Алве, вы могли его убить у эшафота, но не убили и не дали это сделать другим. Вы дружны с Левием и помолвлены с девицей Окделл. Вы бы нам помогли.

– С вами трудно спорить, – попытался пошутить Робер, – но при чем здесь моя невеста? Вы же ее не знаете...

– Я о ней слышала, – женщина холодно улыбнулась, – от Салигана и не только от него. Монсеньор, я видела таких девиц. Айрис Окделл согласилась на ваше предложение только потому, что вы обещали спасти Алву. Я права?

– И как же я должен был вам помочь?

– Вы бы сделали так, чтобы нам не помешали отбить Алву по пути к эшафоту. – На прекрасном лице не было ни тени сомнения – Джанис был согласен, нам требовалось ваше содействие, но вы не пришли.

– Я уже извинился, – напомнил Иноходец. – Но «висельники» не справились бы с солдатами. Даже из-за угла.

– Не все дерутся, как вы, – баронесса не собиралась сдаваться, – и на этот раз они бы убивали, но я рада, что Придд успел вовремя.

– Вы просили о помощи и его?

– Нет, – отрезала красавица. – Валентина нельзя просить и еще меньше его можно к чему-то принудить. Он сам решает и сам делает. Надеюсь, их не догонят.

– Погони не будет. – Робер взглянул в темные глаза. – Герцог Алва вернулся в Олларию.

– Что? – Марианна отступила назад и задрала подбородок. – Но вы же говорили, что Придд захватил Окделла и освободил Алву.

– Все так и было, но за городом Алва сказал, что возвращается. Удержать его не смогли. Он взял с собой Мевена и монаха и отправился к Левию. Не спрашивайте почему, я знаю не больше вашего, но в Нохе ему ничего не грозит.

– Вы говорите правду? – потребовала ответа баронесса. – Если вы лжете, если вы ошибаетесь...

– Я не ошибаюсь, – ошибешься тут, – кардинал и дуайен повели дело так, что Альдо отступился. Скажу вам больше, мои люди проследят, чтобы его высокопреосвященство и его гостей лишний раз не тревожили.

– Я замерзла, – баронесса передернула плечами, – идемте в дом.

– Как вам угодно, – Робер подал даме руку, – но откровенность за откровенность. Вы не получали известий от графа Савиньяка?

– Я ему писала, – медленно произнесла Марианна, – в том числе и с уехавшим слугой. Он пока не ответил.

– Вы будете писать еще?

– Я не имею обыкновения забывать друзей.

– Передавайте графу привет от земляков из Эпинэ.

– Я могла бы написать завтра, – задумчиво произнесла женщина, – но я не уверена, что мой курьер уедет дальше предместий.

– После возвращения Окделла я отправлюсь в Надор. Ваш слуга может присоединиться ко мне.

– А вы можете присоединиться к письму. – Пальцы спутницы сжались. – Моя мать была простой женщиной, очень простой. Потом меня научили носить платья, но пишу я по-прежнему с ошибками. Я боюсь ошибиться с вашей фамилией.

– Хорошо, – кивнул Эпинэ, – я напишу сам.

– Утром. – Марианна снова остановилась. – Монсеньор, если вы сегодня уйдете, Коко будет вне себя, а я обижусь. Очень обижусь...

Глава 6

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 21-й день Зимних Ветров

1

Карета противно взвизгнула, дернулась и замерла. Граф Ченизу, он же проклятый дражайшим родителем Марсель Валме, чуть было не подкрутил сбритые по урготской моде усики и поднес к носу благоухающий жасмином платок. Выходить новоявленный граф не торопился: важные персоны не суетятся, но ждут, пока им откроют двери. Ждать, впрочем, долго не пришлось. Стукнуло, закрипело, и в тепло кареты ворвался дымный городской холод.

– Ваше высокопревосходительство, – отчеканил младший Шеманталь. – Мы у ворот Роз. Начальник караула нижайше просит предъявить подорожную.

– Ни мгновенья покоя, – сварливо протянуло высокопревосходительство. – Готти, тихо! Не бойтесь, господа, он хорошо обучен.

Упомянутый Готти тряхнул кудлатой гривой и недовольно заворчал. Бедняга не привык ходить полуголым, но большой политике не до песьих удобств. Посол небрежно подхватил прикрепленную к ошейнику атласную ленту и томно улыбнулся:

– Добрый день, господа. Сегодня прохладно, не правда ли?

– Ваше высокопревосходительство, – поджарый тенъент в странного вида мундире еще более странным образом вскинул руку: – Начальник полуденного караула, суб-капитан гражданской стражи Дюрант. Мы уведомлены о вашем приезде и счастливы приветствовать вас в Ракане.

– Взаимно, – мурлыкнул Валме-Ченизу. – Клод, подайте мою шкатулку.

– Его величество счастлив, что вы благополучно миновали мятежные провинции, – заученно сообщил офицер.

– Я безмерно благодарен его величеству, – заверил Марсель, отпирая инкрустированный перламутром ящичек. – Поверьте, дорога была не из приятных. Мы едва не попали в руки варастийских адуанов, видимо, полагающих внутреннюю Эпинэ своим пастбищем. А вот и подорожная. Прошу...

Листок, подписанный полномочным послом его величества Та-Ракана при дворе его величества Фомы графом Тристрамом, переключал в почтительные офицерские пальцы. Подпись и печать были подлинными, остальное Марсель изобразил самолично. Дюрант пробежал документ и расплылся в улыбке:

– Ваше высокопревосходительство, все в порядке. Добро пожаловать в Ракану.

– Благодарю. – Посол изящно махнул перчаткой. – Готти, лежать!

Волкодав, не дожидаясь повторного приказа, махнул превращенным в белоснежный помпон обрубок хвоста и улегся.

Куафера, осознавшего, что ему предстоит содержать в должном порядке не только графскую голову, но и собачий зад, едва удар не хватил, но Валмоны всегда умели убеждать. Котик превратился в подобие куцега льва в манжетах и впал в уныние, хоть и не в такое, как влезший в урготский мундир и лишившийся усов Шеманталь. О том, что красота требует жертв, а придворная жизнь – красоты, адуан и волкодав не задумывались. Они просто страдали.

Марсель погладил Готти-Котика по выбритой морде и вытащил из бархатного кошелька пряник. Пес трагически сморщился и захрустел, а господин посол откинулся на атласные подушки и отдернул занавеску.

Разукрашенная урготскими ласточками карета важно покатила Триумфальной улицей, и господин посол наипозорнейшим образом расчувствовался, вспоминая былые времена.

В этом городе Марсель Валме наставлял рога своему господину, менял портных и любовниц, играл в карты и даже прикончил на дуэли одного невежу, а теперь сюда влез какой-то Ракан. Влез, нацепил на стражников дурацкие мундиры, наляпал повсюду летучих монстров и довел горожан до того, что среди бела дня закрыта половина лавок и не видно ни одной цветочницы! С этим следовало кончать, даже не угоди Алва в Багерлее и не разинь Та-Ракан рот на чужих ласточек. Со злости Марсель вытащил из собачьего мешка пару пряников, один бросил Котику, второй отправил в рот. Миндальное тесто граф-виконт недолюбливал, но проплывающее за окном безобразие требовало немедленного ответа. Посол жевал и думал о том, что надеть во дворец и как добыть розы для Марианны и Дженнифер Рокслей.

– Грррр. – Выстриженная лапа с отмытой добела кудлатой бахромой многозначительно шмякнулась на хозяйское колено. Котик жаждал понимания и пряников. Марсель трепанул приятеля по пышному загривку и потянулся за мешком.

– Только Валмон знает, на что способен Валмон, – объявил он и, подражая Бонифацию, поднял палец: – Так говорит его преосвященство, и устами его вещает сам Создатель. Ракана мне не нравится, значит, вместо нее снова будет Оллария.

– Рррав. – Песий лев ловко подхватил подачку, каковой и занялся. Марсель почесал нос и проверил, как держится накладное пузо. За окнами проплыла Фонтанная площадь. Считай, приехали.

2

Кто сказал, что счастлив тот, кого ждут в доме его? Какой-нибудь гоган? А может, бириссец или вообще Дидерих? Откуда взялась въевшаяся в память фраза, Робер не помнил, но в ставшем еще и спальней кабинете его ждали сразу двое: Клемент и достославный из достославных.

При виде хозяина его крысейшество укоризненно пискнул и без долгих раздумий вскарабкался на плечо. Гоган улыбнулся одними глазами, он был чисто выбрит и тепло одет. Он уходил, Иноходец это понял до того, как Енниоль раскрыл рот. Уходящего всегда узнаешь, особенно уходящего с тяжелым сердцем

– Сын моего отца ждал хозяина этого дома, – негромко произнес достославный. Он больше не пытался быть талигойцем, по крайней мере с Робером. – Настала пора воде стать водой, а земле – землей.

– Зачем? – Эпинэ устало потер виски. – Простите, я сяду... Был очень трудный день. И ночь тоже.

– Блистательный заговорил так, как ему положено от века, – покачал головой гоган, – и это правильно. Шар судеб набирает ход, ветер срывает одежды, и каждый становится тем, кем рожден. Сын моего отца рад, что встретил потомка огнеглазого Флоха, иначе бы сердце его ожесточилось на Первородных.

– Я тоже рад, что узнал вас. – Почему они всякий раз прощаются, словно собрались умирать? – Вы спасли мне жизнь, но это не главное...

– Правнуки Кабиоховы излечили блистательного, это так, – Енниоль тоже взволнован, хоть и не подает виду, – но подошел он к черте по вине народа моего и по вине сына отца моего. Если может недостойный подать совет первородному, то вот он. Сбрось камень дружбы в пропасть забвения и уходи, пока мосты не обрушены. Нет разума в бродящих по пепелищу, и нет доблести в плаче на руинах.

– Наверное. – В щеку ткнулись жесткие усы, Клемент был тут как тут. – Камень дружбы я сбросил, врать не буду, но как я могу сбежать? Мы принесли в Талиг беду...

– Да не станет она большей, – поднял руки к расписному потолку гоган, – правнуки Кабиоховы не желали этому городу зла.

Верно, не желали, они просто не думали о Жанетте Маллу, девочках Маризо, повешенном «гусенке». Гоганов можно понять, они в Талиге чужаки, а виноваты – свои, и ты первый. Эпинэ поднялся, придерживая ладонью крыса.

– Нам надо выпить. На прощание... У меня есть кэналлийское, его прислал герцог Придд... Это он отбил Рокэ Алву.

– Сын моего отца не видел троих из внуков Кабиоховых, – вздохнул Енниоль. – Но слышал много и не всегда хорошее. Потомок задумчивого Оллиоха непонятен, но лучше иметь другом его, чем забывшего слово.

– Это больше не важно. – Робер достал бутылку, она была старше отца. – Придд ушел в Ноймаринен. Достославный из достославных, что передать Мэллит?

Безбородый гоган задумчиво сгреб выскобленный подбородок, странный жест, если не знать... Вечно мы забываем о потерях и хватаем пустоту.

– Ставшая Залогом предала дом свой и кровь свою ради тени на стене. – Темные глаза смотрели строго и устало. – Будет дорога ее темна, а конец – горек.

– Это несправедливо! – не сдержался Эпинэ. – Вы связали ее с Альдо, даже не спросив... Это мы поклялись и предали, хотя могли сказать «нет»!

– Блистательный не предавал семени своего, – отрезал достославный. – Он не лгал перед лицом сынов Кабиоховых, не скормил сердце свое псам победы, и благословение огнеглазого Флоха стало ему ответом.

Благословение или проклятие? Эпинэ разлил вино, оно было красным, как закат. Как вышло, что гоганский старейшина стал талигойскому неудачнику ближе соплеменников и ровесников? Шар судеб или просто одиночество?

– Ты жесток, достославный, но жизнь еще более жестока. Мэллит любит, Альдо – нет, это очень больно...

– Только живой испытывает боль, – гоган спокойно поднял бокал, – тот, у кого не болит, мертвей камня и холодней болотной тины. Сильные взнуздывают боль, слабые прячутся в нее, как в гнездо. Блистательного боль поднимает к небу, ставшую Залогом – тянет на дно...

Девочка уже на дне, но не понимает этого, а Матильда сбежала. Принцесса смогла бы, нет, не утешить, удержать от отчаянья, а что может не уберечьший любви мужчина?

– Я отвечаю за Мэллит. – Сказал бы он это, если б продолжал любить? – Что ей грозит? Что я могу для нее сделать?

– Хранить связанного с ней, – холодно сообщил достославный. – У Залого нет своего пути и своей судьбы. Мэллит – тень называемого Альдо, она будет, пока есть он.

– Достославный! – выкрикнул Робер, сам не понимая, молит он или приказывает. – Освободите Мэллит! Договора нет, Залог больше не нужен... Сударь, я не отпущу вас, пока вы ее не освободите! Я проведу вас во дворец, никто не узнает... Скажите девочке, что она может просто жить!

Пальцы Енниоля, желтоватые, длинные, сомкнулись на запыленном стекле, и гоган с силой толкнул бутылку к Роберу.

– Пусть блистательный возьмет это вино и вернет виноградные гроздья, пусть он возьмет стекло и вернет поташ и песок кремнистый...

Енниоль ничего не может. Сделанное сделано, ничья магия не вернет тебе спокойный сон, а Мэллит – свободу.

– Смерть Альдо что-нибудь изменит?

– Ставшая Залогом примет удар, нацеленный в изменившего, – подтвердил худшие опасения достославный, – защитив его, ты спасешь ничтожную. Чтобы поразить воина, нужно пробить щит. Чтобы сохранить щит, нужно возвести крепость и укрыть воина в ней.

Правда ли это? Или Залог такая же сказка, как Ночь Расплаты? Енниоль верил, что луна покарает клятвопреступников, и ошибся. А что угрожает Мэллит, если сюзерен нарвется на пулю или проглотит яд? Ничего, кроме неизбежного горя, если только девочка переживет Альдо...

– Правнуки Кабиоховы не тронут предавшую их, – зачем-то сказал достославный и вдруг спросил: – Правда ли, что внук Вентоха дважды отдал свободу за слово свое?

– Правда, – бездумно подтвердил Робер. – Алва вернулся, но не в Багерлее, а в Ноху.

– Первородный знает цену сказанного. – Лицо Енниоля вновь окаменело. – Пусть сын твоего отца отвяжет себя от чужой колесницы. Есть Слово и слово. Названный Альдо лгал кровью и мыслью, зная, что лжет. Счастье, что сын моего отца отдал золото за труху, а не за пламень всепожирающий, но блистательный не юная Мэллит. Он свободен в глазах огнеглазого Флоха.

Свободен? Если забыть присягу, братьев, Олларию, восставшую Эпинэ, привязанную к Альдо Мэллит, Ворона с Моро, он, конечно, свободен. Иноходец поднял браслет с молнией:

– Сударь, я не прощу себе то, что сотворил после договора с вами, но это моя вина. Если б мы с Альдо отказались, тысячи людей остались бы живы.

– Блистательный заблуждается. – Енниоль всего лишь свел брови, но недаром в Агарисе про достославного из достославных говорили шепотом. – Шар судеб сминает жизни человеческие, как град поле пшеничное. Правнуки Кабиоховы хотели остановить бег его и воткнули копья на пути его, но гнилыми оказались древки. Блистательный не уменьшил зло и горечь, но и не увеличил.

– Если бы вы не подкупили Адгемара, все было бы иначе! – Спорить не хотелось, но память о Мильже, Луллаке, раздавленной старухе, несчастных казаронах и несчастных варастийцах не позволяла молчать.

– Если ветер задует свечу друга твоего, – тихо сказал гоган, – осиротевшее сердце заплачет, но перед ветром все свечи равны. Шар судеб не различает имен и не слышит стенаний, он раздавил одних и пощадил других. Могло быть иначе, и дорога смерти прошла бы стороной, но не стала бы уже.

Возрадуешься ли ты, что плачут в доме чужом, а не твоём? Если так, правнуки Кабиоховы виновны, и ты виновен. Кто должен умереть, чтобы сын отца твоего сказал: «Стало лучше»? Сколько радостных и алчных пришло в место, названное Дорой? Сколько

ушло оттуда? Сколько там осталось? Кого из спасенных блистательный толкнет в яму, чтобы поднять упавших?

– Хватит! – почти выкрикнул Робер. – Не надо об этом...

– В сердце первородного много добра, но есть ли оно в делах его?

Мудрые немолодые глаза опустились. Енниоль медленно пил кэналлийское – то ли давал собеседнику время подумать, то ли устал говорить, а может, просто горло пересохло. Робер погладил Клемента, и тот благодарно пискнул. Смерти все равно, кто умирает, а людям – нет. Своего коня оплакиваешь дольше чужого ребенка, но стал бы ты спасать девочек Маризо, убивая других, тебе незнакомых? Проще всего расплатиться собой, но у тебя только одна жизнь.

– Лучше позабыть о том, что мешает делать. – Енниоль поставил пустой бокал и поднялся. – Место сына отца моего среди правнуков Кабиоховых. Лучше встретить неизбежное с народом своим, чем разойтись с бедой в пустыне.

– Вы возвращаетесь в Агарис? – понял Эпинэ. – Но ведь с ним что-то не так...

Гоган спокойно взялся за плащ:

– Город сердца моего умирает и убивает. Луна освещает мир Кабиохов, гнев ее не минует промешкавших, но сын отца моего призовет народ свой оставить исполненный беды город и покинет его последним.

Поэтому они и понимают друг друга, первородный и правнук Кабиохов... Нельзя выжить, бросив тех, кто не может, не знает, не понимает. Достославный – заложник соплеменников, Повелитель Молний – Оллари и подхватившего его восстания. Тень и щит, как сказал Енниоль... Тень не может спастись в одиночку и не может быть свободна.

– Да пребудет над первородным милость Кабиохова, – тихо произнес гоган, – и да не коснется его гнев Луны.

– Я могу повторить вам то, что вы сказали мне в начале нашей беседы, – махнул рукой Иноходец. – Но вы сделаете по-своему, как и я... Что ж, помогай вам хоть Создатель, хоть Леворукий... Если б я мог молиться, я бы за вас помолился.

3

Граф Жанду, год назад проспоривший Марселю обед на четверых, бил крыльями и бойко курлыкал о величайшем счастье, здоровье Фомы, принцесс и прочих погодах. Марсель заверял дражайшего советника в ответном счастье и в том, что в Урготелле все здоровы, несмотря на дожди. Львиный Котик в растрепанных чувствах то вилял своим помпоном, то неуверенно взрыкивал, а перехвативший карету у самого посольства Ангерран Карлион значительно улыбался. Жанду в ответ улыбался еще значительно.

– Любезный граф, – перешел наконец к делу Карлион, ныне подвизавшийся в церемониймейстерах, – экстерриор примет вас нынче же вечером, и ваши верительные грамоты тотчас лягут на стол его величества. Не сомневаюсь, вы удостоитесь высочайшей аудиенции в самое ближайшее время. Его величество Альдо Первый необычайно дорожит дружбой с великим герцогом Урготским.

– Его величество Фома высоко ценит чувства его величества Альдо, – сообщил Марсель и даже не поперхнулся.

– Со своей стороны я несказанно рад видеть вас в добром здравии, – перешел на личности Карлион. – Ваше возвращение стало для всех нас приятнейшей неожиданностью.

– А для меня стала приятнейшей неожиданностью перемена вашего положения, – осклабился Марсель, – вы ведь раньше не занимали государственных должностей...

– Карлионы могут служить лишь Раканам, – отрезал Ангерран, лет десять мечтавший хоть о каком-нибудь месте. – Только с приходом его величества я испытал непреходящее счастье служения Отечеству.

– Ваши чувства всегда делали вам честь, – поклонился Марсель. – Особенно те,

которые вы оберегали и оберегли от кровавых ищеек Дорака.

– Граф Ченизу, – вмешался Жанду, – господин посол ждет вас в своем кабинете. Увы, состояние здоровья не позволяет ему встречать гостей на пороге.

– Как же это прискорбно, – закивал Марсель, благодаря папенькиным рассказам составивший собственное представление о хворостях маркиза. – Я немедленно поднимусь к его высокопревосходительству. Готти, лежать! Ждать! Советник, вы позаботитесь о нашем талигойском друге?

– Разумеется, – заверил граф Жанду. – Господин Карлион, не желаете ли отобедать? Могу предложить...

Подданные Фома знали толк и в еде, и в дипломатии, Карлион был Жанду на один зуб. Марсель еще раз раскланялся и неспешно двинулся по лестнице вслед за лакеем, сдерживая навязчивое желание проверить, не отстегнулось ли пузо. Ив никогда не позволил бы себе пришить меньше пуговиц, чем следует, но голова понимала, а руки тянулись пощупать.

– Ваше высокопревосходительство, прошу вас. – Лакей распахнул дверь, и Марсель с головой нырнул в ароматную печь.

– Мой мальчик, – раздалось из подушала, – какое счастье!

Дверь захлопнулась мягким кошачьим шлепком – изнутри ее обили чем-то стеганым. Предусмотрительно, но душно.

– Ваше высокопревосходительство, – Валме наугад поклонился багровеющему камину, – я счастлив засвидетельствовать вам свое почтение.

– И только? – обиделось огромное кресло. – Сын друга моей юности мог бы проявить больше чувств.

– Увы, – закатил глаза граф Ченизу. – Друг вашей юности и мой родитель лишил меня своего благословения и наследства, вследствие чего мои чувства растрепаны.

– Прискорбно, – вздохнуло кресло и выпустило из своих объятий темный силуэт. – Задвинь засов и поверни два ближайших к тебе шандала.

Марсель повернул, и книжный шкаф вежливо посторонился. Огоньки свечей услужливо пригнулись, потянуло прохладой.

– Это мой второй кабинет, – сообщил посол, – там я работаю, а здесь принимаю гостей, которым нет смысла задерживаться. Просту! Кстати, из второго кабинета есть выход к Данару, а всего в доме шесть потайных выходов. Тебе придется их запомнить.

– Это несложно, в Валмоне их не меньше двенадцати, – успокоил хозяина Марсель, с наслаждением переводя дух. В рабочем кабинете было уютно, а на столике у дивана в безмолвном ожидании застыли бутылки и закуски.

– Как себя чувствует проклявший тебя родитель и как он выглядит? Постарел? – заботливо осведомился Габайру. Маркиз все больше напоминал графа Шантэри. Дядюшка был младше и глаже, но печеное яблочко остается яблоком, а посольская натура возрасту и вовсе неподвластна.

– Все зависит от того, когда вы расстались. – Проклятый виконт с достойным Котика вождением оглядел мясо и птицу. Выбор был впечатляющим.

– В последний раз мы виделись семь лет назад. – Посол сделал приглашающий жест, и Марсель решил не церемониться. – По пути в Урготеллу я завернул в Валмон, и мы провели чудесную неделю. Ты развлекался в Оллари и только что кого-то прикончил, о чем я и уведомил Бертрама. Тогда он выглядел неплохо, только несколько располнел.

– Сейчас он располнел уже не несколько. – Марсель подавил желание обойтись с перепелкой в желе с адуанской простотой. – Но, возможно, скоро похудеет.

– Кто-то толстеет, а кто-то и усыхает, – согласился Габайру, заправляя расшитую мимозами салфетку за воротник. – Лично я усох, но, как говорится, лучше усохнуть телом, нежели разумом. Итак, ты собирался вытащить герцога Алва из Багерлее?

– Что значит собирался? – возмутился Марсель. – Я это сделаю. С вашей помощью или без нее.

– Нельзя выпить уже выпитое, – не согласился дипломат. – Уже два дня, как Алва по

доброй воле перебрался в Ноху к кардиналу Левию.

– Значит, меня проклинали зря, – с чувством произнес Марсель. – Досадно, что Ворон уверовал в Создателя именно сейчас. Впрочем, я еще успею на какую-нибудь войну.

– Бертрам зря не проклянет, – встал на защиту папеньки ургот. – Граф Ченизу в Ракане полезнее восьми капитанов Валме в Торке. Кстати, должен тебя огорчить, твои верительные грамоты со временем признают фальшивыми.

– С каким временем? – деловито уточнил Марсель, жуя перепелку.

– Умница! – с неподдельной нежностью произнес ургот. – Твои полномочия закончатся после восстановления в Талиге законной власти. Послом великого герцогства Урготского при дворе Фердинанда или же Карла Олларов являюсь я. Его величество Фома не признавал и не мог признать агарисского авантюриста даже временно, следовательно, подписанные им и ее высочеством письма и верительные грамоты являются фальшивыми.

– Ну, значит, быть мне мошенником, – согласился граф Ченизу. – Два подделанных письма и грамоты я привез, а где остальное?

– Здесь, – кивнул посол на инкрустированное эмалью бюро. – Когда закончишь с мясом, нажмешь тремя пальцами трех нижних пчел, откроется потайной ящик. Ракан будет удовлетворен.

– Я счастлив, – сообщил Марсель, обсасывая крылышко и сожалея об отсутствии Котика. – Ваше высокопревосходительство, помогите лишенному наследства послу разобраться в здешнем салате. Я читал письмо Альдо и беседовал с Тристрамом, но мои сведения явно с душком.

– И ты даже не представляешь, с каким. – Габайру блаженно улыбнулся. – На досуге я расскажу тебе о суде над Алвой в подробностях, а для начала тебе следует знать, что затея с треском провалилась. Кардинал Левий при помощи ее величества Катарины разнес в пух и прах те обвинения, которые не тронул сам Алва. Герцога оправдали, и Ракану пришлось приговаривать Ворона лично. Увы, мистерия была задумана в старогальтарском стиле, казнь обернулась поединком обвинителя с обвиняемым, что лишний раз свидетельствует о гибельности невежества. Его величеству пришлось проявить милосердие и отдать осужденного на поруки кардиналу в обмен на жезл Эрнани.

– Значит, теперь его величеству не хватает только меча, – уточнил Марсель. – Господин Габайру, Альдо Ракан в самом деле так глуп, как кажется?

– Тебе представится возможность сделать собственные выводы, – ушел от ответа ургот, – но этот человек дважды вынудил Алву положить шпагу. Сколько в этом его заслуги, а сколько удачи, мне непонятно.

– Вы сказали дважды? – не поверил своим ушам Марсель.

– По пути в Ноху Алву освободили. Кэналлонец имел все возможности отправиться восвояси, но предпочел вернуться. Я как раз гостил у его высокопреосвященства. Признаться, мы предполагали, что Ракан задумал убийство, но Спрут с Вороном спутали все карты.

– Давненько я не каялся, – Валме взялся за отложенный было кусок ветчины, – моя лишенная наследства душа требует утешения и очищения.

– Войти во внутреннюю Ноху можно лишь с разрешения его величества, – остудил молитвенный пыл Марселя Габайру, – а личные встречи с его высокопреосвященством запрещены даже герцогу Эпинэ. Разумеется, дипломаты пользуются большими свободами, но излишняя набожность вызывает у Ракана неодобрение.

– Ну и страна! – возмутился граф Ченизу. – Покаяться и то нельзя. Что ж, придется грешить впрок. Ваше высокопревосходительство, где в нынешней Ракане можно найти лилии и розы?

– Вы намерены нанести визит вежливости даме? – осведомился посол.

– Дамам, – уточнил Марсель, утром разорвавший написанное ночью письмо Франческе. – Я давно не утешал вдов и не расстраивал замужних дам.

Глава 7 Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 23-й день Зимних Ветров

1

Крохотных снежинок было слишком мало, чтобы стать снегопадом, но они напоминали о зиме и о будущем путешествии. Привезут Дикона, и можно ехать в Надор... Эпинэ взгляделся в светлое небо:

- Если не начнется метель, вы доберетесь до Кольца Эрнани за три дня.
- За четыре, – не согласился Карваль. – Не хочу гнать лошадей по морозу, а Придд будет ждать.
- Вы ему верите? – бросил пробный камень Иноходец.
- Да, монсеньор, – просто сказал южанин. – Спрут держит слово.
- А другие нет? – осведомился Иноходец, тщательно разглядывая уши Дракко. С ушами было все в порядке, с гривой, к слову сказать, тоже.
- Ракан сам врет и других заставляет, – не преминул пнуть его величество Никола. – Если бы мы только остались в городе...

Если бы Карваль остался, если бы Придд был откровеннее, если бы заранее условиться с Левием и «висельниками», если б было лето, а восстания Эгмонта не случилось...

– Мы не были готовы. – Два всадника посреди площади могут не стесняться в выражениях, особенно если позади свои. – До последнего дня суда я не сомневался, что вы ненавидите Ворона и Олларов, а вы перешли на сторону Талига.

– Не совсем так, – живо уточнил Карваль. – Эпинэ получит свободу, но не подлостью. Оллары вернутся с нашей помощью, и мы вступим в союз с Талигом, как Кэналлоа или Ноймаринен. Мэтр Инголс рассказал мне про договор с Ноймаринен, он очень хорошо составлен.

– Замечательная мысль, – ухватился за предложение Робер. – Мэтр обещал зайти за деньгами, я попрошу добыть нам копии договоров с Ноймаринен и Кэналлоа.

– Это будет прекрасно, – с чувством произнес маленький генерал. – Жаль, Придд поторопился! Вместе с ним и кардиналом мы смогли бы многое.

И сделали бы, даже скажи монсеньор «нет». Никола не из тех, кто колеблется, для него все, кто с Альдо, – враги, а Дикон ко всему еще и северянин...

– Что ж, – не стал спорить с вассалом Иноходец, – надеюсь, вы со «спрутами» не поссоритесь и сейчас. И солдатам не дадите.

– Я беру с собой тех, кто был в Доре, – не понял шутки Карваль. – Они Придду не враги, а герцог Окделл будет при мне. Монсеньор, клянусь доставить его без единой царапины, хотя... Прошу меня простить, но возвращать этого человека в столицу не стоит ради него же самого. Не думаю, что Ноймаринен немедленно казнит Повелителя Скал, а нам он будет мешать.

– То есть? – Притворщик из Робера был никакой, и Карваль это знал. Маленький генерал сдвинул брови:

– Монсеньор, давайте говорить начистоту. Мы готовим восстание, а надорец глуп и предан Ракану. Если б Окделла оставили цивильным комендантом, его глупость нам бы помогла, но его отстранили, а вы не хотите его смерти.

– Очень не хочу, – подтвердил Робер. – Вы правы, постарайтесь уладить дело так, чтобы Ричард отправился к регенту.

– У монсеньора будут поручения к Повелителю Волн?

– Письма нам не нужны, а на словах передайте, что я сожалею о прошлом непонимании. Нужно договориться об условных знаках, это нам еще пригодится. Полагаю, все, что нужно, уже написал Алва. Я видел его в Багерлее только раз, говорить мы не могли, но он дал понять, что врагом меня не считает, и посоветовал искать помощи на севере.

– Мы обо всем договоримся. – Карваль только что не облизнулся. – Регент должен знать, что мы его союзники, но помочь он не сможет. Таракан с Дриксен верно рассчитал.

– Мы поговорим об этом, когда вы вернетесь, – улыбнулся Робер. – Есть север и север... Алва напомнил мне об олене.

– Савиньяк? – наострил уши маленький генерал. – А вы выезжаете в Надор. Как удачно!

– Очень удачно, – согласился Эпинэ. – Но пока меня не будет, все ляжет на вас и кардинала. Вместе у вас около четырех тысяч, не забывайте, что у... Альдо Ракана втрое больше. Вы сохраните порядок в городе и жизнь его высокопреосвященству?

– Разумеется. – Никола казался удивленным. – Монсеньор может не беспокоиться. В полдень мы выезжаем, но сперва я должен доложить об одном неожиданном обстоятельстве.

– Это срочно?

– Не очень. – Маленький генерал как-то странно улыбнулся. – Но вы должны знать.

– Расскажите по дороге, – улыбнулся Робер. – Я вас провожу. Хочется проехаться. Душно, да и Дракко застоялся.

– Но, монсеньор, – нахмурился Карваль, – за городом поднимается ветер, а после лихорадки...

– Я не маркиз Габайру, – отмахнулся Эпинэ. – Из меня песок не сыпется. И потом, после всей этой мерзости хочется отдышаться.

2

Жабы предсказывают дождь, а Луиза Арамона с детства чуяла домашние ненастья. Сестры и прислуга еще ничего не замечали, а маленькая «Улиза» притихала, стараясь не попасться маменьке на глаза. Если же ожидание становилось невыносимым, девочка хлопала дверью или била посуду, вызывая громы и молнии на свою головенку. В замужестве госпожа Арамона поджатым губам и ледяному голосу предпочитала честные скандалы, но не колотить же вдову великого Эгмонта скалкой, как бы того ни хотелось. Герцогинь принято травить, в крайнем случае пырять стилетом, но не таскать за патлы, а жаль. Синяки и царапины порой могут вразумить, смерть – никогда. Госпожа Арамона обреченно набросила на плечи самую безобразную из прихваченных в Надор шалей, обозвала себя дурой, взяла свечу и протиснулась в потайной ход.

Женщина сама не понимала, за какими кошками лезет куда не просят, но отступить, не поговорив с Мирабеллой, не могла. Застать святую вдову в одиночестве можно было только во время молитвы, и Луиза рискнула, благо древние Окделлы, ставя спасение душ превыше спасения тел, предоставили капитанше дорогу к храму. Правда, крутую, пыльную и темную.

Луиза спускалась медленно, светя себе под ноги и стараясь наступать туда, где Эйвон уже потревожил вековой прах. Граф проходил этой дорогой чуть ли ни каждую ночь, и все равно его следы были припорошены бурой пылью и мертвыми серыми бабочками. Моль вдохновенно дохла по всему замку, но в жилых комнатах хотя бы подметали, а здесь было некому, разве что постарался бы сам Ларак. Дабы оберечь прекрасные ножки возлюбленной. Капитанша представила грустного графа с метлой, фыркнула и едва не выронила свечу. С возлюбленного случилось бы завалить лестницу анемонами, буде он до них дорвался, но не подмести. И потом, откуда бедняге знать, что прекрасная дама собралась вправлять мозги грозной кухне? Вообще-то самым разумным было приурочить разговор к отъезду, но Луизу словно что-то в спину толкало. И дотолкалось.

Последние усыпанные дохлой молью ступени остались позади. Дорогу перегородила низенькая, украшенная изображением свечи дверца. На свечу следовало нажать, что госпожа Арамона и проделала. Раздался тихий щелчок, Луиза недолго думая толкнула дверь, и та без скрипа – Эйвон озаботился – отворилась. Капитанша стряхнула фамильную пыль Окделлов и шагнула в полутемную церковь.

Возвышавшаяся над передней скамьей серая фигура не пошевелилась, надо полагать, была поглощена размышлениями. Разумеется, благочестивыми. И что с ней, такой, прикажете делать? Мирабелла набила себя ненавистью, как рыбой, только ненависть впрок не запасают. Протухнет и провоняет весь дом, что и случилось.

Госпожа Арамона прислонилась к стене, разглядывая герцогиню и поражаясь собственной глупости. Это ж надо додуматься, пролезть в фамильный храм и отвлечь вдову великого Эгмонта от молитв ради такой мелочи, как дочь! Можно было отступить, шагнуть в спасительную пыль и вернуться к себе, позабыв о данном под собачий вой обете. Мирабелла ничего не заметит и никого не простит...

Луиза расправила шаль и быстро пошла вперед. Женщина, если существо в сером было женщиной, по-прежнему ничего не слышала. Вдова капитана плюхнулась на скамью рядом с герцогиней и громко объявила:

– Эрэ, меня тоже выдали замуж за негодяя, который меня не любил и не собирался этого делать, но это не повод мстить собственным детям.

Мирабелла дернулась всем телом, видимо вздрогнула, и обернулась.

– Убирайтесь, – святая вдова не была многословна, – немедленно!

В ответ на такое капитанша из Кошоне подбоченилась бы и проорала: «Дура малохольная». Придворная дама ее величества Катарины спокойно поправила шаль:

– Я уйду не раньше, чем исполню свой долг перед Айрис и теми, кто вверил ее моим заботам. Вам, сударыня, придется меня выслушать. Если не сейчас, то за общим столом.

Лицо герцогини исказилось, словно у нее разом заболели все зубы и живот в придачу. А нечего почивших от старости коров жрать!.. Руки капитанши так и норовили упереться в бока, и Луиза скрестила их на груди, не отрывая взгляда от собеседницы. Мирабелла стиснула молитвенник:

– Из уважения к вашим покровителям я вас выслушаю, – объявила она, – но не злоупотребляйте моим терпением.

– Это вы злоупотребляете терпением Создателя, – отрезала Луиза. – Он нам заповедовал прощение и любовь. Наш Создатель, наш отец никогда не отвернется от нас, а мы предаем Его, ненавидя и осуждая тех, кого не осудил Он. Он сотворил нас всех. Мы равны в глазах Его, среди нас не может быть судей и осужденных, нет эориев и простолюдинов, только братья и сестры.

Осудивший ближнего своего в сердце своем отказывает Создателю в праве любить и прощать, а значит, ненавидит Его. Тот же, кто утверждает, что Создателю ненавистны дети Его, – враг Ему...

– Ересь! – взвизгнула герцогиня. – Олларианская ересь!..

– Нет, – неожиданно спокойно произнесла Луиза, сама не понимая, как умудрилась все это запомнить. – Это не ересь, это проповедь епископа Оноре. Святого Оноре, как решил минувшей осенью конклав. А вот о суде и непростимых грехах кричал олларианец. Епископ Авнир. Он сгорел заживо во время Октавианской ночи. Эрэ Мирабелла, если вы и впрямь веруете, вы не должны ненавидеть. Подумайте о детях... Лишая их любви и радости, вы совершаете страшный грех!

Мирабелла еще больше поджала губы и поднялась со скамьи.

– Не вам и не вашим хозяевам поучать супругу и вдову Эгмонта Окделла, – возвестила она, оправляя вуаль. – Всем, чего я достигла, я обязана своей вере, благочестию и добродетели. Создатель видит мои страдания и мою крепость, и он отвечает мне. Пусть я не тону в золоте, зато никто не скажет, что Мирабелла Окделл обязана своим положением кэналлийскому мерзавцу.

Серая вуаль, серое лицо, серая жизнь... Это оправдывает, но лишь до известной степени. Надорская страдалница подняла хвост на синеглазого герцога, и обитавшая в душе капитанши закатная тварь выпустила когти.

– Сударыня, – прошипела Луиза, – своим положением вы обязаны именно мерзавцу. Только не кэналлийскому, а надорскому.

Мирабелла дернула щекой и всплеснула руками, Луиза осталась сидеть. Летучую мышь в гневе она уже видела и не раз, а удаляться герцогиня не хочет, в этом дочь Аглаи Кредон не сомневалась.

– Как ты смеешь оскорблять герцога Эгмонта?! – А говорят, нетопыри не визжат. Визжат, и еще как! – Ты, навозница, навязанная моей дочери Катариной Ариго...

– Ее величеством Катариной, – с достоинством перебила Луиза. – Я могу быть хоть жабой, хоть выходцем, только Эгмонт все равно дурак и мерзавец! Только дурак сделает несчастными двух женщин вместо одной. Только мерзавец поставит невесте такие условия, до которых ни один навозник не додумается. Только дурак сбежит из дома на войну, которая никому даром не нужна. И только мерзавец бросит жену с детьми на милость врагов и удерет в Закат.

– Откуда?! Кто сказал?! – Скрюченные пальцы рванулись вперед, но капитанша не собиралась дожидаться, пока в нее вцепятся, и тем более выдавать Эйвона.

– Эгмонт любил поговорить о благородстве, – отрезала госпожа Арамона, сдвигаясь в сторону. – Герцогиня, если вы решитесь на рукоприкладство в храме, грех ляжет на вас. И учтите, я сильнее.

Мирабелла не ответила. Теперь она походила не на летучую мышь, а на выброшенную на берег треску. Задыхающаяся рыба, которую никто никогда не любил.

Циллу тоже мало любили, и она умерла, а мать Айри на первый взгляд жива. На всякий случай Луиза глянула на герцогиню, за спиной Мирабеллы скрючилась честная тень.

– Кто вам сказал про Эгмонта? – Больше Мирабеллу не занимало ничего. – Кто?! Я должна знать!

– Ее величество Катарина, – соврала Луиза, – когда поручила мне сопровождать Айрис в Надор. Ее величество просила Айрис простить вас, потому что вы несчастны, но не сочла возможным раскрыть юной девушке истинной величины вашего несчастья.

– Вы лжете, – выдохнула герцогиня. – Лжете! Катарина Ариго не может знать...

– Ее величество принимала вас и уверилась в вашем горе. – Выдержать взгляд зеленоватых гляделок было нетрудно. – О нем же говорила и графиня Рафиано...

– Айрис! – Мирабелла топнула ногой не хуже дочери. – Айрис Хейл, будь она проклята! Навозница... Это она! Она... Кто еще знает?!

– А вам не все равно? – прикрикнула Луиза. – Про то, что мой супруг тащил в постель все, что толще удочки, знали все. Ну и что? Он дал мне детей, и довольно с него! Не хватало из-за мерзавца себя хоронить, а вы хороните. Хорошо, Ричард с Айрис вырвались, а Дейдри и Эдит? Они чем виноваты? Дети безгрешны, если вы забыли. За что им такое? Отец сбежал, мать хуже мачехи, голод, холод, пыль, моль, тряпки эти серые...

– Замолчи! – Мирабелла уже не визжала, а лаяла. – Навозница! Лицемерная дрянь! Еретичка... Твое место в Закате!

– Эрза, – нанесла последний удар Луиза, – я не Айрис Хейл и даже не лесничиха Дженни, а вы не Последний Судия. Уймись, пока не поздно!

Айрис, ВАША ДОЧЬ Айрис знает, что не вы убили ее лошадь. Девочка скоро уедет, дайте ей понять, что вы – мать, а не мармалюка. И, ради Создателя, отдайте Эдит и Дейдри подарки сестры...

– Уйдите. – Мирабелла сжимала молитвенник, как чужое горло, только чье – собеседницы? Соперницы? Мужа? – Уйдите... Немедленно...

Отряд был не большим, но и не слишком маленьким. В самый раз, чтобы проехать ограбленными деревнями до Кольца Эрнани и вернуться. Разбойники и обиженные на полсотни хорошо вооруженных всадников не бросятся, а Придд... Он обещал вернуть Дикона и не трогать посланных к нему, этого довольно.

– Монсеньор, я обещал доложить вам о некоем обстоятельстве. – Облаченный в дорожную меховую куртку Карваль напоминал обросшую к зиме овчарку, только ошетилившиеся мушкетами южане отнюдь не походили на овчечек.

– Докладывайте, – вздохнул Эпинэ, с трудом сдерживая досаду. Возвращение было неизбежным, но на пару часов без печного дыма, вранья и неотложных дел Первый маршал Великой Талигойи рассчитывал. Хотелось выкинуть из головы растерзанный город и не думать ни о чем, кроме конского бега и ветра в лицо, хотя Олларию Иноходец любил. Горько и стыдливо, как Жозину.

Осознание неуместного чувства пришло там, где сама мысль о любви казалась кощунством, – в Доре. Обернувшийся смертью праздник многое вывернул наизнанку и многих разбудил. Эпинэ мог бы поклясться, что Придд замыслил отбить Алву не где-нибудь, а у кровавого фонтана, да и Карваль, что бы он ни говорил, из южанина стал талигойцем там же.

– Монсеньор, – маленький генерал казался слегка смущенным, – помните, вы просили меня в случае необходимости позаботиться о воспитаннице ее высочества Матильды?

– С ней что-то случилось? – выкрикнул Эпинэ, не расслышав собственного голоса. – Что?!

– Вчера вечером баронесса Сакаци в плаще служанки вышла из дворца через кухонный ход, – невозмутимо сообщил Карваль, – но у ворот ее задержали. К счастью, после случая с Приддом во внутренних дворах стоят люди Пуэна. Девушку доставили ко мне, она просила отпустить ее с господином Жеромом в Алати, но я сказал, что ее спутник уже покинул Олларию.

Мэллит ушла от Альдо?! Немыслимо! Гоганни отправится за «Первородным» хоть в Закат, хоть дальше, она не могла его оставить. Кто угодно, только не Мэллит!

– Никола, вы уверены, что поняли ее правильно? Она иногда говорит... не совсем понятно.

Карваль не обиделся и не удивился, видимо, по своему обыкновению знал больше, чем говорил. Или думал, что знает.

– Госпожа баронесса высказалась весьма определенно.

– Где она? – Закатные твари, что же такого сотворил Альдо, если Мэллит решила уйти?!

– В Ларрине она и Дювье присоединятся к отряду, – не моргнув глазом, объявил Никола. – Мне кажется, герцог Придд не откажется взять баронессу под свое покровительство. Отпускать ее одну было бы опрометчиво, а оставаться в Олларии она не хотела.

– Я напишу Придду, – выдавил из себя Эпинэ. – Кто-нибудь ее узнал? Я о солдатах...

Карваль выбрал лучшее решение. Ему все равно, он ничего не знает и не был влюблен. В Придде девочка окажется в безопасности, но отпустил бы ты Мэллит, если бы продолжал любить? Нет! Подхватил бы на руки, как когда-то мечталось, и унес если не на край света, то в Ноху... Хотя к Левию теперь не войти, а у Марианны скоро станет опасно.

Выходит, одной заботой меньше? Матильда спасла себя сама, Дикон отправится в Ноймар, а теперь не нужно думать и о гоганни. Остались город и мятежные графства.

– Монсеньор может быть спокоен. – Никола задали вопрос, и он ответил с обычной дотошностью. – Шестеро солдат знают Эжена, но не баронессу, остальные увидят госпожу Сакаци впервые.

Баронесса Сакаци... Мэллица, Мэллит, Эжен... Матильда разгадала обман за десять минут, а сколько потребуется мужчинам? Но девочку южане никогда не обидят! Они будут

защищать ее до последнего...

– Баронесса хотела вам написать, – оказывается, Карваль доложил еще не все, – но я ее убедил, что это неразумно.

– Что она сказала? – Глупые вопросы, ненужные ответы, невозможность ничего исправить ни в своей жизни, ни в ее. Хочет ли он встречи? Пожалуй, что и нет...

– Она ничего не сказала, – Никола всюду занимался уздечкой, – она заплакала.

– Теперь я понял, почему вы отвели на дорогу четыре дня, – невпопад ответил Робер, – три дня – это для солдат.

– Монсеньор совершенно прав, – чопорно произнес коротышка. – Девушка не производит впечатления бывалой путешественницы, и мы не можем предоставить ей карету или хотя бы дамское седло.

– Увы, – пробормотал Эпинэ, уже не зная, что и кого проклинать. – Ее ищут?

– Они выехали ночью с подписанной мной подорожной, а тревогу подняли около полудня, – успокоил Карваль. – В любом случае баронессу станут искать на алатском тракте и одну.

– Несомненно, – в который раз согласился со своим генералом Эпинэ. И зачем такому маршал или король, он все сделает сам.

– Баронесса Сакаци, – утешил южанин, – была бы счастлива проститься с монсеньором.

Именно что проститься. Прощание – единственное счастье, пришедшее на их долю... Только девочка с золотыми глазами не заслужила того, что обрушила на нее судьба. Мэллит ни в чем не виновата, так за что ей все эти смерти, предательства, оскорбления?!

– Монсеньор, – маленький генерал внимательно смотрел на своего маршала, – что-то не так? Нужно что-нибудь исправить?

– Разумеется, – усмехнулся Иноходец. – Соизвольте остановить шар судеб. Причем немедленно.

4

Здоровенные и поразительно нелепые стражники раздвинули алебарды, и Марсель с приличествующим послу достоинством вступил в кабинет Альдо Ракана. Что было в этой комнате раньше, не отягчавший себя придворным служеньем Валме забыл, но золоченые летучие ублюдки на потолке явно были новшеством. При Олларах такого во дворцах не держали.

– Посол его величества герцога Фомы к его величеству! – возвестил предшествующий Марселю упитанный офицер с неизменным уродцем на пузогруди.

Восседавший под собственным конным портретом красавец в лиловом, шитом золотом мундире и золотой же перевязи неспешно повернул голову и изрек:

– Посол брата нашего Фомы в нашем доме – желанный гость. Мы рады вас видеть, граф.

– Ваше величество! – вдохновенно поклонился Марсель. – Я безмерно горд оказанной мне честью! Я столько слышал о невероятной победе вашего величества и наконец вижу ее живое воплощение рядом с воплощением геральдическим.

– Садитесь, граф, – милостиво разрешило воплощение и царственно откинулось на спинку могучего, в пору папеньке, кресла.

– Благодарю, ваше величество, – воспользовался разрешением новоявленный посол, с должным почтением озирая Ракана от лиловых сапог до светло-русой макушки. Король был хорош необычайно. Три четверти знакомых Марселю дам пали бы жертвой голубых очей и мужественной челюсти. Оставалось надеяться, что Франческа, Елена и даже Марианна с Дженнифер принадлежали к меньшинству. Валме никогда не был жадным, но с Раканом по доброй воле не поделился бы даже птице-рыбо-дурой.

– Гимнет-капитан Лаптон, – голос у Альдо Первого соответствовал его положению.

Временному, – оставьте нас. Граф Ченизу – друг и пришел с миром.

Марсель скромно промолчал, с нескрываемым восхищением наблюдая, как толстый Лаптон провозгласил «Повиновение государю!» и убрался за расписанные золотыми чудищами ширмы. До подобного роскошества ее высочество Юлия не додумалась по причине недостатка воображения, а ее высочество Елена – по причине избытка вкуса.

– Вы чем-то озабочены? – участливо спросил Ракан, слегка склонив породистую голову. На царственной груди кроме чудовищной перевязи возлежало пять цепей с разными камнями. Король благосклонно улыбался, он казался в точности таким, как обещал Габайру, но что-то было неправильным.

– Ваше величество, – сделал первый заход Марсель, – я невольно вспомнил их высочеств. Новый талигойский двор потряс бы принцесс много сильнее старого.

– Ах да, – улыбнулся король. – Мы упустили из вида, что год назад вы были подданным Олларов.

– Не год, – возмутился граф Ченизу, – но целую вечность! Я выехал, как мне казалось, ненадолго из Олларии и вернулся в Ракану. Это поразительно! Несколько месяцев перечеркнули четыреста лет!

– Вы ошибаетесь, – самодовольства Альдо хватило бы на дюжину племенных петухов, – четыреста лет назад Талигойя умирала, но мы не желаем возвращать осень, мы вернем весну!

– Весна – это прекрасно! – многозначительно изрек Марсель, продолжая гадать, что же его беспокоит. Все вроде бы шло, как и предполагалось, вплоть до разговоров о весне, осени и прошлом новоявленного посла.

– Ее высочество Юлия родилась весной. – Король обнажил превосходные зубы. – Я не ошибаюсь?

– В месяц Весенних Волн. – Марсель встал, поклонился и снова сел. – У вашего величества превосходная память.

– Мы видели портрет принцессы Юлии, – обрадовал Ракан. – Она – живое воплощение весны, ее невозможно забыть.

Если кого и легко забыть, так это урготскую «пампушку», но талигойское величество женится на деньгах и древнем мече. Любопытно, почему он начал с Юлии? Узнал, что дура, или решил вернуть про воплощение? Дидерих сусальный!

– Ваше величество пишет стихи? – дипломатично восхитился граф Ченизу. – Принцесса Юлия их обожает, а вот принцесса Елена предпочитает музыку и мистерии. Она, используя метафору вашего величества, принцесса Осени, а осенние дожди располагают к занятиям искусством.

– Мы и в самом деле пишем стихи, – ничтоже сумняшеся объявил Ракан, – и, говорят, недурные. Мы будем рады вступить в поэтический разговор с ее высочеством Юлией.

Есть! Время нанести коварный удар подоспело, и Валме-Ченизу не преминул им воспользоваться. Юлия была слишком глупа, чтобы втягивать ее в интриги. Конечно, папенька, адуаны да и сам Фома приглядывают за дорогами, но вдруг Ракан отправит к «невесте» дриксенца или, того хуже, клирика? Нет уж, пусть сватается к Елене, она девушка разумная. Валме взволнованно колыхнул на совесть пристегнутым пузом:

– Ее высочеству Юлии в последнее время не хватает стихов герцога Алва. Она не расстается с последними посвященными ей ронделями и считает их достойными самого Веннена. У меня нет сомнений, что строфы вашего величества вычеркнут из памяти ее высочества вирши Ворона.

Если б Альдо потребовал предъявить упомянутые рондели, Марсель бы ублажил короля собственными. Посылать их Франческе стихотворец не рискнул. Не потому что стихи были плохи – рондели и секстины Марсель всегда сочинял сносно, просто не хотелось навязываться, а творения копились. Увы, Альдо на глазах утратил интерес к поэзии. Король звякнул цепями не хуже Котика и осведомился о здоровье Фомы.

– Его величество страдает подагрой, – не стал скрывать Валме, – но переносит болезнь

с необычайным мужеством. Прошу меня простить. Мне следовало начать с главного, а именно с письма ее высочества Елены, до глубины души тронутой посланием вашего величества.

Марсель отстегнул от пояса коричневый с ласточкой футляр, стараясь не думать об украшенном аквамарином кинжале. Подарок Фомы отменно бы выглядел в глазнице Ракана, но для первого визита это было бы слишком невежливо, к тому же Альдо мог увернуться. Марсель нажал отросшим ногтем клюв серебряной ласточки.

– Как видите, она открывается очень просто.

– Вы имеете представление о содержании письма? – Альдо глядел на урготские печати, как дукс на гайифский кошелек. Марсель покачал завитыми до собачьей курчавости локонами:

– Я могу лишь догадываться. Принцесса Елена в отличие от сестры невероятно заинтригована таинственным изгнанником, вернувшим корону предков. Осмелюсь сказать, ваше величество в ее глазах – истинный герой мистерии.

Это было правдой. Опутанный цепями красавец в отвергнутом Алвой костюме Черного Гостя был бы восхитителен. Особенно в Гайифе... А вот жениться ему без надобности.

Его величество углубился в послание, от которого девственно пахло ландышами. Полное неясного томления письмо сочинил Марсель, а отвечающая содержанию ароматическая вода нашлась у Габайру. Посол вообще отличался запасливостью и предусмотрительностью.

– У ее высочества прекрасный слог, – отдал должное талантам Марселя адресат, – она так наблюдательна и остроумна, так женственна... Прелестное письмо! Мы ответим на него сегодня же и попросим прислать нам в подарок локон.

– У ее высочества прекрасные волосы, – с чувством произнес Марсель, прикидывая, сгодится ли на подарочек его собственная шевелюра или лучше остричь кого-нибудь посветлее.

– Вы принесли нам хорошие новости, граф, – Ракан бережно отложил послание, – и мы хотели бы сделать что-то для вас. Мы слышали, вас лишили наследства?

– О, – развел руками Марсель, – я никого не виню. Я поступил опрометчиво, отправившись на войну в столь ужасном обществе...

– Мы понимаем, – кивнул Альдо, – вам грозила смерть.

– Это было очень неприятно, – с чувством признался Марсель. – К счастью, доброта его величества Фомы и ее высочества Агилины спасли мне не только жизнь, но и все радости бытия.

– Мы обязательно попросим вас рассказать о ваших приключениях, – осчастливил посла Ракан. – Пока же мы возвращаем вам особняк на площади Лорио. С вами поступили несправедливо, а исправлять несправедливость – долг любого монарха.

– Ваше величество. – Валме вскочил и торопливо поклонился, успев по ходу дела проверить подстежку, все было в порядке. – Ваше величество! Нет слов, чтобы выразить мою признательность, но я должен испросить разрешения принять столь щедрый дар у моего государя и моей приемной матушки.

– Мы напишем в Ургот, – заверил Альдо. – Наш брат Фома должен понять, что мы исполнены благодарности к человеку, привезшему в Талиг письмо ее высочества. Мы будем рады видеть вас на наших приемах, экстерриор завтра же пришлет вам надлежащие приглашения.

Увы, мы больше не располагаем временем для беседы. Чтобы принять вас, мы были вынуждены отказать в аудиенции послу Каданы – дружба Ургота для нас значит больше. Надеюсь, вы понимаете, что это должно остаться между нами.

– Я понимаю! – глубокомысленно заверил Валме и действительно понял, что именно не давало ему покоя во время аудиенции. Ворон допек-таки бедного молодого человека, и он расстался с белыми штанами, а заодно и с потрясшей Габайру рукавистой туникой.

Золотой жеребец стукнул копытом и отступил вбок. Смотреть на коня было легче, чем взглянуть в лицо всадника и увидеть отвращение и гнев, но Мэллит подняла глаза.

– Ничтожная счастлива видеть потомка Огнеглазого Флоха. – Гоганни помнила слова иных приветствий, но пусть друг Альдо знает, что Мэллица умерла, осталась предавшая свой род и поплатившаяся за предательство...

– Здравствуй, Мэллит. – Знакомые губы улыбались, но в глазах свила гнездо печаль. – Ты опять убежала...

– Названный Карвалем не взял письма. – Она скажет все, что должна, и уйдет со своей виной и своим проклятием.

– И правильно, что не взял! – Чужой взгляд вытягивал из души слезы, и девушка закусила губу. – Мэллит, ну как ты могла... не проститься, неужели ты думала, что я... Что я тебе не помогу?!

– Блистательный – друг названного Альдо и его слуга. – Не надо лжи, ее и так было слишком. – Он не должен отпускать ставшую Залогом. Если названный Альдо узнает, он разгневется.

– Он не узнает. – Названный Робером перехватил уздечку и развернул коня, вынуждая лошадей идти голова в голову. – Мэллит, помнишь, в Агарисе... Ты говорила, что знаешь, как освободиться, но не хочешь из-за Альдо. Сделай это сейчас. Альдо Ракан не стоит твоей любви, ты ему ничего не должна.

Что есть долг и что есть любовь? Первородный произносит слова, не зная их смысла. И да спасет его Огнеглазый Флох от этого знания.

– Ара умерла, – сказала гоганни. – Кубьерта говорит, что развязать узел Судеб можно лишь там, где он завязан. Блистательный Робер вернется к своему господину?

– Я должен остаться в столице. – Как вышло, что черные глаза полны света, а голубые – тьмы? – Но герцог Придд – благородный человек, он никогда не обидит женщину. С ним тебе ничего не грозит. Можешь ничего никому не рассказывать, если не хочешь, только не бойся.

– Я не боюсь, – сказала Мэллит своему единственному другу. – Здесь ты, и ты говоришь правду... Ты велел генералу Никола позаботиться обо мне, ты знал, что я уйду?

Человек с белой прядью надо лбом покачал головой. В дом Жаймиоля он вошел молодым, но названный Альдо выпил молодость друга прежде, чем любовь ничтожной. Блистательный остановил коня:

– Я боялся за тебя. Этот Излом... Его не всякий мужчина переживет, а ты осталась совсем одна, Матильда, и та уехала.

– Почему? – спросила Мэллит. – Почему уехала царственная? Скажи мне!

– Ей было тяжело, – взгляд блистательного потянулся к дальним тополям, – она не выдержала.

Друг не сказал ничего и сказал все. Мэллит тронула грудь – рана не болела, просто чувствовалась.

– Названный Альдо разбил сердце матери отца своего, – вздохнула гоганни. – Все, к кому он прикоснулся, истекают кровью.

Блистательный не хотел спорить и не мог лгать, он промолчал, и Мэллит торопливо сказала:

– Я слышала, достославный Енниоль покинул дом блистательного.

– Он вернется в Агарис и попробует уговорить ваших уйти. – Робер оглянулся на следовавших сзади и послал коней вперед, к колющим небо тополям. – Вы разминутесь на два дня. Достославный вспоминал о тебе... Мэллит, не стоит его искать.

– Достославный из достославных не желает смерти названного Альдо? – ровным голосом спросила Мэллит. – Он не искал дорог к предавшей?

– Он говорил о шаре судеб, – наморщил лоб Повелевающий Молниями, – и о том, что не смог остановить его. Альдо ему больше не нужен, а на тебя зла он не держит.

– Достославный не знает зла, – глупые руки хотели коснуться щеки блистательного, и Мэллит изо всей силы стиснула уздечку, – все его мысли о спасении правнуков Кабиоховых. Он не мог оставить жизнь ставшей Залогом, ведь она стоит между нарушенной клятвой и справедливостью.

– Мэллит, так ты искала Енниоля, чтобы он тебя... убил?! – Голос первородного прервался, но Мэллит не заплакала. И не замолчала.

– Потомок Флоха знает много и ничего, его путь озаряют солнце и молнии, а тайное ходит лунными тропами. Ставшая Залогом принадлежит племени своему. Первородные живут по иным законам, ваши души вы поручаете своим государям, и связывает вас то, что вы называете честью. Она не несет в себе жизни, но и смерти в ней нет.

– Иногда есть. – Если он не отвернется, если будет и дальше так смотреть, она заплачет. – Мэллит, пойми, ты свободна. Ночь Расплаты давно прошла, и все живы. Достославный Енниоль это понял и ушел туда, где он нужен. Тебе там показываться и впрямь не стоит, но мир велик, а ты... Ты совсем еще девочка, и ты такая красавица...

– И умница? – выкрикнула гоганни. – Ты это хотел сказать? Что я – умница?!

– Хотел... – Щека блистательного дернулась. – Разрубленный Змей, мне нужно говорить только с лошадьми! Я желаю тебе счастья, Мэллит, и ты его обязательно найдешь, клянусь тебе... хоть честью, хоть кровью, хоть Флохом! У тебя будет все: любовь, радость, птицы в небе, песни, цветы... Все для тебя! А плохое забудется, уснет, исчезнет...

Блистательный лгал и верил в свои слова. Потому что желал ей добра, он всегда желал ей добра.

– Да пребудет над названным Робером милость Флоха. – Если она не спросит сейчас, то не узнает никогда. – Тень разлуки темна и непроглядна, но прежде чем она падет на наши плечи... ничтожная должна знать, чьи розы изранили ей руки?

– Розы? – не понял первородный. – Мэллит, ты о чем?!

– Пусть Робер вспомнит! – выкрикнула гоганни. – Это было в городе, названном Агарисом! Мэллит ждала первородного, но пришел ты... Твои руки были полны роз, золотых, как мед... Ты сказал, они от него...

– Я солгал. – Он не опустил глаза, она тоже не опустит. – Прости меня, Мэллит. Я боялся, что ты огорчишься, и купил цветы... Это было подло, я понимаю...

Это не было подлостью, это было любовью, а она тонула в лунном озере, не видя костра на берегу. Теперь она мертва, а мертвое не согреешь. Мэллит выхватила уздечку из так и не ставшей родной руки.

– Ничтожная отдала бы блистательному сердце, но у нее больше нет сердца.

– У меня его тоже не осталось. – Губы первородного стремительно коснулись лба Мэллит и отпрянули, словно ожегшись. – Никола и герцог Придд позаботятся о тебе... Мы вряд ли увидимся снова. Прощай!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

«Отшельник» ⁸

⁸ Высший аркан Таро «Отшельник» («Мудрец», «Ищущий») L'Hermite. Карта символизирует управляющее волей благоразумие, осмотрительность руководителя действий, развитие вглубь, отчуждение, одиночество, горечь, поиск духовных ценностей. Это символ мудрости, спокойствия, способности решить любые вопросы. Следует быть осмотрительным и внутренне собранным: в мире все взаимосвязано, малый толчок может привести к большому обвалу. Карта может указывать на необходимость самосовершенствования, духовного роста, поиска новых путей и предупреждать об опасности бездумного поведения, пренебрежения советами. ПК: обещает самостоятельное достижение цели и эмоциональную связь с мудрым и вдохновенным человеком. На низком уровне может означать упрямство, подозрительность, неоправданную осторожность, отказ от помощи либо ненужную таинственность, нежелание учиться и находить новое, беспечность и самоуверенность,

Сквозь изменчивость и шаткость, как будто царящие в мире, проглядывает некое скрытое сцепление событий, некий извечно предопределенный Провидением порядок, благодаря которому все идет как положено, по заранее предначертанному пути.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 **Ракана (б. Оллария). Фебиды**

400 год К.С. Вечер 2-го дня Зимних Ветров

1

Зима раздумала быть зимой и попробовала стать осенью. Зарядивший вчерашним вечером дождь с упорством опытного нищего стучался в окна и плакал у запертых дверей. Откупиться от него было так же невозможно, как прогнать. Робер пытался не слушать и не думать о тех, кого хлещут ледяные струи, но монотонный, вкрадчивый стук доводил до бешенства, не давая сосредоточиться. Дождю по мере сил помогал его крысейшество, норовивший рассестся на разложенных по столу картах. Иноходец спихивал крыса на пол, совал за пазуху, относил на кресло, но Клемент раз за разом возвращался, погребая под собой Олларию вместе с ближайшими окрестностями.

– Ну и что ты хочешь этим сказать? – осведомился Эпинэ, оглядывая высохшее перо. – Что все мы угодили в крысью задницу?

Клемент почесался и загадочно хлестанул хвостом по Барсине. Робер пощекотал приятеля пером, его крысейшество чихнул и отодвинулся. На пару волосков. Показались Фебиды... Карваль уже добрался, даже с Мэллит. Добрался и говорит со Спрутом, оказавшимся умнее всех. Это теперь понятно, что Альдо затеял убить Ворона при попытке к бегству еще до приговора, но замена Багерлее на Ноху спутала все карты. Пришлось все менять на ходу, и ведь поменял же! Под носом у всех, и никто не почуял подвоха, даже Левий! Еще бы, разве за пару часов такое устроишь? Да и Мевен с Диконом!

Альдо мог бросить толпе Айнсмеллера, но рискнуть капитаном гимнетов и Повелителем Скал?! Хотя риска как раз и не было. Алву прикончил бы Нокс, а Дикон бы подтвердил, что кэналлийцы напали на самом деле. Для пущего правдоподобия кого-нибудь бы убили...

– Монсеньор. – Выплывший из сумрака Сэц-Ариж был полон сомнений и раскаянья. Еще бы, помешать маршалу щекотать крыса!

– Да, Жильбер, – Робер с наслаждением отвернулся от опротивевшей карты и восседающего на ней Клемента, – что-то случилось?

– Вас спрашивает судейский. Говорит, вы хотели его видеть.

– Он назвался?

– Это мэтр Инголс. Он защищал герцога Алва.

– Я помню, кто это, – усмехнулся Робер. – И я его приму, а вы распорядитесь об ужине и постарайтесь, чтоб нас не беспокоили.

– Да, монсеньор, – обрадовался Жильбер. Он всегда радовался, угадав, чего хочет его маршал. Эпинэ подтащил к камину второе кресло и достал бокалы. Никола будет в восторге, обнаружив по возвращении список договора Талига с Ноймаринен, да и в Надоре он не помешает. Если Реджинальд струсил или не справился, придется отправить к Лионелю

Жильбера. Или поехать самому, и пусть все станет ясно сразу и до конца!

– Монсеньор, – вошедший адвокат слегка наклонил большую голову, – благодарю вас за аудиенцию. Господин Клемент, счастлив вас видеть в добром здравии.

Клемент не ответил, но умываться перестал. Робер улыбнулся:

– Хорошо, что вы не забыли о моем приглашении. Садитесь к огню. Ужин будет чуть позже. Вина?

– Благодарю. – Мэтр Инголс с неожиданным изяществом опустился в кресло. – В такой дождь от вина не отказался бы сам святой Оноре, а я отнюдь не свят.

– Я тем более, – рассмеялся Иноходец, берясь за кувшин. – Вы решили, сколько стоит ваша работа?

– Судя по итогу, нисколько. – Законник с видимым удовольствием взял бокал. – Окончательное решение дела имеет мало общего с юриспруденцией, а намерения, даже самые благие, оставшись на бумаге или же в мыслях, не стоят ничего.

– В таком случае я заплачу вам столько, сколько сочту нужным, – пригрозил Иноходец. – Даже если придется употребить власть. Кстати, мой генерал с ваших слов упомянул о договоре Олларов с Ноймаринен. Я хотел бы получить копию.

– Нет ничего проще, – заверил адвокат. – Вы хотите предложить Альдо Ракану использовать опыт Олларов? Это было бы весьма разумно, особенно несколько месяцев назад.

– Суд заставил меня по-новому взглянуть на законы, – ушел от ответа Эпинэ, – их следует знать всем.

– Вы несколько преувеличиваете, – не согласился юрист, наблюдая за пересекающим ковер Клементом. – Прошу простить за каламбур, но законы должны знать законники. Другое дело, что законники должны их действительно знать.

– Тем не менее пришлите мне договор, – попросил Робер, подставляя ногу Клементу, – если он так хорош, он пригодится.

– Он составлен достаточно грамотно, – снизошел до похвалы Инголс, – но святой Алан его бы не благословил. В отличие от святого Оноре.

– Святой Алан? – не понял Робер. – Его же казнили лет на сорок раньше.

– На сорок четыре, – уточнил адвокат. – А святой Алан мне вспомнился в связи с оказией из Надора. Мой коллега был в тех краях и встретил там вашего будущего родственника. Я говорю про виконта Лара.

– Да, он там, – пробормотал Робер, – он сопровождает Айрис... Где его видели?

– Недалеко от Барт-Уизер. Виконт объезжал владения Лараков и был рад встретить человека, направлявшегося в столицу. Мой коллега согласился доставить его письма. – Мэтр неторопливо извлек из-за пазухи плоский ящичек. – В связи с последними событиями я передаю вам еще и послание герцогу Окделлу от его кузена.

– Благодарю вас и вашего коллегу. – Вот так ждешь, ждешь, а когда сбывается, не знаешь за что хвататься. Стоит ли читать письмо сразу? Наверное... Прочитать и небрежно бросить на стол, как будто в нем нет ничего важного. – Вы позволите?

– Разумеется. – Мэтр поманил Клемента пальцем, но его крысейшество, не видя еды, в переговоры не вступал. Робер ссадил зажавшегося нахала с плеча, подтолкнул к гостю и сорвал печати. Письмо было коротким и старательным.

«Монсеньор, – писал Реджинальд, – спешу заверить Вас, что милостию святого Оноре все обстоит благополучно. Оставив кузину Айрис в Надоре на попечении ее матушки, моих родителей и госпожи Арамона, я, исполняя свой долг, отправился на север. С помощью Создателя мне удалось успешно завершить дела, и я незамедлительно возвращаюсь к ожидающей Вашего приезда кузине. Когда Вы будете читать эти строки, я буду подъезжать к Надору, откуда тотчас напишу о самочувствии Вашей нареченной. Надеюсь, государь позволит Вам выехать в Надор в самое ближайшее время, ибо положение настоятельно требует вашего присутствия. Боюсь навлечь на себя гнев эрза Мирабеллы и моей кузины, но я вынужден сообщить, что пребывание в Надоре пагубно сказывается на

*здоровье Вашей невесты, которая считает дни до отъезда.
Да пребудет над Вами благословение святого Оноре.
Искренне Ваш Реджинальд Ларак, виконт Лар».*

2

Она умрет, и грудь названного Альдо будет открыта клинкам судьбы. Смерть ничтожной откроет дорогу справедливости, но справедливость и месть ходят разными тропами. Ничтожная пособничала в обмане правнуков Кабиоховых, как может она мстить за боль сердца своего? Преступившему клятву нет прощения, но ставшая Залогом виновна дважды. Нанеси она удар, уверившись в предательстве любимого, луна бы благословила ее, но ничтожная Мэллит грезилась о любви, забыв о долге, она не видела истинного и потеряла все. Названный Никола поклялся своему повелителю защищать ставшую Залогом, но оружие не властно ни над луной, ни над совестью, ни над памятью, их не победить и от них не спастись...

– Эжен, – воин Дювье был весел, – приехали! Вот они, Фебиды... Городишко хоть куда, и никаких тебе Тараканов!

– Я вижу, – сказала Мэллит, глядя на огни и вдыхая дым. – Здесь нас ждут.

– Ну и цацу нам придется назад волочь, – поморщился воин. Он был добрым, но скрывал это, как колючие листья скрывают нежные цветы.

– Герцог Окделл любит... своего государя. – Ничтожная тоже любила, как и названный Робером... Первородный сеет боль и ложь, но Повелевающий Скалами этого не видит. Она тоже не видела.

– Дурак он, этот Окделл, – свел брови Дювье, – а Таракан и вовсе... Клейма ставить негде! Вот экналлие, тот да! За таким хоть в Закат... Ну да ничего. Даст Создатель, он еще повоюет, да и мы с ним.

– Эгей! – Усатый стрелок осадил коня и подмигнул. – Вот вы где! Эжен, давай прощайся, и к генералу! Он с главным «спрутом» у бургомистра.

– Ты гляди у меня, – прикрикнул Дювье, – чтоб до порога довел, а то башку отверну!

– А то не доведу? – не стал злиться гонец. – Не слепой, вижу, что за вояку везем. Петух склюет, не заметит.

– Петухи по курятникам сидят, – усмехнулся Дювье, расстегивая куртку. – Ты не бойся, малыш, «спруты», они хоть и северяне, а ничего.

– Не съедят, – добавил усатый. – Особливо при герцогe.

– Не съедят, – послушно повторила Мэллит. Она помнила Повелевающего Волнами. Высокий и равнодушный, он сидел за столом названного Альдо и улыбался одними губами, а потом оставил первородного и увез в цепях врага своего.

– Вот, – на широкой ладони остро блеснула звездочка и замерцал жемчуг, – возьми на удачу!

– Сдурел? – ахнул усатый. – Кто ж благословеньями разбрасывается?

– Сам ты сдурел, – глаза Дювье исполнились льда. – Мы, случись что, за мушкеты, а у это ...го только и защиты, что сверху да сбоку. А ну, надевай!

– Ни... Я не могу... Это слишком дорого сердцу твоему.

– Много ты понимаешь! – прикрикнул воин, но гнев его был ложью. – Сказано – надевай, и к генералу!

– Я благодарю тебя. – У ничтожной не было ничего, чтобы ответить на дар даром. Слезы не заменят жемчуг, а пожелания не обратятся в золото. – Пусть тех, кого любит сердце твое, обойдут беды, и пусть твоя зима обернется весной...

– Эк загнул! – Губы Дювье изгибала улыбка, а в глазах были грусть и свет, как у Повелевающего Молниями. – Будет у нас весна, куда денется, все будет, дожить бы...

– И доживем, – тряхнул головой усатый. – Разрубленный Змей, чтобы мы да не

дожили! Ладно, хватит болтать, генерал ждать не любит.

– И в самом деле, проваливайте! – велел Дювье. – Как сделаешь, – возвращайся, с меня касера... А ты чтоб без глупостей... Эх ты, Эжени...

3

Удалось! Разрубленный Змей, удалось! Ожиданию, от которого впору рехнуться, конец. Лионель готов к переговорам, остается дожидаться Никола, и в Надор!

– Вижу, вы получили приятные известия. – Долгожданное письмо не превратило мэтра Инголса в дым. Юрист по-прежнему восседал в кресле и заигрывал с Клементом. – Мой коллега будет рад. Он не любит становиться дурным вестником.

– Я узнал, что моя невеста меня ждет, – улыбнулся Робер. – Эта новость не может быть плохой.

– Как сказать, сударь, – не согласился адвокат, – невесты бывают всякими, а жены – тем более. Я искренне надеюсь, что святой Оноре и молитвы Жозины сохранят вас от неудачной женитьбы.

Если б Робер разливал вино, вину пришел бы конец. Повелитель Молний оторопело устоял на гостя, а тот как ни в чем не бывало вытащил второй футляр.

– Мой друг привез еще одно послание.

– Благодарю... Я не думал, что жду именно вас.

– Жизнь непредсказуема, – адвокат вздохнул и сложил руки на объемистом животе, – в этом и состоит ее главная прелесть.

Робер не стал спорить, он просто взял письмо. Подписи не было, но почерк был знаком, хоть и стал тверже и проще. Лионель, в отличие от брата, писал матери много и охотно, а графиня Савиньяк показывала письма друзьям из Эпинэ. Тогда все они были друзьями, а теперь? Не враги, и на том спасибо...

«Герцог», – Маршал Севера был краток, – Ваше предложение живо меня заинтересовало. У нас мало времени, и ждать личной встречи – излишняя роскошь. Человек, назвавший Вам известное нам обоим имя, уполномочен мною заключить соглашение на оговоренных условиях. Вы вольны отказаться, что никоим образом не ухудшит Ваше положение и положение лиц, за которых Вы ходатайствуете. Со своей стороны в случае заключения соглашения отвечаю за его исполнение своей честью и своей кровью.

С надеждой на успех в нашем общем предприятии.

Барт-Уизер, 400 год К.С., 5-й день Зимних Скал.

P.S. Приношу запоздалые извинения за оскорбление их величеств Франциска и Алисы и последующие неприятности, если они, разумеется, последовали. Это сделал я».

О том, что одним прекрасным утром королева на портрете в приемной деда обзавелась бородой и усами, а король – цветастой юбкой, знали только дед, отец и вызванные на дознание Робер с Мишелем. Мишель сознался, и дед успокоился. Про мирно спящих в южном крыле гостей никто и не вспомнил... Эпинэ отложил письмо:

– Человек, назвавший известное мне и графу имя, – вы. Я вас слушаю.

– Извольте. – Адвокат больше не улыбался. – Упомянутый вами граф предлагает то, что уже косвенно одобрено вами и вашим ближайшим помощником, а именно договор, согласно которому Старая Эпинэ и примкнувшие к ней графства получают совершенно определенные права. Граф не сомневается, что регент Талига, будет ли им Рудольф Ноймаринен или же Рокэ Алва, подтвердит взятые маршалом обязательства, о чем вы будете тотчас уведомлены.

Маршал принимает на себя полную ответственность за безопасность тех, кто восстановит законный порядок в Олларии, ее ближайших окрестностях и Старой Эпинэ. Разумеется, ни о каких преследованиях участников восстания, вызванного преступным и недальновидным управлением губернатора Колиньяра, не может идти и речи.

Теперь о лицах, за которых вы ходатайствуете. Отъезд ее высочества Матильды Алати, Удо Борна и Дугласа Темплтона делает ваше требование в значительной степени беспредметным, однако маршал, не зная всех обстоятельств, ручается за их жизнь и безопасность. Более того, Борну и Темплтону не будут предъявлены обвинения за участие в мятежах Карла Борна и Эгмонта Окделла. Последнее относится и к вам.

Что касается Ричарда Окделла, то, по мнению маршала, его следует для его же пользы заключить под стражу. Если вы с этой мерой не согласны, герцог Окделл останется на свободе, но за все, что он при этом совершит, ему придется ответить в соответствии с военным временем и законами Талига. Прежде чем перейти к последнему и самому сложному вопросу, я хотел бы услышать ваше мнение о первых предложениях маршала.

– Мэтр Инголс, сначала я хотел бы узнать, как давно вы получили эти письма.

Юрист усмехнулся и приподнял бокал:

– Когда мы беседовали в прошлый раз, они были со мной. Я получил их ранним утром.

– Чего вы ждали?

– Конца процесса, разумеется. Кроме того, мне следовало, уж вы меня простите, проверить вашу добросовестность. Я заговорил с вами об отторжении земель. Если б мои советы всплыли на суде, письма отправились бы в огонь.

– Понимаю, – Робер опрокинул бокал, не почувствовав вкуса, – вы бы убедились, что я двуличная тварь, хотя ваша проверка была не только по мне, но и по Алве.

– Вы ошибаетесь, – покачал головой юрист, – то, что в гальтарских законах обвинители, в отличие от обвиняемого, не смыслят ни кошки, было очевидно еще до начала процесса. Если б Джаррик использовал мои слова, Алва из него сделал бы фрикасе. Я ответил на ваш вопрос?

– Да. – Робер взглянул в медвежьи глазки и медленно произнес: – То, что вы нам предлагаете, не просто хорошо, но очень хорошо. Я был бы глупцом, если бы хотел большего. Что до Дикон... до герцога Окделла, Карваль передаст герцогу Придду мою просьбу доставить Ричарда в Ноймаринен. Если маршал Савиньяк походатайствует о снисхождении... О том, чтобы до конца войны с Диконом ничего не случилось...

– Можете быть спокойны, – заверил мэтр. – Ноймаринен отложил наказание даже Манриков и Колиньяров, а их вина очевидна.

– И все же я просил бы Лионеля... графа Савиньяка написать регенту.

– Он напишет, – заверил мэтр. – Таким образом, остается признать, что во всем, что не касается судьбы Ракана, мы сошлись. Теперь самое неприятное. Ни маршал, ни регент не могут обещать жизнь и свободу Альдо Ракану. Если бы маршал пообещал вам подобное, вы имели бы все основания заподозрить его во лжи. Единственное, в чем вы можете быть уверены, так это в том, что судьбу господина Ракана определит не месть, а закон и здравый смысл. Ваше здоровье, герцог!

Вот и все. Слово сказано. На одной чаше жизни южан, Дикона, того же Дэвида, может быть – Марианны, на другой – человек, называющий тебя другом, только вот дружба для него не значит ничего. Как и любовь, благодарность, совесть...

– Я знаю, что Альдо не любят, – начал Робер и замолчал, не представляя, что говорить дальше.

– Я не знаю, за что этого господина не любят другие, – пришел на помощь мэтр, – лично мне он неприятен за сочетание жестокости, безответственности и уверенности, что чем подлее выбранный способ, тем большей удачей он обернется. Такой человек не может быть ничьим другом, и все данные ему обязательства ничего не стоят, так как не являются обоюдными.

Возразить было нечего, но от адвокатской правоты легче не становилось. Альдо мог быть каким угодно... Он разбил любовь Матильды, потерял Мэллит, Удо, Дугласа, но они не ударили в спину. Они могли уйти, ведь за ними никого не было... Робер тронул браслет:

– Мэтр Инголс, вы – замечательный защитник. Может быть, лучший из ныне живущих. Я ценю вашу помощь и ваши советы, но ни один адвокат не защитит человека от самого

себя. Я знаю, каков Альдо, и знаю лучше вас, но меня это не оправдывает.

– Значит ли это, что вы не настаиваете на сохранении Альдо Ракану жизни и свободы любой ценой? – Мэтр был само равнодушие, и Робер был за это только благодарен.

– Не настаиваю. – Эпинэ оттолкнул бокал, словно он мог обжечь. – Что мне следует делать?

– Для начала – подписать сегодняшним числом вот эти бумаги. – Мэтр в очередной раз полез за пазуху. – Они совершенно одинаковы. Одна будет храниться у вас, другая – у меня. После чего остается готовиться и ждать указаний от маршала. Он, насколько мне известно, уже выступил.

– Прекрасно. – Робер принял бумаги и подошел к столу. Перо сиротливо лежало там, где он его оставил. Белый мостик между Ренквахой и Олларией. Начало и конец...

– Стойте! – Инголс аж задохнулся от возмущения. – Вы подписали не читая!

– Зачем читать? – Усталость осела на плечи мокрым весенним сугробом. – Я же сказал, что согласен, разве что... Я хочу, чтобы между нами была ясность. Мне помилования не нужно, и я им не воспользуюсь.

– Вы хоть понимаете, во что ввязались? – Мэтр Инголс был хмур и значителен. – Если возникнут малейшие подозрения, вы и ваши люди обречены.

– Если я не подпишу, мы обречены тем более. Вместе с Олларией.

– И все же прочитайте, – велел адвокат. Препираться не хотелось, и Робер поднес лист к глазам:

«Сим подтверждается, что член палаты защитников Конрад-Бенедикт Инголс получил в качестве платы за время, потраченное на подготовку судебной защиты герцога Алва, одну тысячу восемьсот двадцать два полновесных талла, кои были ему выплачены в доме герцога Эпинэ из личных средств герцога Эпинэ во 2-й день Зимних Ветров 400 года текущего Круга.

Со своей стороны, Конрад-Бенедикт Инголс подтверждает, что полностью удовлетворен полученной суммой и не имеет к талигойской короне никаких претензий».

– Я распоряжусь подготовить деньги. – Рука Эпинэ потянулась к шнуру, но на пути оказался крысиный нос. – Увы, может оказаться, что в доме не найдется нужной суммы.

– Монсеньор, – тоном закипающего котла возвестил мэтр Инголс, – умоляю, когда все закончится, посвятите себя армии и только армии. Вы мне ничего не должны, но эти расписки объясняют мой визит и обязывают Альдо Ракана возместить ваши затраты. Золото вам понадобится, и очень скоро.

Глава 2

Надор. Фебиды

400 год К.С. 3-й день Зимних Ветров

1

– Она хочет ехать с нами! – Айрис смахнула рукавом погнутый кубок. – Зачем ей это нужно? Я... Я лучше останусь.

– Кто она? – не поняла Луиза, поднимая фамильного уродца. – Жаль, что серебряный. Разбился бы – к счастью.

– Матушка! – выдохнула Айрис. – И что ей от меня нужно?!

– Вероятно, поговорить, – предположила капитанша, – во время прогулки это удобнее. Эрза Мирабелла хорошая наездница?

– Не знаю, – растерялась дочь. – Я... Я не помню, чтобы она ездила верхом.

– Значит, ей очень нужно. – Хватит ли у Мирабеллы ума промолчать про ссору в

церкви? – Ты помнишь, что обещала?

– Я обещала с ней помириться, – не стала юлить Айрис, – я хотела... Я каждое утро хочу, только не получается.

– А сейчас получится! – выдала желаемое за действительное Луиза. – Только постарайся ее дослушать. Что бы твоя мать ни говорила, она не травила Бьянко, не нарушала присягу и не вламывалась в чужой дом, а своего у нее нет и не было.

– Это у меня не было, – серые глаза упрямо сверкнули, – а у Эдит и Дейдри нет и сейчас. Из-за нее.

– У тебя дом будет, – и не дай тебе святая Октавия узнать, каково жить совой в чужих развалинах, – а у Мирабеллы Карлион дома не было. Дом – это место, которое тебя любит и которое любишь ты. Без любви дома нет, а твоя мать... А, чего тут скажешь...

– Госпожа Арамона, – Айрис подбежала к Луизе и ухватила дуэнью за обе руки, – я обещала. Я сделаю, только бы она не...

– Если эрза заговорит про Монсеньора, – посоветовала Луиза, – не слушай, но и не спорь. Перебей чем-нибудь... Лучше всего скажи про лошадь, что ты знаешь, отчего она погибла. Или про королеву скажи. Катарина просила вас примириться.

– Только бы с ней ничего не случилось, – выдохнула Айрис. – Она же теперь совсем одна...

– Ничего с ней не станется! – прикрикнула Луиза. – Эпинэ – ее кузен, да и дам ей оставили с избытком. Даже Дженнифер вернулась.

– А сначала струсил, – отрезала Айрис. – Нужно сделать так, чтобы Таракан отпустил Катарину раньше, чем мы приведем Савиньяка. Дядя Эйвон, что-то случилось?

– Дорогая Айрис, – Эйвон чинно чмокнул племянницу в бледную щечку, – все хорошо. Сегодня замечательная погода. Моя кузина и ваша матушка просят присоединиться к прогулке меня и госпожу Арамона с дочерью.

– Передайте мою благодарность эрза Мирабелле, – Луиза отвесила любовнику наипридворнейший реверанс, – мы сейчас спустимся.

2

– Ричард Окделл, идемте со мной, – хмуро бросил Варден, – захватите плащ и шляпу.

За ним приехали... Наконец-то! Захотелось вскочить и броситься вон из убогой мещанской комнатенки, но Дикон заставил себя зевнуть, прикрыв рот ладонью.

– Прошу меня простить. – Юноша неторопливо одернул мундир и поднялся. – Я не выпался.

Варден не ответил, он желал разговора не больше, чем Повелитель Скал. Ричард глянул на плащ и шляпу, но брат не стал. Окделл в спрутых обносках в столицу не вернется, а у прибывших что-нибудь да отыщется. Если же нет – герцог Окделл согласен и на солдатский плащ.

– Вам предстоит путешествие, – напомнил чесночник, – а на дворе холодно.

– Я – северянин, – отрезал Дик. Варден пожал плечами и вышел, юноша шагнул следом. Висевшая над дверью тряпка прошлась по волосам, запахло пылью, шарахнулся и заорал толстый рыжий кот. Больше эту тварь Дикон не увидит.

Улица обожгла холодом, выпавший ночью снег, как мог, приукрасил захолустный городишко. Крыши весело сверкали, в голубом небе таяли дымные столбики, деревья бережно держали пуховые шапки. Путешествовать в такой день одно удовольствие, но плащ захватить стоило, хотя бы до коня. Встретиться со своими, засмеяться, бросить чужую тряпку под копыта, спросить, не одолжит ли кто Повелителю Скал плащ со Зверем...

– Идите быстрее, – посоветовал Варден, – простудитесь.

– Я северянин, – повторил Дикон, ускоряя шаг. Дом, куда они направлялись, был немногим больше того, в котором юноша провел две мерзкие ночи. У ворот стояло с

полдюжины уставших лошадей, возле них терся высокий сержант. Ричард не раз его видел с Робером, но имени так и не спросил. Зря...

– Заходите, – Варден распахнул двери, запахло лавандой и свежим хлебом, – прямо. Тобиас, доложи.

Великан хмуро кивнул и убрался, запах хлеба смешался с ароматами мяса, у окна что-то пискнуло, писк перешел в раскатистую трель. Морискилла...

– Монсеньор свободен, – объявил Тобиас, подпирая дверной косяк. Дик, не дожидаясь стражников, шагнул вперед и увидел Спрута с полковничьей перевязью. Рыбий взгляд равнодушно скользнул по лицу Дикона и переполз на Вардена:

– Теньент, почему Ричард Окделл не одет?

– Монсеньор, он отказался взять плащ и шляпу.

– Тогда распорядитесь передать их непосредственно генералу Карвалю. Он уже позавтракал?

– Да, монсеньор.

– Пригласите его сюда, – велел Придд, отворачиваясь к окну. Он не желал разговаривать, а вернее, боялся. Бьющие в спину не смотрят в глаза, это закон.

– Герцог Придд, – с расстановкой произнес Ричард, – сейчас у меня нет оружия, так что вам ничего не грозит. Повернитесь, нам следует договориться о следующей встрече. Я бы предложил Старый Парк, но если он вызывает у вас неприятные воспоминания, согласен и на другое место. Вы слышите меня? Отвечайте!

– Вас трудно не услышать. – Спрут медленно расправил расшитую розами занавеску. – Вепри вообще очень громкие... животные.

– Вы будете драться? – в упор спросил Ричард. – Или прикажете оскорбить вас прилюдно?

– Оскорбить может не всякий. – Придд все же соизволил обернуться. – Предатель, глупец и неудачник к таковым не относятся. Что до будущей встречи, то, как свидетельствует печальный опыт герцога Алва, проявленное к Окделлам милосердие впрок не идет. Я сделаю все, чтобы не дать вам сбежать от Занхи в Закат, как это сделал ваш приснопамятный батюшка. Здравствуйте, генерал, как доехали?

– Доброе утро, герцог Придд, – сухо произнес Карваль. – Герцог Окделл, я прибыл за вами.

– Здравствуйте, Карваль. – Слышал ли коротышка их разговор и, если слышал, что именно? – Я рад вас видеть.

– В соответствии с распоряжением Первого маршала Талига герцога Алва, – процедил Валентин, – я возвращаю герцога Окделла его нынешнему владельцу вместе с лошастью и верхней одеждой.

– Мы можем отправляться прямо сейчас? – Генерал не желал задерживаться в Фебидах ни минуты, и Дик был с ним совершенно согласен.

– Разумеется, – пожал плечами Спрут. – Только оставьте расписку, что означенный Окделл получен вами в надлежащем состоянии. Чтобы исключить возможные недоразумения.

3

Кавалькада то и дело объезжала рухнувшие сверху снежные кучи. Госпоже Арамона они очень не нравились, да и лошади не испытывали доверия к нависавшим над дорогой белым шапкам. Луиза предпочла бы держаться подальше от фамильных утесов, но другой дороги из Надора не было, по крайней мере зимой.

Женщина задрала голову, с раздражением разглядывая черно-белые осыпи. Окделлы веками поднимались на эти скалы, но недавний обвал словно чудовищным хлыстом согнал древние валуны с насиженных мест. Опустилась и каменная чаша, из которой изливался поток.

Теперь под провисшей ледяной коркой зеленело нечто похожее на вытертый бархат, а вода ушла в трещину, отсекающую источник от скалы с мордами...

– Сударыня, – напомнил о себе Эйвон, – вы взволнованы?

Луиза улыбнулась:

– Если в замке узнают о наших прогулках, то решат, что ручей пересох из-за нас. Мы осквернили священное место, и предки отвернулись от Надора.

– Никто не узнает, – утешил граф. – И потом, любовь священна, что стоит жизнь без любви? Ничего! Я понял это, лишь встретив вас, и я без колебаний умру за свое счастье, но не отдам его.

– Не надо умирать. – Луиза оглянулась: Айрис с маменькой ехали рядом, значит, еще не разодрались. Капитанша улыбнулась своему рыцарю. – Лучше расскажите, как Окделлы вновь получили Надор, а то нам все время что-то мешает.

– Герцог Раймон Ларак влюбился в Марию Тристрам, – послушно начал Эйвон, – но ему было всего пятнадцать. Восемнадцатилетнюю Марию отдали Артуру Окделлу, графу Горик, с которым она была обручена с детства. От этого брака родились сыновья Джеральд и Артур и дочь Дженнифер.

Безутешный Раймон искал смерти в Марагоне, но обрел славу. В двадцать семь лет он стал генералом. Ларак вернулся в Надор на похороны матери. Он вновь увидел Марию и понял, что все еще любит ее. Графиня Горик, уже зрелая женщина, ответила герою взаимностью, но супружеский долг был для нее превыше любви.

– Как это грустно, – сказала Луиза, чтобы сказать хоть что-то. Страдания Марии беспокоили женщину меньше затягивавших небо туч и дурацких осыпей, но прерывать Мирабеллу и Айрис не хотелось.

– Мария была добродетельна, – в голосе Ларака восторг и не ночевал, – и Раймон вернулся к армии, оставив любимую в принадлежащем Окделлам Горике. Через полгода Артур скончался. Его искусила бешеная собака, граф зарубил опасную тварь, но было поздно.

Злые языки обвиняли Марию в убийстве мужа. Говорили, что графиня решила на преступление из желания стать герцогиней и владелицей Надора. Тогда Раймон обратился к королю с просьбой передать его титул и владения малолетнему Джеральду Горик.

– Вот как? – удивилась Луиза, объезжая очередной сугроб. – Он отказался от Надора?

– Ради любви Ларак пожертвует всем, – в глазах пятидесятилетнего графа бился юношеский восторг, – всем!

– Я верю. – Свинцовые тучи над самой головой и чудовищно яркий свет, на такое лучше любоваться из окна, если вообще любоваться. – А кто тогда был королем?

– Фердинанд Первый. – Эйвону не было дела ни до солнца, ни до туч. – Король объявил, что ему все равно, какой титул у его маршала, ибо он ставит личные заслуги превыше гербов. Ходатайство Ларака было удовлетворено с оговоркой, что, если прервется род Окделлов, Лараки вновь примут титул герцогов Надорских.

– Маршал не пожалел о своем решении?

– О нет! – Влюбленный в дуэнью граф закатил глаза. – Раймонд и Мария прожили в любви и согласии до глубокой старости и умерли в один год.

– Господин Ларак! – Уехавший вперед вместе с Селиной Левфож показался из-за поворота, размахивая шляпой, и вновь исчез. – Господин Ларак!!!

– Прошу прощения, – Эйвон приподнял шляпу и послал своего одра в галоп. Несчастный конь печально взмахнул хвостом и честно попытался скакать. Зрелище было удручающим.

– Сударь, – завопила Луиза, – осторожнее!.. Умоляю! Эти ужасные скалы... Я так боюсь!

Ларак внял и остановился. Луиза с достоинством присоединилась к возлюбленному.

– Никогда так не поступайте, – потребовала она. – Если с вами что-нибудь случится, я буду несчастна всю жизнь.

- Это правда? – Граф тут же забыл о Левфоже. – Правда?!
- Эйвон, – велела капитанша, – обернитесь. Вернулся ваш сын!

4

Реджинальд осунулся и похорошел, оказалось, что у виконта недурные глаза и вполне пристойный подбородок. Эх, смешать бы их с Эйвоном и разделить пополам, цены бы обоим не было!

– Хорошо, что вы вернулись. – Луиза тепло улыбнулась молодому человеку. – Ваша кузина каждый день ездила вас встречать. Она очень беспокоилась.

– Где она? – Реджинальд беспомощно завертел головой. – Она не больна?

– Нет, – улыбнулась Селина, – она сзади. С матушкой. Мы надеемся, что они помирились.

– Создатель, – глаза виконта стали почти большими, – как это...

– У Айрис доброе сердце, – напомнил Эйвон, – а эрза Мирабелла так долго страдала.

– Кузина! – Реджинальд увидел долгожданную всадницу и покрылся красными пятнами. – Батюшка, разрешите... Я должен засвидетельствовать почтение... эрза Мирабелле.

Эйвон потянул за повод, пропуская сына, но виконт принялся отряхивать плащ и поправлять шляпу. Чучело! Кто же прихорашивается на глазах у дамы? Нет бы пустить коня через пропасть и пасть к ногам, и хорошо бы с цветами...

Серебристая Майпо сорвалась в галоп: Айрис узнала кузена и забыла обо всем. Теперь за ней нужен глаз да глаз!

– Как вы нашли имения? – прервала молчание Луиза. – Там все в порядке?

– Да! – Глаза Реджинальда впились в приближающую всадницу. – Был неплохой урожай яблок... Как же она прекрасна!

– Ваша кузина хорошая наездница, – согласилась Луиза. – Значит, яблок было много?

– Очень!

– Наль! – Айрис, забыв об этикете, расцеловала вновь обретенного кузена в обе щеки, от чего несчастный окончательно превратился в вареную свеклу. – Ну почему ты так долго!..

– Дела, – промямлил виконт, – меня задержали дела... И еще дороги. Они очень опасны, особенно к северу от Старого Карлиона. Маршал Савиньяк захватил все земли за Танпом, мне пришлось добираться в объезд. Кузина, я второй раз встречаю тебя верхом на дороге. Как же ты...

– Савиньяк за Танпом?! – ахнула Айри. – Но это же...

– Весьма прискорбно, – отрезала Луиза. – Какое счастье, виконт, что вы не попали в плен. Ведь вы родственник Повелителя Скал и будущий родич Повелителя Молний.

– В самом деле, Айрис, – забормотал Реджинальд, – нам и впрямь... Мы живем в такое опасное время... Эрза Мирабелла! Я счастлив видеть вас в добром здравии.

– Хорошо, что вы вернулись, Реджинальд, – изрекла герцогиня. – Ваши родители о вас весьма беспокоились. Как обстоят дела в Лараке?

– Все обстоит очень неплохо, – послушно начал Реджинальд, вне всякого сомнения, разбиравшийся в делах хозяйственных лучше, чем в сердечных.

Эрза Мирабелла с ледяной физиономией слушала о яблоках и овцах, Левфож подобрался к Селине, Айрис нетерпеливо покусывала губу. Еще бы, Савиньяк сдвинулся с места, а тут какие-то урожаи! Госпожа Арамона подобрала выпущенные из-под мантильи локоны и посмотрела наверх. Так она и думала, снежные тучи откусили уже полнеба, нависнув над изломанной скальной стеной и замком. Бьющие непонятно откуда лучи заливали нижние холмы и замерзшее озеро безжалостным светом, но не могли прорвать закрывшего даль тумана.

– Эрза Мирабелла, – не выдержала Луиза, – может быть, имеет смысл вернуться в

замок? Мне кажется, приближается ненастье.

– Весьма вероятно. – Герцогиня и не подумала упереться. – Реджинальд, вам следует отдохнуть и переодеться. Вы, без сомнения, устали.

– Благодарю вас, эрза, – учтиво наклонил голову Реджинальд. – Дорога и в самом деле была долгой, но кончилась величайшим счастьем.

– Прошу разрешения откланяться, – тенъент Левфож приподнял шляпу, – хочу выбраться на тракт до снегопада.

– Конечно, – разрешила Айрис, в голове у которой был один лишь Савиньяк, – поезжайте...

– Если позволит погода, послезавтра я буду в замке, – начал южанин и не договорил. Взгляд Левфожа заметался, тихо охнула Селина, неистовой белизной полыхнули снега, волна света покатилась вниз, к зеленому озерному льду.

– Мама! – вскрикнула Сэль и закрыла лицо руками. – Мамочка!

Над Надорским утесом поднималась молочно-белая арка. Она охватила вершину, и тотчас над озером вспыхнул светящийся круг, в центре которого замерли огромные всадники. Гигантов окружал бледно-желтый ореол, дальше дождевыми кругами разбегались цветные кольца – багряное, оранжевое, черно-фиолетовое...

Странные всадники сдерживали своих коней, тени людей и лошадей были длинными и темными. Они двигались так же, как и породившие их призраки, хотя какие у призраков тени?! Айрис пошевелила пальцами, небесная всадница повторила ее жест, от каждого пальца протянулся золотистый луч. Так и есть, тени! Тени на туманном полотне!.. Госпожа Арамона помахала рукой призрачной кавалькаде. Небо не откликнулось, только по радуге пробежала багровая волна.

Темные кони ростом с башню медленно развернулись и тронулись к облачной горе, из-за которой веером расходилось серебряное зарево. Луиза вновь подняла руку, и ей никто не ответил. Всадники удалялись, не оглядываясь, они словно спали в своих седлах, только лошади нет-нет да взмахивали обметанными светом хвостами. Раздался хруст, ледовое поле внизу стремительно покрывалось трещинами, с обрыва сыпались мелкие камни.

– Едемте, – крикнула Айрис, заворачивая дрожащую лошадь, – скорее!

– Да, – отчеканила Мирабелла, – пора возвращаться. До встречи, господин Левфож.

– Я вернусь, – заверил офицер, приподнял шляпу и исчез за поворотом. Тихонько всхлипнула Селина, печально заржала лошадь. Луиза подняла глаза к громогзящимся над скалами тучам и зачем-то подставила руку. На ладонь упала снежинка. Первая.

Глава 3 Старая Придда

400 год К.С. Ночь с 4-го на 5-й день Зимних Ветров

1

Замок был каменным и старым, а небо – красным, высоким и тревожным, в нем висела стареющая луна, сухая и полупрозрачная, как крыло мертвой бабочки. Завтра придет ночь Флоха, но завтра древние башни останутся позади. Первородные поедут дальше, они мало знают о неизбежном, им не страшен гнев луны, их не держит страх пред неведомым, только то, что они зовут совестью, и у одних это стальная цепь, а у других – гнилая нить...

– Сударыня, позвольте пожелать вам доброй ночи.

Повелевающий Волнами! Он дал слово и исполняет его, но зачем беречь разбитую скорлупу? Зачем спасать утратившую дом и любовь? Тело не станет живым лишь потому, что сердце бьется, а по жилам бежит кровь. Жизнь – это надежда, любовь, долг и страх. Пока

остается хоть что-то, смерть не придет...

– Сударыня, вам дурно?

– Вы очень добры... Недостойная... Я недостойна вашей заботы, герцог.

– Госпожа баронесса, – так возчик смотрит на поклажу, которую подрядился доставить в чужой дом, – я сделал бы для вас все от меня зависящее и без просьб герцога Эпинэ и генерала Карваля, но вы дали мне возможность оказать им услугу. Я вам за это благодарен.

– Это я вам благодарна. – Названного Робером ведет сердце, Повелевающего Волнами – разум, и разум этот холоднее зимних вод. – Дурной наездник в тягость и коню, и спутникам, я – дурная всадница, а ваш путь долог.

– В тягость может быть безобразие, но не красота. – Можно сменить серое на цвет ириса, но не пепел на огонь. – Вам здесь удобно?

– Да, – как трудно говорить с чужим и далеким, – но мне стыдно перед той, кто оставил неожиданной гостье свою постель.

– Не думайте об этом, эрза Мелания. Уступать гостю свои покои – долг хозяина, по крайней мере в этой местности. Отдыхайте, завтра нам предстоит трудный день.

Повелевающий Волнами попрощался, и Мэллит осталась одна в желтой от свечей комнате. Здесь жила сестра барона, имя которого гоганни не разобрала. Она казалась счастливой и ждала жениха, а он был воином. Что легче: потерять любимого или любовь? Раньше Мэллит знала ответ, но любовь мертва, бывшее очевидным затянуло туманом, а достославный из достославных ушел. Почему? Что вынудило мудрость забыть закон и справедливость: дурные известия или голос луны?

– Госпожа баронесса, – красивая девушка с желтыми волосами поклонилась, – меня зовут Грета. Я буду служить вам. Ваша постель готова, я помогу вам раздеться и умыться.

– Мне не нужна помощь, – Мэллит постаралась, чтобы голос ее звучал уверенно, – благодарю тебя. Иди.

– Я буду в передней, – названная Гретой поклонилась и вышла. Если б волосы Мэллит были желтыми, а бедра – широкими, сказал бы ей Первородный Альдо то, что сказал? Его душу источила ложь, а душу названного Робером – жалость. Оба называли ничтожную красавицей, и глупая верила...

Гоганни вздохнула и умыла лицо и желавшие лить слезы глаза. Утомленное дорогой тело просило покоя, но покой несет сон, а сны полны лунной зелени и горячего песка.

Правнуки Кабиоховы не спят четырежды в месяц, ставшая Залогом боялась уснуть со дня величайшего своего горя. И все-таки засыпала, чтобы оказаться на озерном берегу, зная, что гнилая зелень предвещает беды, от которых не уйти.

Ноги тонут в песке, сухом и сером, мертвые деревья тянутся к пустому небу, у них нет тени. Нет тени и у покрытых трещинами камней, и у бредущей вдоль кромки воды лошади. Вода нестерпимо блестит, но на небе не видно солнца, озеро светится само по себе, и в его глубинах шевелится что-то чудовищное. От озера не уйти, ты бежишь, а оно ползет следом вместе с валом мертвых водорослей и бредущим конем. Ноги вязнут в холодном сухом песке, не оставляя следов.

– Ты... – шепчет песок.

– Ты... – дышит в спину озеро.

– Ты... – раздвигаются знакомые губы, обдавая сладкой озерной гнилью, – ты...

– Ты... – Гоганни вздрогнула и открыла глаза. Было холодно и сыро: древний камень вбирал тепло, как соль вбирает воду. Два свечных огарка и масляная лампа не могли разогнать наполнившей спальню темноты. Девушка облизала пересохшие губы. Уходящий сон кружил голову, но Мэллит уже понимала и еще помнила. Она не хотела засыпать и все равно заснула в кресле у камина, а он погас, ведь огня, который горел бы вечно, нет. Все проходит, стареет, умирает...

Гоганни беспомощно оглянулась, словно за спиной кто-то стоял, и увидела окно, красноватую луну и увенчанные стрелами черные крыши. Из-за самой высокой показалась звезда, одинокая и яркая, вздрогнула и покатилась вниз. Искрящийся след прочертил небо и

погас, в черное окно застучал кто-то невидимый, и шрам на груди откликнулся резкой болью.

Мэллит собралась с силами и прыгнула с кресла на лохматую шкуру. Узкое облако разрубило луну, окрасилось красным и уползло за дальнюю башню – поднялся ветер. Это он стучался в стекла, срывал звезды и выл в трубах, а остальное нашептали страх, холод и сон. Гоганни глубоко вздохнула, тронула шрам на груди и поднесла к глазам пальцы. Крови не было, а за стеной спит названная Гретой, ее можно позвать, попросить воды или свечей, просто разбудить... Огонек в ночнике забился рыжим мотыльком – масло было на исходе, догорела и одна из свечей. Мэллит взяла последний огарок и распахнула дверь. На пороге стоял бледный высокий воин, и Мэллит его знала.

2

– Ты, – сказал гость, – ты...

Слово было знакомым и страшным, слово, но не голос и не лицо!

– Назва... Граф Гонт? – прошептала гоганни, сжимая свечу. – Я не ждала... вас... Но я... рада.

Глаза названного Удо были закрыты, он пришел без оружия и без камзола.

– Ты... – И огонек в руках Мэллит погас, но тьма не пришла. Или пришла, но не скрыла ночного гостя. Лицо названного Удо было спокойным и молодым, а волосы слиплись, словно он вышел из воды. Из зеленой, сонной воды, как и тот, другой...

– Что ищет блистательный? – Боль в груди заставила покачнуться и отступить. – То есть... Сударь, что вам угодно?

Первородный не открыл глаз и не улыбнулся, как улыбался в Сакаци. С тех пор случилось многое. Названный Удо потерял брата, оскорбил повелителя и был изгнан. Мэллит не изгоняли, она бежала сама...

– Ты можешь не звать, но я войду. Меня ведет не память тепла, а память холода.

Гость шагнул через порог, и вместе с ним шагнул свет, багряный, как на закате.

– Что хочет... – Губы не слушались, а шрам горел, словно в рану вернулся кинжал, и был он раскаленным. – Что...

– Ты – моя смерть, – сказал Удо, – и ты уйдешь со мной.

– Ничтожная Мэллит... не пойдет с... блистательным, – слова застревали в горле, голос стал чужим и хриплым, – нет... Не пойдет...

– Ничтожество! – По белому лицу пробежала тень. – Трусливое ничто... Вперед!

Она пошла, не могла не пойти. Так бредет на бойню овца, так плывет в пасть змея Киона лишенная воли рыба. В передней свечи не горели, но Мэллит видела все: погасший камин, тяжелые сундуки, свернувшуюся клубочком Грету. Налетел сквозняк, красные отблески залили рубашку прислужницы кровью, девушка заметалась и застонала, но не проснулась.

– Мама! – выкрикнула спящая. – Ой... Мамочка!

Названный Удо поднял руку, прислужница повернулась на другой бок, облизнула губы и затихла, а они пошли дальше длинными, как ночь, коридорами. Гоганни хотела остановиться, броситься назад, запереть двери, но запоры не спасут... Нужно бежать туда, где не спят, где пляшет пламя и висят стерегущие первородных звезды. Они защитят ничтожную, но губы не разжимаются, а ноги спешат за названным Удо.

Нет ни тьмы, ни света. На стенах спит оружие, скалятся убитые звери, смотрят в ночь предки хозяев. Они знают все и не могут ничего... Впереди сверкнуло золото, негаданное тепло провело по лицу легким шелком, желтый отблеск заколыхался, разрастаясь в светящийся круг, что-то застучало ровно и сильно. Сердце! Два сердца и огонь! Стражи! Стражи в лиловом у лестницы, над ними горят факелы, их дыхание горячо, а глаза открыты...

– Помощи! Во имя Кабиохово, помощи! – Она кричит, кричит во весь голос, как никогда не кричала. Стражи смотрят друг на друга, их губы шевелятся, они говорят между собой, они не слышат, а названный Удо ступает на верхнюю ступень. Его спина прямее копья, он не говорит и не оглядывается. Мэллит, давясь криком, торопится следом, воины больше не говорят, один проводит ладонью по лбу, другой отворачивается и смотрит вверх. Его волосы треплет сквозняк, рыжее пламя пляшет, словно в печи, и вместе с ним пляшут тени, но у первородного Удо тени нет! Он мертв, он давно мертв! Его послал спящий в озере, чтобы ничтожная, увидев лицо друга, назвала имя...

– Помощи! – Ноги отсчитывают ступень за ступенью, они не могут остановиться, теплый свет уступает место красному сумраку, они уходят во тьму – предательница и не имеющий тени, но он пришел не за Мэллит. Он ищет свою смерть... Кабиох даровал убитым власть над убившими, а правнуки Его защитили названного Альдо – убийцу, лжеца, клятвопреступника! Как же ничтожная его любила и как теперь ненавидит и, погибая, спасает... Ставшая Залогом умрет, а погубивший ее и многих будет смеяться, пить, целовать красивых и лгать преданным...

– Блистательный ошибся! Мэллит не убивала нареченного Удо...

– Я не знаю Мэллит.

– Она пред тобой! Это я! Я не делала тебе зла... Только не тебе!

– Довольно лжи, Альдо Ракан. Она тебе не поможет.

– Ничтожная не Альдо! Нет!

– Замолчи!

Губы немеют, не слушаются... Во имя Огнеглазого Флоха, почему? Почему сейчас, а не раньше, когда она любила?! Уходя навсегда, она бы верила, что о ней плачут... Она была готова и в Ночь Расплаты, и до нее, а теперь не хочет... Не хочет!

Лестница вьется змеей, обнимая площадку; на изгибе замер еще один воин. Мертвый и высокий, он стоит века, его лицо – шлем, его тело – доспехи, за спиной – секиры и мечи, у ног – щит. Железо помнит кровь и тепло, плач и крики, жизнь и смерть. Теперь жизнь ушла, смерть осталась, смерть, пустое железо и что-то еще...

– Помощи! – Она кричит или шепчет? – Помощи и защиты!..

Кого она зовет, на что надеется? Ее не слышат, не хотят слышать, кому она нужна?! От нее все избавились, о ней все забыли... Робер лгал словами и розами, а когда пришла боль, отослал ее с чужим и холодным...

Скрежет и лязг прорезали тишину. Тяжелая рука медленно потянулась к мечу и рухнула на щит. Железный воин наклонился, словно готовясь шагнуть, и повалился на ступени. Звон и грохот заполнили лестницу, рванулись к высоким сводам, вернулись назад и смолкли. Названный Удо наступил на украшенный двумя журавлями щит и пошел дальше. Замок равнодушно молчал, а тот, кто клялся защищать Мэллит, спал, и его воины тоже спали. Внуки Кабиоховы слышат лишь то, что хотят, помнят лишь о приятном и считают чужие грехи и удачи. Смерть лишает их тени, но не меняет сути.

Лестница кончилась. В сводчатом зале горели факелы, под ними стояли воины, но гоганни не закричала. Здесь ей не помогут: она одна, она всегда была одна. Семья отдала ее достойным из достойных. Мать, отец, дед, сестры – никто не сказал «нет», они думали о себе, угождали сильным и умерли. Она о них плакала. Зачем? Ведь ее никто не жалел...

– Поторопись. – Первородный распахнул дверь, и Мэллит увидела черные башни и припорошенный снегом двор. Ноги Удо не оставляли следов, розовый от восходящей луны ковер был страшен. Мэллит вцепилась в дверь, но скользкое дерево предало. Девушка покатила вниз по ступеням, снег забрался под одежду, но он не казался холодным. Гоганни поднялась на четвереньки, глядя на враз позеленевшую луну. Влажный ветер бросил в лицо запах лилий и негаданное тепло, негромко фыркнула лошадь. Девушка затравленно оглянулась и увидела коня. Оседланный и одинокий, он стоял у стены. Его шкура была двуцветной, а грива длинной и белой, как волосы старухи.

Влажное тепло обволокло тело свадебным одеянием, которого у ставшей Залогом нет и быть не может, призывно пахли цветы, по лошадиной шкуре гуляли лунные блики. Забраться в седло, послать коня через мост, и их не догонят... Девушка поднялась на дрожащие ноги, но шагнуть не смогла. Вернее, смогла, но не к спасению, а к смерти. Конь был ближе мертвеца, но тело не желало подчиняться, единственное, что удалось Мэллит, это вновь броситься в снег и замереть. Она не хотела платить собой за растоптавшего любовь и не верила обещавшим и предавшим! Названный Робером называл себя другом, а принес цветы обмана. Он спал, когда его господин топтал тело и душу ничтожной. Она думала, ее не слышат, а ее не хотят слышать! Потомок Флоха отдал ненужную равнодушному, а тот лишь рад сбросить обузу...

Девушка затравленно оглянулась: человек без тени остановился, сейчас он вернется. За ней. Мэллит вздрогнула от безнадежной ненависти к предавшим ее и выдохнула:

– Приди! – Гоганни сама не знала, кого зовет, но ее услышали. Конь ободряюще мотнул гривой и потрусил к ней. Мэллит рванулась навстречу, и ей удалось подняться. Незримая цепь лопнула, девушка была свободна. Свободна и сильна, как никогда. Теплый ветер стал сильнее, слаще и безумней запахи цветы, кровь на снегу сменилась зеленью, угасла даже боль в груди. Спину ожег холод, зарычала промешкавшая гибель, бледный луч скользнул по пятнистой конской морде, побежал навстречу.

– Ты... – шипел в спину снег, но Мэллит почти добежала... Ее не догонят. Она спасется сама, без помощи чужих и лживых. Ей не нужны хозяева дома, не нужен названный Робером, не нужен никто! Пусть ее оставят в покое! Навсегда! Мертвый уберется к мертвым, и тогда она вернется. Придет к тем, кто ее оставил без помощи, без любви, без надежды, без утешения... Сколь многие ей должны, она же – никому! Оскорбленные и отринутые превыше любимых и обласканных, не имевшие ничего получают все...

Мэллит вцепилась в зеленую уздечку, рубином полыхнула дальняя неприятная звезда; лошадь с яростным визгом вскинулась свечкой, отшвырнув девушку назад в снег. Гоганни вскочила, и конь отпрянул, дрожа и злобно прижав уши. Он тоже предал...

– Ты обманул сам себя. – Мертвый стоял рядом, его губы кривила усмешка. – Я рад, что ты украл еще и это. Адриан не любил предателей. Теперь тебе не улизнуть даже к Ней.

– Оставь меня! – выкрикнула Мэллит. – Оставь меня, мертвый!

– Да, я мертв. – Гонт так и не открыл глаз, а луна опять стала красной. – И ты мой.

– Нет! – Она еще смогла оглянуться. Белогривая исчезла, только снежную простыню пятнала редкая цепочка следов. – Нет... Пожалуйста... Мэллит не сделала блистательному Удо ничего...

– Просишь? – Бледная щека дернулась. – Поздно!..

Он повернулся, и Мэллит повернулась вместе с ним. Перед ней была стена. Холодная, черная, страшная, а за ней – те, кто ворвался в отцовский дом и выпил из него жизнь.

– Удо Борн! Что вы здесь делаете?

Повелевающий Волнами! Один... Его люди глухи и слепы, но он услышал...

Мертвый поднял голову и застыл. Так собака ловит новый запах.

– Я знаю тебя, – сказал он, – ты мне не нужен.

– Разве мы перешли на «ты»? – Лица хозяина и гостя были равно холодны. – Госпожа баронесса, вы звали на помощь? Я не ошибся?

– Названный Удо мертв! – крикнула Мэллит. – Мертв!.. Его убил... первородный Альдо!

– Это не оправдывает его навязчивости. – Повелевающий Волнами скрестил руки на груди. – Госпожа баронесса, здесь слишком холодно, вернитесь в дом.

Мэллит повиновалась, хотела повиноваться, но что значат желания в Ночь Расплаты? Гоганни могла дышать, слышать, видеть, но не бежать.

– Идите, сударыня, – повторил Придд, – не ждите меня.
– Ничтожная не может, – холод и страх обвивали тело, норовя добраться до сердца, – мертвый не отпустит...

Повелевающий Волнами шагнул вперед:

– Только трус, будучи не в силах отомстить мужчине, срывает обиду на женщине. Удо Борн, вы трус или слепец?

4

Они стояли лицом к лицу, а над ними светила луна, полная, как в ночь Оллиоха, и вокруг нее цвел радужный круг. Они стояли, живой и мертвый, а потом мертвый открыл глаза, и Мэллит канула в синюю пустоту. Она не хотела, но что может унесенный ветром листок, подхваченная водоворотом щепка, увязший в трясине ягненок? Синева голодна и равнодушна, с ней нельзя спорить, ей нельзя противиться, она возьмет все...

– Оставь ее! Оставь, я приказываю тебе, вассал!

Кто это? Где? Где небо, где луна, где она сама? Холодно, надо идти, пока не ушла луна. Ночь Луны не терпит лжи, за все надо платить, но как же страшно, а Енниоль ушел. Ушел и оставил ставшую Залогом за свое и за чужое... Она должна, она согласилась, но ведь глупая не знала, как это больно!

– Выходит, смерть в самом деле слепа. Досадно, но через свою, не вредившую тебе кровь ты не переступишь! Мелания, назад! За меня!..

...Она вернулась! Она стоит на снегу за плечом Повелевающего Волнами, и он сжимает локоть недостойной. Его вторая рука вытянута, темные блестящие капли падают вниз. Красное на розовом... Луна утолит свой голод.

– Клянусь кровью: перед тобой – девушка.

– Ты первый Придд, что верен сюзерену. – Синяя пустота, как можно в нее смотреть?! – Жаль, твой король не стоит твоей верности.

– Ни один Придд не служил потомкам Бланш, но эта девушка под моей защитой. Это просьба Робера Эпинэ. Вы его тоже забыли?

– Я помню все, – синий взгляд потянулся к Мэллит, – ты...

– Я... – покорно откликнулась гоганни. Ей было холодно, она устала, как же она устала от крови, луны, страха...

– Нет, я! – Чужая рука с силой оттолкнула Мэллит назад. – Она за Альдо, я – за нее!

– Не надо! – Темные струйки днем были бы алыми. – Не надо! Ничтожная Мэллит недостойна жизни... Первородный Валентин, оставь дочь отца моего и живи!

– Нет! Удо Борн, ты слышишь? Разве Альдо говорит так? Разве он отвечает за свои преступления? Ты не видишь, так слушай!

– Ты... – Синий взгляд тяжелее горы, но Мэллит не станет прятаться за чужой долг!

– Я – Залог, нареченный Удо. Забери ничтожную и оставь своего убийцу без щита. Оставь другим убитым...

– Замолчите, баронесса! Вы слишком многим нужны живой. То, что связано, можно и развязать. Проклятье, да идите же наконец в спальню!

– Нет! – Мертвый прикрыл глаза, и Мэллит смогла вздохнуть. – Придд прав, мы развяжем завязанное... Пусть... девушка возьмет кинжал с твоей кровью, пока она горяча.

– Берите, баронесса. – В ладонь гоганни скользнула жесткая рукоять, и Мэллит невольно сжала пальцы.

– А теперь в сторону, брат. Девушка, иди ко мне. Смелее!

К нему?! Идти к нему? После всего...

– Ну же! Хочешь свободы – иди!

– Баронесса, решать вам. – Повелевающий Волнами отступил, зажимая рану, мертвый ждал молча, закрыв страшные глаза.

– Я иду. – Мертвые лгут, они голодны и помнят всё, но она не делала зла названному Удо, и она не хочет быть щитом лжеца и убийцы. Она пойдет, и да смилуется над ней луна. – Я иду...

Шаг, и красная, дымящаяся полоса позади, у нее больше нет защиты, она выбрала, только что? Свободу или синюю мглу? Черные стены, белый снег, красное небо и луна... Какая длинная ночь, какой короткий путь. Ноги скользят и стынют, рана на груди наполняется болью, наползает дурнота, но она почти пришла.

– Я, – говорит гоганни, протягивая мертвому рукоять, – я пришла.

– Ты, – отвечает Удо. Он высокий, выше Робера. – Ты...

Ледяные пальцы впиваются в руку, не давая отбросить кинжал, поток холода рвется к сердцу, вспыхивает сумасшедшая синь.

– Ты! – произносит Борн, всаживая клинок в свое молчащее сердце. – Ты свободна, девушка!

– Названный Удо! Зачем?!

– Иначе нельзя, – в пустой синеве прорезаются зрачки, – или я, или ты... Теперь все будет хорошо... Хорошо для всех!

Горячая волна слизывает холод, горячая и красная. Синь, белизна, зелень – все тонет в крови, а кровь уходит в песок, шелестят ветви, мчатся сквозь звездный дождь всадники, и песок становится снегом...

– Мэллица... Теперь я тебя узнал... Бедная ты, бедная...

Серые глаза – живые, знакомые, грустные. И улыбка... Такая же, как раньше.

– Блис... Удо, ты вернулся?

– Нет, Мэллица, я ухожу. Вынь кинжал, больно.

Рукоять была мягкой и теплой, как родившийся крольчонок. Мэллит неловко ее потянула и с клинком в руках отлетела назад, прямо в руки Повелевающего Волнами.

– Вот ведь, – посетовал Удо из дома Борнов, – раз в жизни встретил нелгущего Придда, и надо прощаться.

– Граф Гонт! Стойте!

– Валентин! – Темная фигура пошатнулась, отступила к стене. – Не дайте... Не дайте Рудольфу разрушить Борн... Рихард расплатился... Не дай!

– Клянусь.

Первородного нет, есть фреска, осыпающаяся, сливающаяся со стеной. Фреска на глазах исчезает, распадается на бледнеющие пятна. Пятна тоже тают, краски уходят в старую штукатурку, остается только кровь, потом бледнеет и она...

Глава 4 Тронко

400 год К.С. 7-й день Зимних Ветров

1

Дорогу заступил серый козел, да не простой, а с горного жеребчика. Нагнув рогатую башку и чуть присев на задние ноги, зверюга явно готовилась к драке.

– Вот ведь скотище, – проворчал рябой Антуан, – отвязался, видать.

– Это бакранский? – полюбопытствовал Дуглас, разглядывая бодливую тварь. – Я думал, они все-таки меньше.

– Как же! – хмыкнул адуан. – Этот мелкий пока, вы б глянули, на чем ихние главные ездют!

Козел наклонил голову еще ниже, его терпение подходило к концу.

– Ну, держись, зараза. – Адуан потянул с седла свернутую в кольца веревку. Козел, заметив маневр, презрительно мемекнул и попятился.

– Ученый попался, – усмехнулся встречавший пленных адуанский капитан. – Эти твари по-хорошему только своих понимают. А так, начнет дурить – аркан на шею да поленом по лбу. От бодливости.

– И помогает? – удивился Темплтон, косясь на отступившего врага.

– На недельку хватает, – пожал плечами капитан, – а потом опять учить надо. Ну, считай, приехали. Вот она, резиденция, на самом берегу. Заворачиваем.

Освещенный полуденным солнцем особняк казался вполне генеральским, а может, это они одичали в здешних степях. Рука Матильды скользнула за пазуху, нащупала флягу и вернулась назад. Разговаривать с теми, кто тебя поймал, лучше на трезвую голову, а напиток они еще успеют. Если обойдется.

– О, – засмеялся Антуан, – кажись, Хавьер, дютант генералов. По вашу душу, видать.

Красивый чернявый парень ловко осадил серого жеребца и застыл, поджидая капитана. Что-что, а ездить паршивец умел, не то что внучек.

– Хороший конь, – подал голос Лаци, – скажи, гица?

– Скажу, – буркнула Матильда, чувствуя в груди противный холодок. Путешествие подошло к концу, а она, как ни крути, бабушка принца, которому никто не удосужился вовремя дать по башке поленом. А с Дугласом и того хуже. Мятежник, с какой стороны ни гляди. Конечно, ни полковник Коннер, ни адуаны, ни прицепившиеся к ним на въезде в Тронко талигойские стрелки на зверей не походили и уж всяко были приятнее покойного Коурвилля и его сержантов, но война есть война.

Офицеры закончили с разговором, капитан остался на месте, а Хавьер направился напрямик к чужакам.

– Сударыня, – вблизи кэналлиец был не хуже, чем издали, – адъютант командующего Южной армией тенъент Торрихо к вашим услугам. Господин генерал желает знать, что вы предпочитаете: отдых или разговор?

Отдых – это хорошо... Отдых, касера, приличная кровать, Лаци под боком... Матильда поправила куртку и сощурилась.

– Разговор. И поскорее.

– Как вам будет угодно, – вежливость в Тронко была чуть ли не дворцовой, – соизвольте следовать за мной.

– А мои спутники? – Матильда натянула поводья. – Без них я никуда не поеду.

– Как вам будет угодно, – повторил тенъент. Он то ли не хотел спорить, то ли не имел насчет Темплтона и Лаци никаких распоряжений. – Сударыня, если вы хотите видеть господина командующего, поторопитесь, вечером он уезжает.

– Хорошо. – Ломиться в открытую дверь Матильда никогда не любила. Упрямство хорошо в меру, и уж точно не среди пусть и приличных, но врагов. Бочка придерживался такого же мнения. Рысак покосился на таящегося у стены козла, презрительно фыркнул и направился к белому дому над замерзшей рекой. На серого собрата нахал и не взглянул, словно того и не было.

2

Они ввалились к генералу впятером – адъютант, Антуан и трое то ли пленных, то ли гостей. Кем их считают адуаны, Матильда за время пути так и не поняла. С одной стороны, оружие им не вернули, с другой – никаких утеснений они не видели, но и возможности улизнуть ни разу не представилось.

– Добрый день, господа. – Человек, от которого все зависело, был худым и спокойным. – Я – командующий Южной армией Талига генерал Дьегаррон. Это генерал Шеманталь и полковник Бадилю. Сударыня, не угодно ли сесть?

– Благодарю, – буркнула принцесса, с удовольствием плюхаясь на самый настоящий стул и пытаясь представить, на что она похожа. В степи принцессе это не волновало, но Тронко был городом, и не таким уж и маленьким.

– Хавьер, мы едем сразу после обеда. – Генерал казался молодым, но виски у него были седыми. – Правильно ли я понял, что мне выпала честь принимать сестру великого герцога Алати?

– Правильно. – Чего ходить вокруг да около, все равно про них все известно. – Я – Матильда Ракан.

Называла она так себя когда-нибудь или в первый раз сподобилась? Дьегаррон очень вежливо улыбнулся:

– Если мне не изменяет память, особа королевской крови, выходя замуж за человека не столь высокого происхождения, не лишается родового имени.

– Вроде бы, – выдавила из себя Матильда, представив рожу муженька, услышь тот, что алатская дикарка для него слишком высокородна.

– С вами будут обращаться сообразно вашему происхождению, – обрадовал талигоец и неожиданно поморщился: – Если вам что-нибудь потребуется, немедленно обращайтесь ко мне.

– Уже требуется. – Генералу, может, и нравится играть в придворного, а ей нужна правда, и побыстрее. – Кто мы? Пленники или что-нибудь другое. И что нас ждет?

Дьегаррон нахмурился и потер украшенный шрамом лоб. Неужели отпустит? Нет, на дурака этот вояка не похож, да и откуда здесь взяться дураку. Чай, не Агарис!

– Вы – гостя Южной армии Талига, – наконец изрек командующий, – и останетесь в Тронко до конца... известных событий. Я мог бы добавить «ради вашей же безопасности», но не стану.

– И на том спасибо, – не сдержалась ее высочество. – Надеюсь, мои друзья останутся со мной?

– Ваш капитан свободен, он может остаться с вами, а может уехать. Что до господина Темплтона, то...

– Твою кавалерию! – Матильда вскочила, сожалея не столько о пропавших пистолетах, сколько о том, что потащила Дугласа за собой. – Темплтон мой друг!

Худющий полковник у окна нахмурился и переглянулся с носатым генералом, звякнули какие-то железки.

– Ваше высочество, – шагнул вперед Дуглас, – прошу меня простить, я предпочитаю отвечать за себя сам.

– Сколько вам было, когда Борны подняли восстание? – Заговоривший полковник походил на лиса, но не рыжего, а черного с белым воротником.

– Я был совершеннолетним. – Виконт не собирался хвататься за чужие веревки.

– Вы были оруженосцем Карла Борна? – не отставал лис.

– Он был другом моего отца. Лучшим другом.

– Почему вы бежали? – резко бросил Дьегаррон.

– Проигравшие мятежники всегда бегут.

– Вы не поняли. – Генерал поднес руку ко лбу и опять поморщился, словно проглотил какую-то дрянь. – Я не спрашиваю, почему вы отправились в Агарис, я спрашиваю, почему вы оставили ваших... теперешних соратников?

Скулы Дугласа пошли красными пятнами, но он промолчал. Стал бы паршивец говорить, будь он с генералом наедине?

– Виконт Темплтон оставил, как вы выразились, соратников, – отчеканила Матильда, – потому что он – порядочный человек. Слишком порядочный, чтобы оставаться в этом кубле.

– Вы имеете в виду... – начал Дьегаррон, но Матильде Рассанна уже была по колено. Даже без фляги.

– Я имею в виду своего внука Альдо, который, среди всего прочего, отравил Удо Борна. Мы... Твою кавалерию, не мы, а я, дура старая, ничего не смогла с ним сделать! Ничего... И

удрала, потому что... Потому что сил не было смотреть на то, что этот петух золоченый творит!..

Она не плакала лет сорок, если не больше. Пила, ругалась, угрожала, хваталась за пистолеты, но не плакала, а сейчас прорвало. На ровном месте, перед чужими людьми, можно сказать, перед врагами. Тоже мне, великолепная Матильда! Видели бы ее Адриан с Левием или шад...

Ее высочество грозно хлюпнула носом и спросила:

– Ну, чего уставились? Генералы... Твою кавалерию!

3

– Ваше высочество, – Дьегаррон держался как ни в чем не бывало, – может быть, воды? Шеманталь...

– Какое там, воды, – огрызнулась Матильда. – Касера есть?

Носатый генерал снял с пояса фляжку и вдобавок поклонился. Скотина!

– Благодарю. – Принцесса еще разок шмыгнула носом и взяла угощение. – Обычно я не рыдаю. Что будет с Дугласом?

– Трудный вопрос, – начал Дьегаррон, но не закончил: зашуршало, и в комнату ввалился Хавьер. – Тебя только за слепой подковой посылать!

– Рыба мелкая была, – живо откликнулся адъютант, – пришлось губернатора обождать. Сейчас накроют.

– Хорошо. Темплтон, что скажете в свое оправдание?

– Ничего, – буркнул Дуглас. – Я – сын мятежника и сам нарушил присягу, бежал в Агарис и присоединился к Альдо Ракану, полагая его дело правым.

– Вы нарушили одну из двух данных вами присяг, – поправил лисий полковник. – Как оруженосец, вы исполняли приказы господина, которые шли вразрез с присягой его величеству. Конечно, это наказуемо, но основная вина лежит на вашем отце, а потом – на вашем господине и герцоге Окделле.

– Я был согласен с повстанцами, – уперся Темплтон, – я хотел сместить Фердинанда и возвести на трон пристойного короля.

– Альдо Ракана? – холодно уточнил Дьегаррон.

– Нет, – сдвинул брови Дуглас. – Люди Чести должны были вручить корону достойнейшему.

– И кому же? – сухо поинтересовался генерал.

– Это решили бы после победы. Карл Борн считал, что это будет герцог Анри-Гийом. Отец был с ним согласен.

– А кого сажал на трон Эгмонт Окделл? Себя?

– Королем стал бы тот, чей вклад в победу был бы наибольшим.

Дьегаррон опять поморщился, похоже, это было привычкой.

– Орасио, ты ведь был в Ренквахе? Кто мог принести Окделлу победу?

Полковник нехорошо улыбнулся:

– Дриксы и гаунау.

– Значит, королем и королевой Талига стали бы Фридрих Дриксенский и его медведица. Это было бы похлеще Алисы...

– Господин генерал, – перебила вояк Матильда, – вы мне ответите или нет? Что ждет Дугласа?

Дьегаррон сцепил руки под подбородком и уставился в окно. За окном блестел снег, под которым спала река, дальний берег Рассанны был пологим, не понять, где кончается заснеженный лед и начинается степь. Странная земля: все как на ладони, ни спрятаться, ни подкрасться. В горах уютнее и надежнее, но где они, эти горы?

– Дуглас Темплтон, – генерал хлопнул по столу ладонью, – я, как старший воинский

начальник, предлагаю вам вступить в Южную армию под начало генерала Шемантая. Если это по каким-либо причинам вас не устраивает, вы будете задержаны до конца войны, после чего вашу судьбу решит король или регент. Жан, возьми к себе мятежника?

– Пойдет – возьму, – твердо ответил носатый. – Наши про него хорошо говорят.

– Виконт Темплтон, – Дьегаррон сощурил глаза, – решайте!

– Сударь... – Дуглас судорожно сглотнул и повторил: – Сударь... Ваше предложение более чем великодушно, но я... Я смогу его принять, только получив разрешение ее высочества!

Разрешение ему понадобилось, обалдую! Да кто она им всем такая, чтобы ради нее жизнь ломать?!

– Попробуй только не пойти! – рявкнула принцесса на благородного рыцаря. – Нашел на кого оглядываться, умник! Я свою жизнь коту под хвост пустила, а ты мне чужую подсовываешь!..

– Ее высочество советует вам поступить под начало генерала Шемантая, – перевел полковник Бадилю. – Я верно понял?

– Да, – подтвердила Матильда. Дуглас уйдет, и слава Создателю. Из парня выйдет толковый офицер, очень толковый. Что там сказал на прощание Удо? Пусть нас сведет во время боя, и пусть мы друг друга узнаем... Узнает ли Дуглас Робера и Ричарда? А эти двое, примут ли они милость от ушедших друзей? Ее высочество зачем-то пригладила волосы и поднялась:

– Господа, я вам весьма признательна, но я уже немолода и переоценила свои силы. Прошу проводить меня туда, где я смогу отдохнуть.

Глава 5

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. 8-й день Зимних Ветров

1

Выходить в еще полусонные продрогшие дворы не хотелось, но расспрашивать Карваля прямо в кабинете было столь же невозможно, как и отложить разговор на вечер. Ждать чуть ли не две недели и не потерпеть несколько лишних часов – глупо, это Робер понимал, но академическая отрешенность доступна не всем. Повелитель Молний, во всяком случае, на оную не претендовал, а маленький генерал громко объявил об исполненном приказе и замолчал, многозначительно глядя на сюзерена.

– Так вы говорите, Ричард свернул... домой? – на всякий случай повысил голос Эпинэ. – Это на него не похоже.

– Герцог Окделл знает, что его величество работает допоздна, – развеял удивление маршала Карваль. – Повелитель Скал приведет себя в надлежащий вид и явится во дворец к выходу государя.

– Что значит «в надлежащий»? – Эпинэ прикрыл недоспавшие глаза. Умнее вообще не ложиться. – Вы же сказали, что с ним все в порядке.

– С самим герцогом – да, но не с его одеждой. Гальтарский этикет, как вы знаете...

– Знаю, – зевнул Робер. – Вы как хотите, а я обойду дворовые караулы, иначе не проснусь.

– Монсеньор, – встрепнулся Никола, – вам следует больше отдыхать!

– А я что делаю? – усмехнулся Иноходец. – Сегодня даже к Капуль-Гизайлям собрался... Удивительно приятный дом. Приглашаю вас с собой, не пожалеете!

– Если монсеньор настаивает... – Восторга на лице маленького генерала не было.

– Настаиваю, – отрезал Робер, подхватывая «зверский» плащ. – А пока поведайте, что вам попало по дороге.

– Ничего, достойного особого ВНИМАНИЯ, – отчеканил комендант столицы и покосился на дверь. – Зато в Фебидах живет негодичант, готовый поставять фураж.

– Об этом вы доложите его величеству, – скучным голосом объявил Иноходец. – Вы, между прочим, комендант Раканы и подотчетны лично государю.

– Да, монсеньор, – радости в голосе доверенного лица его величества могло быть и побольше, – негодичант требует письменных гарантий и охраны.

– Так обеспечьте. Полагаю, вы в состоянии защитить одного купца?

– Разумеется, – «обиделся» Никола, придерживая дверь, чем не замедлил воспользоваться восточный ветер, бросив в лицо холод и дальний колокольный звон.

Робер глубоко вздохнул и улыбнулся:

– Хорошо, что вы вернулись, Никола! Правда, я рассчитывал, что Дикон останется на севере.

– Сожалею, – маленький генерал развел руками, – но герцог Придд наотрез отказался взять на себя ответственность за герцога Окделла. Он сослался на приказ Алвы, предписывающий отпустить Окделла у Кольца Эрнани, свою личную неприязнь к Повелителю Скал и особенности характера последнего.

– Он так и сказал? – не выдержал Эпинэ. – Про особенности?

– Примерно, – уклонился от ответа Карваль. – Герцог Придд выражается слишком витиевато, я не могу дословно передать его мнение о недостатках и будущей судьбе герцога Окделла.

– А что Мэл... баронесса Сакаци?

– С ней все благополучно. Герцог Придд предпримет все усилия, чтобы разыскать ее высочество Матильду и сообщить ей, где находится девушка. У меня нет сомнений в том, что свое обещание он сдержит.

– У меня тоже, – пробормотал Иноходец, вспоминая одинокого солдата. Лошадку для Мэллит Никола подобрал невысокую, и все равно в седле гоганни казалась крохотной и хрупкой, а уж рядом со «спрутами»...

– Монсеньор, – лицо Карваля стало значительным, – госпожа баронесса просила передать, что никогда не забудет вашей доброты. Если бы не вы, она бы не вынесла выпавших ей испытаний.

– Спасибо, Никола. – А что тут еще скажешь? Не станешь же объяснять генералу, что любовь была, но ушла, а девушка не заметила ни первого, ни второго. – Вы условились о тайном знаке? Я имею в виду Придда.

– Да, монсеньор. Я уже говорил про купца. Обозы станут приходить каждые две недели. Кроме того, я привез книгу... Прошу меня простить, запомнил название, но у Придда такая же. Я покажу вам, как с ней обращаться.

Ну а если нам понадобится написать в Ноймар, не дожидаясь обоза, следует обратиться к старшему судебному приставу. Это он вложил в бумаги ультиматум Сузы-Музы. И он же в случае необходимости свяжется со мной или с вами. Кроме того, к вам может прийти поставщик и предложить кэналлийское того года, который вы уже получали.

– Погодите, – остановил Карваля Робер, – иначе я с ума сойду. И как вы только это запомнили?

– Мы проговорили со Спрутом более восьми часов. Смеем предположить, что я теперь лучше понимаю север, а он – юг. Герцог Придд дал несколько ценных советов о будущем договоре между Олларами и Старой Эпинэ...

– А я получил копию договора между Талигом и Ноймаринен, – перебил радителя Великой Эпинэ Робер. – Никола, вы принесли хорошие известия, хотя лучше бы Ричард отправился к регенту. А теперь, как вы думаете, что сделал я?

– Объехали гарнизоны и составили диспозицию на весну? – предположил комендант Раканы.

– Не без этого. – Эпинэ поглубже нахлобучил шляпу, с сожалением вспоминая торские меховые колпаки. – Господин Карваль, я подписал договор с Савиньяком. Маршал согласен способствовать заключению соглашения, о котором вы говорили. Никто из участников восстания не будет обвинен, а тех, кто поможет возвращению Олларов, наградят.

– А Ракан? – подался вперед Никола. – Савиньяк согласен его отпустить?

– Нет, – хорошее настроение погасло, осталось лишь чувство правоты, – не согласен, но я не настаивал. Если Альдо не погибнет во время переворота, его судьбу решит король или регент.

Можно было добавить, что мир в стране и процветание Эпинэ дороже жизни бывшего друга. Никола пришел бы в восторг, но это смахивало бы на оправдания, а оправданий не было, была необходимость. Как у Ворона или маршала Шарло...

2

Запах был восхитительным и волнующим. Маркиз Габайру принялся, довольно кивнул и направился в столовую, Марсель последовал его примеру, а Котик – примеру Марселя. Полубритый волкодав времени зря не терял, добившись немыслимой для представителя собачьего рода привилегии, а именно – допуска под личный стол его превосходительства посла Ургота, то есть, простите, временно бывшего посла.

– Прошу, – указал маркиз Габайру гостю на обильный, но легкий завтрак, но первым у стола оказался Котик. Друг папенькиной молодости, впрочем, и не подумал возмутиться.

– Итак, мой мальчик, – изрек он, бросая на колени салфетку, – ты в Ракане двенадцатый день, а я до сих пор не слышал, как ты ее находишь.

– Я потерял не Ракану, а Олларию, – не согласился Марсель, – и я ее еще найду, а пока собираю знакомых. Вчера я выразил соболезнования вдове маршала Рокслея...

– Для соболезнующего ты вернулся слишком рано, – заметил Габайру, с некоторым сомнением разглядывая спаржу. – Ты уверен, что графиня Рокслей утешена должным образом?

– Я выказал безусловное уважение к ее горю, – заверил Марсель и положил себе паштета. – Оно слишком глубоко для того рода утешения, коим владею я. К тому же у графини гостила родственница.

– Понимаю, – участливо кивнул Габайру, – для тебя это стало неприятным сюрпризом.

– Не для меня, – запротестовал Валме, – обо мне доложили после того, как госпожа Мэтьюс отпустила портшез. Собственно говоря, я видел, как она входила в дом. И вошел следом.

– Мужество Валмонов не имеет предела. – Ургот рассеянно погладил высунувшегося из-под стола Котика, но этим и ограничился. – И что ты вынес из беседы с двумя дамами?

– Множество очаровательных подробностей. – С паштетом было покончено, и Марсель потянулся за рогаликом, но вспомнил о пузе и передумал. – Теперь я знаю, как себя чувствует дочь госпожи Мэтьюс и ее новорожденный сын, сколь счастлив ее зять, к слову сказать, один из двух гимнет-капитанов, и как нехорошо со стороны баронессы Сакаци было покинуть его величество Альдо вслед за ее высочеством Матильдой...

– Я видел баронессу на одном из малых обедов, – внес свою лепту посол. – Девушка – само очарование, хотя я представлял алатских красавиц несколько иначе. Признаться, ее исчезновение меня удивляет. Малышка смотрела на его величество такими глазами, что я чувствовал себя обделенным.

– Если она отправилась в Сакаци, о ней позаботятся, – утешил сотрапезника Марсель. – Позаботились же о господине Тристрате и о других... господах. Ваше высокопревосходительство, при дворе весьма опечалены вашим недугом!

– Я тронут, – заверил маркиз, хрустя не дождавшимся Марселя рогаликом. – Увы, мне заметно хуже. Боюсь, я не скоро смогу тронуться в путь, но я упрям и намерен передать

письмо его величества Альдо его величеству Фоме и ее высочеству Елене лично. А ты не решаешься меня огорчать, зная, сколь губительны для стариков дурные эмоции.

– Не решаюсь. Вам требуется молебен об исцелении?

– Не сейчас, – вздохнул дипломат. – Я и так отнял у его высокопреосвященства много времени. Есть души, куда сильнее нуждающиеся в утешении.

– Вы имеете в виду меня? – удивился Марсель. – Но я привык утешаться иным образом. Сегодняшний вечер я намерен провести у Капуль-Гизайлей. Говорят, баронесса сменила кресла в гостиной.

– Кто говорит? – уточнил посол.

– Виконт Мевен, мой однокорытник и еще один гимнет-капитан... Закатные твари, ну и нелепое же слово!

– В жизни, мой мальчик, много нелепого, – философски заметил ургот и поделился с Готти хлебной корочкой. – Что ты думаешь о Мевене и что он думает о тебе?

Марсель задумался, вспоминая минувшие дни. В Лаик Мевен казался глупее, в Нохе – откровеннее.

– Мы провели вместе целый вечер. Иоганн-Йозеф стал больше пить, – наконец объявил виконт, – и меньше говорить.

– Исходя из первого, он тебе доверяет, – улыбнулся посол, – исходя из второго – нет.

– Он меня радует, – уточнил Валме. – Старый, добрый Мевен, он не в силах откровенничать со щеголем, который ушел на войну, разболтал доверенную ему тайну и сбежал под юбку к урготской купчихе, заработав отцовское проклятие. Для военного, только что сменившего короля, это... эээ... поносно!

– Доверять тебе не следует ни в коем случае, – назидательно сказал бывший посол. – Если его величество этого не понимает, пусть пеняет на себя.

– Вот именно, – согласился посол нынешний, роняя под стол добрую половину куропатки. Внизу раздался хруст, Габайру улыбнулся:

– Это прекрасная политика, молодой человек. Никогда и никому не бросать костей и почаше ронять. Их живо подберут, а ты останешься вне подозрений.

– Как и положено болтуну и дамскому угоднику. – Лицо Марселя стало мечтательным. – Эх, слышал бы батюшка, что про меня говорят, он бы прослезился и послал Мевену и Рокслею корзину лучшей рассады. Это так благородно: служить Ракану и сочувствовать отцу-навознику.

– Если бы про тебя не говорили, – лицо Габайру было задумчивым, – нам бы пришлось немедленно распустить парочку слухов, но они, слава Создателю, появились сами. Твое дело – использовать их наилучшим образом.

– Мой дорогой маркиз, – понизил голос Марсель, – в последнее время я стал лучше понимать людей. Вас, батюшку...

– Это не может не радовать, – дипломат рассеянно уронил под стол подрумяненное крылышко, – или ты имеешь в виду нечто определенное?

– Пожалуй, – сощурился Марсель. – Батюшка, если вы помните, любит повторять: «Что не нравится Валмонам, будет убрано». Раньше меня это коробило. Зачем убирать, если можно обойти? Но недавно я увидел его величество. И понял, что оно мне не нравится. По-настоящему не нравится, а не как сдохшая корова на тракте или некстати забеременевшая любовница. Я не могу радоваться жизни, зная, что через несколько кварталов от меня обретается господин, имевший наглость приставать с пошлостями к моей знакомой принцессе и лезть в тайны моего отсутствующего друга. И то, что этот господин под давлением обстоятельств сменил штаны, ему не поможет...

старые аббатства пришла в голову Ноксу, а Спрут перекрыл все возможные проходы. Цивильный комендант Раканы должен был найти выход – увеличить охрану, в конце концов – не покидать Ружского дворца до утра. Пожалуй, это было бы самым разумным: к утру бы вернулся Карваль, и Придду пришлось бы убраться в нору, так и не укусив...

– Монсеньор, – лицо гимнет-капитана было непроницаемым, – государь ждет вас!

– Благодарю, Лаптон!

Три десятка шагов через кишашую придворными Большую приемную до дверей в кабинет. Три десятка шагов и ощущение бессилия. Такое уже было. После дуэли, после Доры, после смерти Удо и теперь снова... Четвертый раз, как в сказке! Простит ли Альдо еще одну ошибку?

– Входи и закрой дверь. – Высокий человек в лиловом камзоле стоял возле заваленного книгами и документами стола, и Ричард едва не схватился за шпагу, но лиловый обернулся. Это был сюзерен.

– Мой государь, – начал юноша, – позвольте доложить...

– Не позволю. – Альдо оперся обеими руками о темное дерево. – Итак, Карваль опять вытащил тебя из ямы?

– Опять? – растерянно переспросил юноша. Он успел не раз и не два прожить предстоящий разговор, но все пошло не так с первых же слов. Сюзерен не нуждался в докладе. О случившемся на Желтой рассказал Мевен, а остальное – Карваль. Коротышка-южанин дорвался до государя, пока Дик смывал с себя память о «спрутах», и повернул разговор так, как нужно ему. Что ж, герцог Окделл не станет опровергать ординара. Если Альдо не желает слушать, пусть не слушает...

– Ты мне вот что объясни, – прервал молчание его величество, – за какими кошками вас понесло на Желтую? Чем вам Триумфальная не угодила?

– Это было мое решение, – отчеканил Ричард. – Я готов за него ответить.

– А толку-то, – отмахнулся Альдо. – Да и виноват по большому счету я. Нужно было вместо тебя Карваля отправить, он бы не попался.

– «Спруты» расползлись по всему городу, – не выдержал юноша, – они были и на Вдовьей, и на Чулочной, и у Триумфальной...

– На Триумфальной их не было. В какое положение ты меня поставил? Левий, кошки с ним, он враг, в чем и расписался, но послы?! Посуди сам – никто ничего не знает, тебя ищут по всему городу, а ты объявляешься в Новом городе в объятиях Придда. Не будь ты Окделлом, я бы решил, что вы в сговоре, а дуэль устроили для маскировки. Это суметь надо – бояться засады и забраться туда, где на тебя нападут.

– Лучше б в карету к Ворону сел я. – Дик сам не понял, как у него это вырвалось, но умереть и не слышать упреков сюзерена было бы лучше.

– Если бы ты позволил себя убить, я бы тебя точно казнил, – усмехнулся Альдо. – Что ж, теперь, по крайней мере, мы знаем, что Спрут – предатель, хотя без его помощи мы вряд ли бы доказали сговор Алвы с Левием.

– Государь, – не принял шутки Дик, – я понимаю, что виноват, и готов понести любое наказание. Кому передать перевязь?

– Никому. – Альдо выглядел удивленным. – А разве тебе Карваль ничего не сказал?

– Нет.

– Кто бы мог предположить в нашем маленьком друге такую чуткость? – Сюзерен взял со стола какой-то указ, поднес к глазам и положил обратно. – Я отменил должности военного и гражданского комендантов. Теперь в Ракане только один комендант – генерал Карваль. Знаю, ты его не любишь, но порядок недомерок наведет, а не сможет... Что ж, ординара не жаль и расстрелять, но этот справится. И получит маршальский жезл.

– Карваль?! – не поверил собственным ушам Дик.

– Именно, – подтвердил Альдо. – Как вояка он не хуже Робера. И тоже глуп, когда речь идет о вещах, выходящих за пределы его разума. Зато выставить охранение, провести отряд лучшей дорогой, а то и битву-другую выиграть он способен, а большего мне и не

нужно. Вспомни Манлия Ферру, тоже происхождением не вышел, а скольких заговорщиков в Закат отправил? Нет, Дикон, цепные псы лишними не бывают, просто они должны знать свое место. И будут знать! Ты не согласен?

– Люра не был эорием, – упрямо произнес Ричард, – но он был другом и человеком Чести.

– А Карваль, выходит, нет? – усмехнулся сюзерен. – Счастье, что он тебя не слышит, и вообще, хватит с меня ревности! Робер ревнует Карваля ко мне, а ты меня к Карвалю... Нашли время, кавалеры гайифские! Кто тебе сказал о засаде на Триумфальной?

– Нокс, – честно ответил Дикон, – но... Он не предатель, он погиб!

– Я знаю, – хмыкнул сюзерен. – Ворон зря времени не терял, жаль, монаха не тронул... Нет, Дикон, Нокс не предатель, предатель тот, кто рассказал бедняге про засаду, а кого попало твой полковник слушать не стал бы, не такой он был человек... Закатные твари, опять мы уткнулись в предательство!

– Ноксу мог сказать Спрут, – не очень уверенно предположил юноша.

– Не смейся меня, – отмахнулся его величество. – Придду Нокс бы не поверил. Не потому что подозревал, просто девятнадцатилетний для сорокалетнего всегда щенок. Скажи про засаду Придд, Нокс бы все лично обнюхал, а тут ни на секунду не усомнился. Вот и думай, кому он доверился... Мевен, Эпинэ и южане отпадают, Халлоран с Кортнеем-младшим ни кошки не знали...

– Может, Левий?

– А ему и вовсе незачем, Алву так и так к нему везли. Кстати, почему Ворон вернулся?

На этот вопрос Дикон мог ответить даже среди ночи.

– Они сговорились с Левием еще в Багерлее. Теперь Алва станет выжидать и ударит, когда сочтет нужным. Ты не представляешь, как Ворон умеет ждать... Он так выиграл Сагранну. Сперва напал на «лапу»... то есть на бирисский эскадрон. Взял их, когда они сами охотились. Потом послал ультиматум в крепость на перевале и затаился. Кагеты его ждали, ждали и перестали, а Ворон пришел, когда о нем забыли. И у Дарамы тоже. Нас мало было, в двадцать раз меньше...

– Я не собираюсь слушать про вороньи победы, – нахмурился Альдо. – Я тебя о чем спросил? Почему кэналлиец не удрал с Приддом? Пожалуй, в основном я с тобой согласен. Он решил захватить Ракану. Для этого он достаточно нагл, а ваша с Ноксом глупость его наглость изрядно укрепила. Что ж, будем ждать. Карваль, конечно, провонял чесноком, но врасплох его не застанешь, да и твои северяне... Кого, кстати, поставишь вместо Нокса?

– Блора, – решительно сказал Ричард. – Он тоже из людей Люра, и я ему верю. Альдо, нужно предупредить Эсперадора... Ну, что Ворон сговорился с Левием.

– Спасибо, научил. – Альдо весело засмеялся, и у Дика отлегло от сердца. – Я уже написал в Агарис. Надеюсь, магнусы уймут голубиноного недоноска, но пока придется терпеть и заниматься тем, что ближе. Дикон, мне нужна твоя помощь. Ты помнишь виконта Валме?

– Ну... Я видел, как он проиграл в карты баронессу Капуль-Гизайль... Потом он уехал с Алвой.

– Он вернулся. Теперь этот хлыщ – граф Ченизу и посол Фомы. Я его видел, редкостный болван, но хотя бы не ядовитый... Отец его, кстати говоря, проклял.

– За что? – не понял Ричард.

– Вообще-то за дело. Наследничек бросил армию и прыгнул в постель к урготской старухе... Я о сестрице Фомы.

– В постель?! – растерялся Дик, припоминая роскошного, томного кавалера. – То есть он и сестра герцога...

– А ты думал, пятидесятилетняя карга его за красивые глаза усыновила? Разумеется, он ее обихаживает! Дикон, я должен знать, что случилось. В то, что этот щеголь бросил Ворона и Олларов, потому что они не правы, никогда не поверю. Видел бы ты его – не мужчина, а баран в завитушках! Алва его за шута прихватил, но и шут может что-то углядет, а Ворона он боится больше отца, это ясно.

Короче, Дикон, постарайся с этим чудом сдружиться. Баронессу свою попроси помочь, вряд ли ей нравится, когда на нее играют. Поговорите о Марианне, об Алве, в карты перекиньтесь. Продуешься – не беда, оплачу, но я должен знать, что такого он разнюхал. Я допрашивать посла, тем паче урготского, не могу, а тебе он скажет. Особенно выпив и после выигрыша.

4

Карваль от визита к Капуль-Гизайлям увильнул, что Робера никоим образом не удивило. Маленький генерал скучал не по дамскому обществу, а по своему гарнизону, который за время его отсутствия, без сомнения, разболтался и утратил бдительность. Никола умчался в казармы, а Робер отправился слушать птичек. Всем, и первым делом сюзерену, надлежало привыкнуть к тому, что Первый маршал Великой Талигойи близок с красавицей баронессой, к тому же собственный дом после ухода Енниоля и рассказа Карваля о Мэллит казался полным одиночества колодцем. Клемент, и тот не столько утешал, сколько напоминал об Агарисе, Сакаци и сгинувшей в Золотую Ночь Лауренсии. До появления Мэллит Иноходец прятался от памяти за маленькую гоганни, но при встрече любовь разлетелась сухими листьями, и он остался один. Как тогда, осенним утром на дороге в Эпинэ...

– Монсеньор, – благообразный слуга почтительно поклонился, – позвольте ваш плащ.

– Госпожа баронесса дома? – Запах роз, тепло, дальний звук свирели. Здесь нет ни зимы, ни сомнений.

– Да, монсеньор. – Лакей смущен или это господин Первый маршал стал излишне осторожен? – Госпожа баронесса в музыкальной комнате.

– Мой друг! – Барон Капуль-Гизайль катился вниз по лестнице, на ходу раскрывая объятия. – Мой дорогой друг! Я в полном восторге!

– Благодарю, – пробормотал подавленный бурным гостеприимством Эпинэ. – Боюсь, я к вам слишком зачастил!

– Напротив! – забил крылышками господин Капуль-Гизайль. – Вы бываете у нас до отвращения редко. Конечно, вас несколько извиняет служба, но дружба требует полной самоотверженности. Вы не находите?

– Пожалуй. – Любопытно, что этот человечек считает дружбой? Совместное музицирование, совместную жену или совместный кошелек?

– Должен вам сообщить, – понизил голос барон, – что у нас гость. Неожиданный. Очень неожиданный.

– Неужели герцог Окделл? – предположил Робер, не испытывая ни малейшего желания встречаться с Диконом здесь и сейчас.

– О нет, – затряс паричком Капуль-Гизайль. – Это граф Ченизу. Он... старый друг баронессы, очень старый и очень верный. Он долго отсутствовал и вернулся несколько дней назад.

– Я слышал, – кивнул Робер. – Раньше этого человека звали виконт Валме.

И «этот человек» увязался за Вороном в Фельп, а вернулся урготским графом. Скотина!

– Не напоминайте ему об этом! – всплеснул ручками барон. – Эта рана еще свежа...

– Не беспокойтесь, – заверил хозяина Эпинэ, – но если госпоже баронессе угодно...

– Никоим образом! – Лицо маленького барона стало решительным. – Марианна ценит прошлое, но не в ущерб настоящему. Я надеюсь... Нет! Я настаиваю, чтобы вы чувствовали себя у нас, как дома, кто бы ни играл в карты в гостиной, а Марсель Ченизу – чудесный человек. Чудеснейший! Представьте себе, он завел себе собаку львиной породы. Это так необычно, но идемте же!

– Как вам угодно, – пробормотал Робер. Встреча с бывшим Валме не радовала, но повидать его не мешает. Конечно, если гость заявит права на хозяйку, будет не до

разговоров, но тут уж решать Марианне, и только Марианне, а она вряд ли выберет того, кто предал Алву.

– Дорогая, – возвестил барон, пропуская гостя вперед, – смотри, кого я привел!

– Эпинэ! – проворковала баронесса, протягивая вперед обе руки. – Вы несносны! Я не видела вас целых два дня...

Восседавшая на юбках хозяйки левретка, разделяя возмущение Марианны, залилась визгливым тьяканьем, но была немедленно подхвачена бароном и выдворена за пределы комнаты. Щелкнул замок, защебетала морискилла.

– Сударыня, – Робер поднес к губам нежные пальчики, на среднем горел присланный им рубин, – прошу меня простить, я пришел, как только смог.

– Драгоценная, – подал голос развалившийся в кресле высокий щеголь, – будьте милосердны! Увы, первые маршалы, в отличие от послов, почти всегда заняты.

– Дорогой Робер, – пропел Капуль-Гизайль, – разрешите вам представить графа Ченизу. Он наш старый друг.

– Рад вас видеть в добром здравии, герцог. – Щеголь поднялся из кресла и отвесил изящный поклон. – А вы изменились... Эта белая прядь надо лбом, она просто великолепна!

Может, и великолепна, Иноходец об этом как-то не думал, но выглядящий как причуда куафера бездельник и невыспавшийся маршал смотрят на жизнь разными глазами.

– Вы раньше встречались? – удивилась баронесса. – Я не знала.

– Очень давно. – Марсель не замедлил чмокнуть ручку красавицы. – Не уверен, что господин маршал меня помнит. В юности я пару раз заезжал в Эпинэ по приглашению брата вашего друга. Мы вместе были в Лаик, потом судьба нас развела.

Да уж, развела... Один лежит в Ренквахе, другой бродит по дамским будуарам и носит камзолы цвета персика.

– Я помню вас, – буркнул Робер, не зная, о чем говорить. За дверью раздалось царапанье и обиженное тьяканье, оборвавшееся звенящим грохотом.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовала Марианна, – это ни в коем случае не разбойники.

– Как сказать! – разволновался барон. – Там моя лучшая ваза. Среднегальтарский период... «Волк Агмарена на террасе Мечей»... Прошу меня простить.

Барон исчез за полускрытой обивочным шелком дверью. В этом доме не поймешь, где настоящая дверь, где – ложная. Баронесса засмеялась:

– Господа, я вас ненадолго покину. Боюсь, Коко потребуется моя помощь или утешение. Будьте благоразумны.

– Разумеется, – пообещал однокорытник Мишеля. Несмотря на полноту, он двигался ловко и изящно. Надо полагать, сказались балы и мистерии.

– Герцог, полагаю, вам следует знать, что Марианна не имеет обыкновения спускаться. Став урготским графом, я мог потеснить талигойских виконтов и баронов, но спорить с герцогом и маршалом не намерен.

– Вы откровенны, – протянул Робер, разглядывая холеное, обрамленное русыми локонами лицо.

– Разумеется, – улыбнулся Ченизу, или как его там теперь, – ведь я же дипломат, а дипломаты, когда нет другого выхода, всегда откровенны.

– Когда вы переедете в свой особняк? – Зачем он спрашивает, не все ли равно, когда сын Валмона займет отцовский дом.

– Мой особняк? – Щеголь знакомо, слишком знакомо поднял бровь. – Вы шутите? В посольстве намного удобней, и потом, став ласточкой, нельзя остаться борзой. Тот, кто этого не поймет, уподобится не собаке, но нелетающей птице. Я имею в виду курицу.

– У вас странная логика, граф, – произнес подхваченную у кого-то фразу Робер, – но она не лишена смысла.

– Еще бы. – Валме усмехнулся и щелчком расправил кружева цвета топленого молока. – Признайтесь, я вам неприятен?

– Неприятен? – переспросил Эпинэ, борясь с искушением согласиться. – Вы были гостем моего брата, сейчас вы посол дружественной державы. Почему вы должны быть мне неприятны?

– Ну, потому же, почему я неприятен Мевену. – Посол Фома ослепительно улыбнулся. – Военные плохо понимают людей, ценящих собственную жизнь, и совсем не понимают тех, кто ценит комфорт. А я ценю, чего и вам советую.

– Марсель! – Золотистая дверца распахнулась, и в комнату ворвался истошный визг, перемежаемый дружелюбным урчаньем. – Марсель! Скорее... Коко не в состоянии спасти Эвро из пасти вашего чудовища...

Глава 6 Старая Придда

400 год К.С. 9-й день Зимних Ветров

1

Крыши, стены, карнизы, шпили ослепительно и весело искрились. Соль в Гальбрэ тоже сверкает, но ее блеск и снежное северное мерцание рознились, как звериный оскал и девичья улыбка. Зимний день в Старой Придде дарил радость, яркую, неожиданную и звонкую, словно в детстве или во сне.

– Я обещал вчера солнце? – осведомился подкравшийся Вальдес. – Обещал или нет?

– Обещал, – честно признал Луиджи, – и тебе поверили.

– Они меня знают, – Кэналлиец удовлетворенно кивнул, – а драться полезней с утра и на свежем воздухе.

– Таким утром уместней стихи писать. – Луиджи запрокинул голову, глядя на облитые светом флюгера. – Одна беда, холодно, долго не простоять.

– Моя бергерская половина с тобой не согласна, а марикулярская уповает на бергерские же одежды. Бери с нее пример и не бойся.

– Я не боюсь, – засмеялся фельпец, – но у тебя одна половина мерзнет, а у меня – обе.

– Я пошлю гонца госпоже Гогенлоэ, и она завалит тебя шерстяными подштанниками. Ради дочерей. – Вальдес подхватил Луиджи под руку и поволок на верхний двор. Там солнца было еще больше, солнца и синева.

– Мы первые. – Луиджи оглядел утоптаный снег и бороду сосулук на карнизах галереи. – Пока все соберутся, я успею...

– Жениться, – услужливо подсказал Вальдес.

– Я тебе четыреста раз говорил, – огрызнулся фельпец, – я никогда не женюсь. После Поликсены я не смогу привязать себя на всю жизнь к какой-нибудь женщине!

– А к мужчине? – шелковым голосом уточнил Ротгер. – Ты меня предупреди, если что, я к дядюшке сбегу.

– Тварь закатная! – с чувством произнес Джильди. Злиться на Ротгера было еще глупей, чем с ним спорить. Адмирал жил, сражаясь и танцуя, любовь для него была такой же нелепицей, как и смерть. Он в них просто не верил.

– Ты полагаешь? – Кэналлиец непринужденно поклонился. – Что ж, всегда к твоим услугам... Когда ты наконец поймешь, что верность – это зола любви? Пока горит огонь, ее нет и быть не может. Остается верность – любовь погасла...

– Ты не любил, – отмахнулся Луиджи, – ты не поймешь.

– Где уж мне, – сверкнул зубами Вальдес. – Любовь – это по части дядюшки Везелли, да продлятся его дни до скончания... тетушки. О, а вот и наши жизнерадостные друзья, как молодые, так и не слишком. А Кальдмеер помолодел... Надо полагать, ему снятся веселые

сны...

Смотреть против солнца всегда непросто, но Луиджи помнил вчерашних спорщиков наперечет, потому и узнал. Генерал Ариго и молодой Савиньяк доказывали, что на дриксенской классике теперь не выехать, а белокурый барон с жутким именем заступился за старую школу. Разумеется, Руппи фок Фельсенбург этого не вынес, а Савиньяк с восторгом вцепился в предложение доказать свою правоту клинком. Теньент с лейтенантом были готовы начать немедленно, но барон объявил, что поздний час и выпитое вино не способствуют выяснению истины.

– Надеюсь, Ледяной поставит на свое отечество в лице своего же адъютанта, – предположил Вальдес. – Иначе зачем бы ему было выползть?

– А ты ставишь на Арно? – предположил Луиджи.

– Нет, я за моряка. – Вальдес по-кошачьи сощурился. – Нас тут слишком мало, а дядюшка Везелли чем дальше от моря, тем несносней. Проиграть тебе золотой?

– Я тоже за Руппи, – признался Луиджи. – Думаешь, Савиньяк сильнее?

– Ну, должен же он поднабраться от братьев, а те – от Алвы. Добрый день, господа. Господин адмирал цурзее, я намерен поставить десять таллов на Руперта фок Фельсенбурга. Вас это не шокирует?

– Никоим образом. – Ледяной Олаф тронул шрам и неожиданно улыбнулся. – Более того, господин вице-адмирал, когда у меня появятся десять таллов, я их поставлю на вас.

– Вас неправильно поймут в Эйрехте, – поджал губы Вальдес. – Хотя на Бермессера я бы не поставил и сосульки.

– Господа Савиньяк и фок Фельсенбург готовы. – Командор явно был человеком дела. – Нужно оговорить условия и, при желании, заключить пари.

– А что тут думать? – удивился генерал Ариго. – Обычный бой до четырех уколов. Затем можно повторить. После перерыва.

– Только шпага? – Арно Савиньяк улыбался совсем как Эмиль.

– Разумеется, – кивнул Ариго, – классика кинжала не предусматривает, что, между нами, свидетельствует не в ее пользу. Я уже говорил, что дриксенская школа – это линарец для парадов.

– Да, Герман, – подтвердил барон, – ты это вчера говорил, но я с тобой не согласен. Я высоко ценю северную школу, которую по недоразумению называют дриксенской. Пять таллов.

– Десять на юг, – сверкнул глазами Ариго. – Ойген, принимаешь?

– Вне всякого сомнения. – Нудного барона звали Ойгеном, но фамилию его Луиджи все равно не помнил. – Кто-нибудь готов к нам присоединиться?

– Десять на господина фок Фельсенбурга. – Вальдес подмигнул Кальдмееру. – Школы, названия... Кому все это надо? Решают люди, а выбирает море.

– Господин Кальдмеер, господин Джильди, – педантично уточнил Ойген, – вы принимаете участие?

– Нет. – Дриксенец опять тронул шрам. – Мне никогда не везло в игре, а знатоком парного фехтования я не являюсь. Я моряк, а не придворный.

– Не судите о придворных по моему дорогому Бермессеру, – потребовал Вальдес. – Луиджи, что скажешь?

– Вы не оставили мне выбора, – засмеялся Джильди, – десять на юг и пять – на море.

2

Плащи и камзолы повисли на перилах галереи странными флагами, ветер, почти незаметный, когда ты одет, шмыгнул за пазуху, стало зябко. Ничего, скоро они согреются, и как бы не слишком.

– К бою, господа! – объявил бергер, и Руппи весело отсалютовал противнику. Он

ничего не имел против этого фрошера, но Ледяной будет рад его победе, а Бешеный ставит не на южанина-соотечественника, а на Фельсенбурга. Это – доверие, а доверие нужно оправдывать. И вообще, не проигрывать же в такой чудный день и при таких зрителях.

Виконт Сэ ответил на приветствие коротко и красиво. Он был уверен в себе и, без сомнения, имел на то все основания. Говорите, юг против севера и море против кавалерии? Вот и посмотрим, чья возьмет, а заодно и поучимся, если будет чему. Талигоец думал так же. Он улыбнулся, тряхнул светлыми волосами и атаковал. Атака вышла короткой и осторожной, но иначе не начинают, конечно, если ты не на линии. Руперт чуть шевельнул кистью, отталкивая клинок противника, и шагнул вперед, ни на что особо не рассчитывая. Еще один обмен приветствиями, не более того... Шпаги весело зазвенели, они были не прочь размяться. Оружие тоже может радоваться и не желать крови.

– Сегодня чудесное утро! – задорно крикнул противник. – Не правда ли?

– А чего вы ждали? – откликнулся Руппи, подгадывая момент для ответной атаки. – Адмирал Вальдес не ошибается.

Талигоец не ответил, было не до того. Сталь отскочила от стали, Савиньяк не заставил себя долго ждать, он стал двигаться чуть быстрее, чем раньше, но это было просто. Пока. Никто не ставит линеал впереди фрегата, никто не выдаст тайный финт раньше времени. Руппи усмехнулся и тоже ускорил движения, пытаясь развернуть противника лицом к солнцу. Скрипел снег, пели, сталкиваясь, клинки, волосы Савиньяка отсвечивали золотом, день начинался просто замечательно.

– У вас верная рука. – Руппи улыбнулся сопернику и всему миру.

– Нам надо чаще разминаться, – кивнул фрошер. Разворачиваться он не собирался, напротив, он хотел, чтобы это сделал Руппи. Не выйдет.

Фок Фельсенбург отступил в тень стены. Два года разницы на палубе значат очень много, но здесь не палуба, а на флоте не до фехтовальных штудий. И все-таки жаль, что их не видят отец, бабушка Штарквинд, Зепп... Зепп и не увидит!

Руппи рванулся вперед, контратака вышла отменной. Савиньяк промешкал, защитный колпачок коснулся белой рубашки.

– Туше! Браво! – блеснул зубами виконт Сэ. Он не убивал Зеппа, это сделали в Эйрехте. Те, кто соврал про Альмейду, кто вынудил кесаря напасть на Хексберг. Предательски напасть...

Сталь сверкнула совсем близко, но Руппи чудом успел парировать. Во время боя думай только о бое, даже если противник не враг. На тебя смотрят, так покажи, чему тебя научили. Лейтенант флота его величества качнулся вбок, уходя с линии удара, и перешел в контратаку. Не вышло. Шпага встретила неожиданно жесткую защиту, нога оскользнулась... Руппи лишь слегка занесло, но Савиньяку хватило и этого.

– Один на один, – возвестил Райнштайнер, и Руппи бросил сопернику:

– Поздравляю!

– Благодарю. – Талигоец лихо сунулся вперед и угодил на тот же вертел... Ну, или почти на тот же. Море вновь было впереди, но два – это не четыре. Дальше придется труднее. Уйти в оборону? «Терпи, защищайся, изучай противника». Старое правило. И верное. Рано или поздно фрошер не выдержит и подставится, иначе просто не может быть!

При нападении трудно не раскрыться, очень трудно... Особенно если ты не мастер клинка. Но попробуй не нападать, когда вокруг снег, солнце, ветер, смех, синие тени... Разве удержишься? Руппи и не удержался. Клинки сталкивались все чаще, становилось жарко, вошедший в азарт фрошер пробовал удар за ударом, два раза повезло ему, один раз Руппи.

– Три на три! – Это не бергер, это Бешеный. – Ну же!

Вперед, но противник уходит... Что-то затеял? Точно! Пока они равны, но придет время и для секретов. Перехватить руку и приставить к горлу шпагу, как показывал мэтр Шиффер... Лицо Руппи горело, по спине бежали мурашки. У фок Фельсенбургов были лучшие в Эйрехте учителя, но Савиньяки фехтуют с Вороном. Чужая шпага наклонилась вниз – целит в бедро? Решил обмануть? Тогда что? Бок? Грудь? Плечо?!..

Хватит гадать, не до того! Фрошер атаковал. Руперт поймал начало движения и ушел от удара, но не назад, а вперед, проворачиваясь вправо. Теперь «провести» руку виконта мимо себя... Проклятье! Южанин знал этот фокус. Правда, и фрошер не успел нанести удар, Руппи уже отскочил в сторону! Ничего, у нас в кармане есть и другие кости! У виконта Сэ тоже, иначе какой же он Савиньяк!

Виконт словно услышал, досадливо тряхнул головой и атаковал серией быстрых коротких ударов, оборвавшейся внезапной паузой. Руппи ей не воспользовался. Лейтенант не двинулся с места, удовлетворенно глядя, как ждавший контратаки чужой клинок, оставшись без добычи, повисает в воздухе. Стало весело, еще веселей, чем было. Лейтенант зачем-то свистнул и бросился на противника.

Эту комбинацию он берег напоследок, но тянуть и дальше стало просто невыносимо. Два обманных движения, ложный выпад, быстрый перевод вниз и неотразимый укол прямо в грудь. Любимый прием мэтра Шиффера должен был принести победу! Он и принес, но не Руппи. Наследник фок Фельсенбургов не успел ничего понять, а его груди коснулась чужая сталь.

– Три на четыре, – спокойно объявил Райнштайнер, – север проиграл югу, а море – суше.

– День только начинается. – Бешеный запустил камзолом в генерала Ариго и перемахнул через перила галереи.

– Мой дорогой родственник кесаря, – строго сказал он, – вам надо или сменить учителя, или лучше отрабатывать полученные от него уроки. То, что вы пытались сделать, делается так... Рапиру!

3

– Рапиру! – потребовал Вальдес, и Руперт, чьим бы он родичем ни был, отдал. Дриксу было интересно, Жермону тоже. О похождениях Вальдеса на море генерал был наслышан, да и личная встреча с племянником Вейзеля не разочаровала, но одно дело – прыгать по мачтам и ходить на бордаж, и совсем другое – одиночный бой. Ариго в юности фехтовал, и неплохо; Торка научила многому, но времени для шлифовки старых навыков оставалось мало до безобразия.

– Савиньяк, вы готовы?

– Да, господин вице-адмирал.

– Отлично! – Вальдес подмигнул то ли Кальдмееру, то ли всем сразу и змеей скользнул к Арно. – Здесь – лишний шаг... потеря темпа... здесь – далеко вытянул руку...

Марикьяре резко остановился, загубив на корню встречный удар, извернулся и сделал выпад. Савиньяк попытался уйти, но моряк был проворней. Один! Вторая схватка заняла на пару мгновений больше.

– Два! – объявил бергер, и Жермон понял, что Ойген увлечен поединком не меньше других. Внизу весело блеснули клинки. Арно ушел в защиту, Вальдес прыгнул в сторону, развернул противника против солнца и опять пустил в ход прием Руперта. Но провел его безупречно и неотвратно. Три... Савиньяк решился на контратаку, но его уже ждали. Четвертый укол – и конец поединка... Дерись Вальдес всерьез, все бы кончилось еще раньше.

Победитель поймал клинком солнечный зайчик и сунул шпагу хозяину.

– Не теряй темпа, – потребовал он, – не тяни слишком далеко руку, и вообще, кто много финтит, сам путается.

– Очень разумное замечание, – согласился Ойген, – и очень наглядный урок. Надеюсь, господин фок Фельсенбург его усвоит.

– Только он? – Адмирал усмехнулся, подставляя разгоряченное лицо ветру. – А остальные как же? Вам не кажется, что спор не разрешен?

– Вы хотите что-то предложить, – уточнил Райнштайнер, – что-то конкретное?

– Не «что-то», а себя, – поклонился Вальдес. – Господа, неужели ни у кого нет желания продолжить? Луиджи, покажем живущим на суше что-нибудь веселое?

– Я не силен в дуэльном фехтовании, – развел руками фельпский капитан. – Даже первая пара для меня была слишком хороша. По крайней мере, на твердой земле и не на абордажных саблях.

– Итак, ты мне отказал. – Ротгер капризно топнул ногой, и Жермон невольно рассмеялся. – Я страдаю. Придется удалиться к дядюшке и выслушать что-нибудь о смирении. А тетушке я куплю розовый атлас...

– Не удаляйтесь. – Ариго сунул плащ и шляпу Ойгену и сбежал вниз. – Я, как вы понимаете, живу на суше и всегда рад размяться.

– Мы пойдем друг друга, – заверил Вальдес, – а тетушка подождет.

– К вашим услугам! – Жермон с удивившим его самого наслаждением ощутил в руках эфес. Адмирал нравился Жермону все больше, но его следовало победить. Ради Торки, Гельбе, далекой Эпинэ, кавалерии, пехоты и этого вот зимнего утра.

– Взаимно. – Ротгер Вальдес вновь поймал солнце в приветственном салюте. – Луиджи, одолжи господину адмиралу цурзее десяток золотых.

– Охотно, – махнул рукой фельпец, и тут что-то, весьма похожее на молнию, сорвалось с места и рванулось к Жермону. Ариго не успел ничего разобрать, а чужой клинок, стремительно обойдя защиту, достал его правый бок. Вальдес фехтовал, как и шутил, – метко и неожиданно.

– Один, – отсчитал Райнштайнер, словно кто-то не заметил, и Жермон усмехнулся. Кэналлиец решил обойтись без разведки, а он промешкал, как последний тьюфак, но радости это не убило, напротив! Генерал сощурился и попробовал атаковать сам... Комбинация была надежной и испытанной. Нет, Ариго не промедлил, но моряк перехватил атаку на первом же движении и контратаковал «в темп». Ни увернуться, ни закрыться не вышло. Кто-то крикнул «два», и мир распался на снежную площадку и все остальное, неважное и ненужное.

Жермон и раньше двигался быстро, а теперь удвоил скорость, не забывая об обороне. Вальдес пошел вперед, но атака вышла какой-то небрежной. Что ж, тем лучше! Принять чужой клинок на сильную часть своего, резко отбросить и тут же ударить... В этом у Ариго соперников было мало, по крайней мере в Торке. Жермон четко взял защиту, обманув моряка притворным отходом. Теперь – укол в грудь. Есть!

– Bravo, генерал! – крикнул Вальдес. – Bravo!

Радостно запела сталь, засмеялся и потеплел ветер, что-то зазвенело, а свет стал еще ярче. Жермон отбивал удар за ударом, но ответной атаки не получалось, Вальдес был быстрее, он ни разу не раскрылся и не повернулся так, как хотелось. Похоже, и впрямь видел все на ход вперед. То ли по движениям читал, то ли просто угадывал – такое бывает.

Легкость и стремительность моряка затягивали, но не злили, а вводили в азарт, заставляя стать жестче, хитрей, стремительней. Жермон отступил на длину рапиры, шагнул вбок, якобы намереваясь развернуть соперника, и бросился вперед, но лишь повторил «успех» Руппи. Вальдес в который раз угадал, Жермон увидел клинок адмирала за мгновение до того, как тот коснулся его груди.

– Разрубленный Змей! – рявкнул генерал, но не отступил. Все еще не ставшая злостью веселость требовала выхода, а смеющийся противник был совсем рядом. Собственно, только он и был. До победы Вальдесу оставалось всего-ничего, но Жермона это больше не волновало. Главным был бой – и еще радость от разогнавшего тучи ветра, стука собственного сердца, солнца на клинке. Как много сегодня света, словно весной!

Скрип и синяя тень на снегу... Вальдес на этот раз был не столь стремителен... Генерал отразил сильный прямой удар и атаковал по нижнему уровню. Моряк парировал, и бело-синяя звенящая карусель завертелась снова. Атаки, ретирады, парады, контратаки, все по кругу, все, как прежде, или нет? Вальдес не нажимал. После третьего успеха он заскучал?

Нет! Ротгер на миг замер в солнечном сиянии и обрушился на Жермона с удвоенной

силой. Пришлось отступить. И еще раз, и еще. На пятом ударе марижыре Ариго промешкал. Совсем немного, но этого хватило. Последний, четвертый, укол пришелся в бедро.

4

– Герман, мне кажется, ты избрал неправильную тактику для сражения с таким соперником, – приветствовал вернувшегося генерала барон Райнштайнер. – Она не могла принести победы и не принесла.

– А какая бы принесла? – Если Ариго и досадовал на поражение, то по нему не было видно. Руппи подозревал, что сам он держался хуже.

– Мне тоже интересно, – усмехнулся Бешеный. – Ойген, покажете нашим дриксенским гостям, как со мной обращаться?

– Господин вице-адмирал, я это сделаю с радостью, как только вы отдохнете. – Барон поклонился. Скорее всего, он был достойным человеком, но бергер есть бергер, а этот к тому же напоминал принца Фридриха. К счастью, только внешне, иначе в Старой Придде было бы слышно только Ойгена Райнштайнера.

– Не беспокойтесь, – заверил Вальдес, обтирая лицо взятым с перил снегом, – я не устал.

– Вы уверены? – Слишком много вежливости то же, что слишком много сахара. Хочется плюнуть и заесть солью. – Во время поединка противники должны находиться в равных условиях, – назидательно произнес бергер. – Это вариты считают возможным вызвать уставшего победителя сразу же после боя.

– Это имеет какое-то отношение к спору моря и гор? – Ледяной заговорил так неожиданно, что Руппи растерялся. – Если да, то я и господин Райнштайнер одинаково свежи.

– Не могу согласиться. – Райнштайнер показал крупные зубы, то ли улыбнулся, то ли оскалился. – Вы, господин адмирал, еще не оправились от раны, поэтому не сможете действовать в полную силу, а это, в свою очередь, не позволит установить истину в нашем споре.

Ледяной не может драться, но не ответить этому бергеру?! Немыслимо. Руппи сунулся вперед, но был схвачен за локоть.

– Я отдохнул, – весело объявил Бешеный, – но, слушая о варитах и агмах, снова начал уставать. Барон, не спустится ли нам?

– Ничего не имею против, – барон Райнштайнер аккуратно освободился от плаща, шляпы и мундира, – но должен заметить, что пренебрежение к прошлому, в том числе и в вопросах фехтования, является огромной и очень опасной ошибкой.

Вальдес не ответил, глядя на увенчанные флюгерами башни. Зачем его понесло в Придду с пленными? Только ли для того, чтобы лично доложить регенту Талига о сражении, или он опасался таких вот бергеров? Денег не было, и Руппи снял кольцо с изумрудом.

– Виконт Сэ, я ставлю на вице-адмирала Вальдеса.

– Я тоже, – улыбнулся талигоец. – Вы не против завтра поработать над тем, что мы сейчас увидели?

– Буду рад. – Отступившая перед Райнштайнером радость вернулась. – Последний год мне не везло с тренировками.

– Мне тоже, – признался виконт, – война ужасно отвлекает...

Руппи не выдержал и засмеялся, талигоец последовал его примеру, и тут внизу блеснули клинки. Вальдес начал со стремительной атаки, бергер отступил, выйдя из-под удара. Бешеный атаковал снова, Райнштайнер качнулся вправо и замер на почти прямых ногах, вытянув руку с клинком чуть ли не параллельно земле. Он никуда не спешил и даже не думал нападать, а держа дистанцию, двигался по кругу, лишь иногда шевеля шпагой. Это была глухая оборона, самая глухая и скупая из тех, что видел Руппи. Ни широких размахов, ни обманных движений, ни контрвыпадов. Нечего угадывать, нечего перехватывать, никакой

возможности для контратак. Просто, скучно и надежно.

– Вот зануда, – шепнул виконт Сэ, – спятить можно.

– Бешеный его разбудит, – пообещал Руппи, не отрываясь от площадки.

В отличие от Ариго, Райнштайнер не ввязывал в долгий обмен ударами, раз за разом отходя. Вальдес двигался все быстрее, но бергер как-то умудрялся сохранять дистанцию, с каменной физиономией парируя удары. Больше он не делал ничего!

– Если б не Ротгер, – предположил фельпский капитан, – они бы замерзли, да и мы вместе с ними.

– Вице-адмирал Вальдес не станет ждать, пока противник сделает хоть что-нибудь, – согласился Ледяной, – это не в его характере. Он атакует сам, вернее, пытается. Сейчас это трудно...

Корабли похожи на людей, а люди на корабли. «Закатная тварь» всегда была охотником. Бешеный не оставлял попыток достать противника. На месте бергера Руппи уже восемь раз бы сорвался или промешкал, но барон кружил по площадке ничуть не медленнее Вальдеса, не теряя ни равновесия, ни готовности отразить удар. Клинок адмирала раз за разом натывался на клинок бергера, ветер налетал на скалу и отступал, чтобы броситься снова. И вновь отпрянуть назад.

– Безупречная защита! – пробормотал Ариго. – Безупречнейшая...

– Мы все-таки замерзнем, – мрачно предрек фельпец, – надо было хоть время оговорить.

– Я бы попытался обработать его клинок, – заметил Кальдмеер. Зрелище проняло даже его.

– Давно пора! – со знанием дела объявил Арно Сэ. – Отвести в сторону, а еще лучше поймать в угол между своим клинком и гардой...

– Чего уж проще! – усмехнулся генерал Ариго. – Ты неплохо усвоил теорию, дело за малым... Надо полагать, командор тебе в поединке не откажет.

Теньент не слышал. Перевесившись через перила, он сосредоточенно наблюдал за боем. Ариго переглянулся с Ледяным и засмеялся. Кружение внизу продолжалось. Вальдес в очередной раз пошел вперед, бергер закрылся и отступил. Моряк продолжил атаку. Все это уже было, и не по одному разу.

– Сейчас закроется, – уныло предрек капитан Джильди.

Руппи пожал плечами, бергер честно закрылся и отступил, Бешеный сделал новый выпад, Райнштайнер уклонился в сторону, его шпага змеей рванулась под атакующую руку.

5

В последнюю долю секунды Вальдес как-то извернулся всем телом, и клинок Ойгена скользнул мимо, едва задев ткань сорочки. Вальдес пошатнулся и то ли упал, то ли бросился на землю, откатившись в сторону и тут же вскочив на ноги.

– М-да, – сказал он, – барон, а вы меня и впрямь удивили. Подумать только, ведь мы могли и не встретиться.

– Вы меня тоже удивили, господин вице-адмирал, – не остался в долгу Ойген. – Я весьма рассчитывал на этот удар. Герман, вам следует учесть, что осторожность и выдержка в поединке со столь быстрым противником определяют многое, но не все.

– Сейчас мы определим еще что-нибудь, – посулил моряк и пошел вперед. Гораздо осторожнее, но пошел. Танец по двору продолжался, и понять его Жермон не мог. Нет, он видел, как противники кружат по площадке, как короткие молниеносные схватки сменяются паузами, а бергер и маркизье замирают друг против друга, чтобы вновь скрестить клинки, но видеть не значит понять. Братья Ноймаринен были понятны, как и полузабытые столичные соперники, и офицеры, с которыми Ариго в шутку или всерьез скрещивал клинки,

но быстрота, точность и чутье адмирала были чем-то невиданным. Устоять против него мог только кто-то вроде Ойгена. А победить?

Обороняться до бесконечности невозможно. Можно не атаковать самому, но угрожать противнику придется. Если не угрожать, к тебе просто подойдут и заколют...

— Bravo! — похвалил соперника Вальдес и бросился вперед, пробуя «завязать» чужой клинок. Барон быстрым кистевым движением освободил свою шпагу. Моряк резко остановился и засмеялся. Ему было весело, очень весело. Барон сохранял невозмутимость. Эти двое были равны. Казалось, они могут вести бой до бесконечности, и ничего не изменится. Жермон прищурился, пытаясь хотя бы запомнить. Поражение не обидело и даже не огорчило, а зацепило. Вальдес победил честно, но чем он брал? Быстрота быстротой, но этого мало...

Схватиться с ним еще раз завтра или послезавтра? Припомнить все, что было, обдумать и попробовать снова? Но все происходит слишком быстро, рисунок боя размыт, а мир расплывается, дрожит, словно между тобой и бойцами бьет горячий источник. Сквозь изменчивое марево проступают легкие фигуры, сначала смутные, они становятся все четче... Их двое, они...

— Сударь, вам нехорошо?

— Нет, Арно, с чего ты взял?

— Вы так смотрите...

— Закатные твари, я хочу понять, что они творят!

Облитые солнцем стены, флюгера, дальние шпили обрели прежнюю четкость. Белый снег, синие тени, ветер, блеск, звон клинков... Ойген все еще в глухой обороне, все так же безупречно рассчитывает дистанцию... Похоже, при парировании вся сила его тела сосредоточена в руке с клинком... А Ротгер сейчас начнет атаку. Точно! Скользит вперед правая нога, шпага стремительно рассекает воздух и... замирает. Неожиданно. Резко. А сам адмирал по-кошачьи отпрыгивает назад. Тишина. Ветер весело кружит серебристую пыль, смеется солнце, под сапогами Ойгена скрипит снег...

— Вы собрались преподнести мне маленький сюрприз, — смеется Вальдес, — или мне показалось?

— Ваши опасения, господин вице-адмирал, были вполне обоснованы. — Ойген церемонен, как всегда. — Примите мои поздравления.

— Охотно. — Моряк улыбается и атакует, ему весело, ему хочется еще раз удивить Ойгена, он обязательно это сделает, обязательно! А хорошо бы как-нибудь удивить их обоих...

6

Поединок продолжался, марижаре стал еще осмотрительней, бергер — еще быстрее. Вальдес раз за разом пытался обработать клинок барона, бергер выкручивался, вынуждая противника замирать чуть ли не в пальце от закрытого колпачком острия. Удачи не добился никто. И не добьется, разве что у кого-нибудь подвернется нога, но случайная победа — не победа. По крайней мере, сегодня.

— Они оба первые, — негромко сказал Кальдмеер, — но Райнштайнером можно стать, а Вальдесом нужно родиться. Руппи, постарайся это понять.

— Господин адмирал, — вспыхнул Руппи, — я уже родился Фельсенбургом.

— Было бы неплохо, если б ты возобновил тренировки, — адмирал и не думал смотреть на покрасневшего адъютанта, — последний год ты слишком много был в море.

— Я уже договорился с виконтом Сэ. — Руппи вновь выглядел довольным. — Мы начинаем завтра.

Они с Муцио тоже развлекались со шпагами... И с девушками, а потом Скварца

влюбился в Франческу Гампана и женился. Друг был счастлив почти год... Теперь Франческа одна, и он один, сколько б ведьм его ни целовало. Было две любви, осталось два пепелища.

– Еще два круга, и я их разгоню. – Генерал Ариго подкрутил усы и усмехнулся: – Иначе торчать нам тут до ночи.

Луиджи глянул вниз. Ничего не изменилось, разве что рубахи соперников взмокли от пота. Вальдес откровенно наслаждался, барон сохранял невозмутимость. Заканчивать они явно не собирались.

– Господин генерал! – Запыхавшийся суб-тенъент выскочил из-за угла иглой из гайифской шкатулки. – Монсеньор срочно требует вас, командора Райнштайнера и тенъента Сэ.

– Забирайте. – Жермон Ариго перевесился через перила. – Ойген, Вальдес, заканчивайте! Приказ герцога!

Барон кивнул и опустил рапиру первым. Разогнавшийся Вальдес вполголоса ругнулся и протянул командору руку, которую тот и пожал самым торжественным образом.

– Это был хороший поединок. – Так говорят об удачном блюде, впрочем, бергеры в еде так же серьезны, как и в бою.

– Хорошо, но мало, – хохотнул Вальдес. – Но мы еще продолжим. А что за спешка?

– Регент требует! – крикнул Ариго и повернулся к суб-тенъенту: – Вы знаете, в чем дело?

– Да, господин генерал. Прибыл человек, называющий себя герцогом Приддом. Он предъявил подорожную, подписанную маршалом Алва. Сейчас гость в приемной герцога. Монсеньор желает, чтобы вы присутствовали при разговоре.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ «Мир» ⁹

Только зная наперед свою судьбу, мы могли бы наперед поручиться за свое поведение.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1 Тронко. Надор

400 год К.С. Вечер 9-го дня Зимних Ветров

1

На пороге стоял кабан, можно даже сказать, вепрь. В оллариианской сутане и ботфортах со шпорами. Рыла с того места, где сидела Матильда, было не разглядеть, но широченные плечи, достойный их зад и стоящая дыбом щетина впечатляли. Ее высочество восхищенно охнула. Кабан развернулся, рыла у него не оказалось, вместо него торчал внушительный, в пору хоть алату, нос, от которого двумя волчьими хвостами расходились черные с

⁹ Высший аркан Таро «Мир» («Венок») Le Monde. Карта символизирует покой души после долгих испытаний, освобождение от привязанностей и оков, возвращение домой, достижение цели, обретение высшего знания, достижение гармонии с миром. В некоторых случаях – благосклонность окружающих, официальное признание. Это перемены, дальняя дорога. Что-то должно заявить о себе: рождение, смерть, начало, конец. ПК: время для перемен к лучшему еще не наступило, добиться желаемого невозможно. Может означать успех, омраченный разочарованием, возможно, потерей любви. Это крупная неудача, непонимание очевидного, отсутствие способности или возможности развития.

проседью брови. Щек, лба и подбородков, впрочем, тоже хватало.

– Это и есть овца заблудшая, но изловленная? – спросил оллариянец и почесал нос. – Хороша без меры!

– Не знаю, где здесь овца, – с достоинством произнесла принцесса, – но лично я вижу хряка.

– Сударыня, – пояснил откуда-то из-за кабаньей спины Дьегаррон, – разрешите вам представить его преосвященство Бонифация, епископа Варастийского и Саграннского.

Принцесса хмуро оглядела ввалившееся чудище. Вблизи святой отец выглядел не лучше, чем издали. И это после Адриана и Левия...

– Я принадлежу к эсператистской церкви, – отрезала Матильда. – И не собираюсь на старости лет впадать в ересь.

– Не гневи Создателя! – потребовал незваный гость, нагло разглядывая сестру алатского герцога. – Тебе до старости, что из Тронко до моря Холтийского на своих двоих, ибо что для чахлой пажити – осень, для тучной – лето, и колоситься ей до снегов к радости пахаря.

Кто бы говорил о тучности, а это брюхо с бровями могло бы и помолчать!

– Генерал, – церемонно произнесла Матильда, – вы просили обращаться к вам, если у меня возникнут затруднения. Они возникли. Уберите этого еретика из моей столовой или дайте мне пистолет.

– Сожалею, сударыня. – Дьегаррон с трудом сдерживал усмешку, так что два пистолета было бы в самый раз. – Но я не могу поднять руку на духовную особу. К тому же после раны мне с ней не справиться.

– Не предавайся самообману, чадо, – пророкотала духовная особа, шаря взглядом по комнате, – ты не управился бы со мной и будучи здоровым.

– Не могу сказать наверняка, так как не пробовал, – блеснул глазами генерал, – но и вы в таком же положении.

– Нет равенства меж смотрящим с горы и блуждающим в низине. – Толстяк запустил лапу в карман и извлек оттуда монету. – Подняв руку на пастыря своего, ты был бы посрамлен и унижен, как унижится презренный металл в руках бескорыстных...

Епископ сжал пальцы, красная рожа стала вовсе багровой. Запахло пережаренным луком и касерой.

– Маркиз, – светским тоном осведомилась принцесса, – вам не кажется, что становится душно?

Дьегаррон пожал плечами. Искореженная монета шлепнулась на скатерть, Матильда не сразу узнала кобрий ¹⁰ его величества Дивина. Непристойно изогнутый павлин надменно тыкался носом в собственный хвост.

– Так и будет! – возвестил епископ. – А теперь отвечайте, дети мои, и ты, душа заблудшая, отвечай. Пили ли вы сегодня или же провели день в праздности и тоске мерзопакостной и неподобающей?

2

Вечер мало отличался от дня: та же воющая серая мешанина за стенами, те же пляшущие по стенам тени, горечь загоняемого ветром назад, в трубы, дыма, назойливые собачьи плачи, сквозняки и тоска. Вьюга не унималась шестой день, заваливая Надорские холмы сухим, колючим снегом. Во дворах еще можно было дышать, но выбравшийся из-за прикрытия стен рисковал задохнуться или, того хуже, быть заживо похороненным. Это понимала даже Айрис, впрочем, молодая герцогиня к здешним буранам привыкла. Сменившая гнев на милость в отношении южанок Хетер клялась, что в день рождения Айри

¹⁰ Гайифская медная монета.

мело еще хлеще, а старый Джек, вопреки песьим пророчествам вставший на ноги, вспоминал бурю, обрушившуюся на Надор в год смерти старой герцогини. Тогда мело без передышки больше месяца, но Луизе с лихвой хватило и недели.

– Мама, – одетая для ужина Селина отложила щипцы для нагара и вздохнула, – Джек говорит, вьюга не кончится еще дня три.

– Да хоть восемь, – бодро улыбнулась Луиза. – Лучше снег, чем мороз. Метель снаружи, а холод в любую щель пролезет, ну а дыр тут, сама видишь... Не замок, а решето!

Дочка погладила жемчуг на шее и промолчала. Скучает по Левфожу или просто не по себе? Лучше бы скучала...

– Мы с тобой никогда такой зимы не видели, – капитанша деланно зевнула и поднялась, – вот и заскулили. У меня шнуровка разошлась, посмотри, пожалуйста.

– Сейчас.

Госпожа Арамона повернулась спиной к дочери и уткнулась взглядом в окно. Джоанна каждое утро честно открывала внутренние ставни, но сегодня это явно было лишним. Нет, Луиза ничего не имела против снега, когда тот лежал смирно или лениво кружил в свете фонарей, но кипящее серое варево пугало. И еще пугала моль, вернее, ее отсутствие.

Проклятые серые бабочки в один прекрасный день принялисьдохнуть и сдохли все до единой. Замок словно запорошило серым пеплом, и ничего хорошего в этом не было, как и в проклятуших псах, которых по случаю ненастья пустили на кухню и в конюшни, а поганцы скреблись в двери и выли, тревожа лошадей.

– Это волки, – объясняли слуги, – подобралась близко к замку и справляют свои свадьбы.

Луиза выходила на двор и слушала – сквозь свист ветра и впрямь прорывались дальние голоса. Возможно, это были и волки, но четыре свечи в спальне госпожи Арамона и в комнатах Айри и Селины не гасли ни днем ни ночью. Надорцы терпели: то ли привыкли, то ли сами боялись.

– Мама, – объявила Селина, – тебе показалось. Все в порядке.

– Ты уверена? – Разумеется, в порядке, Эйвон всегда затягивает на совесть, но дочке нечего смотреть в угол и теребить ожерелье. – Айрис на конюшне?

– Да... Мама!

– Успокойся, это что-то свалилось, – быстро сказала капитанша. – Что-то тяжелое... Похоже, на лестнице. Там пропасть всякой дряни железной...

Второй удар был легче, третий казался таким же, как и второй. Пол слабо задрожал, но как-то странно, словно по лестницам прокатился чугунный шар, замер и вновь застучал, глухо и сильно. Можно было подумать, что внизу пляшут, но кто бы в Надоре посмел веселиться, да еще в час вечерней молитвы? Луиза вышла на середину комнаты и прислушалась. Стук не ослабевал, но и не усиливался. За облезлыми шпалерами что-то с шуршанием осыпалось, под крышей трещало, с кресла на пол один за другим падали клубки – алый, розовый, зеленый...

– Сударыня! – Влетевшая Джоанна была бы смешной, если б под этот треск и уханье можно было смеяться. – Сударыня... Он там! В Гербовом зале... Там!.. Туда пошло... Наверное... Ой!

– Кто? – Айрис с лошадьми, Мирабелла – в церкви, а где Эйвон?

– Он, – выдохнула Джоанна, – он... Невепрь!

– Не вепрь? – переспросила Луиза. – А кто? Баран? Болван? Выходец? Бери четыре свечи и пошли. Селина, сиди здесь.

– Нет. – Дочка опомнилась раньше прислуги, еще бы, она же видела... Дважды – и в Кошоне, и в Багерлее. – Я с тобой... Я умею!

Умеет она! Арнольд едва не разнес дверь, что же может натворить явившийся с того света почти святой... Только что-то благородный Эгмонт домой не торопился. Или захаживал, просто чужие не знают?

Лестница трещала и скрипела, редкие светильники уныло раскачивались, сзади охала

камеристка, на кухне выли. Откуда-то выскочил Эйвон, пристроился рядом. Если Джоанна и догадалась, то не скажет, а остальные? Пол дрожал все сильнее, но идти было можно, так идешь по мосту, на котором пляшут пьяные возчики.

Луиза пошла быстрее, потом побежала. Проклятье, в этом умоленном кубле рябины и той нет, остаются свечи и слова, только бы не спутать!

– Селина, ты помнишь?

– Да, мама, – заверила на бегу дочь, – да, помню...

Двери в Гербовой зал были распахнуты, словно во время приема. На пороге замерла Айрис в мокром плаще. Только ее здесь и не хватало...

– Не входите! – взвыла Джоанна. – Сударыня, не входите!

– Я войду. – Эйвон обнажил шпагу – надо же, пригодилась! – и исчез в топающей темноте. Луиза торопливо зажгла свечи, первую выхватила Айри, вторую взяла Селина, третью капитанша сунула служанке:

– Хватит клацать зубами!

– Невебрь, – пробормотала Джоанна, но взяла. Луиза шагнула за порог, и мрак рассеялся, а может, она сама превратилась в кошку. Грохотало, пахло гарью, серый сумрак мешался с пылью, что-то сыпалось с потолка – какое-то сухое крошево. Луиза подняла свечу, золотой язычок не помогал, но и не мешал. Заполнившей Гербовой зал сизой полумгле было все равно, как и тому невидимому, что то ли плясало, то ли просто скакало по отчаянно скрипящим доскам над лежащим Эйвоном. Луиза рванулась вперед, бесполезная свеча погасла, Ларак глухо застонал и встал на четвереньки. Слава Создателю, жив!

Госпожа Арамона хлопнулась на колени рядом с любовником, тот забормотал что-то невнятное и затряс головой. С пистолетным треском лопнула доска, в ноздри, в горло, в глаза набилась застарелая пыль, навернулись слезы, Луиза отчаянно чихнула, зажмурилась и увидела... Нет, это не было выходцем, это вообще не было ничем. Больше всего оно походило на копну черной свалявшейся шерсти.

Черное, бесформенное, мягкое, без головы и без хвоста, но с четырьмя раздвоенными копытцами, алыми, словно натертыми киноварью, оно угрюмо прыгало на одном месте, грохая по разошедшей древесине. Тупые удары разносились по замку, а вообразившая себя барабанщиком тварь и не думала униматься. Луиза затрясла головой и раскрыла глаза. Черная копна пропала, остался грохот и сидящий на полу Эйвон. Из носа у него шла кровь.

– Ураторе Кланние, – зашипело сзади, – те урсти пентони меи нирати...

Капитанша оглянулась и увидела Мирабеллу, воздевшую серые лапы.

– О, Деторе, – продолжала требовать герцогиня, – взаон тенни мэ дени взати!..

Невебрь, однако, убираться не спешил, нападать, впрочем, тоже, грохал себе и грохал. Эйвон запрокинул голову и шмыгнул носом. Селина тянула вперед свечу, Айрис, вцепившись в руку подруги, глядела вперед остановившимися безумными глазами. Ритмичные стуки сплетались с собачьим воем, как барабан с флейтой, сухим снегом летела труха, зал наполнялся молчащими людьми. Луиза узнавала встрепанных слуг, даже не пытавшегося молиться Маттео, толстую Аурелию, загородившего кузину Реджинальда... Обитатели Надора жались к стенам, а нечисть продолжала свое дело, начхав и на эсператистскую святость, и на Селину с ее свечкой. Истошно завопила какая-то дура, со стены шмякнулось что-то фамильное, с треском лопнула еще одна доска.

Луиза прикрыла глаза – и косматый прыгун тут же предстал во всей своей красе. Капитанша уперла руки в бока, словно перед ней был покойный Арнольд, и, не открывая глаз, шагнула вперед, заорав прямо в скачущую черную жуть:

– А ну пошла вон, подлая, четыре Скалы тебе на башку! Чтоб тебя четырьмя Ветрами разнесло...

Матильда не поняла, хотя генерал мог бы и попрощаться. Сам же говорил, что высочайшая особа остается таковой, даже выйдя замуж за слюнявого красавчика. Кэналлийские генералы, они такие, наговорят комплиментов и в кусты... Ну и пусть проваливает, все равно не шад и не Эсперадор...

– Гица!.. Гица, зайчатина стынет!

– Налей лучше... Ты Бочку промял?

– А как же...

– Дщерь моя, пия зелие, не забывай про хлеб и мясо, грех это и неразумие...

Епископ! Надо же... До сих пор не убрался, ну и пусть сидит, у него брови смешные. А Бочка в порядке, уж это-то она помнит. Лаци пришел и сказал, еще светло было.

– Бочка – молодец, – объявила ее высочество. – Давай мясо, только чтобы без имбиря!

– Гица, нет никакого имбиря! Хоть стреляй, нет, только перец и чеснок.

Верно, нету! И париков нет, и камеристок, и прочей сволочи!

– Ненавижу! – возвестила ее высочество, вгрызаясь в зайчатину. – Уроды... Понаползли на мою голову... Все драгоценности на них спустила, а они жрали и ныли, ныли и жрали...

– Ум и сила дарованы Создателем, – прогудело над ухом, – да не возропщут обделенные дарами Его.

Как же, не возропщут они! В Тарнике над камином красовалась картина. Пастушка в веночке целовала ягненка, из кустов подглядывал пастух. Слюнявая бело-розовая радость, Анэсти был бы в восторге. Вот уж кто только и делал, что роптал и скулил, но хоть без вреда. Поселянка в веночке, теплый уголок и стая подпевал, вот что было ему нужно. Альдо хочет больше, Альдо хочет все.

– Ничего ему не обломится, – посулила внуку любящая бабка. – Ни меча, ни Силы, а ума и совести и так нету, Эрнани другим был, а этот... Дурь дедова, шлея под хвостом моя, только девчонку жалко... Влюбилась, твою кавалерию! В принца с голубыми глазками...

– Девицам красота мужская, что мухам мед, – посочувствовал олларианец, но он был не тот.

– Это не ты был со мной на кладбище, – в упор сказала Матильда, – и с жеребцами говорил не ты!

– Пастырю неуместно со скотами разговаривать. – Святой отец покачал головой и вздохнул, пламя свечей испуганно пригнулось и заходило ходуном. – А на кладбище тебя провожать я погожу. Прежде долг мой велит обратить заблудшую, доест сие мясо и допить вино.

– И почему, Лаци, ты не стал епископом, – удивилась принцесса, разглядывая доезжачего и клирика сквозь полный стакан, – был бы и у тебя долг перед зайцем в сметане.

– Не кощунствуй! – потребовал Бонифаций и во всю пасть зевнул. – Еретиков, а особенно еретичек, обращать надо, чтоб во тьме не блуждали...

– Я и поблуждать могу, – хмыкнула Матильда, – мне нетрудно.

– Тебе нетрудно, – согласился Бонифаций. – Враг, он под горой сидит, и путь к нему легок, а к Создателю идти что в гору лезть. Обдерешься да запыхаешься...

– А где горы? – Матильда зло уставилась в темное окно. – Нет тут никаких гор, а еще говорит...

– Гица, – Ласло завладел стаканом Матильды и отодвинул его, – генерал шадди прислал. Сварить?

– Ставлящий морисский орех превыше вина скрытен душой, и темны мысли его, – отрезал олларианец. – Не верь наливающему, но не пьющему, гони его, и спасен будешь!

– Шадди не стану, – рывкнула Матильда, – гадость несусветная! А пьют его всякие... У Левия не то беда, что шадди лакает, а что ростом не вышел, да кардиналу и незачем – не гвардеец.

– Еретик! – припечатал Бонифаций. – Погряз в скверне агарисской и заблудшие души смущает.

– А ты что делаешь? – огрызнулась Матильда. – За-явился с касерой, сидишь до полуночи... Пошел вон, я спать хочу.

– Уйду, – пообещал олларианец, – но не ранее, чем наставлю на путь истинный и дам пищу для благолепных размышлений. А злокозненности агарисской есть сорок малых доказательств, четыре больших и одно великое!

– Ну и держи их при себе. – Матильда отвоевала стакан, он оказался пуст.

– Нет смысла держать при себе жемчуга свои. – Епископ плеснул Матильде из очередной фляги. Сколько же он их приволок? – А змей агарисских из души твоей я изгоню.

– Ой, гица, – шепнул Лаци, – не спорь, дольше будет.

Матильда кивнула ихватила касеры. Адриан бы с этим кабаном управился в четыре счета, а Левий маловат, потому шадди и пьет. Мелкие от ложки вина валяются...

– Агариссцы на дохлом языке с живым Создателем разговаривают, это раз, – загнул палец клирик, – серое таскают, аки крысы, – два, плоть, дарованную нам для радости, к воздержанию принуждают – три. Ну и суд свой вперед небесного пихают... Только это все котятки, а кошка то, что Дивина со всеми его предками погаными не проклинали, но пресмыкаются пред ним и пускают во храмы.

– Ну и что? – не поняла Матильда. – Агары лучше, что ли?

– Лучше, – брякнул кабан, убирая флягу, – и дриксы лучше, и нечестивцы морисские!

– Ну уж нет! – Возмущенная принцесса едва не свалила тарелку. – Это они сейчас притихли, а когда сила за ними была... Ты про Имре Хромого слыхал? Что с его семьей сотворили? Один Балинт остался...

– Для алата хуже агара зверя нет, – епископ развернул растерзанного зайца не столь обглоданным боком, – так вы их и погнали. И поделом, только не мешай в одном котле людские непотребства с ересями!

– Вот-вот, – хихикнула Матильда, – что для витязя – война, для клирика – вранье.

– Не-а! – Лицо Бонифация стало хитрым. – Бить тех, кто против тебя злоумыслил, – дело благое, но гайифцы самим существованием своим оскорбляют Создателя. Агарисские же еретики им потворствуют, ибо ценят навоз дороже пищи, а власть и силу превыше слова Создателя. А Он сказал, что создал человека по образу и подобию Своему.

– Ну, это смотря кого, – буркнула Матильда. – Хогберда по образу и подобию свинскому слепили. И тебя тоже, морда эдакая!

– ...и дан человеку дар великий, – то ли епископ слышал только себя, то ли у нее язык заплетался, – воспроизводить себе подобных, сиречь подобных Создателю. Вызревает подобие сие во чреве материнском, но из семени мужского. Не может жена без мужа зачать дитя, как не может заколоситься нива незасеянная. Как в малом зернышке сокрыт колос, так в семени мужском сокрыт образ Создателя. Мужеложцы же святыню сию посылают не за столом будь сказано куда. Что сие есть, как не кошунство и глумление?

– А девицы, что друг с другом лижутся? – не утерпела ее высочество. – Они как?

– Девицы твои есть дуры да несчастливицы, – отрезал епископ. – Но греха смертного в их забавах нет. Так, баловство одно... Женщина без мужчины как корова недоенная, мычит да бесится.

– Бесится? – нехорошим голосом переспросила ее высочество. – А мужчина без женщины, выходит, нет? Так чего ж ты на тех, кто плоть к воздержанию принуждают, кидаешься?! Кардинал ему не нравится, а ты его видел?..

– Не его, так другого. – Олларианец грохнул кулачищем по столу, испуганно звякнули стаканы. – Тоже шадди лакал да улыбался, а потом раз – и за горло!.. И твои еретики не лучше, иначе пили бы, как люди...

– За горло? – рассеянно переспросила Матильда. – Значит, за горло...

– Гица, – подался вперед Лаци, – что не так?

– Твою кавалерию, да все! – схватила за дурную голову принцесса. – Адриан... Он не знал... Не мог знать!

Глава 2

Старая Придда

400 год К.С. 10-й день Зимних Ветров

1

Регент, по своему обыкновению, бродил. Дюжина шагов от окна к камину, дюжина – от камина к окну... Жермон подозревал, что старик прошагал всю ночь. Огонь в бывшем губернаторском кабинете, во всяком случае, не гас. Впрочем, это ни о чем не говорило: Рудольф Ноймаринен, как и положено волку, был зверем ночным. Он мог думать о вчерашних гостях, а мог в очередной раз прикидывать весеннюю кампанию, которая обещала мало веселого. Даже с учетом хексбергской победы.

– Ты разглядел Кальдмеера с его адъютантом? – взял быка за рога Рудольф. – Что думаешь?

Значит, дело не в нагрянувшем Придде и странной девушке, а в войне. Им осталось месяца три, от силы четыре, и сколько же дыр нужно залатать!

– За неделю мало поймешь. – Ариго, не дожидаясь приглашения, уселся на дубовую скамью. – Спросите Вальдеса и фельпца. Они с Кальдмеером сначала дрались, а потом путешествовали.

– Верно, – регент замедлил шаг, – моряки дрались, а нам только предстоит. Устричное море в этом году будет нашим озером, спасибо Альмейде, но даже переверни Рамон с Вальдесом вверх дном все дриксенское побережье, Бруно остается нам.

– Дриksam придется укрепить прибрежные гарнизоны. – Рудольф всегда любил, чтоб подчиненные подтверждали его мысли. Или опровергали. – Бруно резервов не дожидается.

– Скорей, их будет меньше, чем Бруно хотелось бы. – Сутуловатая, обтянутая черным сукном спина застыла у серого окна: нынешнее утро было не чета вчерашнему. – Только и у нас с подкреплением не густо. За зиму из новобранцев вояк не сделаешь. Хорошо хоть Рафиано и Валмон оружием и фуражом помогут. Нет, мы удержимся... Должны удержаться. Вопрос – какой ценой.

– Это зависит от Бруно, – признал Ариго и тут же поправился: – Вернее, от него и кесаря.

– А кесарь зависит от эйнрехтского гусятника. – Регент, словно забыв о собеседнике, любовался метелью, когда-то Жермона это обижало. Герцоги редко думают, что их привычки обижают капитанов и даже полковников, а капитаны и полковники так ранимы... Особенно с позором изгнанные из дома. Спасибо Людвигу, рассказал о привычках тогда еще Первого маршала. В те времена Рудольф еще не сутулился и не хватался за спину.

– Кальдмеер и Фельсенбург, – регент отвернулся от ненастья и побрел к огню, – разбитый адмирал и родич Готфрида... Хотят они отыгаться за Хексберг, причем немедленно, или нет?

– Трудно сказать. – Первая встреча, общий то ли разговор, то ли допрос, два ужина и вчерашний день... Молодой дрикс и Арно на солнечном снегу, пленный адмирал и рядом Вальдес с его шутками. Вчера все были словно пьяные, а потом явился Придд.

– Трудно? – передразнил Рудольф. – А ты попробуй. Не Райнштайнера же спрашивать. Бергер, пожалуй, скажет.

Ариго рассеянно подкрутил усы. Говорить о людях за их спинами генерал не то чтобы не любил, но боялся ляпнуть что-то неправильное или, того хуже, несправедливое.

– Фельсенбург вроде бы поладил с Арно, – наконец изрек он. – Адмирал молчит, но не думаю, чтобы он ненавидел того же Вальдеса или фельпца.

– И я не думаю, – зевнул регент. – Кальдмеер сейчас будет здесь. Если он поведет себя,

как я надеюсь, я его отпущу. Пускай забирает адъютанта и отправляется выяснять отношения с теми, кто погнал его корабли под пушки Рамона.

– Там еще парочка трусов была, – напомнил Жермон, – удрали с поля боя, или что там у моряков...

– Тем более. – Регент снова принялся мерить шагами кабинет. – Минувшим летом Фридрих выкрутил Готфриду руки. Нужно, чтобы на этот раз взяли верх те, кто поспокойней. Фельсенбурги колебались, но Фридрих перетянул, вот пусть и получают наследника назад... Он им много чего расскажет.

– Если бы не гайифские деньги, – задумчиво пробормотал Жермон, – кесарь мог бы и отступить, но плату Готфрид взял. Не возвращать же.

– А если не брал? – спросил регент то ли Жермона, то ли самого себя. – Мы по привычке видим павлиний хвост и там, где его нет, и там, где и не было. Этот Придд привез много любопытного...

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Ариго, – но вы сначала выставили Арно, а потом и нас с Ойгеном.

– Савиньяк узнал однокорытника, Райнштайнер подтвердил кое-что из его истории, а ты расспросил про сестру. – Регент потер поясницу и поморщился. – Остальное вашего присутствия не требовало. По крайней мере, вчера.

2

Тучи, к радости сорвавшегося с цепи ветра, нахально сыпали снегом, так что о разминке во дворе не было и речи. Оставалось найти местечко под крышей, но в фехтовальном зале звенели шпагами какие-то офицеры. Отрабатывать при них вчерашний прием не хотелось ни Руппи, ни талигойскому виконту.

– Они скоро уйдут, – утешил себя и Руппи Савиньяк, – а пока можно и подождать. Вы ведь еще не видели здешний арсенал?

– Нет, – улыбнулся лейтенант его величества кесаря, – показывать врагам арсеналы не принято.

– Смотря какие, – не согласился виконт. – Старая Придда отвоевала свое еще в Двадцатилетнюю, а секреты тех времен перестали быть таковыми уже при Карле Третьем. Хотите взглянуть на трофеи маршала Рене или вам это неприятно?

– В Двадцатилетнюю погибло одиннадцать Фельсенбургов, – припомнил поучения бабушки Штарквинд Руппи. – Забыть о той войне – значит забыть и о них. По крайней мере, я этого делать не намерен.

– Мне кажется, вы с кем-то спорите, – предположил талигоец, – но я не могу понять с кем. Нам в черную дверь.

С кем? С Бермессером, Хохвенде и прочими ублюдками, зачеркнувшими бывшие поражения вместе с чужими смертями и чужим мужеством. Фридрих и его приятели желают помнить лишь о победах. Они бы и Хексберг забыли, но не выйдет, потому что Руперт фок Фельсенбург жив и он не забудет и не простит.

– Скажите, – желание рассказать хоть кому-то и о подвиге, и о подлости стало неистовым, – скажите, у вас в Талиге есть мерзавцы?

Глаза виконта вспыхнули. Черные глаза, очень светлые волосы, на левой щеке родинка... В прошлом круге за такое в Эйрехте жгли.

– Мерзавцы в Талиге есть, – вряд ли виконт из рода Савиньяков осознавал, что похож на демонское отродье, – и один вчера свалился нам на голову. При случае я вам его покажу.

– Буду признателен, – заверил Руппи. – Жаль, не могу отплатить вам тем же. Адмирал Бермессер не из тех, кто сдается в плен. Он предпочитает удирать до начала боя.

– Значит, вам придется избавляться от него без нашей помощи, – сделал вывод Савиньяк. – Вряд ли ему понравятся приемы Вальдеса.

– Мы их еще не усвоили. Мой адмирал не зря сказал, что Вальдесом нужно родиться.

– Зачем? – не понял талигоец. – Мы уже родились нами. Меня это устраивает, а вас?
– Вполне. Я – это я, и я вряд ли сравнюсь в быстроте с Бешеным. Станьте им, если хотите, а я попробую стать бароном.
– Райнштайнером? – Брови виконта поползли вверх. – Он же бергер!
– Но он знает, как остановить Вальдеса. – Если Бермессер разминется с палачом, придется замарать о него шпагу. – Разумеется, я не попрошу его об одолжении и постараюсь не сидеть с ним рядом, но я хочу понять, что он делает, а поняв, научиться. И я научусь.

3

Вряд ли Кальдмеер и Райнштайнер получали удовольствие от общества друг друга, но дрикс и бергер вошли вместе. Офицер для особых поручений при особе регента мог думать о спутнике что угодно, на его лице не отражалось ничего.

– Господин Кальдмеер, – Ноймаринен прервал прогулку и опустился в украшенное волками кресло, – прошу вас сесть. Командор Райнштайнер, к вам это тоже относится.

– Благодарю. – Рука адмирала невольно метнулась вниз – придержать несуществующую шпагу – и схватила пустоту. Вот так держишься, держишься и ошибешься...

– Наш разговор не для разглашения. – Рудольф терпеть не мог беседовать сидя, но таким, как Кальдмеер, лучше смотреть в глаза. – Не знаю, сколько лет продлится эта война, но вы меня младше, и заметно, а граф Ариго и барон Райнштайнер несколько младше вас. Они – подходящие свидетели.

Адмирал молчал. Не враждебно, не вызывающе, а спокойно. Так бы, наверное, молчал фок Варзов, окажись он в шкуре дрикса. Рудольф опустил на стол широкую ладонь.

– Господин адмирал цурзее, вы понимаете, что вашего флота больше нет?

– Не могу согласиться. – Кальдмеер держит голову так прямо по привычке или виновата рана? – Северный флот цел, как и верфи Таубурга и Метхенберг, а жители побережья рождаются моряками.

– Не только они, – уточнил регент. – Вы родились далеко от моря, но у варитов в жилах течет морская вода. Тем не менее ответить Альмейде вы сможете нескоро. Будем исходить из этого.

Спорить Ледяной Олаф не стал, полностью оправдав свое прозвище. Он ждал, что будет дальше, не более того.

– Вы, разумеется, знаете, что адмирал Альмейда отпустил господина Бермессера. – Молчанье собеседника не произвело на Рудольфа ни малейшего впечатления. – Он исходил из того, что бездарный и трусливый дриксенский адмирал является невольным, но весьма полезным союзником Талига. В отличие от вас, Доннера, Бюнца, фок Шнеетала.

Кстати, примите мои соболезнования в связи с их гибелью. Как регент Талига я этому обстоятельству рад. Как человек и военный – я весьма сожалею.

– Благодарю. – Адмирал тронул старый шрам. – Если бы мы поменялись местами, я бы сказал вам те же слова. Я высоко ценю господ Альмейду и Берлингу, а перед вице-адмиралом Вальдесом в неоплатном долгу, но мы есть и останемся противниками. Их гибель для Дриксен была бы удачей.

– Верно. – Рудольф доволен, но чтобы это понять, нужно знать его лет двадцать. – Мы есть и останемся противниками, но у нас есть дела более насущные, чем немедленное сведение счетов.

Рамон Альмейда не только хороший адмирал, он смотрит и на берег. Задержав вас и дав сбежать наперсникам Фридриха, он исходил не только из настоящего, но и из будущего.

Полностью уничтожить такой флот, как ваш, в одном сражении невозможно. Вы бы продержались до ночи и ушли, прикрывая уцелевших купцов. Альмейда бы вас преследовал, возможно, вывел из строя еще несколько кораблей, но не меньше полусотни линеалов добралось бы до Метхенберг. На этом война кончалась и начиналась политика. Пока вы,

останься вы живы, занимались бы неотложными делами, господин Бермессер пустился бы во все тяжкие.

Не мне вам объяснять, что за неудачную кампанию пришлось бы отвечать. Вопрос – кому. Тому, кто вынудил Готфрида начать войну, или тому, кто не смог взять Хексберг? Бермессер и его дружки постарались бы свалить все на вас. С помощью гайифских денег и при отсутствии в Эйрехте Бруно это им бы, скорее всего, удалось. К весне Бермессер был бы адмиралом цурзее. Подлецы и бездари ведут себя одинаково во всех армиях. Первое, что бы он сделал, это вышвырнул с флота тех, кто знает ему цену, и тех, кто умнее его. Накануне летней кампании Западный флот остался бы даже не без головы, а с ее противоположностью, что весьма облегчало задачу Альмейды. Не сомневаюсь, вы догадались, какую именно.

– Полагаю, что да, – негромко сказал дрикс, – флот Талига будет разорять побережье, чтобы вынудить его величество усилить прибрежные гарнизоны за счет центральной армии.

– Я рад, что вы это понимаете, – и Рудольф действительно был рад, – но случилось неожиданное. Вырвавшиеся из бухты корабли погибли во время шторма. Судьба развязала Альмейде руки, и возвышение сторонника войны, каким бы бездарным тот ни был, стало Талигу без надобности. С другой стороны, казнь труса и, весьма вероятно, предателя заставит его приятелей притихнуть. Вы и ваш адъютант хотите, чтобы Бермессер и Хохвенде ответили за все?

Дрикс с трудом поднялся:

– Неважно, чего хочу я. – Жесткое лицо, серые глаза, одно слово, север. – Последним желанием Адольфа... фок Шнееталя и офицеров «Ноордкроне» было отправить Бермессера на плаху. Об этом мне рассказал мой адъютант. Если Создатель даст мне или Руперту возможность исполнить волю погибших, мы сделаем это без колебаний.

4

– Теньент Сэ! – Вопль был оглушительным и визгливым одновременно. – Теньент Сэ! Это вы?

– Кто это? – не понял Руппи, с удивлением разглядывая вошедшую в арсенал пару. Очень странную. Первый, тощий и длинный, с маленькой головой, напоминал сразу ужа и богомола, вторым был очень молодой, безукоризненно одетый полковник.

– Первый – наш местный ужас, – шепнул Савиньяк, – второй – тот самый мерзавец, о котором вы спрашивали.

Руппи кивнул. Полковничью перевязь в двадцать с небольшим на его памяти получали либо герои, либо шаркуны и проныры. Видимо, в Талиге дело обстояло так же.

– По приказу монсеньора регента! – Богомолуж с недовольным видом уставился на Руппи. – Показываю полковнику Придду замок и знакомя с офицерами. Господин полковник, представляю вам теньента Сэ.

– Благодарю вас. – Упомянутый полковник слегка наклонил голову, но руки не подал. – Мы знакомы. Более того, мы вчера уже встречались. Виконт, вас не затруднит представить меня вашему товарищу?

– Охотно, герцог, – оскалился Савиньяк. – Это – Руперт фок Фельсенбург. Руперт, представляю вам герцога Придда. Он только что из столицы.

Герцог Придд непринужденно поклонился, напомнив изяществом манер Хохвенде.

– Весьма польщен знакомством с виднейшим аристократом Дриксен. Надеюсь, вы здесь не скучаете?

– Никоим образом! – Поклон Руппи был не менее придворным. – Могу я узнать имя вашего спутника?

– Виконт Понси, – назвал богомолужа столичный герцог. – Переведен в Старую Придду из Тронко по ходатайству губернатора Варасты.

– К вашим услугам! – с крайне недовольной миной проорал Понси и замолчал, сверля Руппи откровенно неприязненным взглядом. – Желаете осмотреть арсенал?

– Мы его уже осмотрели, – холодно бросил Арно, – так что не смеем вам мешать. Понси, не знаю, известно ли тебе, что полковник Придд большой ценитель поэзии. Разговор о сем предмете обрадует его больше, чем вид оружия.

– Вы правы, тенъент, – полковник предпочел не понять намека, – вид лежащего без пользы оружия и в самом деле печален. Помнится, у Веннена на эту тему был неплохой сонет, к несчастью, я запомнил первые строки. Господин Понси, вы мне не подскажете?

– Веннен – это хлам для старьевщика! – Настырный голос стал еще пронзительней. – Его помнят только из-за менторов! Нам насильно навязывают отжившие вирши, все эти сонеты и рондели. Можете считать меня невеждой, но я горжусь тем, что выбросил их из памяти!

– Как интересно, – столичный герцог напоминал Хохвенде все сильнее, но Руппи заставил себя улыбнуться, – тем не менее старое не забудут, пока не придет новое. Кто же пришел на смену Веннену?

– Марио Барботта! – Похоже, этот Понси тихо говорить не умел. – Он покончил с косной формой, дав дорогу чувству и смыслу, выплеснув то, что на душе у каждого мужчины!

– Вот как? – удивился виконт Сэ. – Вас не затруднит привести пример того, что на душе у здесь присутствующих, которые, если я только не ошибаюсь, являются мужчинами.

– *Я презираю вас всех!* – Руппи вздрогнул от неожиданности, но это было не оскорблением, а стихом:

Тех, кто меня ненавидит,
Вы подрубили мой ствол
Злобным своим топором,
Я так мечтал полюбить,
Я в вас коварства не видел,
Вы же отвергли меня
И насмехались тайком.
Да, я от вас ухожу,
Пусть на замшелой поляне
Высится горестный пень,
Полный несбытых надежд,
Вы оттолкнули меня,
Нет вам вовек оправданья,
Я ж не склоню головы
Перед ухмылкой невежд!
Мой изувеченный стих
Мечется загнанным зверем,
В битве с чужою враждой
Сердце пробито мое,
Я вас хотел полюбить,
Больше в любовь я не верю,
Кровью на злом топоре
Щепки, смола и корье!

– Печальная история, – встрял в разговор Придд, – меня поразили несбытые надежды господина Барботты, но до сегодняшнего дня я знал лишь одного... мммм, мужчину, способного испытывать подобные чувства. Впрочем, насколько мне известно, он их еще не испытал.

– Не могу не согласиться, – не выдержал Руппи, сам не зная, кто его больше бесит:

столичный шаркун или поклонник Барботты, – отвергнутая любовь перерождается в ненависть только у ничтожеств, а кричат об этом прилюдно лишь глупцы. «Тот, кто свою лелеет боль, не стоит имени мужского...»

– Веннен, – усмехнулся Савиньяк, – вольный перевод из Иссерциала. Несколько иная точка зрения, чем у певца пней.

– Вы не представляете, как Марио Барботта работает над своими творениями! – завопил Понси. Может, он глухой? Глухие всегда орут. – Он с пером в руках перечитал все вирши Веннена, делая пометки на полях, с тем чтобы никогда не писать подобным образом!

– Бессмысленная трата времени, – заметил тенъент. – Господин Барботта и так никогда и ничего подобным образом не напишет.

– Почему? – давась злым смехом, спросил Руппи. – Почему не напишет?

– Видите ли, – поймал мяч Сэ, – есть несколько причин, но главная в том, что Барботта не Веннен и никогда им не станет. Ему нечего бояться.

– Вы – невежды! – Оказывается, раньше Понси чуть ли не шептал. – Те самые невежды, которых заклеил поэт! Ваши веннены и иссерциалы никому не нужны. Их просто невозможно читать, слышите, невозможно! Я выбросил Веннена в камин. Он ничего другого не заслуживает!

Арно не ответил – задохнулся от смеха. Руппи тоже не выдержал, но полковник Придд был из другого теста.

– Простите, – извинился он, – мне не было известно, что главным несчастьем Веннена является ваша неспособность его воспринять. Увы, менторы меня не просветили о данном критерии прекрасного.

Лобик Понси прорезала морщина, затем он выпрямился, став еще длиннее.

– Что вы имеете в виду?! – Такому воплю позавидовал бы самый весенний из зайцев.

– Разумеется, лишь то, что я сказал, – пояснил Придд. – Или вас интересует мое мнение о прочитанном стихотворении? Оно удручает.

– Вы не будете так говорить о великом Марио! – Глаза Понси перебежали с лица на лицо. – Я заставлю вас взять свои слова назад! Всех!

– Заставляйте. Это будет любопытно. – Придд наконец усмехнулся. Еще бы, богомолуж был совершенно безвреден, с кем драться, как не с ним?

– Сударь, – Савиньяк шагнул вперед, оттирая длинного корнета от столичного гостя, – что я слышу? Первым господина Барботту задел я. Вы оспариваете мое первенство? Это невежливо!

– Об этой основе мироздания я, видимо, тоже не осведомлен. – Придд, как и положено Хохвенде, изо всех сил пытался не понять. – В чем именно вы меня опередили?

– Вы не знаете, что перехватить чужого противника благородный человек может лишь одним способом?

– Ах вот в чем дело! – Если это улыбка, то снег – пух с тополей. – Что ж, я согласен оговорить с вами условия поэтического диспута, но в отсутствие господина Понси. Он принимает чужое мнение слишком близко к сердцу.

Глава 3 **Старая Придда**

400 год К.С. 10-й день Зимних Ветров

– Курьер к фельдмаршалу Бруно выехал два часа назад. – Рудольф Ноймаринен внимательно посмотрел на дриксенского адмирала. – Надеюсь, господин командующий и

герцог Фельсенбург согласится на наши условия. Вы рады?

– Да, – просто сказал Кальдмеер, – но должен вас предупредить, что я был и останусь офицером его величества Готфрида. У меня нет и не может быть иных обязательств.

– Разумеется, – ноймарский волк не удивлялся и менее очевидным вещам, – у вас есть обязательства перед Дриксен и своей совестью. В настоящей ситуации нас это полностью устраивает. Мне кажется, вы хотите что-то спросить?

– Вы не ошиблись, – подтвердил дрикс. – Курьер уже выехал, значит, от нашего разговора ничего не зависело. Зачем он вообще понадобился?

– Потому что вы – умный человек. – Регент усмехнулся и слегка пошевелил затекшими плечами. – В возможность побега вы бы не поверили. Не открой я карты, вы бы заподозрили подвох и, чего доброго, преподнесли бы сюрприз, а ваше присутствие в Эйнтрехте весьма желательно. Разумеется, если верх одержит Фридрих, мы будем драться. Нам это обойдется дорого, но нападающие всегда платят дороже.

– Я знаю. – Кальдмеер привычно провел пальцем по шраму. – Если б вы занялись собственной столицей, у нас был бы шанс вернуть Южную Марагону, дойти до Виборы и закрепиться на северном берегу, но вы его нам не дали.

– Марагона принадлежит Дриксен не более, чем Берг-марк, – напомнил Рудольф, – а чувства их обитателей к вам весьма сходны. Если Бруно туда войдет, ему придется забыть о сне.

– Вы намекаете на удары в спину? – Адмирал невесело усмехнулся. – Мы к этому готовы.

– Человек, защищающий свой дом от грабителей, не обязан угощать их вином и спрашивать, какую рубашку должна надеть его жена, – зло сказал регент. Кого он вспомнил? Карлоса Алвасете? Борнов? Последнюю волю Арно Савиньяка, которую лучше б было не выполнять? – Талиг будет драться, и Альмейда уже показал как.

– На суше вам придется труднее. – Кальдмеер не угрожал, как, впрочем, и Рудольф. Он просто думал вслух.

– Верно, – с очевидным Рудольф предпочитал не спорить, – но это лето мы продержимся, а следующее будет нашим. Я не собираюсь вас пугать, тем более это невозможно, но Северную Марагону вы потерять можете, и не только ее. Это не бравада, это логика войны.

– Говорить о том, что будет через год, нет смысла. – Кальдмеер сказал именно то, что следовало сказать в его положении. – Будет большая война или нет, решать его величеству Готфриду.

– В этом никто не сомневается. – Рудольф тяжело поднялся, и Кальдмеер последовал его примеру. – Когда курьер вернется, вам сообщат. У вас есть пожелания или претензии?

– Нет. – Северяне не склонны к многословию, а может, адмиралу стало трудно говорить. На полностью выздоровевшего Кальдмеер не походил. – Желаю здравствовать!

– Можно и так сказать. – Ротгер Вальдес без намека на улыбку перевел взгляд с регента на Кальдмеера и обратно. – Адмирал, чего от вас хотят?

– Господин Вальдес, – сощурился Рудольф, – вас сюда не звали.

– И это ошибка! – Марикьяре осуждающе покачал головой. – Будущее господина Кальдмеера мне небезразлично, а он в состоянии постоять за себя только в море.

– Ротгер, вы преувеличиваете, – дриксенский адмирал неожиданно тепло улыбнулся, – иначе быть бы мне до сих пор помощником капитана.

– Будь я не прав, вас бы здесь не было! – огрызнулся марикьяре. Он и в самом деле переживал за пленника. Такое бывает, Жермон знал это по себе. Если ты сохранил чью-то жизнь, то будешь защищать ее до последнего, даже от своих. И тебя поймут, если это на самом деле свои. Рудольф понял, иначе здесь бы уже полыхало.

– Адмирал цурзее и его адъютант скоро вернутся домой, – в глазах регента мелькнула смешинка, – виконт Ластерхавт-увер-Никш со своими офицерами присоединятся к нам, а капитан Джильди станет очень богатым человеком.

– Даже так? – Вальдес присвистнул и, странное дело, замолчал, глядя куда-то между камином и бюро.

– Генерал Ариго будет очень рад освобождению молодого Ластерхавта, – церемонно пояснил Райнштайнер, и Жермону захотелось запустить в барона чем-нибудь тяжелым. – По его мнению, мы не могли оставить этого офицера в плену.

По его мнению... Можно подумать, Дубовый Хорст угодил в плен сам по себе. Беднягой пожертвовали, чтобы обмануть Бруно, и почти обманули. Если б не зимние праздники, фельдмаршал влетел бы в ту же ловушку, что и Кальдмеер, и никому не известно, чем бы это закончилось. Тридцать тысяч против сорока пяти, пусть и на трижды выгодных позициях – все равно спорно. Особенно с таким противником.

– Нельзя бросать своих пленных, – зачем-то сказал Жермон, – это не по-людски...

– Высшая целесообразность зачастую жестока. – Глаза бергера были одного цвета с зимним небом, но, скажи ему кто-нибудь об этом, Ойген Райнштайнер не понял бы, о чем речь. – Однако она спасла больше жизней, нежели не имеющая смысла жалость.

– Райнштайнер, – регент снова потер поясницу, значит, деловой разговор и в самом деле окончен, – а чем вы руководствовались, когда трое суток в одиночку тащили к Агмарену смертельно раненного? Целесообразностью или чем-то другим?

Может, Рудольф и хотел застать Ойгена врасплох, но это ему не удалось.

– Если б у меня было срочное дело, я бы занялся им, – спокойно объявил барон, – но я был предоставлен самому себе и распоряжался собственным временем по своему усмотрению. Сейчас у меня свободного времени нет.

– Его ни у кого нет, – отмахнулся Ноймаринен, – так что прошу всех вернуться к своим обязанностям. Господин Кальдмеер, вы неважно выглядите. Я посоветовал бы вам пить красное вино и больше гулять... Кстати, Вальдес, какая завтра будет погода?

– Сумасшедшая... – рассеянно откликнулся марикьяре и резко повернулся: – Кальдмеер, вам не следует возвращаться! Слышите?

2

Виконт Сэ собрался высечь столичного визитера, и Руппи это всячески приветствовал. Не нюхавших порошу полковников и генералов следует учить, даже если они ничего не натворили, а этот Придд, похоже, успел показать себя во всей красе. Надо будет спросить, где и как. Хохвенде, тот начал с доноса на своего господина, и еще не известно, чем кончит. Хорошо бы виселицей, а вот по Бермессеру плачет рей, причем не талигойский...

– Сударь, здесь ступеньки. – Предупреждение поступило вовремя, но вместо благодарности Руппи захотелось укусить. Потому что вежливость и учтивость идут рука об руку с подлостью. Бюнц не стеснялся в выражениях и не поддерживал под локоток дам и начальство. Он просто принял бой и погиб, исполняя чужие обязанности...

– Нам сюда. – Виконт Сэ удовлетворенно оглядел увешанную портретами галерею. – Никого, как я и думал. Темновато, конечно, но друг друга разглядим, а маршалы и генералы немного развлекаются.

– Несомненно. – Светлые равнодушные глаза смотрели не на Савиньяка, а на Руппи. – Господин фок Фельсенбург, я не знаю здесь никого, кто мог бы стать моим секундантом, и вынужден просить вас представлять обе стороны.

– Хорошо, – коротко кивнул Руппи. Дратся ему приходилось дважды, но секундантом он еще не бывал. – Господа, вы уверены, что не желаете помириться?

– Лично я уверен, – отрубил Савиньяк. Каким другом он мог бы стать, если б не родился врагом!

– Я придерживаюсь того же мнения, что и виконт. – Придд переступил с ноги на ногу, пробуя пол. – До первой крови или до победного конца?

– А вы как желаете, – усмехнулся виконт, – с кровью или без? Мне, право, безразлично. И кто-то еще говорит, что все фрошеры похожи друг на друга!

– Что мне хотелось бы знать, так это причину нашего поединка. Барботта меня не устраивает.

– Вы их знаете.

– Значит, их несколько?

– Пожалуй, – Савиньяк все еще улыбался. – Вы – потомственный трус и двойной предатель. Пока двойной.

– Вы так полагаете? – Придд был сама вежливость. – Что ж, вынужден просить у вас прощения. Я ввел вас в заблуждение относительно условий. Мы деремся до победного конца.

– Дуэль закончится, когда одна из сторон признает себя побежденной или же не сможет продолжить бой, – процитировал Руппи кодекс Эберхарда. Секундант должен быть беспристрастен, особенно если он один на двоих. – Оружие?

– Разумеется, шпага. – Виконт уже сжимал клинок.

– Шпага, – равнодушно подтвердил полковник. – Я не успел узнать, запретил ли герцог Ноймаринен дуэли?

– Да, – хохотнул Савиньяк. – Желаете спрятаться за регента?

– Если я нарушаю приказы, то делаю это осознанно. – Хорошее правило, надо запомнить. – К вашим услугам!

– К вашим услугам!

– К бою! – Руппи отступил к стене, освобождая место. Виконт коротко и четко отсалютовал, его противник ответил. Если б не цвет волос, в полумраке галереи он мог бы сойти за Райнштайнера. Нет, это не Хохвенде, это враг другого калибра. Предатель? Может быть, но никоим образом не трус.

Клинки стучали все яростней, две светлые фигуры металась между холодным камином и старыми доспехами. Кажется, Сэ фехтовал лучше, или Руппи просто этого хотелось? Он и вчера желал победы Бешеному, но Райнштайнер не проиграл, хотя и не выиграл...

– Полковник Придд, теньент Сэ! Немедленно остановитесь! – Руппи обернулся. Из-за здорового тусклого рыцаря неторопливо вышел барон Райнштайнер. Воистину, помяни Леворукого, и он тут как тут!

– Вы нарушили приказ регента, – объявил бергер. – Я и генерал Ариго хотели бы знать причину.

3

Два щенка собрались друг друга есть, а началось наверняка с какой-нибудь глупости, важнее которой не бывает. Сам Жермон по прибытии в Торку на четвертый день сцепился с каким-то теньентом, Придд оказался пошустрее... Закатные твари, вот так и понимаешь, что тебе уже не двадцать и ты давно никому ничего не доказываешь.

– Вы нарушили приказ регента. – Райнштайнер если вцепится, то насмерть. Старый Катершванц и тот был помягче. – Я и генерал Ариго хотели бы знать причину.

Если только она есть, эта причина. Жермон взял бергера под руку:

– Не думаю, чтобы эти господа в военное время нарушили приказ. Готов поспорить, они забрались сюда поразмяться. На улице творится Леворукий знает что, внизу фехтует целая толпа, а вчерашний урок требует повторения.

Бергер недовольно поджал губы:

– Полковник Придд, вас поставили в известность о недопустимости дуэлей между офицерами Северной армии в военное время?

– Да, господин командор. – Придд был спокоен, как сундук или сам Райнштайнер. – Я спросил об этом теньента Сэ и получил ответ.

– Очень хорошо. – Ойген выпустил лед и схватил за шиворот огонь. – Теньент Сэ, я вижу, вы поленились зайти за защитными колпачками и ввели в заблуждение корнета Понси. Он утверждает, что вы навязали полковнику Придду дуэль.

– Это вышло случайно. – Врать Савиньяки отродясь не умели, но Арно был наполовину Рафиано. Правда, пять минут назад он об этом забыл напрочь.

– Что именно вы называете случайностью, – уточнил Райнштайнер, – небрежение своей и чужой безопасностью или обман собственного товарища?

Ойген не был дураком, но он был другом. Разумеется, ни о каких позабытых колпачках и речи нет, но бергер решил на пять минут поглупеть. И поглупел.

– Понси не столько товарищ, сколько дурак! – Увы, Савиньяк окончательно подмял Рафиано. – А случайность – это то, благодаря чему господин Придд стал полковником.

– В таком случае ненадетые колпачки являются закономерностью, – подвел итог Райнштайнер. – Полковник Придд, о вашем проступке будет доложено регенту. Для офицера вашего ранга вы повели себя недопустимо. Теньент Сэ, вы арестованы. Отправляйтесь к коменданту замка и отдайте ему шпагу.

– Слушаюсь, господин командор! – Арно с издевательским рвением щелкнул каблуками. – Разрешите идти?

Посидеть под замком обормоту и впрямь не повредит... Приказ – ерунда, а вот судить наотмашь не стоит. Особенно сыну маршала Арно.

– Теньент, – велел Жермон, – стойте! Герцог Придд, кто, когда и при каких обстоятельствах произвел вас в полковники?

– Господин генерал, я вчера в вашем присутствии уже ответил на этот вопрос.

Так... Другой на месте этого недобергера кричал бы о своих приключениях со всех крыш... Да и сам он был хорош. Став капитаном, таскал перевязь даже поверх шубы. Чтобы видели и знали.

– Полковник, – потребовал Райнштайнер, – извольте не спорить с генералом. Отвечайте!

– Прошу меня простить, господин генерал! – А ты с норовом, хотя каким еще тебе и быть? – Меня произвел в полковники Первый маршал Талига герцог Алва. Это произошло в ночь с девятнадцатого на двадцатый день Зимних Скал.

– При каких обстоятельствах? – Жермон спрашивал Придда, но смотрел на Савиньяка. Паршивец был поражен, и поделом.

– Находящийся в моем подчинении отряд атаковал конвой, перевозивший герцога Алва из Ружского дворца в Ноху, – ровным голосом доложил Придд. – Нам удалось справиться с солдатами, которыми командовал гражданский комендант столицы герцог Окделл, освободить господина Первого маршала Талига, а потом без потерь покинуть Олларию.

– Что скажешь, Арно? – подмигнул обалдевшему теньенту Жермон. – Все ясно или хочешь узнать что-нибудь еще?

– Хочу, господин генерал! – Савиньяки так просто не сдаются. – Почему герцог Придд столь внезапно перешел на сторону Талига и когда он перейдет обратно?

– Ответ на этот вопрос лежит за гранью приличий, – сообщил несведущим Райнштайнер. – Полковник, вы не обязаны отвечать.

– Разумеется! – Арно получит по шее сегодня же, но наедине, и хорошо получит. Даже если он окажется прав. Потому что дыма без огня бывает, и в нем можно задохнуться.

– С вашего разрешения, я отвечу. – Жермон, переставший быть Ариго, тоже бы ответил. Если бы только знал, за что. – Господин Манрик и господин Колинъяр сделали меня главой дома. Я вынужден думать о будущем семьи и тех людей, чье благополучие связано с нашей фамилией. У засевшего в Олларии господина будущего нет, то же самое можно сказать и о его сторонниках. Как глава дома, я должен защитить своих людей и обеспечить им спокойную жизнь. Это возможно, если я докажу делом, что не являюсь врагом Талига. Слов для этого недостаточно. Мне показалось наиболее разумным отбить герцога Алва. Я это сделал, и господин Первый маршал принял нашу службу.

А службу Жермона приняли Торка и Арно Савиньяк, но на опозоренном офицере не висели ни родичи, ни вассалы. Он отвечал только за себя и, кажется, ответил...

– Герцог, ваши доводы весьма разумны. – Сосредоточенно раздумывавший

Райнштайнер, похоже, вынес вердикт. – Многие беды прошлого года сделаны руками Манрика и Колиньяра. Судьба вашей семьи и мятеж в Эпинэ есть порождение их жадности и глупости, но мы будем еще об этом говорить. Виконт Сэ, я настоятельно советую вам принести герцогу Придду свои извинения.

Арно вскинул голову:

– Это преждевременно, война только начинается. Если господин Придд к концу года примет личное участие в сражении и при этом останется подданным Талига, я съем свою шляпу и извинюсь.

– Полагаю второе излишним. – Улыбнулся одними губами Придд. Как же звали того гвардейца, в рожу которому двадцать лет назад Жермон выплеснул вино? Казалось, уж это имя он не забудет, а забыл...

– Полковник Придд, – усмехнулся Ариго, – я, в отличие от господина Райнштайнера, свободен и не прочь размяться. Вы хороший фехтовальщик?

– В Лаик я несколько уступал виконту Сэ, – сообщил Придд, – он вышел шестым, я – восьмым.

– Я был вторым, – усмехнулся Ариго, – но последние десять лет фехтовал реже, чем хотелось бы. Составите мне пару?

– Охотно, господин генерал.

– Герман, вам следует взять учебные шпаги, – напомнил Ойген. – Господин Фельсенбург, вы нужны вашему адмиралу, а вы, тенъент, как явный зачинщик ссоры, коменданту. Идемте.

Арно задрал нос и вышел вслед за Ойгеном, Фельсенбург тоже сорвался с места. Родич кесаря до мозга костей был предан сыну оружейника. Все мы кому-то преданны, особенно в двадцать лет. Придд начал с того, что отсалютовал Ворону шпагой, а кончил тем, что напал на конвой.

– Полковник, вы назвали одну из причин вашего решения, но были и другие. Я прав?

– Господин генерал, другие причины не являлись определяющими.

Вот ведь скотина! Безрогая, до безобразия упрямая молодая скотина, которая станет раз за разом нарываться и рано или поздно нарвется. Жермон глянул на собственный клинок, словно видя его впервые. Ойген будет вне себя. Если узнает.

– Очевидцы рассказывают, что вы оказали герцогу Алва в день его ареста королевские почести. Это так?

– Да. – Говорить мы не желаем. Еще бы, гордость раньше нас родилась. А глупость раньше гордости. Жермон с силой вбросил шпагу в ножны.

– Вам не верят те, кто не верил вашему отцу. – Возможно, он делает глупость, но не сделать ее – сделать подлость. – Мне не верили те, кто верил моему... Верят... верил... верили... Похоже на упражнение по грамматике, кошки б разодрали моего ментора! Пойдете в авангард под мое начало? Да или нет?

Глава 4 **Надор. Старая Придда**

400 год К.С. 11-й день Зимних Ветров

Толстуха Мэтьюс в Надоре не протянула бы и дня, а если б и протянула, вернулась бы в столицу тощей, как ручка от лопаты, но Луизе терять было нечего. Кроме головы, а для этого требовалось нечто поопасней герцогских кушаний. Капитанша опустила в скрипучее кресло, скользнув безнадежным взглядом по гнущему серебру и коровьим мощам.

Домочадцы Повелителей Скал уныло готовились к ужину, а за стеной тупо скакал Невепрь. Тварь не брал ни Мирабеллин Создатель, ни Денизины демоны, ни сон, ни дневной свет. Грохот то замолкал, то возобновлялся с новой силой, и Луиза решила считать, что рядом забивают сваи. Что решила Мирабелла, капитанша не знала, но герцогиня была верна себе.

– Вознесем молитву во славу Создателя нашего, служителей Его и всех убиенных во имя Чести и Долга. – Даже будь надорские коровы моложе, а вина – старее, вдова Эгмонта превратила бы их в уксус с подметками одним своим видом. Надорская скупость имела определенный смысл – зачем тратить, если даже лучший кусок станет драть горло.

– Мэдоси те урсти. – Отец Маттео поспешно залопотал ставшую за без малого два месяца привычной муть. Если б не скандалы и Эйвон, можно было свихнуться и решить, что время из Надора удрало, позабыв в развалинах один-единственный день, который, закончившись, тут же начинался заново.

– Сударыня. – Замшелый слуга наполнил кубок Луизы торской кислотой и поплелся дальше. Нужно попросить Левфожа привезти приличного вина, спрятать в спальне и пить ночами. Вместе с возлюбленным.

– На дворе ужасная погода, – завел беседу Реджинальд. – Какое счастье, что я успел вернуться до бурана.

– Старый Джек говорил, что метель должна стихнуть, – поддержал сына Эйвон, – но она не прекращается.

– Все в руке Создателя, – прошелестела Мирабелла, и безгрешный разговор увял на корню. Госпожа Арамона укрепила духом и отправила в рот кусок скончавшейся от постов и праведности коровы, поняв наконец, почему медведи не сожрали святую Кунигунду. Не смогли прожевать.

– Создатель исполнен милосердия, – вяло откликнулся отец Маттео. – Молитесь, и он простит.

– Но не слабость веры и не отступничество, – напомнила герцогиня. – Еретиков, изменников, гордецов и прелюбодеев ждет Закат.

Лучше Закат, чем Рассвет, если он полон мирабеллами и похож на Надор, только с чего это герцогиня заговорила о прелюбодеех? Вспомнила почти святого мужа или разнюхала об Эйвоне? Луиза бросила взгляд на любовника. Тот горестно жевал, соперничая скорбностью лика с самым святым из развешанных по заплесневелым стенам мучеников.

– Кузина, – восседавшая рядом с супругом графиня Аурелия многозначительно вздохнула, – я видела сон. Мне явился наш дорогой Эгмонт, он был весь изранен...

Луиза злобно уставилась на пегую стену. Сны графине Ларак снились с удручающим постоянством и походили друг на друга, как дохлые пыльные бабочки. Было ли это следствием воздержания или желанием привлечь внимание великой кузины, капитанша не знала, но с каждым окровавленным Эгмонтом укреплялась в мысли, что Эйвон толстой дуре ничем не обязан.

– ...наш милый Дик держал в руках меч святого Алана, – графиня возвысила голос, перекрывая мерное топанье Невепря, – он одним ударом отсек черную тень от ног своего отца. Кровь из ран перестала течь, а сами раны стали источать сияние. Эгмонт поцеловал сына в лоб и растаял, обратившись в свет. Там, где он исчез, расцвели анемоны, а у ног вашего сына, кузина, лежал поверженный демон с головой черной птицы. Я проснулась под вой бури и ощутила запах анемонов... Я немедленно разбудила отца Маттео и рассказала ему. Он был потрясен...

– Конечно, эрза, – уныло подтвердил священник, – было три часа ночи...

– Я уверена, это было пророчеством, – возвестила Аурелия. – Наш Ричард отомстил за отца, и душа кузена обрела мир.

– Герцог Алва – живое воплощение семи зол, – зеленоватые гляделки почти что сверкнули, – ему нет прощения ни земного, ни небесного!

– О да, кузина, – подхватила Аурелия, – убийца благородного Эгмонта наказан!

Луиза обернулась на Айрис, прикидывая, что бы опрокинуть, но девушка промолчала, только вцепилась в ворот платья. Ненастье отобрало у девочки последнюю радость, при такой погоде не погуляешь.

– В Горике я встретил одного знакомого... Мы вместе служили, – торопливо заговорил Реджинальд. – Его величество женится на дочери урготского герцога.

– Ложь! – отрезала Мирабелла. – Альдо Ракан не опустится до купчихи.

– Фома очень богат, – напомнил виконт, – а его величество нуждается в средствах. Содержать армию очень, очень дорого...

– Наль, – подала голос Айрис, – когда Робер получит твое письмо?

– Мой знакомый уже должен быть в Ракане, – Реджинальд застенчиво улыбнулся, – он обещал тотчас же доставить письма.

– Айрис, – герцогиня поджала губы, словно там было чего поджимать, – вам не подобает называть Повелителя Молний по имени.

– Мы любим друг друга, – Айри отодвинула нетронутую тарелку, – для меня он – Робер.

– Пренебрегая приличиями, вы позорите память вашего отца, погибшего во имя Великой Талигойи! – Надо быть последней душой, пытаюсь помирить нетопыря с чайкой. Леворукий бы побрал благие намерения...

Айри часто задышала, ее глаза сузились:

– Мой жених служит своему королю и своему отечеству. Я помню, что восстание поднял герцог Окделл. Я помню, что он проиграл и погиб. Робер не погиб, а победил. Он для Талиг... для Великой Талигойи сделал больше.

– Герцог Эпинэ достоин всяческого уважения! – выпалил Реджинальд и свалил тарелку. Полетели кости и брызги, но их было слишком мало.

– Эпинэ – Люди Чести, – Мирабелла выпрямилась в кресле, хоть это и казалось невозможным, – но в их роду были предатели и еретики. Повелители Молний вернулись на путь служения святому делу лишь недавно. Потомки предателя Шарля склонились перед потомком Алана. Ваш брат и повелитель, Айрис, дав согласие на брак, оказал Роберу Эпинэ честь. Если б не ваше предосудительное поведение, вы могли бы рассчитывать на большее.

На большее?! Это на что же? Алва для святой дуры в одной цене с Леворуким, Приддов мы не жалуем, остается красотун Альдо... Весело!

– Если б я осталась в Надоре, я бы сдохла, как Бьянко! – Девушка рванула воротник и захохотала. – Вы бы упрятали меня в склеп к отцу и были б счастливы! Но лучше в гробу, чем так жить... Чем жить с вами!

Опять! Святая Октавия, опять, но Айри винить не приходится. Она не кусалась до последнего...

2

Чем выше взлетел вчера на призрачных крыльях, тем тошней будет ползти по завтрашнему болоту. У радости свое похмелье, у погоды – свое... Луиджи смотрел на серые дворы, над которыми висели черные тучи, и с трудом верил, что снега могли обернуться бриллиантовыми россыпями.

От недавнего непонятого счастья остались режущие по живому осколки. Все еще чистый, отливающий бирюзой горизонт и тот не радовал, а тревожил. Капитан Джильди снял перчатку и голыми пальцами сгреб с перил отсыревший, слежавшийся снег. Делать было нечего, а идти некуда. Конечно, всегда можно пофехтовать, найти книгу или собеседника, напиться, в конце концов, но при этом ты останешься бездельничающим гостем. Старая Придда живет весенней войной, ей не до чужеземных капитанов, кого бы они ни взяли в плен. Хексбергская битва уже стала прошлым, а смотреть нужно вперед. Что может моряк на суше? В лучшем случае – убить парочку прохвостов. Это весело, но на войне твое место там, где от тебя больше проку.

Галеры не зависят от ветров, они могут прятаться среди островов, подходить к самому берегу... Это пригодилось осенью, пригодится и весной, когда Альмейда отправится к дриксенцам с ответным визитом. Война развязана, Золотой Договор нарушен, хотя правильнее сказать, что его больше нет...

– Господин капитан! – Молоденький порученец влетел на заснеженную галерею, даже не набросив плаща. – Вас просит монсеньор.

– Иду. – В Талиге несколько монсеньеров, но для капитана Джильди таковым является только Ворон. – Господин регент один?

– Сейчас у него командор Райнштайнер.

Значит, что-то не так с письмом для Фельсенбургов. Регент хочет, чтобы родичи кесаря вели переговоры с жадным фельпским капитаном. Что ж, деньги окажутся к месту. Можно выкупить «Влюбленную акулу» и откупиться от дуксов самому. Луиджи Джильди служит тому, кому дал слово, а не отрабатывает чужие сапфиры...

– Капитан Джильди к монсеньору! – бросил на ходу порученец, и здоровенные бергеры распахнули дверь. В Старой Придде покушаться на регента было некому, но, отыщись убийца, ему бы не поздоровилось.

– Входите, капитан. – Герцог Ноймаринен возвышался у камина, еще несколько человек сидело у стола. – Сударыня, благодарю за помощь. Возможно, нам еще придется вернуться к этому разговору.

– Ничто... страшного. Я буду рада оказаться полезной бл... агородным людям. – Из-за герцогской спины показалась тоненькая фигурка в мужском платье, и Луиджи едва не заорал в голос.

– Капитан Джильди, – резко спросил регент, – вы знаете эту девушку?

– Я... – Огромные янтарные глаза, точеный носик, темно-рыжие волосы. – Нет, я вижу ее впервые. Я обознался.

– Жаль! Барон, пусть Карл проводит госпожу баронессу в ее комнаты и проследит, чтобы ее не беспокоили. И напомним ему о портнихе и женщине для услуг. Садитесь, Джильди.

– Благодарю. – Рядом с рослым бергером девушка казалась ребенком. На пороге она оглянулась, посплав печальный взгляд молодому офицеру с каштановыми волосами. Нет, лицом она не походила на Поликсену, совершенно не походила, хоть и была настоящей красавицей...

– И все же, – герцог Ноймаринен явно решил докопаться до сути, – кого вам напоминает наша гостья?

– Одного из офицеров «Морской пантеры». – Зачем скрывать то, что давно не имеет значения. – Был такой галеас. Им командовала сестра бордонского дожа, ее офицерами были женщины. Та, о ком я говорю... Она умерла на моих глазах, а ваша гостья была в военном платье...

– Это неважно. – Ноймаринен разом утратил всякий интерес. – Капитан, вы на протяжении нескольких месяцев находились рядом с Алвой. Он что-нибудь говорил о гоганах?

– О ком? – удивленно переспросил Луиджи.

– О гоганах, – невозмутимо повторил регент и медленно пошел вдоль стены. Об этой его привычке Джильди предупредили перед первой аудиенцией. – На подносе глинтвейн. Пейте.

Фельпец послушно взял кружку, нестати припомнив вечер на вилле Бьетероццо; на душе стало еще гаже, чем было. Мерзкая погода, мерзкие воспоминания, мерзкое настроение, а Вальдес прав: Руппи с его адмиралом в Эйрехте делать нечего.

– Монсеньор, – генерал Ариго отодвинул стул и уселся рядом с вернувшимся бароном, – я переговорил с гонцом маркграфа. Вы правы, это не срочно.

– Мы не можем знать, что важнее в глазах Создателя: битва народов или же взмах крыла голубя, – проворчал регент. – Помнишь, кто сказал?

– Забыл! – Ариго без лишних слов притянул к себе кружку. Похоже, новости из Бергмарк были не из приятных.

– Капитан Джильди, – напомнил Ноймаринен, – вы вспомнили?

– Нет, – протянул Луиджи, – разве что... Монсеньор купил у гоганов лилии для мистерии.

– Ну хоть что-то, – проворчал Ноймаринен. – Я знаю, вы рассказали все, что могли, но герцог Придд и его спутница сообщили о новых обстоятельствах. Подумайте, не случилось ли в вашем присутствии чего-то, что невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла?

Выходит, офицер с каштановыми волосами – тот самый герцог, чье появление положило конец веселью. Девушка была с ним, и она что-то знала... Что?

– Господин регент имеет в виду то, что люди просвещенные предпочитают не замечать, – пояснил бергер. – Не упоминал ли в вашем присутствии герцог Алва или кто-либо иной о выходцах, проклятиях, пророчествах и тому подобном?

Тому подобное было, и еще как, но бред о девушке на белом коне принадлежит только капитану Джильди и маршалу талигойскому.

– Я слышал, как порученец герцога рассказывал о своем отце. Тот стал выходцем, но это случилось до того, как Герард поступил на военную службу.

– Кто этот порученец? Как его имя? Как он попал к Алве?

– Кажется, заменил бывшего оруженосца. Куда тот делся, я не знаю. Герард Арамона предан Монсеньору до мозга костей... Хотя теперь он рэй Кальперадо.

– Росио сменил ему имя? – Регент резко остановился. – Почему вы не сказали это сразу?

– Не считал важным. – Джильди с удивлением оглядел собеседников, трое из четверых были встревожены. – Это произошло перед самым отъездом герцога из Урготеллы. Он хотел обеспечить Герарду хоть какое-то будущее...

– Именно что «хоть какое-то». – Регент подошел к столу, взял остывшую кружку, но остался стоять. – В связи с чем Герард рассказал о своем отце?

– Капитан «Морской пантеры», о которой я говорил, была взята в плен. Позже она исчезла, а все, кто находились в доме, сошли с ума. Герард вспомнил, что так же было и с их слугами в каком-то маленьком городке. После этого семья уехала в столицу.

– Выходцы приходят за теми, кто лишил их жизни, а также за кровными родственниками, супругами и сожителями. – Бергер говорил о привычках нечисти, словно о диспозициях вражеских армий. – Непричастные их просто не видят, они не могут лишиться рассудка.

– Однако лишились. – Герцог Ноймаринен, не выпуская кружки, пустился в привычный путь. – Алва дал Герарду Арамоне новое имя, а герцог Придд столкнулся с выходцем, который искал своего убийцу, но был обманут гоганским закланием...

– Вице-адмирал Вальдес к монсеньору, – рывнуло у дверей.

– Я нужен? – Вопреки своему обыкновению, Ротгер не улыбался. Спор из-за пленных не прошел даром.

– Ты имел дело с выходцами? – в упор осведомился регент.

– Нет, – устало отмахнулся Ротгер, пробираясь к окну, – в Хексберг их не держат. Там слишком живут...

– Ротгер, – подался вперед Луиджи, – помнишь? Мы возвращались в Хексберг, солнце садилось очень странно. Ты еще сказал, что оно пляшет... И что плачут... Ты их называл девочками.

– Когда это было? – не замедлил взять след барон.

– Перед сражением, – попытался припомнить Джильди, – кажется, в десятый день Осенних Молний... Или в одиннадцатый...

– В одиннадцатый? – впервые подал голос Придд.

– Почему вы спрашиваете? – Какой странный и неприятный разговор, под стать погоде... Хоть бы снег пошел, что ли!

– Это может быть совпадением, – предупредил Придд, – но в одиннадцатый день Осенних Молний в Олларии разрушили гробницу Франциска Первого и Октавии. Один из рабочих погиб на месте в верхней церкви, остальные спустились вниз. Гробница располагалась в древнем храме. Судя по изображениям найери, он был посвящен Волне.

– Любопытно, – регент досадливо сунул кружку на каминную полку, – очень любопытно, но вы недоговариваете...

– То, что я сказал, не вызывает сомнений. – Какой ровный голос, о хорошем говорят иначе. – Что до остального, то меня насторожил ряд совпадений. Выходец, которого видели я и баронесса Сакаци, будучи живым, присутствовал при уничтожении усыпальницы. Церемонией распорядился барон Айнсmeler. В день коронации его разорвала на куски толпа. Правда, это было сделано по приказу господина Альдо.

Несколько человек, откровенно приветствовавших надругательство над Франциском и Октавией, погибли в Доре в первый день Излома. Там же, у фонтана, я видел очень странную девочку пяти или шести лет. Возможно, я был излишне взволнован, но мне показалось, что у нее нет тени.

– Это было днем? – не понял Ариго.

– Да, – подтвердил Придд, – но насчет тени я могу ошибаться. К тому же в Доре погиб и граф Рокслей, а он вел себя в усыпальнице достойно. Простите, я забыл сказать, что перед тем, как отдать приказ о разрушении храма, господин Альдо обрадовал собравшихся известием о вторжении дриксенских войск в Марагону и их несомненной победе.

– Вальдес! – Ноймаринен ухватил адмирала за плечо. – Ты должен вспомнить, когда в Хексберг плакали ведьмы.

– Когда плакали? – Ротгер вцепился в раму, за которой клубилось что-то черно-красное. – Они сейчас плачут... Плачут, как никогда раньше!

3

За окном выло, внизу – грохало, а по разгромленным комнатам гуляли сквозняки. Двери были распахнуты, сундуки – выпотрошены, на столах, скамьях, кровати валялось все, что могло валяться. Посреди сотворенного ею хаоса стояла Айрис в дорожной одежде. Девушка казалась даже не бледной – серой.

– Я еду! – объявила она. – Я сейчас еду...

Луиза закрыла дверь, подняла с пола голубую алатскую шаль, свернула, положила в сундук. Капитанша ничего не сказала, но Айрис вздернула подбородок.

– Я уезжаю, – почти выкрикнула она, – я не могу... Я здесь не останусь!.. Только не здесь...

– На ночь глядя? – Луиза пригладила волосы и присела на выглядывавший из-под тряпок краешек кресла.

– Кузина, – простонал топтавшийся у окна Реджинальд, – ты... Ты не должна!.. То есть погода и... надо дожидаться Эпинэ...

– Нет! – закашлялась Айри. – Не здесь!.. Будем ждать у Левфожа...

– Хорошо. – Нужно ее успокоить, пока не начался приступ. Успокоить, уложить, напоить чем-то вроде кошачьего корня. – Мы уедем, как только кончится метель. Старый Джек...

– Джек не знает! – Глаза девушки стали безумными, на скулах проступили красные пятна, после драки с братцем она была такой же. – Никто не знает!.. Сэль, ты... Ты со мной?!

– С тобой, – дочка затравленно глянула в сторону окна, – только там снег...

– Там еще и темно, – напомнила Луиза. – Айрис, одна ночь ничего не решает. К утру ветер может и стихнуть.

– Я не останусь. – Айрис ничего не слышала и не желала слышать. Она держалась, сколько могла, не ее вина, что две старые дуры всеми копытами прошлись по больному.

– Кузина! – Реджинальд выбрал время и бухнулся на одно колено. – Я не оставлю вас.

– Виконт, – устало сказала Луиза, – вы про снежные обвалы помните?
– Помню. – Бедняга от волнения стал красным, а Селина – малиновой. Себя Луиза, к счастью, не видела. – Айрис, госпожа Арамона права... Дорога очень опасна, очень!.. Днем проще.

– Я знаю, – Айрис порывисто встала, – я еду, а вы... Сэль, я... я не могу здесь!

А кто может? Но не бросаться же с головой в метель. Конечно, их будут искать. И найдут. Весной. Среди анемонов.

Айрис потянула из кучи тряпок плащ с капюшоном. Ну и что с ней прикажете делать? Треснуть по башке на глазах у влюбленного виконта и лучшей подружки и запереть? Луиза пожала плечами и поднялась:

– Айрис, что у тебя под нижним платьем?

– Рубашка, – в серых глазах мелькнуло что-то похожее на мысль, – шерстяная.

– Правильно, – одобрила капитанша, – но лучше надеть еще одну. Реджинальд, если вы хотите сопровождать кузину, вам следует собраться. Селина, оденься, как Айрис, и помоги мне.

– Вы со мной? – Вызов на лице Айри сменился счастьем. Святая Октавия, и как ее, такую, обмануть?!

– Я дала слово Монсеньору, – изобразила обиду ду-энья. – Реджинальд, пригласите сюда вашего отца. Герцогиня сообщит ему о своем решении. – А он начнет блять, и это займет еще какое-то время. От сборов Айрис остынет, а остальное должны доделать ночь и выюга...

– Наль, не ходи! – Айрис вновь походила на встрепанную кошку. – Не смей!

– Почему? – Госпожа Арамона снова уселась. – Мы не сможем уехать тайно от конюхов и привратников. Если они нам помогут, у них будут неприятности, если они попробуют нас задержать, мы с ними не справимся. Граф Ларак ваш опекун, он разумный человек...

– Он – тряпка! – отрезала девица, но губы у злюки малость порозовели. – Как скажет матушка, так и сделает.

– Эрза Мирабелла не успеет ничего сказать. – Жаль, нет под рукой вышивания, хотя это было бы слишком. – Граф Ларак узнает, что ты хочешь его видеть, и поднимется к тебе...

– Нет, – уперлась Айри, – не сюда! Пусть идет в конюшню.

4

– Они не пойдут. – От Ларса вовсю несло касерой.

– Тебя не спрашивают! – шикнула на конюха Айрис. – Неси седла! Живо!

– Ох, не пойдут... – предрек невольный убийца Бьянко, но за седлами пошел. Айрис нетерпеливо рванула дверь в денник. Серебристая Майпо радостно потянулась к хозяйке, но тут же отпрянула и, всхрапнув, уткнулась головой в дальний угол. Айрис, протянув руку, очень медленно двинулась следом, и Луиза поежилась. Капитанша не то чтоб боялась лошадей, но предпочитала их не утешать. Может, взволнованная кобыла и приятней взволнованной бабы, особенно если та вроде Мирабеллы, но там, где человек распустит язык, конь врежет копытом. К чему это приводит, капитанша видела, но Айрис явно предпочитала объясняться не с маменькой, а с Майпо.

– Что с тобой? – Тонкие пальцы ласкали светлую гриву. – И не ешь ничего... Не нравится? Скоро у тебя будет хорошее сено...

– Эрза, – угрюмо объявил обвешанный упряжью Ларс, – велите седлать?

– Выводи! – потребовала Айри. – Что ты ей задал? Она же не ест ничего!

– Что всем. – Конюх вздохнул, окутав госпожу и ду-энью касерным облаком. – Говорю же, не едят они... Беспокоятся... Как Невепрь задурил, так они и задергались. Один Баловник трескает, как не в себя, ну да он завсегда такой... Так выводите?

– Я сама! – Айрис ухватила недоуздок, Майпо фыркнула, но из денника вышла и даже

позволила привязать к кольцам ремни. В глубине конюшни протестующе заржали. Похоже, у Наля дела шли не столь успешно.

– Айрис, дорогая! – Эйвон с негаданной прытью влетел в конюшню. – Куда ты?

– Я должна ехать, дядя, – Айрис была почти спокойна, – и я не останусь.

– Я... я тебя понимаю, – Ларак вел себя почти как мужчина, – но я прошу тебя остаться до конца бурана или хотя бы до утра.

– Нет. – Айрис потянулась за седлом, но Эйвон опередил родственницу. – Мы едем немедленно.

– Айри, ты не представляешь, что творится за стенами. – Губы и глаза Эйвона убеждали, а руки умело затягивали подпругу. Если б у него были приличные кони, он бы ездил не хуже Эпинэ, но что же делать?! Кошки б разодрали Аурелию, ведь все было почти хорошо! Айри перестала ненавидеть, да и Мирабелла начала походить на человека, и на тебе! Сияющие раны, отрубленная тень и все прахом...

– Сударыня. – Эйвон надел на Майпо уздечку и все-таки вздохнул: – Сударыня, я вижу, вы намерены сопровождать...

– Да. – Сил нет смотреть, как он ищет слова. – Это мой долг.

– Я не могу вас отпустить!

– Я же говорила! – Айрис вцепилась руками в повод Майпо. – Мы уедем! Мы все равно...

– Ты меня не поняла! – На лице графа появилось выражение одержимости. – Я не могу вас отпустить одних, даже с Налем и Ларсом. Я еду с вами! Буря, конечно, сильная, но если ты твердо решила...

– Дядя! – Айрис, не дослушав, с каким-то всхлипом бросилась Эйвону на шею. Граф обнял племянницу, но смотрел он не на нее. Закатные твари, а он вообще думает возвращаться?!

5

Ночь смешалась со снегом, и он стал черным. Воющая холодная каша вызывала оторопь и у людей, и у коней. Бедняги дали себя оседлать, но во дворе заупрямились, возродив в Луизе надежду. Теплая конюшня казалась капитанше восхитительно безопасной, но Айрис решила, а влюбленные Лараки подлили масла в огонь.

– Стой! Стой, заррраза! – Мимо Луизы с пронзительным ржаньем пролетела какая-то лошадь. Насчет бури у нее явно было собственное мнение.

– Баловник! – выкрикнул Эйвон, перехватывая повод Луизиной кобылы. И вовремя. Дурища шарахнулась в сторону, едва не налетев на Реджинальда.

– Скотина безрогая! – возопил Ларс вслед ускользнувшему нахалу. – Вырвался-таки!

– Он хочет с нами! – Айрис торопливо зачихнула волосы под капюшон. – Пусть идет!

Дурной пример заразителен. Упирившаяся Майпо подчинилась и двинулась к воротам, Эйвон тоже справился со своим одром и потащил за собой Луизу. Селиной, за неимением Левфожа, занялся Наль.

Под прикрытием башен дело пошло легче. Обалдевшие привратники сняли запорный брус и налегли на утонувшие в снегу ворота. Если б только они были потяжелее, но занявшие гнездо мятежников солдаты выломали окованные железом створки и разбили подъемный механизм.

Гнедая Селины жалобно заржала и попятилась, но Наль был начеку. Дочка благодарно кивнула. Она тоже хотела сбежать...

– Граф, – смешанное со страхом раздражение требовало выхода, – похоже, из людей в здравом уме только я, а из коней тронулся только Баловник.

– Эрза, кони, они те же дети, только очень большие. – На Эйвона обуявшая его даму злость не действовала. – Конюшня для них – дом. Там они чувствуют себя в безопасности.

Насильно увести их туда, где им страшно, непросто. Дети ведь тоже прячутся под столом, даже если в доме пожар и спасения следует искать на улице.

– Сейчас не пожар, а буран, – напомнила Луиза, с ненавистью глядя на расширяющуюся щель между воротами, – но лошади умнее нас с вами. Эр, вы соображаете, что делаете?

– Доверьтесь мне! – потребовал любовник. – Скоро мы будем в безопасности.

Рехнулся. Все они рехнулись, а мчатся с доносом к Мирабелле поздно. Эйвон, конечно, свою даму не бросит, но молодняк сбежит. Значит, пропадем все.

Ворота пронзительно взвизгнули и подались еще на локоть. Первым, распутив хвост и едва не сбив то ли Томаса, то ли Джека, на мост вылетел ошалевший Баловник. Следом с жалобным ржаньем прыгнула пришпоренная Майпо.

– Когда кончится буран? – крикнул Эйвон, поудобней перехватывая повод Луизиной рыжухи.

– Дед говорит, уже кончился, – усмехнулся то ли Томас, то ли Джек. – Никак не верит, что метет...

– Эрэа, прикройте лицо, – посоветовал Эйвон, и они нырнули в метель. Луиза едва не задохнулась в чем-то холодном, мокром и остром, что просто не могло быть обычным снегом. Сразу стало не до страха. Женщина понимала, что они на крепостном мосту, свалиться с которого проще простого, но это больше не пугало. Эйвон что-то крикнул, но его голос утонул в визгливом вое. Капитанша, ничего не соображая, кивнула и зажмурилась, не понимая и не желая понимать, что с ней, а потом в уши ударили отчаянное ржанье и крик Айрис. Майпо била копытами на краю моста, не желая сделать и шагу. Обычно кроткую, лошадку точно подменили, она осаживала, то и дело вскидывалась на дыбы, колотя передними копытами воздух, и испуганно храпела. Ноздри кобылы широко раздувались, вытаращенные глаза казались белыми...

– Волки, – догадалась Луиза, – там, впереди, волки!

– Айрис, назад! – Эйвон обернулся к Луизе. – Вы удержите лошадь?

– Удержу!

Айри отступать не хотела, но Майпо, уловив момент, крутанулась на задних ногах и прыгнула со всей силы, едва не свалившись с моста. Она явно собралась в конюшню, но дорогу загородили четверо всадников. Лошадь захрапела, шарахнулась вбок и замерла. Ларак перевел дух, кивнул то ли подозрительно хватавшей воздух Айри, то ли возлюбленной, и послал коня на мост. Жеребец послушно сделал пару шагов и встал. Намертво.

Глава 5

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Вечер 11-го дня Зимних Ветров

1

Рокэ Алва шел, глядя прямо перед собой и слегка улыбаясь. Другой на его месте был бы смешон или жалок, но знаменитая красота Ворона и его не менее знаменитая дерзость делали свое дело. Даже скованный и обнаженный, герцог поражал воображение, и какая-то подвыпившая по случаю казни горожанка громко завопила:

– Хорош!

Рокэ обернулся на голос и весело подмигнул. Ответом стала буря восторженных воплей:

– Вас бы так провести – отворотясь не наплюешься!..

- Такому штаны без надобности!
- Чем такого жеребца калечить, лучше бабам отдайте!
- И то верно! Жеребца днем с огнем не найдешь, одни мулы!
- Почему мулы? Каплуны еще...

Кто-то из гимнетов под вой толпы торопливо набросил на плечи осужденного лиловый плащ, и Алва засмеялся. Он наслаждался происходящим, словно его ждала не казнь, а награда, и вернее всего, так и было. Ворон наконец освободится от бессмысленной жизни, от преступлений, совершенных предками, и обретет покой. Но сюзерен допустил ошибку. Чернь на стороне Алвы, не следовало вести осужденного пешком через весь город, хватило бы и сотни надежных свидетелей. Тех же послов и негоциантов, только не талигойских...

- Монсеньор, к вам курьер из Надора.

Смеющийся Ворон исчез. Его место занял сменивший Джереми Эмиас. Камердинер с трудом скрывал изумление, и Ричард с облегчением понял, что задремал прямо в кресле, а делать этого не следовало. Послеобеденный сидячий сон чреват кошмарами, это говорил еще отец.

Юноша небрежно провел рукой по волосам и усмехнулся:

- Спать после обеда неправильно, не правда ли, мой друг?
- О да, монсеньор. Это способствует полнокровию. – Эмиас показал себя отменным камердинером, но с солдатом было бы проще и надежнее. Жаль, солдаты не знают тонкостей, обязательных для личного слуги одного из первых вельмож королевства... И все же, если б Джереми не исчез, Ричард предпочел бы верность умению.
- Я еще молод для того, чтобы получить удар. – Этот сон ничего не значит, равным счетом ничего! – Пригласите курьера.

Сновидения суть отражение наших мыслей. Воспоминания о суде смешались с древними обычаями и рассказом Лаптона о выходках черни, вот и приснилось. Обычное дело, не стоит обращать внимания! Альдо никогда не позволил бы вести Алву пешком, а раздевать осужденных – дикость. Не все гальтарские традиции стоят того, чтобы их возрождали: суд зориев это убедительно доказал...

– Курьер к монсеньору! – Эмиас пропустил вперед себя высокого, худого парня. Чарли, внук старого Джека!.. Значит, не от Наля, а от матушки.

- Что случилось? Надеюсь, в Надоре все здоровы.

– Да, эр Ричард. Я привез письмо от эрза. – Чарли протянул потрепанный футляр, и Дику стало неловко. Матушка упорно цеплялась за нищету и старье. При Олларах это еще имело смысл, но теперь откровенно унижало.

– Спасибо, я сейчас же прочту. – Он послал в Надор три письма в хороших футлярах с вепрями, куда, хотелось бы знать, мать их дела? – Эмиас, отведите курьера вниз. Проследите, чтоб его накормили, и подберите ему новую ливрею и приличную лошадь.

– Да, монсеньор. – Камердинер был сама невозмутимость, но Ричард не сомневался, что слуга заметил и грубую куртку, и стоптанные сапоги, и деревенскую физиономию... Письма должны возить курьеры, а не младшие конюхи, но матушке это не объяснить.

Ричард вскрыл футляр и испорченное дурацким сном и головной болью настроение стало еще хуже.

«Возлюбленный сын», – писала мать, – мне понятно Ваше длительное отсутствие в родовом замке. Ваше нынешнее положение и военное время требуют постоянного присутствия в столице, однако мы не виделись слишком долго. Осенью 397 года я проводила Вас в Лаик, с того времени мы виделись всего лишь раз и расстались недостойно. Нам следует как можно скорее встретиться и понять друг друга.

Вы и Ваши сестры – мои дети, и я отвечаю перед Создателем и своей совестью за Ваше будущее. Моя строгость проистекала из лучших намерений, ибо моим долгом было защитить Вас от ошибок и соблазнов, в том числе и от тех, коим поддался Ваш отец.

Вы, Ричард, хоть и не достигли полного совершеннолетия, добились многого. Вы видели войну, стали близким другом его величества и его верным соратником. Скоро, без

сомнения, Вы исполните и свой долг перед домом Скал, продолжив род Окделлов. Теперь я могу быть с Вами откровенна. Смерть Вашего отца искупила его вину, в том числе и перед Вами, но Эгмонт Окделл не был безупречен. Тем не менее Создатель велит нам прощать, и я простила своего супруга, положив жизнь на то, чтобы Эгмонта Окделла вспоминали как истинного Повелителя Скал, достойного потомка святого Алана и мученика Истины. Мне это удалось, но я не намерена и далее скрывать правду от своего единственного сына. Надеюсь, Вы встретите этот удар со свойственным Окделлам мужеством, ведь Вы – глава Дома и скоро на Ваши плечи ляжет ответственность за судьбы Ваших сестер и Ваших вассалов. При встрече я расскажу Вам о проступках и ошибках Вашего отца, дабы Вы их не повторили, сейчас же перейду к самому важному.

Да будет Вам известно, что в 387 году был заключен договор о женитьбе Его Высочества Альдо Ракана на Вашей сестре Айрис. Если бы Айрис, с рождения отличавшаяся хрупким здоровьем, не дожила до брачного возраста, ее место заняла бы следующая дочь герцога Окделла. К несчастью, Ваша сестра Айрис своим неподобающим поведением, по сути, расторгла помолвку и не может рассчитывать на большее, нежели брак с герцогом Эпинэ.

Моя старшая дочь и Ваша сестра, как это ни горько, уронила фамильную честь, она виновата перед его величеством, но Создатель заповедовал нам милосердие. Я прошу Вас во имя Вашей дружбы с герцогом Эпинэ сохранить в тайне расторгнутую помолвку и просить о том же его величество. Однако, несмотря на поведение Айрис, репутация Ваших младших сестер безупречна, и о помолвке Дейдри может быть объявлено на свадьбе старшей из сестер Окделл.

Ваш долг перед домом Скал заключается в том, чтобы объяснить его величеству, что помолвка Айрис Окделл и Робера Эпинэ не свидетельствует об отказе Дома Скал от своих обязательств. Вы должны попросить прощения за неподобающее поведение Вашей сестры и напомнить его величеству, что ему не следует становиться посаженным отцом Айрис Окделл, так как Церковь приравнивает брак между сестрой невесты и ее посаженным отцом к кровосмешению.

Что до Вашей собственной женитьбы, то я не сомневаюсь, что Ваш выбор падет на девушку, во всех отношениях достойную, однако Повелители Скал стоят столь высоко, что найти спутницу жизни, равную Вам по происхождению, невозможно. У его величества нет ни сестер, ни дочерей. То же относится и к герцогу Эпинэ. Вдовая сестра герцога Придда намного старше Вас, а род Алва покрыл себя несмываемым позором. Кем бы ни была Ваша будущая супруга, она будет уступать Вам по происхождению, следовательно, Вы можете прислушаться к голосу сердца и избрать себе в спутницы девушку, к которой будете испытывать склонность.

Брак, основанный лишь на долге, может быть крепким, но он не принесет счастья ни Вам, ни Вашей супруге. Я, однако, испытываю надежду на то, что Вы будете счастливей Ваших родителей и Ваша жизнь будет долгой и исполненной заслуженного успеха и радости.

Я намерена приехать в Ракану вместе с дочерьми и оставаться там до помолвки Дейдри. Наши комнаты должны быть готовы к середине месяца Зимних Волн. Проследите также, чтобы мое письмо его высокопреосвященству Левию было передано незамедлительно, и присовокупите к нему достойные пожертвования на храм Святого Алана и на поминовение Вашего отца, ибо душа его нуждается в прощении и наших с Вами молитвах.

Да благословит и да сохранит Вас Создатель.

Любящая Вас мать.

Надор, 23-й день Зимних Скал 400 года К.С.» .

– Мой друг! Мой дорогой друг! – Барон Капуль-Гизайль, раскрыв объятия, летел к Роберу через обширную прихожую. – Как же я счастлив! Вдвойне счастлив, ведь у нас сегодня подают угря! Разумеется, не для всех, но эти бездельники в нижних комнатах озабочены лишь карточной игрой и сплетнями, они прекрасно обойдутся пятнистой форелью...

– Здравствуйте, барон, – Робер неумело отстранился, протянув гостеприимному хозяину руку, – как себя чувствует ваша супруга?

– Она немного хандрит, – воспитатель морискилл заговорщицки понизил голос, – но визит лучшего из друзей вернет ее к жизни. Друзья, новое платье, настоящее мансайское и угорь... И еще музыка! Это то, что возвышает нас над животными, я уж не говорю о неодушевленной материи. Вы согласны?

– Согласен, – пробормотал Иноходец, меньше всего собиравшийся возвыситься над кем бы то ни было при помощи угрей, а вот вино и хозяйка были кстати. Ночевать дома не хотелось до одури.

– В вашем голосе не слышно металла, – маленький барон укоризненно качнул круто завитым паричком, – а маршал должен излучать уверенность. Непререкаемую уверенность. Что станет со всеми нами, если военные начнут сомневаться?

– Не знаю, – Эпинэ невесело усмехнулся, – но слишком уверенные в собственной непогрешимости кончают плохо.

– Шшшшшш, – замахал ручками Капуль-Гизайль, – не пугайте меня, я и так испуган! Эвро, негодница, ты куда?!

Высочившая из будуара левретка, даже не взглянув на гостя, исчезла за оранжевым занавесом. Следом промчался белый зверь, похожий сразу и на льва, и на кролика. Граф Ченизу снова был у Марианны.

– Они нравятся друг другу, – барон задумчиво пожевал губками, – но такая разница в размерах... Будь наоборот, можно было бы подставить кавалеру пуфик, но в данном случае... Эта привязанность может погубить Эвро, вы не находите?

– Не знаю, – начал Робер, но барон торопливо шикнул:

– Молчите, умоляю! Только не при Марианне, она слишком впечатлительна! Дорогая, посмотри, кого я привел!

– Какой чудесный сюрприз! – просияла баронесса. – Я не ждала вас раньше чем послезавтра.

– Этот вечер без вас был бы ужасен, – сказал чистую правду Эпинэ, – я собирался заняться делами службы, но понял, что не могу...

– Новолуние! – с видом знатока изрек господин Капуль-Гизайль. – Все дело в новолунии. Оно смущает наши чувства и заставляет следовать не разуму, но порывам души.

– В таком случае, – баронесса шаловливо засмеялась, – я не сдержу порыва и покажу милому Роберу новое платье.

– Буду счастлив! – Женский голос, свет, запах цветов и вина... Как же это успокаивает!

– Показать вам мою коллекцию? – поспешил заменить супругу барон. – Вы ведь так и не видели моего гальтарского собрания...

Гальтарские реликвии... Все началось с них! С похожей на гроб шкатулки, влезшего к Матильде вора, разговора с Адгемаром о старине, которую лучше не тревожить.

– Боюсь, я ее не смогу оценить по достоинству, – покачал головой Робер, – с вашего разрешения, я присоединюсь к гостям. Может быть, даже сыграю...

– Если это считать игрой. – Капуль-Гизайль пренебрежительно махнул рукой. – Боюсь, в столице почти не осталось игроков. Конечно, есть граф Ченизу, но он теперь предпочитает лютню, и я его понимаю. Во-первых, музыка, даже самая легкая, прекрасна, а во-вторых, в игре со слабейшими нет радости.

– Вы полагаете, что...

– Что в городе нет партнера под стать виконту Валме. Простите, никак не могу забыть его прежнее имя...

– Вы позабыли о герцоге Алва, – зачем-то напомнил Эпинэ. – Он в городе, и он, как мне говорили, непревзойденный картежник.

– О нет! – не согласился барон. – Он в городе, но он не в моем доме. Что ж, раз вы решили сыграть, играйте, а я проведу угрей. Ужин для друзей подадут через час после общего. Умоляю, не перебивайте аппетит в нижних комнатах!

– Я постараюсь. – Робер едва успел отскочить, дав дорогу львиному псу господина Ченизу. Пес волок в пасти визжащую левретку, та, как могла, извивалась. Кобель на бегу перехватил ношу поудобней, сделал пару шагов и подкинул обслюнявленную Эвро вверх. Левретка шлепнулась на спину, но сразу вскочила, шмыгнула между ног кавалера, цапнула то, что у обычной собаки зовется хвостом, и кокетливо отпрыгнула. Кавалер разразился громоподобным лаем, развернулся и понесся за твякающей дамой, едва не опрокинув слугу с корзиной палевых роз. Эпинэ невольно расхохотался. Донимавшей с самого утра тревоге в этом доме было не место. Робер отодвинул золоченый изящный засов и вышел из апартаментов хозяев в общие комнаты.

Игра шла в Янтарном салоне, и в уютном, украшенном шпалерами зале было не так уж и много гостей. Возле окна что-то обсуждала стайка гвардейцев во главе с Тристрамом, в креслах у камина смаковали вино трое разряженных в пух и прах старикашек, а у дверей задумчиво вертел головой хмурый Дикон, и Эпинэ почувствовал себя последней свиньей. Карваль привез мальчишку три дня назад, а у господина Первого маршала для сына Эгмонта так и не нашлось времени. Нужно было скакать в Ларрину, заниматься фуражом и заговором, разбираться с охраной Нохи, врать сюзерену, но это хотя бы были дела, причем неотложные. В отличие от Марианны, к которой Робера занесло из дурацкого страха то ли перед пустым черным небом, то ли перед собственным домом, то ли просто перед одиночеством...

Ричард кончил раздумывать и направился к другу и будущему родичу. Так, по крайней мере, бедняге казалось. Одет Повелитель Скал был с иголочки и все равно казался взъерошенным и до безобразия молодым.

– Извини, что не успел к тебе выбраться! – с ходу выпалил Дикон. – Я завтра собирался! Из Надора письмо пришло...

– Это ты извини, – запротестовал Эпинэ, сглатывая подступивший к горлу комок, – но Альдо сказал, что с тобой все в порядке, и отослал меня в Ларрину. Я потерял целый день, а потом мы с Карвалем просто утонули в делах. Только сегодня дно показалось.

– Я предупреждал, что Придд изменит, – Ричарду было не до маршальских забот, – меня не услышали.

– Зато ты слышал про засаду, – вздохнул Эпинэ, – одно другого сто́ит. Видеть всюду предателей не менее опасно, чем не видеть нигде. Если б ты поехал по Триумфальной, ничего бы не случилось.

Зачем он спорит? Мальчишке легче думать, что он не ошибся. И потом, все обернулось к лучшему, Дикон, Алва, Мевен, Валентин живы, а Ноксу туда и дорога.

– Случилось бы, – набычился Дикон. – «Спруты» расползлись по всему городу. Они были всюду. Понимаешь, всюду!

– Они не могли быть всюду, иначе нам бы давно пришел конец. Вспомни, гвардия Придда насчитывала не больше четырехсот человек. – Лицо Ричарда окаменело, и Робер махнул рукой. – Ладно, что сделано, то сделано. Чем думаешь теперь заняться?

3

Вопрос Иноходца застал Ричарда врасплох. Робер, как и положено вояке, все мерил шпагой. Политики для него не существовало, как и древних знаний.

– Альдо хочет, чтобы я отдохнул, – начал юноша и понял, как глупо это звучит. – Кроме того, я должен... узнать одну вещь. Прости, я не могу об этом говорить.

– Так не говори! – огрызнулся Иноходец. Он был не в настроении, но ссоры хотелось

не больше, чем нотаций.

– Пришло письмо из Надора, – перевел разговор на другое Дик. – У них все в порядке, но матушка... Она хочет приехать на свадьбу.

– Это понятно. – Робер оглянулся в поисках лакея. – Огюст, подайте нам чего-нибудь в альков. Лучше красного.

– Я предпочел бы «Слезы», – поправил Дикон. – Робер, это невозможно! Она не должна приезжать и привозить Дейдри!

– Не хочешь подвергать их опасности? – Эпинэ больше не злился. – Ты прав, в городе неспокойно, а на дорогах – тем более. Свадьбу придется отложить. Я напишу Айрис и эрэа Мирабелле.

– Ты не знаешь матушку! – Прав ли он, доверяя тайну Роберу? Прав, ведь то, что известно одной женщине, известно всему миру. – Они не должны приезжать, потому что Альдо был обручен с Айрис, а ему нужно жениться на урготской принцессе. Матушка хочет говорить с кардиналом. Если Левий узнает о помолвке, он все испортит.

– Закатные твари! – выругался Эпинэ, опускаясь в кресло. – И давно ты об этом знаешь?

– Письмо пришло сегодня. – Дик уселся напротив Робера и замолчал, выжидая, пока лакей расставит бутылки и наполнит бокалы. Письмом мать не унять, она явится вместе с Дейдри и потребует исполнения договора, а это недопустимо. Альдо нужен меч Раканов и золото Фомы. Нет! Как ни лестен для Окделлов союз с Раканом, сейчас он невозможен, да и что значит брак Дейдри по сравнению с дружбой сюзерена и будущим Анаксии!

– Который это год? – Иноходец поднял бокал, разглядывая вино на свет. В этом не было ничего необычного, так поступали и Савиньяки, и Оскар Феншо, и все равно захотелось отвернуться.

– «Слезы» триста шестидесятого, – с гордостью ответил слуга. – «Кровь» триста сорок второго.

– Хорошо, – нетерпеливо тряхнул головой Робер. Лакей понял и исчез. – Значит, о помолвке ты не знал?

– Нет. Правда, я не понимал, почему Айрис не искали жениха, но я не думал... Понимаешь, дело не в Айрис и не в тебе! Твое сватовство ничего не изменило. После всего, что натворила эта дура, Альдо на ней жениться не мог, но в договоре... Там сказано, если что-то случится со старшей сестрой, Альдо женится на младшей, а Дейдри очень послушная.

– Я с тобой согласен, – хмуро сказал Робер, – эрэа Мирабелла с дочерьми должна остаться в Надоре. Хорошо, что твоя матушка – поборница этикета, а по этикету невесту забирает из дома жених, и только жених. Альдо меня отпускает, но дела требуют моего присутствия здесь. Они в самом деле требуют. Я напишу Айрис, а ты напишешь эрэа Мирабелле и Лараку, что свадьба переносится... Как думаешь, на сколько?

– До Летнего Излома. – К этому времени Альдо получит меч и ему никто не сможет повредить. Даже Ворон...

– Хорошо. – Робер поднял бокал. Визиты к Марианне явно шли ему на пользу. Он повеселел и перестал лезть с поучениями. – А теперь за твое возвращение! Пусть судьба хранит тебя и дальше!

– Мы обречены на победу! Орстон! – Иноходец сам не знает, насколько он близок к истине. Раканов и тех, кто им верен, хранит сама Кэртиана, а неудачи... Что ж, они случаются со всеми, но это не значит, что нужно сидеть сложа руки.

«Вдовья слеза» окончательно смыла неприятный осадок. Приснившаяся единожды чушь не вернется, а мать останется в Надоре, зато письмо можно расценить как благословение. Для Катари это будет важно, но сначала ее придется вырвать из лап Левия.

– Послушай, – только б Эпинэ не догадался о его любви, это сейчас ни к чему, – ты давно виделся с... со своей кузиной? Она ведь все еще в Нохе?

– Да, – рассеянно кивнул Робер, – но у меня не хватило времени даже на тебя, а Катарины никто не похищал.

– Ты на нее сердишься? – не выдержал Дикон. – Но она не виновата, ее заставил Левий...

– Ей не оставили выбора, – нахмурился Эпинэ. – Мужчина может поступиться честью ради дела, но требовать такой жертвы от женщины...

– Ты прав, – быстро сказал Дик. Робер с Катари не виделся, продолжать разговор не имело смысла. – Ты видел здесь урготского посла? Знаешь, кем он был раньше?

– Знаю, – Робер поморщился, словно «кровь» оказалась уксусом, – тем же, что и теперь. Не лишенным обаяния болтуном, докатившимся до предательства. От таких лучше держаться подальше.

– Вот и держись. А мне с ним надо поговорить.

– О чем? – нахмурился Робер. – Послы – это дело экстерриора.

– Не всегда.

Экстерриор не сядет с послом за карты и не станет болтать о Марианне, да Валме и не будет откровенничать с дипломатом. Иное дело – покинувший Ворона офицер. Придворный хлыщ вряд ли видит разницу между собственной трусостью и чужой верностью. Как ни противно, для Валме герцог Окделл – товарищ по несчастью.

– Ты хочешь спросить об Алве? – резко спросил Робер. – А надо ли? Дело прошлое!

– Я намерен провести отличный вечер. – Ричард допил бокал и поднялся: – Валме всегда умел веселиться.

– Теперь его зовут граф Ченизу, – буркнул Робер. – Смотри не перепутай, и вот еще что... Капуль-Гизайль говорит, Валме – хороший игрок, так что не зарывайся.

4

– Сударь, – сероглазый русский дворянчик в черном и золотом учтиво поклонился, – не уверен, что вы меня помните. Герцог Окделл.

– Вы слишком плохого мнения о моей памяти. – Марсель ответил поклоном на поклон выскочившего прямо на ловца зверя. – Я вас прекрасно помню. Мы встречались трижды или четырежды, причем однажды в этом самом доме. Я тогда проигрался в пух и прах...

– Не только вы. – Предшественник Герарда был сама вежливость. – Сударь, нам следует выпить за возобновление знакомства.

– Действительно, – согласился Валме, – тем паче здесь подают недурные вина. Помнится, вы предпочитали «Кровь»?

– Вы ошибаетесь, – запротестовал предполагаемый собутыльник. – На севере больше ценят белые вина, а я северянин.

– В любом случае, у барона есть и то и другое, – заверил Марсель, разглядывая добычу. Внешностью Окделла судьба не обидела, куафер, портной и сапожник тоже были на высоте, а кошелек на поясе радовал своими округлостями. Пришел поиграть? С такой физиономией это чревато. Впрочем, почему бы не изъять у кабанчика немного чужого имущества, дабы впоследствии вернуть законному владельцу... Любопытно, что из оставшегося в доме Алва ценил более всего?

– Что скажете о партии в тонто? – Повелитель Скал прямо-таки мысли читал. – Лично я не прочь...

– Почту за честь, – колыхнул накладным пузом Марсель. – Кстати, я вижу Марля и Дарави. Можно составить партию в акусс ¹¹.

Окделл брякнул цепью агарийского плетения и задумался, хотя чего тут думать?

– Лично я предпочитаю тонто, – возвестил он, – в крайнем случае, въехаррон.

А в тонто и въехаррон играют двое. Как интересно! Марсель старательно расправил кружева:

¹¹ Карточная игра, в которой участвуют четверо или трое.

– Вы, мой друг, последователь маркиза Фарнэби? Не того, у которого я выиграл булавку с бракованным рубином, а его предка, тоже Маркуса. Тот Фарнэби говаривал, что карты, дуэль и постель – дело двоих. Я полагаю, все зависит от того, насколько хороша компания. Если вас не устраивает Дарави, пригласим вашего друга Эпинэ. Кстати, я просто восхищен вашей средней цепью. Изумительное плетение! Где вы ее заказывали?

– На Золотой улице. – Окделл растерянно тронул упомянутую цепь. – Робер... не любит карты!

– Жаль, – протянул Марсель, старательно обозревая свободных картежников, – очень жаль... Тонто меня сегодня не привлекает. Сударь, давайте уговорим Эпинэ. Это будет по-дружески. Человек, занятый исключительно делом, грубеет, а это печально.

– Робер очень занят, – объявил Окделл, словно Эпинэ явился к Марианне проводить маневры и стрельбы, – но с ним можно поговорить... После ужина.

Занят Иноходец или нет, неизвестно, но господину Окделлу приспичило переговорить наедине, только с кем? С графом Ченизу или с виконтом Валме?

– Мы как раз успеем пройти пару кругов с Дарави, – Марсель глуповато улыбнулся, – для разминки.

– Не лучше ли начать с бокала вина? – Габайру полагал Окделла влюбленным в Ракана болваном и, похоже, по своему обыкновению был точен. По крайней мере, по части болвана. – А партию мы составим после ужина.

– Пожалуй. – Марсель усиленно завертел головой. – Эпинэ, он ведь только что был здесь...

– Он... Робер будет слушать музыку, – решительно объявил Окделл. – Кроме того, боюсь... Он не очень к вам расположен.

– Печально. – Иноходца от расфуфыренного предателя и должно тошнить, но ведь тебя тоже тошнит, а ты говоришь и говоришь... Ну и говори, тебе есть что рассказать.

– Надеюсь, это останется между нами. – Окделл таращился на Марселя, как губернатор Сабве на папеньку. – Робер Эпинэ очень дружен с... с госпожой баронессой, и он, знаете ли, ревнив.

– С женихами это случается, – посочувствовал Марсель. – Что ж, предоставим герцога Эпинэ морискиллам. Они безгрешны. А вы разве не собирались послушать концерт?

– Я предпочитаю музыке вино. – Мальчик явно обладал упорством и тактом гончей. – Пара бокалов перед ужином нам не помешают.

Всему есть предел, в том числе и сопротивлению. Так считала милая София, и жизнь подтвердила ее правоту. Граф Ченизу ласково взглянул на изнывающего от неизвестности Окделла и важно кивнул:

– Нам ничто не помешает! – изрек он. – И никто. Мы выпьем за встречу, даже стой над нами палач с раскаленными клещами или сама птице-рыбо-дура...

5

Иноходец в людях разбирался плохо, но бывшего любовника Марианны оценил правильно. Зачем этот щеголь понадобился Ворону, Дик не понимал и еще меньше понимал, как Алва мог ему что-то доверить. Разве что Валме был не совсем тем, кем казался. Щеголь не обязательно дурак, хотя трус всегда подлец.

– Ваше здоровье, граф!

– Благодарю. – Бывший талигоец ловко осушил бокал и засмеялся: – Признаться, я уже слегка пьян. Коко... то есть барон Капуль советовался со мной насчет мансайского. Самое смешное, его не обманули. Кстати, вы пили мансайское?

– Да, – подтвердил Ричард, предпочитая не говорить, а слушать. – В Сакаци!

– Конечно же! Вы же были там с его величеством! – Ченизу тряхнул бараными локонами, и Дик представил, как вокруг графа прыгают куаферы со щипцами. Зрелище было уморительным, хотя от отсутствия завитушек посол бы только выиграл. С трудом сдерживая

смех, юноша подтвердил:

– Да, я встретился с его величеством именно в Сакаци!

– Вам повезло! – Посол ловко наполнил оба бокала. – А вот я веду себя непозволительно! Как дипломат, я просто обязан поднять тост за его величество, тем более я был удостоен аудиенции! Вы слышите, как гордо это звучит: «удостоен аудиенции»? Насколько все же приятнее быть дипломатом, чем военным!

– Здоровье его величества Альдо! – Ричард, как и положено, выпил стоя. Валме-Ченизу тоже поднялся. Портной, без сомнения, сделал все, что в его силах, но полностью скрыть такой живот мог разве что клирик. Неудивительно, что виконт предпочел Ургот обществу Ворона. – Государь дорожит союзом с Урготом, – быстро произнес юноша, опасаясь, как бы собеседник не проследил за его взглядом.

– Я писал об этом моему герцогу и ее высочеству Елене. – Посол многозначительно улыбнулся. – Надеюсь, урготская ласточка скоро увидит орла.

Завитый навозник не знал, что вынудило сюзерена просить руки купчихи. Дикон знал и причину, и цену. Альдо приносил свое счастье в жертву будущей анаксии.

– Предлагаю тост за ее высочество Елену Урготскую, – твердо сказал Ричард, отгоняя видение браслета со Зверем на пухленькой кукольной ручке.

– Здоровье ее высочества! – охотно откликнулся Валме, вертя головой в поисках не замедлившего появиться лакея. – Подайте нам пирожных. Лучше всего сливочных... Сладкое напоминает о детстве. Вы не находите?

– Нет, – Ричард невольно покосился на брюшко собеседника, – я никогда не любил сладкого. И потом, не следует портить послевкусие.

– Кто сказал, что взбитые сливки его испортят? – Валме выглядел возмущенным, и Дику стало весело: щеголь и впрямь был забавным, хотя и не таким, как барон Капуль.

– Кэналлийское заедают сладостями лишь дамы и, – Дикон не удержался и подмигнул собеседнику, – дипломаты.

– А вы – шутник! – Граф Ченизу добродушно усмехнулся. – Но я вас понимаю. Вы набрались этой ереси у Алвы. Он и меня пытался совратить, но я не склонен менять взгляды, кто бы на меня не давил. Итак, мой друг, вы упорствуете в желании пить натошак, а ведь это вредно для желудка! К тому же можно опьянеть!

Теперь Валме напоминал Наля, или все толстяки такие?

– Военные, сударь, умеют пить. Не беспокойтесь обо мне, я знаю, когда остановиться.

– Это вызывает уважение! – тряхнул головой Валме. – Я просто обязан выпить за вас и ваши принципы. Они потрясают, но, может, вы возьмете пирожное?

Унизанная перстнями рука бережно взяла разукрашенную кремовыми розочками и цукатами корзиночку. Точно такие же служанка приносила в спальню Марианны. Пирожные были восхитительны, но слово следует держать, тем более скоро подадут ужин. Дик покачал головой:

– Военные, в отличие от дипломатов, должны помещаться в мундир и не утомлять сверх меры коней.

– Вы меня убили, – понизил голос виконт, – что ж, каждому – свое. Я не рожден для маршей, ретирад, атак и прочих глупостей, но я погнался за славой и был наказан... Вы не представляете, через что мне пришлось пройти!

– Отчего же, – запротестовал Ричард, – я прекрасно понимаю. Вам пришлось обходиться без куаферов и лакеев, затемно вставать, исполнять приказы, может быть, даже стрелять. Ничего не поделать, сударь, это война!

– Отвратительная вещь! – Валме уморительно наморщил нос. – Отвратительнейшая! Ее выдумали те, кто не умеет радоваться жизни и не знает, чем еще можно понравиться женщине!

– Есть женщины, которые ценят благородство и верность. – Дик поднял бокал: – Мой тост в их честь!

– Это прекрасно, – бывший любовник Марианны слегка подвинул блюдо с

пирожными, – но, может, вы все же измените свое решение? Я понимаю, вы привыкли держать слово, но это такая мелочь...

– Так думали многие предатели, – резко бросил Дик и спохватился: – Вы не понимаете военных, военный никогда не поймет вас, но я пью за ваше здоровье!

– Благодарю! Я был не прав, полагая, что нам не найдется о чем поговорить.

Дикон слегка наклонил голову. Валме был куда приятней, чем казалось вначале, он и впрямь мог разогнать дурное настроение, потому-то Ворон его и взял. И разоткровенничался, как тогда, с гитарой, только говорил не о Штанцлере и старых песнях, а о чем-то по-настоящему страшном.

– Ну вот, – виконт досадливо махнул рукой и едва не опрокинул пирожные, – стоило мне обрадоваться, как вы тут же замолчали. Это нехорошо.

– Прошу меня простить, – вино приятно горчило, из музыкального салона доносились звуки флейты, предвещая появление барона с его любимцами. На укрывшихся в алькове собеседников не смотрел никто, кроме лакея, и Ричард решил:

– Сударь, я, как и вы, ушел от Ворона. Герцог – опасный человек, вам повезло, что он в Нохе.

– Да, это успокаивает, – кивнул Валме. – Пусть Алва сидит там, где ему нравится, но он дурак... Только дурак прячет то, что другой бы на его месте... Вам налить?

– Налейте! – Святой Алан, неужели он об исповеди Эрнани?! – Но я вас не понял... Что вы хотите сказать?

– Ни-че-го! – Собеседник значительно поднял палец. Он был пьян, но Ричарда это устраивало. – Дипломаты не говорят... Дипломаты намекают... Хотите, я вам намекну? Ее высочество желает стать ее величеством, а мне нравится быть послом, и я люблю Олларию, как бы ее ни обозвали... Зачем рубить сук, на котором сидишь? А теперь ваше здоровье, Ричард!.. Я ведь могу вас так называть? Не скрою, вы мне нравитесь, у вас замечательное лицо... Оно вызывает доверие!

Глава 6

Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Вечер 11-го дня Зимних Ветров

1

Капуль-Гизайлю все же удалось добиться от красавчика-флейтиста своего: найери, или как их там, плакали навзрыд. Хотелось заткнуть уши, вскочить, выбежать вон, лишь бы не слышать обреченных, тонущих в птичьем щебете рыданий, но Робер сдерживался. Не из вежливо-сти – из нежелания объясняться. Правильно кто-то сказал: легче признаться в преступлении, чем в сумасшествии. Эпинэ сжал зубы и повернулся так, чтоб видеть только хозяина. Самозабвенно дирижирующий коротышка словно бы отгонял своей палочкой мысли о плачущей нечисти и мертвых родниках. Еще вернее было бы любоваться на Марианну, но красавица все еще прихорашивалась, а может, она тоже не любила найери...

– Монсеньор. – Кто-то осторожно тронул Робера за плечо, Иноходец обернулся и увидел Дамиана. Хозяйский камердинер поджимал губы, всем своим видом выражая озабоченность. Робер кивнул и с готовностью вырвался из плена гармоний.

– Монсеньор, я бы никогда не осмелился, – начал Дамиан, – но господин барон не терпит, когда его прерывают.

– Все в порядке, – перебил слугу Эпинэ. – Что случилось?

– Я опасюсь, что герцогу Окделлу может стать... нехорошо. Я не уверен, что он позволит о себе позаботиться кому-либо, кроме вас.

– Он напился? – в упор спросил Робер. Дамиан многозначительно развел руками. Камердинер, как и его хозяин, не терпел грубостей. – Где он?

– В альковной гостиной. С ним граф Ченизу. Прошу меня простить, но граф Ченизу никогда не думал о сотрапезниках и всегда умел пить.

– А герцог Окделл – нет. Я понял, – усмехнулся Робер, вспомнив недавние наставления Капуль-Гизайля. Новоявленный урготский посол и впрямь был неглуп, забавно откровенен и откровенно труслив. Говорить с ним лишний раз не хотелось, но это было неизбежно: Ченизу сообщили об угре, а его пес резвился в личных комнатах хозяев...

– Монсеньор знает, куда идти? – Камердинер явно предпочитал остаться в стороне, и Эпинэ его не осуждал.

– Знаю. – Особняк Капуль-Гизайлей не шел ни в какое сравнение с дворцовыми лабиринтами, и Робер изучил его за пару визитов. Музыкальный зал выходил в украшенный древностями вестибюль, откуда можно было либо юркнуть в бывший будуар баронессы, либо, спустившись на полпролета, оказаться в буфетной, одна из дверей которой вела в альковную гостиную, а другая – в три небольших смежных зала, где обычно шла игра. Дикон собирался закончить вечер там, но, видимо, не добрался. Что ж, за карты он, по крайней мере, не сядет.

Сын Эгмонта отыскался в крайнем алькове. Юноша еще не спал, но уже не бодрствовал, его собутыльник равнодушно потягивал вино. Лицо новоявленного графа казалось спокойным и жестким.

– Герцог Эпинэ? – Валме лениво поднял глаза, и наваждение пропало: перед Робером вновь сидел достойный посольской палаты щеголь. – Полагаю, вы пришли спасти отрока? Поздно! Он вряд ли воспрянет.

– Вам не следовало его поощрять. – Робер устало опустился рядом с Диконом. – Ему нет и двадцати.

– Ну, извините, – развел руками Валме, – не рассчитал. Мне казалось, военный, пивший с Алвой и Савиньяками, должен продержаться дольше. Впрочем, я и впрямь не учел возраст и потрясения... Вам налить?

– Да! – Именно это он и хочет: запить проклятую музыку, проклятый день, проклятую жизнь. – Налейте!

– Охотно. «Слезы» допил ваш друг, но «Кровь» еще есть.

– Благодарю. – Эпинэ принял бокал, раздумывая, что бы сказать. Вежливость требовала одного тоста, верноподданность – другого, заговор – третьего.

– За мое здоровье пить не обязательно, – пришел на помощь посол, – господин Окделл уведомил меня, что я вам не нравлюсь, и это естественно, а следовательно, не безобразно. Предлагаю выпить за хозяйку дома и отправиться на ужин. За прекрасные глаза прекрасной Марианны! Да не увянут розы в вырезе ее платья во веки веков!

– Так и будет! – согласился Робер. «Кровь» была хороша, только одним бокалом беду не зальешь. Ее вообще не зальешь, но ночью он попытается. С помощью Марианны. Как же хорошо, что он ее встретил...

– Вы о чем-то задумались? – напомнил о себе Валме. – Если о грустном, то не стоит.

– Так, ни о чем. – Поговорить по душам тянуло, но не с этим же... урготом. – Сегодня какой-то дурацкий день!

– Новолуние, – повторил довод Капуль-Гизайля Валме, – на некоторых оно действует. Особенно если расстроено воображение.

Как вежливо. Нет бы просто сказать: «Эпинэ, вы сходите с ума, если уже не сошли», но безумцы – люди упорные. Если им видятся демоны с кошачьими головами, они в них верят, а если им страшно, их не проймут никакие доводы. Барон, Валме, Никола могут раз за разом пожимать плечами, страх не уйдет, по крайней мере по воле рассудка.

– А я пью... за колареву! – Внезапно очнувшийся Дикон слепо шарил по столу в поисках бокала. – За талигойскую... роззу!.. Если кто-нибудь... что с ней сравняется другая... Если скажет... Где мммое вино?

– Ты свое уже выпил. – Робер торопливо толкнул бутылку в сторону Валме. – Хватит на сегодня!

– Нет, – лицо Дика стало упрямым, – я требую... Выпить за мою ковалеру!.. Стоя!..

2

Катарина чиста, как первый снег, кого бы ни называли ее мужем! Он заставит всех признать это, не словами, так шпагой! Имя будущей Повелительницы Скал свято...

– За талигойскую розу! – Юноша дерзко взглянул на любовников Марианны, прошлого и настоящего. – За мою королеву! Стоя!

– Извольте. – Валме сказал что-то еще, но Дикон не расслышал. Робер нахмурился, но выпил. Вечно он недоволен и ворчит, а маршал должен владеть собой... И другими. Он должен предвещать победу, а не хромать на все четыре ноги... Бедный Иноходец, он совсем распустился.

– Мы победим! – Юноша положил руку на плечо Эпинэ. – Ты должен верить, мы обязательно победим... Скоро у нас будет меч Раканов... И пусть тогда попробуют поднять на нас руку, а меч мы получим... Валме подтвердит!

А он забавный, этот Валме! С ним весело, потому Марианна его и не прогоняла, но она хотела лучшего... Всегда хотела! Пусть ей будет хорошо с Эпинэ! Он свободен и благодарен Марианне, ведь она его спасла... А Валме все равно стал урготом, но он неплохой малый и умница, жаль только, что трус.

– Вы должны пожать друг другу руки, – объявил Дикон. – Марианна будет рада... И выпить друг за друга! Робер, он должен быть на свадьбе! Ты будешь?

– Почту за честь, – тряхнул завитками виконт. Все-таки завивать волосы мужчине нелепо. – Но чью свадьбу вы имеете в виду?

– Вот его! – Посол, а не знает! – Он женится на моей сестре... Зря женится, но Катарина так хочет... Только это еще не сейчас... Сперва Альдо женится на вашей купчихе...

– Дикон! – Ну зачем Иноходец так кричит, глухих тут нет. – Разумеется, граф, я буду счастлив вас видеть. Ричард, тебе лучше вернуться домой. Сэц-Ариж тебя проводит...

– Я остаюсь на ужин! – отрезал юноша. – Не надо мне указывать... Я – друг Марианны... Я ее давно знаю... Дольше тебя... Здоровье Марианны!

– Ты не станешь больше пить. – Лицо Робера качнулось вперед. Какие у него круги под глазами... И глаза красные. Сам болен и о других судит по себе...

– Повелители равны, – напомнил Иноходцу Ричард. – Все равны... Превыше их только анакс. Здоровье Марианны, и не надо нотаций!

– Сударь. – Рядом с лицом Робера возникла физиономия Валме. Смешные они... Иноходец и баран кудрявый. – Сударь, я раздумал ужинать! Давайте уйдем вместе, нам есть о чем поговорить...

– Благодарю вас, граф, это лишнее, – буркнул Эпинэ. – Он останется со мной.

– Не с тобой! – Иноходец становится невозможным, а Валме не граф! Он виконт, но Робер ревнует... И зря! У Валме в Урготе есть герцогиня, он в нее вцепился... А Повелитель Скал не оскорбит свою невесту...

– Господа. – Над Иноходцем и Валме показалась третья голова. С шеей и воротником. – Вас просят в Малую столовую.

– Спасибо, Дамиан. – А... значит, эта образина – Дамиан... Тот, к кому липла эта, как ее, Ваннина... Его так и не допросили...

– Сможешь подняться? – Опять Робер, ну сколько можно?! – Давай помогу!

– Я в полном порядке! – Ричард нетерпеливо вырвал руку. – Я еще тебя провожу... Ты же у нас больной.

– В порядке, так вставай.

Робер исчез. Просто взял и куда-то делся. И неудивительно: комната заполнилась

дымом, а может, это пар? Наверное, пар, иначе бы пахло.

– Где мы? – не понял Дик. – То есть мы едем или не едем?

– Мы идем есть угря. Вы любите угрей? – Валме все же поумнее Робера, хоть и спутался с Вороном, а теперь боится. А кто бы на его месте не боялся? Бедный Оскар... Он не послушал и не дожил до победы, но Валме никто не тронет!

– Марсель! – Дикон все же высвободил руку, но под ковер зачем-то подложили бочонок, и юноша чуть не упал. – Марсель... Вы только никому не говорите про Эрнани... И все будет хорошо... Я вам обещаю... Олларам все равно конец! Им отпущен один круг, и все! Что бы Ворон ни говорил... А Спруту маршалом не бывать... Придд – предатель... Я всегда это говорил... Он еще пожалеет... Никто не может предавать Раканов...

– Несомненно! – Порог оказался там, где ему было нечего делать, но Марсель подставил плечо... Он был сильным, этот щеголь, почти как Джереми...

– Мой друг! – Золотистый свет, что-то визжит, возится и скулит. – Мой дорогой герцог! Мы так за вас волновались...

– О да! Ваше похищение... Это было ужасно! – Марианна! Какая же она красивая... Настоящая Роза! Роза лета...

– Не переживайте, сударыня! – Черные глаза – это прекрасно, но небо должно быть голубым... Как глаза Катары...

– Где герцогу Окделлу будет удобней?

– У ваших ног, сударыня, – заверил Ричард и очутился между бароном и Иноходцем. Марианна сидела напротив, в вырезе ее платья алела роза. Это было... волнующе!

– Эвро! – Барон вскочил со своего места, и Дик от неожиданности пошатнулся. – Ну как ты можешь! Граф, ну скажите же!

Что-то с визгом шмыгнуло под стол, следом из золотистого сияния вынырнуло чудовище. Белое, слюнявое, гривастое.

– Готти! – закричал Валме. – Что ты себе позволяешь!

Внизу глухо заворчал, чудовище пропало из глаз, мелкой дрожью затрясся стол, огоньки свечей жалобно заметались. Сбоку что-то блеснуло, и Дик увидел лицо. Золотое лицо с пустыми черными глазами, оно смотрело на юношу и улыбалось...

3

Одна собака под столом – это полсобаки, сколь бы велика она ни была. Одна собака – это уют, обслуживленный камзол, чавканье, мир и покой, но Котик и Эвро были вдвоем. Стол трясся, тоненько дребезжали бокалы, непристойно дрожало желе, а угри, казалось, решили воскреснуть.

– Дорогая, – барон изящно подхватил едва не упавший ножик, – не лучше ли мне вынести Эвро?

– Пожалуй. – Марианна приподняла скатерть и заглянула под гавкающий стол: – Эвро, ласточка, хочешь курочки?

Ласточка курочки хотела, как и Котик. Две башки – ушастая и безухая – высунулись одновременно, но Марианна была истинной женщиной – она обманула.

Поджидавший в засаде барон коварно подхватил левретку и повлек в будуар. Эвро взвыла, Котик бросился на помощь, стуча когтями по воцеленному наборному паркету. Последнее обстоятельство оказалось роковым: поскользнувшийся волкодав пронесся мимо барона и впечатался в стену, на которой висела ненавистная Валме золотая маска. Та дрогнула и со звоном рухнула на взывавшего от неожиданности пса. Вопль бросившегося спасать древний ужас барона слился с визгом освободившейся Эвро и криками пьяного Окделла:

– Где кольцо?! – Повелитель Скал попытался вскочить, но тут же рухнул назад. – Где мое кольцо?

– Цела! – Барон прижимал спасенную рожу к желудку. – Господин граф, это неммыслимо!

Марсель торопливо ухватил виновника за алый ошейник, красиво просвечивавший сквозь белоснежную блестящую шерсть. Эвро сварливо взвыла: она была светской дамой и не привыкла упускать мужчин. Котик в ответ лишь вздохнул.

– Укрепляй дух свой, – велел Марсель, выпихивая грешника в будуар, – а также плоть. Угря не получишь!

За дверью заскулили. Без угря обожравшийся Котик обошелся бы, но его тянуло к обществу. Непреодолимо.

– Она цела, мой друг! – Сияющий хозяин сунул Валме под нос злобную золотую морду. – Цела!

– И очень жаль. – Забитые черным матовым камнем глазницы глядели тупо и беспощадно. – Простить себе не могу, что ссудил вам деньги на эту мерзость!

– Это не мерзость. – Любитель древностей перевернул маску другой стороной. – В Академии мне сказали, что это символ двух из четырех ипостасей луны, а именно лик Полудня и обратный ему лик Полуночи. Первый светел, но позади его клубится тьма. Полночь черна, но несет в себе зерно света. Расцвет предвещает увядание, а смерть – предтеча жизни... Жаль, вторую пару так и не раскопали...

– И хорошо! – остудил расхोлившегося Коко Валме. – А теперь мое дело – сторона. Эпинэ, если этому чудищу найдут пару, платить придется вам.

– Золотой судья и черный палач, – пробормотал Эпинэ, глядя на маску с непонятным уважением. – Ночь Вентоха и Ночь Роха, Ночь Долга и Ночь Расплаты...

– Сегодня у нас ночь угря. – Отчего-то Марселю захотелось погладить Повелителя Молний по голове и сказать ему, что все хорошо, хотя это было делом Марианны. – И закройте чем-нибудь эту штуку.

– Коко, в самом деле. – Марианна раздраженно передернула роскошными плечами и водворила осиротевшую любимицу в обтянутое стеганым атласом лукошко. – Я всегда говорила, что хуже этой маски только покойный Килеан-ур-Ломбах. Робер, вы можете не верить, но у него были рыбы глаза.

– Я вас понимаю, – задумчиво протянул Валме, – самое ханжеское и неприятное из виденных мною лиц было у одной форели. Я встретил ее на столе у папеньки. У рыб вообще удивительно неприятный взгляд...

– Зато их можно есть. – Эпинэ пробовал улыбаться, но лучше б он схватил кого-нибудь за шиворот. Того же Окделла, но примолкший юнец вдохновенно таращился на опустевшую стенку. Видимо, там проступало нечто, трезвому глазу недоступное. Жаль, Эпинэ не отпускает «кабанчика» ни на шаг, очень жаль... Окделл прямо-таки кладезь, а Габайру в который раз оказался прав – с гробницей нечисто.

– За государя! – с вызовом провозгласил Окделл, буравя взглядом все ту же стену. – Полевитель Скал умрет за дело Раканов! Умрет, но не... не оступит!

Юный герой был прекрасен! Ноги у него, конечно, разъезжались, так это под столом, а сидя хоть сейчас в бой! Вот кто бы по достоинству оценил речь Алвы перед каторжниками. И много чего другого... Жаль, если к утру он позабудет, что за тайну вытянул из пузатого щеголя, но что же Таракан спер из гроба Франциска? Окделл решил, что Алва проболтался именно об этом... Папенька бы догадался, но папенька далеко!

– За государя! – Эпинэ хмуро покосился на Марселя. Врун из Иноходца был никудышный, Котик и тот бы понял, что господин Первый маршал предпочел бы выпить за что-нибудь другое.

– Здоровье его величества! – Валме высоко поднял бокал, но Эвро была против. Левретка выбралась из лукошка и, встав на дыбки, остервенело скребла дверь, та не поддавалась. Эвро заскулила, Котик не сдержался и заголосил в ответ. Вышло очень жалобно.

– Это напоминает народные песни. – Барон задумчиво склонил голову набок. – Нечто

подобное мне пела моя кормилица.

– Теперь понятно, почему вы так любите морискилл и флейту, – пошутил Марсель.

– Увы, – подтвердил барон, любуясь угрем, – я страшно далек от народа. Страшно...

– Коко, – Марианна сделала большие глаза, – ты ошибаешься. Не правда ли, граф?

Вот так, из «милого Марселя» ты стал просто графом. Печально, но какой повод напомнить о перемене подданства! Валме вздохнул не хуже Котика:

– Наш дорогой Констанс необычайно близок с народом, по крайней мере, в его лучшей ипостаси. Это я отныне лишен корней, хоть и весь в цвету.

Марсель вздохнул еще раз. Для достоверности. Разлученная пара, словно в ответ, самозабвенно взвыла и заскреблась с удвоенной страстью.

– Да откройте же наконец! – Эпинэ дернул щекой и уронил нож. – Сколько можно слышать этот скулеж?! Простите...

– Герцог, вы встревожены? – Марианна широко распахнула глаза, значит, Эпинэ ей и впрямь нравится, ну и правильно. Таких нужно любить, иначе одичают.

– О нет, сударыня... Я... немного устал.

Эпинэ врал. Или был болен. Или был болен и врал.

– Господа, а вы... Вы ничего не чувствуете? – В глазах Иноходца застыла тревога. Очень неудобная.

– По-моему, все в порядке. – Валме честно оглядел комнату и гостей. – Разумеется, настолько, насколько в наше безумное время можно сохранить порядок.

– Новолуние, – сказал барон и отодвинул засов. Котик ворвался в столовую, отчаянно размахивая своим помпоном. Эвро устремилаcь навстречу. Воссоединение вышло бурным и визгливым. Из будуара вынырнул Капуль-Гизайль с лютней.

– Граф Ченизу, – нагло соврал он, – вы обещали нам новую песню.

Марсель взял инструмент, отчего-то стало грустно. Лютя не заменит гитары, но зачем заменять? Играй, как можешь, и тебе зачтется.

Виконт ослабил воротник и прошелся по струнам. Собаки предусмотрительно полезли под стол. Марианна развернула веер, барон прикрыл глаза, открывавший свое Окделл клевал носом, а Эпинэ смотрел невидящими глазами. Он пил целый вечер, но не пьянел. Это было печально...

– *Это было печально*, – песенка не была новой, но в голову пришла именно она, – *снег и хмурое небо*,

Утомленное пламя в бокале вина.

Я стоял у окна, я знаком с вами не был,

Это было печально, я стоял у окна...

4

Это было печально... Он стоял у окна и смотрел на город, не желая верить в Ночь Расплаты. Он не ошибся, гоганская сказка была куда менее страшной, чем жизнь.

Проклятья, кровавые клятвы, ночи Луны, шестнадцатые дни... Ничего этого нет, свой Закат мы носим в себе, а непонятое и непонятное ходит рядом и хватается тогда, когда мы не ждем. Оно не стоит ни страха, ни надежды – когда придет, тогда придет. Скачка за звездами, крылатая женщина с кошачьей головой, все это было и рассыпалось осенними листьями, сгорело, истаяло... Лауренсии больше нет, мать умерла, Матильда, Дуглас, Енниоль, Мэллит ушли, Дикона посадят под замок до лучших времен, а сюзерена не спасти. И Дэвида, видимо, тоже. Так уж вышло. У тех, кого предаешь, – знакомые до последней черточки лица, а на другой чаше – горожане. Ты их не знаешь и не узнаешь никогда, но они хотят жить, и они ни в чем не виноваты!

Как просто разменять жизнь на любовь и верность, но их больше нет. Кончились. Есть долг и договор с Савиньяком. Ты выбрал, ты не жалеешь и не раскаиваешься, почему же тебя так прихватило?

– *Это просто печаль*, – пел вдруг ставший непонятным Валме, – *это просто тревога*,

Мягкой снежной периной лежит тишина.

Ночь, зима и печаль, как же это немного...

Я вам верен, эрэа... я стою у окна!

– Верность! – Очнувшийся Дикон яростно стучал кулаком по столу. – Я же говорил!.. О придда... о предателях... Вы не с-слушали, а я п-предупреждал... А Спруту конец!.. Кретиана не простит! И н-не будет он м-маршалом... Ворон шутил...

– Спокойно, сударь! – Валме лениво отложил лютню. – Все хорошо. Маршалом станете вы, предателей мы отправим на эшафот, а нам с вами пора отправляться по домам. Очень удачно, что нам по дороге... Эпинэ, вы, полагаю, задержитесь?

– Герцог собирается осмотреть мою коллекцию, – важно объявил Капуль-Гизайль, – он, в отличие от вас, ее не видел.

– Окделл тоже задержится, – решил Иноходец. Дикон и так напел больше, чем нужно, а есть вещи, которые бывших талигойцев не касаются, что бы те ни пели, – я о нем позабочусь.

– Видимо, таков удел первых маршалов. – Посол и не собирался настаивать...

– Мар-шал? – по слогам произнес Дикон. – А эта... кракатица... ничего не поняла... Ворон т-ткнул ему в н-нос его измену...

– А я слышал, Алва произвел Придда в полковники. – Валме зевнул и торопливо прикрыл рот рукой. – Вот и верь после этого людям!

– Ну, произвел! – вскинул голову Дикон. – И что?! Покловника без короля нету, а Оллару... все! И п-принц – не принц, а бар... Барраска...

– Дикон, хватит! – Налить ему еще, что ли? Пусть уснет наконец... Пожалуй, только сначала избавимся от господина посла.

– В-ворон смеялся над С-с-спрутом, – гнул свое Дикон, – так ему и с-с-сказал... думайте, что вогорите, к-когда присягаете... Не повторяйте... ош-ибок... Робер... это он про н-нас... М-мы присягали, и м-мы в-верны... К-кровью...

– Ваша верность весьма похвальна, – улыбнулся Валме, и Роберу захотелось его ударить. Самодовольная, разодетая скотина... Он и Алву так же слушал, поддакивал, а потом проболтался... Так, от скуки, для красного словца.

– Зато вы, – Марианна не выдаст, ее муж не в счет, а Дик ничего не соображает, – если мне не изменяет память, верностью не страдаете?

– Видите ли, – Валме провел пальцем по краю бокала, – последовав за Алвой, я оказался в положении охотника, по глупости связавшегося с черным львом. Я признаю, это животное красиво. Можно даже сказать, совершенно, но оно смертельно опасно. Я не столь совершенен, я хочу жить. У меня не было выхода. Я мог либо бежать, либо попробовать убить, либо сбежать и ждать, пока убьют другие. До верности ли тут? Впрочем, моему герцогу я верен и, прошу заметить, без всякой присяги... Барон, Эвро лучше придержать.

5

Кто-то уходит.... Ах да, Иноходец... То есть не уходит, вот же он, тут... и рядом следы... слепые, красные... Это не кровь, это вино, а где Савиньяки?

– Счастливого вечера, господа! Готти, к ноге!

– Когда же мы снова вас увидим?

– Сударыня...

Собаки, как же они воют, но смерти не будет, ведь сюзерен отменил казнь. Ворон будет жить, пока не скажет правду.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего... Вы же видите, он пьян.

– Но он чего-то хочет...

– Желания? – переспросил Алва. – Кинжал вы, надо полагать, не дадите мне в любом случае.

– Познание Истины требует времени и страданий. – Это был кардинал, но не Левий, а другой – Агарис откликнулся на просьбу Альдо вовремя. – Мы не вправе позволить твоему разуму угаснуть раньше срока. Ты должен жить, и ты будешь жить во тьме, размышляя о своих преступлениях, Рокэ из Кэналлоа.

– Зачем размышлять о том, что уже сделано? – пожал плечами Алва. – Что ж, раз нельзя умереть, я хочу поцеловать красивую женщину и сказать пару слов своему оруженосцу.

– Если вы полагаете, что мы пошлем в Кэналлоа...

– Причем тут Кэналлоа? – поднял бровь пленник. – Я сказал – женщина. Любая... По дороге сюда я видел немало дам, которым не будет в тягость проводить меня в темноту.

– Я его отведу...

– Дамиан вам поможет...

Дамиан? Какой Дамиан? Он не знает никакого Дамиана и никуда не пойдет!

– Сударь, примите мои извинения...

– Что вы, мой друг! Это бывает...

– Попробуй встать... Спокойно!.. Молодец!

– Робер, мы с Эвро перейдем в будуар...

Голос низкий, хриловатый, знакомый, а лицо чужое... Какая же она молоденькая! Совсем девочка... Похожа на Катари, но не Катари. Худенькая, светлокосая и синеглазая, она, казалось, была потрясена собственной смелостью. Странно, что право поцеловать осужденного досталось именно этой. Рокэ, звякнув цепями, преклонил перед девушкой колено. Та совсем засмушалась, а Алва, несмотря на оковы, легко поднялся и нежно поцеловал розовые губы.

– Что ж, господа. Теперь никто не скажет, что моей последней женщиной была лживая тварь. Я готов, но вино должно быть красным.

– Вы хотели сказать несколько слов герцогу Окделлу, – напомнил Джеймс, – он здесь.

– Ах да, – Рокэ Алва лениво кивнул бывшему оруженосцу: – Юноша, это, конечно, ерунда, но в вашей семье подобным вещам отчего-то придают большое значение. Ричард Окделл, я считаю ваше обучение законченным. Вы достойны стать одним из талигойских рыцарей, подтверждаю это пред землей и небесами. Вы свободны от клятвы оруженосца и с сего мгновенья не несете никаких обязательств передо мной. Ступайте!

– Меня освободил мой сюзерен, – лучше было бы промолчать, но пусть он знает, пусть знают все, – моя жизнь и моя кровь принадлежат Альдо Ракану!..

– Дикон, уймись! – Робер Эпинэ?! Он-то откуда взялся? И, как всегда, недоволен... Конечно, зрелище неприятное, но без этого не обойтись.

– Я знаю, что говорю, и пусть все знают...

– Некому тут знать! – Почему Иноходец без мундира? И откуда ночь... Только что был полдень, а теперь темно?

– Он уже выпил?

– Кто? – Вместо неба – потолок, на нем что-то нарисовано, но что – не разобрать, и потом, он кружится. Медленно, уныло... Если бы улитка ловила свой хвост, она кружилась бы так же. И кровать тоже кружится. Кровать? Он лежит? Но ведь он же не ранен!

– Где мы?! – Значит, в них стреляли. С крыши... Карваль опять проморгал. – Это были люди Придда! – К горлу подступает тошнота, кровать кружится все быстрее, но он должен знать все. – Их взяли?

– Возьмут. Спи.

Спать нельзя, иначе их зарежут сонными... Так всегда делают. Нужно выставить часовых. Феншо не выставил...

– Ты выставил часовых?

– Выставил. Спи!

Уснешь тут, когда на каждой стене по маске. Зачем их повесили? Они же сейчас проснутся... Так и есть! По золоту идет рябь, гаснет свет, золотые глаза чернеют, становятся синими...

– Эр Рокэ...

– Уже нет, – жестко сказал Ворон, – мы больше ничем не связаны. Прощайте.

Бывший маршал холодно отвернулся. Дикон и впрямь мог идти, но не ушел.

Принесли вино, и сюзерен опустил в рубиновую жидкость крохотное белое зернышко. Ворон спокойно взял кубок, обвел глазами площадь и улыбнулся.

– За то, чтоб каждый нашел достойную его награду! – Пустой кубок с глухим стуком упал на доски эшафота, и Дикон проследил, как он катится.

Когда герцог Окделл заставил себя вновь взглянуть на помост, Рокэ улыбался, подставив лицо спящим полуденным лучам. Дику подумалось, что ничего не произошло, но... Но синие глаза герцога были широко открыты. Смотреть на солнце в упор могут лишь орлы, а Ворон Рокэ орлом не был. Он все-таки ослеп.

Эпилог

Глава 1 Надор

400 год К.С. Ночь с 11-го на 12-й день Зимних Ветров

1

Старый Джек не ошибся – буран кончился около полуночи. Словно отрезало. Сразу стало тихо, как на кладбище, Невепрь с собаками и те заткнулись. Ни тебе воя, ни луны, ни топота – ложись, спи и радуйся. Завтра будет не до того. Айрис решила уйти из дома, и она уйдет, а куда дурная голова, туда и мудрый хвост.

Окажись лошади посговорчивей, они бы уже обогнули утесы. Если б не угодили под снежный обвал и не заехали в пасть к волкам или что там еще бродит. Кони боялись не только и не столько бури. Чтобы они так уперлись, требовалось что-то пострашнее встречного ветра, а вот Баловнику – конец. Жаль, Айри не оставила дурня в Олларии, но кто же знал...

В горле запершило, и Луиза налила в гнутый кубок еще не заledenевшей воды. Придет Эйвон или нет? Если завтра ехать, то лучше выспаться, но в дороге будет не до уединений, а бедный граф совсем ошалел. Значит, явится, так что ложиться смысла нет, зато дел невпроворот. Госпожа Арамона допила воду и принялась собираться. Не второпях, как вечером, а по всем правилам. Стук в дверь, осторожный и вместе с тем требовательный, застал капитаншу за разбором чулок. Неужели Мирабелла? Опомнилась, решила помириться и ищет посредника? Хорошо бы! Ночной гость постучал снова. Чуть громче. Точно, великая вдова, больше некому. Разве что Аурелия что-то прониюхала, ну и кошки с ней, сама виновата!

Закрывать сундуки Луиза не стала, их отъезд был чем угодно, только не тайной. Пусть смотрит. Капитанша пригладила волосы, расправила шаль и отодвинула засов. В промозглой

приемной стоял кто-то толстый и высокий. Лица в полумраке было не разобрать, и Луиза едва не решила, что перед ней покойный супруг, но такой задницы у Арнольда не было даже в самые хлебные годы.

– Кто вы? – Страха капитанша не испытывала, только досаду на так и не образумившуюся Мирабеллу.

– Я – капитан, – отчеканил гость, – капитан Гастаки. Прошу пригласить меня, как полагается.

– В моей спальне капитанам делать нечего. – Луиза подалась вперед и сощурилась, пытаясь разглядеть скрытую полями шляпы физиономию, но рассмотрела только внушительный нос. – Что вам нужно?

– Вам надлежит отправиться со мной, – объявил капитан Гастаки, – для вашей же пользы.

– Для моей пользы мне следует лечь спать, – фыркнула Луиза. – Говорите, что вам надо, или я позову слуг.

– Они не придут, – равнодушно сообщил пришелец, – не услышат и не придут. Поторопитесь, иначе будет поздно.

– Что за бред?! – Руки Луизы сами собой уперлись в бока. – Или вы говорите, кто вы такой, или я бужу слуг!

– Якорь тебе в глотку! – неожиданно визгливо рявкнул гость. – Никого ты не разбудишь! Поняла?!

– Грозить надумал? – двинулась вперед капитанша. – Распоряжаться?! Бочка поганая! Весь ум в задницу ушел, а туда же! Да из тебя капитан, как из борова хряк!

– Молчать! – Похожая на бревно ножища ударила в пол, раздался треск. – Дура! Обнаглела совсем!

– Кто бы говорил?! – Сейчас прибежит Джоанна и хорошо бы только она! – Приперся на ночь глядя, образина!

– На себя посмотри! – Поганец подался вперед, дохнуло гнилью, свет от ночной масляной лампы скользнул по пряжкам на груди... Такой у мужчины не было и быть не могло, сколько бы он ни жрал. Да и голос...

– Баба! – сообщила Луиза не сколько госте, сколько себе и допотопным доспехам. – Баба, причеши тебя хорек!

– Капитан Гастаки! – рявкнула собеседница. – Капитан Зоя Гастаки! Хочешь увидеть детей, пойдешь со мной...

2

– Что ты сказала? – Холод сменился жаром, потом снова дохнуло ледяной жутью. Луиза глядела на бабищу в ботфортах и не соображала, на каком они свете.

– Хочешь увидеть Жюля и Амалию, пойдешь со мной, – повторила Зоя Гастаки. – Не пойдешь – больше их не увидишь. Никогда и никого.

– Я иду! – Гостя не врала, это Луиза поняла сразу. – Куда?

– Нужно тепло одеться. – Капитан Гастаки тумбой застыла на пороге спальни, входить она не собиралась. – Эта ночь будет длинной. Поторопись.

– Хорошо.

Луиза спешила, но страх, заставляя двигаться быстрее, разума все-таки не лишал. Отобрать нужные вещи было делом пары минут. Чулки, шерстяные штаны для верховой езды, нижнее платье, верхнее, отороченное мехом, шаль на голову, сапоги, перчатки, плащ... Чужой взгляд жабой ползал по спине, но капитанша не обернулась, пока не оделась.

– Я готова.

– Нет. Возьми вино, хлеб и деньги. У тебя есть деньги?

Золото Эпинэ и подарки Катари. Не так уж и мало...

– Речь идет о выкупе? Сколько?

– Столько, сколько есть.
– Я должна знать, хватит ли...
– Хватит, – Зоя хмуро оглядела закутанную Луизу, – не бери ничего не твоего. Ничего! Только то, что принадлежит тебе.

Можно подумать, она спит и видит спереть у Мирабеллы парочку кубков?! Отвечать на такое глупо, обижаться – еще глупее, и Луиза молча сгребла свои и Селинины драгоценности в поясной кошель.

– Мы вернемся к утру?
– Нет.
– Я должна оставить письмо.
– У нас мало времени.
– Я должна оставить письмо! – Госпожа Арамона стянула перчатки и подошла к столу. Рядом была панель, из-за которой так и не появился Эйвон. Жаль...

«Я должна покинуть замок», – торопливо написала Луиза. – Это необходимо. Если вы не передумали уезжать, оставьте мне письмо в «Гербе Надора». Я вас найду».

– Ты забыла вино и хлеб.
– Здесь их нет.
Капитан Гастаки пренебрежительно фыркнула и посторонилась:
– Вперед и вниз! Живее, якорь тебе в глотку!
Луиза промолчала, только поправила фитиль в фонаре и поудобней подобрала плащ. Происходящее должно было казаться бредом, но не казалось. Женщина не думала, не боялась, не сомневалась в словах ночной гостьи. Она просто знала, что должна забрать Жюля и Амалию и отвести в «Герб Надора». Остальное – побег из Надора, гонец к Савиньяку, любовник – могло ждать.

Желтая дрожащая лужица света послушно стелилась под ноги, торопливые шаги гулко отдавались в непривычной после бури тишине. В комнатах Айрис тоже было тихо и темно. Спят...

– Мама! Мама, что ты делаешь?! – Луиза оглянулась: дочь в кое-как наброшенной поверх нижнего платья шали стояла на лестнице, высоко подняв свечу, и глядела огромными глазами. – Куда ты?!

– Нам с капитаном Гастаки нужно отлучиться. Иди спать! Или нет, раз уж ты тут... Я оставила письмо, заberi его и передай Айрис, что я буду ждать вас в гостинице. Если вы не раздумаете...

– Мама, не надо, – начала было Селина и вдруг выдохнула: – Ты опять не видишь!
– Иди спать! – Луиза небрежно тронула кошель и накинула капюшон.
– Мама!.. Этот с тобой... Он же не живой! – Дочка задрала свою свечку еще выше. – Пусть четыре... Четыре молнии...

– Заткнись! – Рык ночной гостьи бурей пронесся по спящему замку. В Багерлее тоже кричали. И тоже никто ничего не слышал. – Да, я не из ваших, чем и горжусь! И делать мне нечего, возиться с тремя щенками. Хватит с меня и одной поганки, что Арнольд приволок!.. Хочешь забрать своих двоих еще горячими, забирай! Нет – сидите тут со своими свечками... Дуры домашние!

Она не зря боялась, Арнольд добрался до малышни, а может, и до маменьки с папенькой. Пока она меняла платья, строила заговоры, дразнила Эйвона...

– Видишь, Селина, – очень спокойно сказала Луиза, – я должна идти.
– Да, – губы дочки побелели, – Цилла говорила, что папенька... Что у него новая жена, но я... Я тебя с ней не пушу! Одну не пушу...

– Никуда ты не пойдешь! – Это она заперла Циллу, ни кошки не поняла и заперла, ей и отвечать. И только ей, а Селине жить и жить! – Ты... Ты нужна Айрис и... Монсеньору. И потом... Мы не можем тебя ждать.

– Можем! – Зоя подняла голову, словно приняхиваясь. – Еще можем, но недолго... Возьми теплую одежду, Селина Арамона. Только не возвращайся туда, где спят...

Двор был белым и чистым, таким белым, что ступать на светящийся снег казалось святотатством, но Зоя Гастаки ступила. Женщина без тени равнодушно и тяжело шагала по сверкающей целине, она могла это делать, она не оставляла следов.

– Чего застряли?! – рявкнула она. – Вперед, сотню крабов вам в гроб!

И Луиза пошла вперед. Фонарь погас, свечка Селины – тоже, от луны осталась лишь жалкая серебристая проволочка, но света хватало. Света, холода и тишины. Люди не слышат выходцев, но почему молчат псы?

– Мама, – шепнула Селина, – мы идем не к мосту...

– Моста нет, – не оборачиваясь, бросила проводница, – есть другие дороги... Мои дороги...

Выходцы не любят мостов и текучей воды, они не шагнут за порог без приглашения, но капитан Гастаки как-то добралась до спальни. Кто ее впустил в Надор? А если никто, как же она вошла?!

Зоя шагала уверенно и быстро. Она миновала темные конюшни, переступила через вросший в землю жернов, свернула к церкви.

В стрельчатых узких окнах мерцают желтые живые огоньки. В храме кто-то есть... Кто-то!.. Мирабелла! Лучше б поднялась к Айри и попробовала понять хоть что-то... Терять детей заживо, что может быть страшнее, а эта дура теряет и не видит собственной беды. Или не понимает, вот и жжет ночами свечи...

Капитан Гастаки брезгливо передернула плечами: эсператистские молитвы ей не нравились, но не более того.

Говорят, за выходцем идут, словно на привязи. Как бы душа ни упиралась, тело слушается, но Луизу с Сэль ничто не тянет, кроме долга. Пока не родилась новая луна, тех, кого увели, можно выкупить... Откуда она это знает? Неважно! Мертвая корова не врет! Ей не нужны пасынки, она их отдаст... Она обещала, но есть еще Арнольд! Этот может и не отпустить...

– Здесь! – Толстуха остановилась у погасшей кузни, над запертой дверью красовалась ржавая конская подкова. – Это дорога. Наша дорога. Луиза Арамона, возьми дочь за руку. За горячую руку без мертвой кожи.

– Сними перчатку, – коротко велела Луиза. – Что еще?

– Назови меня по имени и дай мне руку!

Глава 2 Надор. Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Ночь с 11-го на 12-й день Зимних Ветров

1

Ночь выдалась ясной и звездной. Столько звезд, и таких ярких, Дикон видел только в Сагранне. Привычные созвездия мешались с незнакомыми, золотая россыпь тревожно мерцала, а лун было целых четыре; они восходили сразу с четырех сторон, стремясь к нестерпимо яркой желтой звезде, которой Ричард раньше не видел. Не было ее и на звездных картах, юноша прекрасно помнил, что в полночь в середине месяца Зимних Ветров в зените стоит голубая Адденара, не могла же она поменять цвет, и еще эти луны... Они не должны быть полными, хотя на самом деле это маски. Золотые маски с черными каменными глазами... Так вот куда делся карас – его украл барон, вставил в свою маску, и теперь она

смотрит. Камень смотрит, он ищет хозяина, а Капуль-Гизайль его не отдает, потому маска и упала... Она хотела, чтоб ее узнали...

– Где мой камень? – сухо спросил Ричард. – Он принадлежит мне. Он меня узнал!

– Он тебя узнал, – сказала Премудрая Гарра. К вырезу ее платья была приколота оранжевая роза, в руке старуха держала кожаное, размалеванное лунами ведро. – Он твой, пойд и возьми его. Он в башне, он тебя ждет, тебя все ждут...

– Спасибо тебе, Премудрая, – поблагодарил Дик. Старая бакранка расхохоталась и выплеснула свое ведро на черный, плоский камень. Прозрачные струйки, на глазах наливаясь алым, торопливо побежали вниз, побагровела и поверхность глыбы, только в самой ее середине осталась тьма! Башня! Та самая, из Варасты!..

– Он в башне! – повторила Гарра, и кто-то с силой толкнул юношу в спину. Дикон не удержался на ногах, мокрая глыба понеслась навстречу и растаяла, а башня осталась. Гербовая башня Надора, она была совсем близко, над выкрошившимися зубцами кружил одинокий ворон, а сам Дикон стоял на заметенных пеплом плитах – королевские чиновники жгли отцовские бумаги...

– Он в башне, – сказала матушка, перебирая четки из черных каменных глаз, – пойд и возьми его.

– Но сначала посмотри на наши платья, – потребовала Дейдри. – На наши свадебные платья. Тебе нравятся?

– Они такие красивые, – подхватила Эдит. – У нас никогда не было таких платьев. Спасибо тебе, что мы выходим замуж в один день.

– Ваш брат посмотрит ваши платья, когда вернется, – отрезала матушка. – Ступайте, Ричард. Мы вас ждем.

– Мы все тебя ждем, – подтвердил Наль. На нем была багряная котта с золотой каймой и черный плащ с вепрем. – Знаешь, это ведь я женюсь. Спасибо тебе! Если бы не ты... Эрэа Мирабелла, своим счастьем я обязан Ричарду, своим величайшим счастьем, на которое не смел рассчитывать...

– Прекрати! – прикрикнул Ричард. Не хватало, чтобы расчувствовавшийся кузен рассказал матери про выходки Айрис. – Прости, у меня дела...

– Да, у тебя дела, – подтвердил Наль, – но мы будем ждать.

– Мы будем ждать, – закивали Эдит и Дейдри. – Ты должен вернуться к нашей свадьбе...

– Идите, сын мой, – велела матушка, – да пребудут с вами мои молитвы.

– Он в башне! – закричала маленькая ювелирша, прыгая по замшелому крыльцу. – Пойди и возьми его!

– Мы вас ждем, – матушка даже не взглянула на резвившуюся нахалку, – поторопитесь.

– Я быстро, – пообещал Дикон. Реджинальд виновато улыбнулся, мать опустила вуаль, сестры отвернулись, Эйвон старомодно поклонился, подал руку своей супруге и повел ее к Полночному крыльцу. Дикон поднял голову: пепел больше не падал, падал снег.

2

Из тошнотворного марева стремительно вырвалось звездное небо. Верх снова был верхом, низ – низом, а тело – телом. Луиза, не слишком-то соображая, что делает, сдвинула капюшон, подставив лицо чистому, звонкому холоду. Рядом дрожала Селина и старым могучим буфетом возвышалась Зоя Гастаки. Надорские дворы, запертая кузница, ржавая подкова пропали, но место, куда их занесло, казалось знакомым. Очень знакомым. Звездно-снежное мерцание позволяло разглядеть серебристые руины, припавшие к земле валуны, украшенную ледяными наплывами скалу... Надорский утес, от которого никуда не деться!.. А она-то вообразила, что они вылезут в каком-нибудь склепе среди гнилых черепов!

Женщина выпустила руку дочери и медленно, пробуя ногой каждый камень, пошла к мертвому источнику. Ледяная корка, не выдержав собственной тяжести, треснула и

провалилась внутрь заиндевевшей чаши. Острые ледяные зубцы нависали над черной пустотой.

– Здесь один живой бросился на меч, – коротко пояснила Зоя. – Внизу другой живой убил в спину брата и сам был убит. От смерти подлеца к смерти глупца – это хорошая дорога. Для меня хорошая, а вы – со мной.

– Тут страшно, – сказала Селина и замолчала, кутаясь в слишком длинный для нее плащ. Луиза наклонилась над бывшим родником. Из дыры веяло древней жутью, казалось, ведьма-великанша прикрыла свой котел осколками зеркала. Уж лучше бы кладбище! Капитанша поежилась и трусливо повернулась к страшному камню спиной.

– Где Жюль и Амалия? – Нет, она все-таки сумасшедшая! Притащиться с выходцем на дурацкий утес, приволочь с собой Селину и шарахнуться от высохшего родничка.

– Еще не полночь, – Зоя кивком указала на глазастое небо, – но уже скоро... Очень скоро. Сейчас они проснутся. Нужно идти. Здесь только одна дорога, для всех одна.

– Ну так пошли. – Страх требовал хоть какого-то выхода, а гордость не желала его выпускать. Луиза подхватила дрожащую Селину под локоть и обернулась к покойнице: – Выходит, Арнольд удрал к вам? Кобель бесхвостый!..

– Нет! – Капитан Гастаки затрясла головой не хуже пойманной на горячем кухарки. – Все было не так! Ты не понимаешь... У меня был галеас, мой галеас! Это я потопила адмиральскую галеру, пока Пасадакис с Ватрахосом считали креветок... Как они меня ненавидели! Еще бы, ведь я делала их дело лучше... Я, женщина, сестра дожа! Я была им не по зубам, но они меня не слушали!

Я видела, к чему идет, меня не слушали. Эти мужчины... Капрас... С ним мы еще встретимся... А вот Пасадакис удрал...

– Он же утонул! – припомнила Луиза письмо Герарда. – Если это тот Пасадакис...

– Тот! – Ненависть делала широкое бледное лицо еще страшнее. – Все загубил и ушел, а нас взяли на абордаж. Подло, грязно, глупо... Меня все предали, мою «Пантеру» захватили... Тебе не понять, что такое поражение и одиночество! Я не хотела жить, но самоубийство – это для трусов!

Я не спала ночами, мечтая о смерти. О смерти, достойной капитана, и тут пришел он. Это было как удар молнии! Он мчался по своим делам, но, услышав мое отчаянье, все бросил и повернул коня... Мы взглянули в глаза друг другу и поняли – это судьба! Мы должны быть вместе, он и я! Я, а не ты! Ты была женой Арнольда, но ты его никогда не любила и не понимала! И он тебя не любил... Он никого не любил до меня!

Это она об Арнольде? Об Арнольде с его храпом, кухарками и тинтой?! Нашла рыцаря на коне, ничего не скажешь! Отворотясь не наплюешься, но не спорить же с выходцем.

– Да, мы друг друга не любили, – спокойно сказала Луиза. – Наш брак устроил мой отец. Арнольду нужна была должность, мне – муж, но что сделано, то сделано...

– Мы должны быть вместе! – зарычала Зоя. – Я и Арнольд! Ты меня слышишь, живая?!

Ответить Луиза не успела, Селина с писком бросилась между матерью и страхолудиной без тени.

– Ты нас обманула! – Упрек в голосе дочери мешался с удивлением. – Ты хотела... Ты хочешь нас убить?!

– Замолкни, козявка! – Гастаки странно дернула головой. – Дурища, вы ж не мои! Вы совсем не мои... Ты когда-нибудь просто уйдешь, а твоя мать... Она встанет между мной и Арнольдом! Она нас разлучит, и этому не будет конца, совсем не будет! Луиза, если ты умрешь, всему конец, понимаешь, всему?!

– Понимаю, – не стала спорить капитанша. – Но я умирать не собираюсь и еще меньше собираюсь возвращаться к Арнольду. Он мне и на этом-то свете опротивел.

– Ты должна его освободить! – потребовала Гастаки. – Выйти замуж или еще что-нибудь такое сделать... Святое по-вашему... А для этого тебе надо жить, поняла?! Да я узлом завяжусь, чтоб ты жила!

– Где Жюль и Амалия? – Ничего себе, «вечный покой». Покойница, а орет, как

лавочница, хотя любовь – она такая... И Арамону полюбишь. – Где мои дети, Зоя? Куда их дел Арнольд? Я должна знать!

– Он их не трогал, – Зоя опустила глаза, разглядывая промерзшие камни, – я соврала... Я тебя увела, чтобы быть с Арнольдом, потому что он мой! Мой!..

– Твой, – торопливо заверила Луиза, замирая от предчувствия чего-то неотвратимого. – Зачем ты нас сюда притащила?

– Козьявка твоя увязалась за нами, и хорошо. – Гастаки не слышала вопроса или не желала слышать. – У меня на «Пантере» похожая была... Дунешь – переломится, и смелая – куда там мужикам! Красивая девчушка была, очень красивая! Олененок олененком, так ее все и звали, а я еще злилась... Корова бешеная! Ведь все понимала, знала им, подлым, цену, а туда же! А малявка меня любила, одна из всех... Любила, и все! Не утани я ее в море, до сих пор бы жила... На нее все мужики глаз клали, на твою небось тоже?! Нечего таким уходить до срока. Это мне жизнь поперек горла была, а красота пусть цветет, сколько ей отпущено. Все равно облетать...

3

– Ваш заказ давно готов, сударь, – мастер Бартолемью с поклоном открыл футляр, на багряном бархате лежал браслет невесты, – вы задержались... Вы очень задержались, но я не сомневался, что вы придете и расплатитесь, как подобает.

– Сколько я вам должен? – Браслет с кэналлийским узором, кому он сейчас нужен?! – И где мое кольцо и те перстни, что я заказывал?

– Здесь. Все здесь. – Мастер открыл бюро и принялся один за другим выдвигать ящики. – Желаете забрать?

– Разумеется. Назовите цену.

– Вы и впрямь желаете ее знать, юноша? – удивился ювелир. На его лице была золотая маска с карасами вместо глаз. – Как странно.

– Верните камень! – Дик протянул руку, и на раскрытую ладонь равнодушно упала холодная черная капля.

– Бери! – Разбросанные драгоценности, стол, бюро, мастер, где они? Золотое одноглазое лицо висит в пустоте, медленно поднимаясь все выше и выше и словно выворачиваясь наизнанку. Золото неотвратимо наливается угольной тьмой, а единственный глаз желтеет, обретая сходство с лучшим из янтарей, но янтарь не светит. И не смотрит.

– Дикон? – Сюзерен стоит на вершине утеса, а над ним восходит желтая звезда. – Где ты был?

– У ювелира, – юноша торопливо разжал кулак, – это карас Раканов. Он выпал из меча, и я его нашел. Его украл Капуль-Гизайль, чтобы вставить в маску. Он принадлежит тебе.

– Мне принадлежит все, – улыбается сюзерен. – Нам принадлежит все. Этот камень займет свое место. Свое место должно занять все.

Черная капля покорно перетекает в ладонь Альдо, на мгновение замирает и срывается в пропасть.

– Мне принадлежит все! – кричит камень. Он растет, набирает ход, он торопится, он разгневан, он и есть Альдо Ракан, и место Ричарда рядом с государем. Юноша, отшвырнув плащ, мчится по склону, нет, не мчится – катится, ведь он сам камень и повелитель камней. Они пойдут за ним, как сам он идет за сюзереном. Таков их долг, их предназначение, их счастье! Только вперед, не споря, не медля, не сомневаясь. Вниз, скорее вниз! Там, где склон переходит в равнину, затаился враг. Сильный, неукротимый и вероломный. Пока он жив, камням не знать покоя, но кто остановит стремительный, яростный бег?! Скалы сильнее и ветра, и волн, и молний, не говоря уж о жалких деревьях... Скалы терпеливы, они веками ждут своего часа, и горе тем, кто стронет их с места...

4

Высеребренная зимой кабанья рожа злобно щерилась на желтую звезду, запутавшуюся в ветвях давным-давно высохшего дерева с облезшей напрочь корой. Это место и днем-то не внушало доверия, а уж в полночь...

– Сейчас они пойдут, – Зоя остановилась, словно налетев на невидимый забор, – идите к нему.

– К кому «к нему»? – хмуро осведомилась Луиза, косясь на треклятую каменную. – К кабану?

– Нет! – Зоя ткнула пальцем в сторону скрюченного ствола. – Туда. Там тень, там будет спокойно...

Тень? В новолуние? Бред, хотя дерево лучше булыжника. Капитанша с подозрением глянула на Зою, не отрывавшую взгляда от зависшей над камнем звезды:

– Иди первая, мы за тобой.

– Тупица. – Капитан уперла руки в боки не хуже самой Луизы. – Там тень. Их тень. Они ушли, тень осталась. Мне нельзя, а вы – горячие. Вы войдете, вас не увидят.

– Святая Октавия, – помянула заступницу Кошоне Луиза, не сообразив, что Зое это может не понравиться. – Да кто нас здесь увидит, кроме этой свиньи каменной?!

– Туда! – рывкнула Гастаки. – Живо, если к Арнольду не хочешь!

– Хорошо. – Луиза решила и шагнула. Ничего не случилось, разве что звезда стала не такой яркой. – Селина, иди ко мне. И что дальше?

В ответ Зоя повернулась спиной, широко расставив ноги. Она чего-то ждала. Луиза завертела головой, пытаясь хоть что-то понять, и тут снизу ударило. Женщина потеряла равновесие и едва не свалилась на сжавшуюся в комок Селину. Зоя тоже устояла, хоть и пошатнулась. Вокруг грохотало и гудело, а в небе стояли четыре луны. Луиза ударила себя по щеке, отгоняя морок, хотя могла бы этого и не делать – утес трясло, как в лихорадке, кусты и ветки мертвого дерева мотались, как в хорошую бурю, но ветра не было.

– Мама! – Других слов у Селины не было. – Мамочка!

– Пошли. – Зоя, пьяно шатаясь, отступила назад, к самому краю мечущихся скрюченных теней, загородив полнеба. – Теперь все...

Удары продолжались, утес корчился и стонал, а у каменной чаши творилось что-то ужасное. Удержаться на ногах было трудно, и Луиза опустилась наземь рядом с Селиной. Зоя осталась стоять, только пошире расставила ноги.

– Зачем ты нас сюда затащила?! – Только б заболтать, закричать, перебить хоть чем-то этот гул! – За какими...

Новый удар был сильнее всех предыдущих. Капитан Гастаки, выкрикнув что-то непонятное, соизволила наконец присесть. Стала видна тропа, по которой они с Эйвоном поднимались к роднику, то есть не тропа, а тащившееся по ней каменное стадо. Окружавшие источник валуны сдвинулись с места и, подставив круглые спины лунным лучам, лениво ползли вниз. Не катились, а именно ползли, как черепахи из книжки Герарда. У свиного камня тропа круто поворачивала, огибая осыпь, и похожий на измятую серую грушу валун, ползший первым, неторопливо повернул, минуя опасное место. Маневр «груши» повторила глыба, несшая на себе растрепанный куст. Раньше она лежала в промоине справа от источника, как бы не трясло, ей было оттуда не выкатиться...

– Это стража, – Зоя все-таки обернулась, – стража Дома. Она уходит. Так надо.

– Кому? – выкрикнула Луиза сквозь шипящий скрежет. – Кому надо?!

– Поставившим. – Зоя, шатаясь, поднялась, вытащила из ножен клинок и подняла над головой. – Вечный покой вольноотпущенным! Они свободны... Навсегда.

Свободны... Как же это жутко! Кабанья скала тоже зашевелилась, освобождаясь от древних пут. Мелкие, жавшиеся к глыбе камни торопливо поползли в стороны, обнажив бока и брюхо гиганта. А тот раскачивался все сильнее, пока не опрокинулся навзничь, но не успокоился, а принялся тереться об уступ, словно свинья о дерево. И Луиза вдруг поняла, зачем: камень избавлялся от бронзовых морд...

– Сударыня! – Селина, судорожно сжав руки, смотрела на Зою. – Сударыня, что теперь будет?!

– Утро, – обрадовала капитан. – Вы тепло одеты, вас двое. Вы увидите утро и пойдете в другой дом. Этого больше не будет...

– Надор? – выдохнула Луиза, уже все поняв. – Они идут в Надор?!

– Нет, они просто уходят. Зачем стеречь то, чего к утру не станет?

– Айри! Там же Айри! – Селина рванулась вперед, но Луиза, изловчившись, ухватила дочку за рукав.

– Там не только Айрис. – Святая Октавия, Создатель, кто-нибудь, разбудите или прибейте! – Зоя, почему?! Почему ты не сказала?

– Так было проще. – У нее нет тени, только и всего. У Зои Гастаки нет тени, на небе четыре луны, а камни окончили стражу. – Проще всем. Те, внизу, должны платить, вы – нет. Я должна быть с Арнольдом, ты должна остаться горячей. Так и будет.

– Ты должна была сказать! – Селина снова дернулась, и Луиза обхватила дочь обеими руками. – Мы могли бы... Могли бы спасти всех!

– Они платят, – женщина без тени покачала головой, – чашу разбили, вода ушла, ничего нельзя изменить. Звезда взыщет долг и упадет, а луны зайдут. Останется зола, но вас это не затронет. На вас вины нет.

Не тронет... Эйвон, Айри, Реджинальд, девчонки, Джоанна, которой она обещала столичную жизнь, даже Мирабелла... Святая Октавия, за что?!

– Как же так?! – прошептала Селина. – Как же так?

– Так вышло, – отрезала капитанша, – мы все равно ничего бы не смогли...

– Это из-за меня! – Руки дочки бессильно упали на плащ, она больше не хотела бежать. Жить она тоже не хотела. – Если бы не я, Айри ушла... Она боялась, что я не выдержу... Дороги не выдержу! Мама, она вернулась из-за меня!

– Прекрати! – жестко сказала Луиза. – Айрис вернулась из-за метели, лошадей и приступа. Это она не могла идти, не ты...

– Те, кто платит, никуда не уйдут, – хмуро бросила Зоя. – Снег заодно с камнем. Снег караулил.

– Ты поняла? – Луиза ухватила дочь за плечи и как следует потрянула. – Никто ничего не мог сделать!

– Поняла, – голос Селины был мертвым, – но лучше б мы ушли... Вместе. Или остались...

Что лучше: замерзнуть, задохнуться в снежной замяти или угодить во сне под обвал? Если повезет, можно ничего не понять, как не поняла малышка Николь, когда случайный камень пробил ей висок, только спят ли сейчас в замке?

– Айри знала, что умрет, – из глаз Селины катились слезы, она их не вытирала, – она не верила, что придет завтра... Но ее никто не понял... Никто...

Айри что-то чувствовала, иначе она бы не рвалась из Надора на ночь глядя, и Эйвон тоже. Граф не сошел с ума, решившись все бросить и бежать, его что-то гнало прочь из замка. Это они с Селиной ничего не слышали и боялись метели и волков. Умом боялись, но ум на Изломе плохой советчик...

– Не говори ерунды! – прикрикнула Луиза, но это не было ерундой. Не было...

– Айри, все хорошо... Лошади знают, что делают. Там волки, обвалы, а может, и что похуже. Собаки зря выть не станут...

– Кузина! – Налъ словно бы вырос на глазах. – Кузина... Клянусь, она больше никогда не посмеет... Если она скажет что-то оскорбительное, я...

– Не надо, – Айрис слабо улыбнулась, – спасибо, но... уже ничего не надо.

– Вот и хорошо. Теперь выпьем чего-нибудь горячего и спать. А собираться – завтра.

– Зачем? – Айрис устало бросила перчатки и хлыст на пол. – Пусть будет, как есть...

– «Пусть будет, как есть», – повторила Луиза. Зоя не поняла, пришлось объяснить: – Это сказала Айрис, когда я уходила к себе. А Эйвон вообще ничего не сказал... Рыцарь,

раздери его кошки! Он ведь тоже знал... Не понимал, но знал...

– Ты его любишь, этого Эйвона? – подалась вперед Зоя. – Любишь?!

– Люблю. – Это все, что она может сделать для нелепого старого рыцаря. Солгать, и пусть эти проклятые булыжники слышат! Может, услышит и Эйвон, хотя, когда рушится дом, не до любви.

– Почему ты молчала?! – Глаза Зои полыхнули болотными огнями. – Дура!..

Сзади напирал гул и скрежет – камни все ползли и ползли. Луиза провела рукой по лицу и поняла, что плачет. И когда успела?! Зоя что-то хрюкнула, вскочила на ноги и, тяжело топая, побежала к каменному потоку. Судорожно вздохнула Селина.

– Куда ты? – завопила вслед Зое Луиза. – Осторожней!

– Якорь вам в глотку, – проревела на бегу капитан Гастаки. – Обеим! Я уже сдохла! Я холодная... Я их вытащу! И девчонку, и мужика!..

Темная плотная тень вспрыгнула на двугорбый валун, перебралась на другой, ползущий рядом, покачнулась, нелепо плеснув руками, и снова прыгнула, теперь на плоскую плиту. Та накренилась, но Зоя успела вскочить на соседнюю глыбу. Грузный силуэт отчетливо виднелся на фоне звездного неба. Капитан придержала шляпу и завертела головой, примеряясь к очередному броску. Она двигалась на первый взгляд неуклюже, но ни разу не ошиблась, уверенно пробираясь к извергавшей холод чаше. К своей тропе...

– Она их приведет? – Селина, закусив губу, смотрела на странную женщину без тени, женщину, полюбившую Арнольда. – Ведь приведет?!

– Конечно, – сказала Луиза то, что только и могла сказать. – Она – молодец... Ну и повезло же этому борову, твоему папаше!

Глава 3

Надор. Ракана (б. Оллария)

400 год К.С. Ночь с 11-го на 12-й день Зимних Ветров

1

Худой, сутулый человек сидел у камина, вытянув длинные ноги в потертых сапогах, и на что-то смотрел. На что именно, Чарльз разобрать не мог, хотя сама фигура и казалась знакомой. Самым же глупым было то, что капитан Давенпорт знать не знал, как и куда его занесло. Последнее, что он помнил, была гостиница, в которой он заночевал вместе с другими офицерами авангарда. Последующие события канули во мрак, но в том, что они с Бэзилем Хейлом на сон грядущий не пили, Чарльз был свято уверен. Тем не менее прятаться в углу было глупо, и Давенпорт вышел на середину комнаты. Просторной, но удивительно неуютной.

– Добрый вечер, сударь. Вы, вероятно, удивлены...

Сударь продолжал таращиться на какую-то вещицу и блаженно улыбаться, и тут Давенпорт его узнал. Граф Эйвон Ларак, один из надорских чудаков и отец приезжавшего к Савиньяку толстяка. Последний раз Чарльз видел графа у Рокслеев лет пять назад. Странно, но с того дня Ларак не только не постарел, но стал казаться моложе.

– Господин Ларак, – повысил голос Чарльз, – прошу простить мое вторжение...

Граф не слышал, но он мог и оглохнуть. Куда хуже было мутное, старое зеркало, в котором отражалось все, кроме капитана Давенпорта. Чарльз зажмурился, глубоко вздохнул и вновь открыл глаза. Камин, Ларак со своим сокровищем и зеркало были на месте, но капитан в нем так и не появился.

– Ларак! – крикнул Чарльз, подходя вплотную к графу. – Вы меня видите?!

Ответ был очевиден. На всякий случай Чарльз поднес руку к шандалу – его не только не видели и не слышали, он не отбрасывал тени и не обжигался! И вообще как, уснув в «Четырех кабаках», он очутился в Надоре?! Никак! Значит, он там и не очутился, а Эйвон ему снится. Ничего удивительного, ведь завтра к вечеру предстоит взять замок под охрану, и лучше иметь дело не с вдовой Эгмонта, а с Ларакком. Совершенно успокоившись, Чарльз еще раз оглядел комнату. Будет смешно, если кабинет графа и в самом деле окажется таким – с вытертыми медвежьими шкурами на полу, почтенными, чтоб не сказать дряхлыми, охотничьими гобеленами и парочкой портретов.

Граф Эйвон зашевелился, поцеловал то, что разглядывал, сунул его за пазуху, откинулся на спинку кресла и замер, выставив седоватую бородку. Какой скучный сон! Любопытно, вспомнится утром хоть что-нибудь? Чарльз ущипнул себя за потерявшую тень руку, надеясь проснуться. Не помогло, разве что огоньки свечей испуганно заметались, а Ларак вздрогнул и вскочил. Граф к чему-то прислушивался, а пламя продолжало бестолково метаться. Потом сверху что-то свалилось, угол гобелена с медвежьей охотой нелепо загнулся наружу, открыв украшенную пятнами стену. Все, что висело, задрожало и принялось раскачиваться, а допотопные стулья с резными спинками ожили и сами по себе сдвинулись к середине комнаты.

Граф Ларак схватил свечу и выбежал вон. Чарльз за какими-то кошками бросился следом. Капитан прекрасно понимал, что спит и видит сон, но оставаться наедине со свихнувшимися стульями и собравшимся упасть гобеленом не хотелось.

Догнать Ларака оказалось несложно. Граф, перескакивая через две ступени, мчался куда-то наверх, а вокруг в полной тишине сыпалась всякая дрянь. Дурацкий сон был хоть и цветным, но беззвучным. Происходи все на самом деле, вокруг стоял бы треск и грохот, но доспехи, охотничьи трофеи, какие-то шесты валились бесшумно и медленно, словно тонули в прозрачном, тягучем вареве. И еще отчего-то было светло, словно над разбитой лестницей подвесили полную луну.

Под ноги осенним листом лег тяжеленный ржавый щит, и Чарльз со всей силы ударил по железяке босой ногой, не почувствовав ни боли, ни холода. Этого и следовало ожидать, ведь он лежит в «Четырех кабаках» и видит какую-то чушь про землетрясение и Эйвона... А может, заорать? Здесь его не слышат, но это не значит, что Бэзил Хейл оглох. Если полковник обольет орущего соседа водой, сосед скажет спасибо, только бы прекратился этот кошмар с рушащимися галереями и дохлым желтым светом.

– Бэзил! – заорал Чарльз, невольно уворачиваясь от наплывавшего на него куска перил. – Бэзил! Разбудите меня!!!

Обломок неспешно поравнялся с лицом капитана, древесина была темной от старости. Чарльз ругнулся, деревяшка, способная убить быка, медленно проплыла сквозь него.

Лестница кончилась, граф Ларак, задыхаясь, побежал замусоренной анфиладой, навстречу выскочила женщина в одной сорочке. Она что-то волокла и, наверное, кричала. Чарльз ее не слышал, а Ларак, похоже, не видел. Граф проскочил узким коридором, чудом увернулся от позеленевшего светильника, миновал какую-то комнату и забарабанил в закрытую дверь. Бедняга качался, как пьяный, или это качался пол?

Подняв столб пыли, рухнул карниз, следом отвалился ставень, и в трясущийся замок забралась луна, которой на небе быть ну никак не могло. Ларак бросил стучать, разбежался и, выставив плечо, рванулся вперед – решил высадить дверь. Та подалась сразу же, ее никто не запирает. Граф, нелепо шатаясь, ввалился внутрь.

Это была спальня, судя по разбросанным платьям, женская. Ларак заметался, потом поднял зеленое платье, на мгновение прижался к нему лицом и бережно положил на пустую кровать...

ползавших чужими тропами, а, как и положено от века, честно падавших вниз. Земля гудела и дрожала, обвал следовал за обвалом, но это было лучше жуткой процессии. Если б только погасла проклятая звезда и поднимавшиеся к ней луны! Луиза задрала голову, с ненавистью разглядывая переливчатый бледный круг, на котором висели четыре светила, казалось, выпившие из окружающего мира все краски. Яркий холодный свет превращал настоящее в бесплотные тени, а тени наделял угольно-черной плотью. Тени... Только они и были настоящими в эту ночь.

Женщина мягко отстранила прильнувшую к ней дочь.

– Я сейчас приду.

Селина кивнула, не отрывая взгляда от развалин, в которых исчезла Зоя. Она еще надеялась. Вопреки желтой звезде и здравому смыслу. Луиза поднялась и подошла к краю того, что Зоя называла тенью. Ничего не случилось – каменные черепахи прошли, и залитая лунным светом тропа была пуста.

– Мама, – окликнула дочь, – не уходи!

– Я здесь, – отозвалась Луиза, вслушиваясь в доносившийся снизу грохот, земля продолжала корчиться, но устоять на ногах было можно. – Я только гляну на замок и вернусь.

Она сама не знала, что ожидала увидеть, но не увидела ничего. Ненавистный свет погас, луны исчезли, и мир заволокла чернота, сквозь которую смутно белел снег. Гул стал тяжелее и ниже, капитанша опустила голову, явственно ощущая, как в глубине горы что-то медленно поворачивается.

Страх гнал назад, к дочери, к хоть какому, только бы свету, но Луиза заставила себя пересечь тропу. Она шла медленно, ощупывая каждый камень. Глаза понемногу привыкали к темноте, позволяя различать переломанные кустики и одинокие, оставшиеся мертвыми валуны. Будь здесь Эйвон, он бы подал ей руку и сказал что-нибудь глупое... Если б только он здесь был! Он, Айри, Реджинальд, Джоанна, девочки-мышки, дура Мирабелла, толстуха Аурелия, слуги, лошади, собаки... Собаки... Они были изо дня в день, почему они сегодня замолчали?!

Сбоку донесся грохот: оторвалась и рухнула в пропасть очередная глыба. Мешанина из щебня и снега обрывалась черно-белой осыпью. Она пришла зря. Готовый обрушиться склон терялся в поднявшемся из долины тумане. Косматое марево поползло до половины стены, утопив все, кроме иззубренной скальной кромки, с которой раз за разом срывались груды снега и одинокие глыбы...

– Мама!

Крик дочери заставил броситься назад, они столкнулись на тропе, и тут же раздался треск. Словно от фейерверка! Луиза толкнула Селину в спасительную тень и обернулась. Там, где она только что пробежала, щерилась черная щель, отделяя мертвое дерево от лихорадочно дрожащих развалин. Черный зигзаг расширялся стремительно, часть утеса вместе с руинами клонилась в сторону обрыва. Сначала едва заметно, затем все сильнее, пока не стряхнула в пропасть руины вместе со снегом. Освободившаяся от тяжести плита, словно раздумывая, замерла на краю бездны, затем дрогнула и ринулась вниз.

3

На вершине башни горит огонь, значит, Ворон там. Ждет ли он гостя? Разве угадаешь, что знает ветер, но хозяином Круга кэналлийцу не бывать, а королем – тем более! Трусость Эрнани украла у Золотых земель четыреста лет, но Зверь вновь стал Зверем, а олларовских падальщиков сменяют белые ласточки. Ветер, истинный Ветер, подхватит стяги возрожденной анаксии, но сперва Скалы сокрушат закатную башню. Хватит ей бродить по степям, нагоняя страх на путников, ее тайна разгадана! Древнее убежище врагов, она дарует им удачу и силу, но на Изломе уязвим и Закат, ведь пока хозяин в башне, ей не исчезнуть...

– Я знаю, зачем ты пришел! – Айрис в багряном и золотом стоит возле узкой

бойницы. – Забирай! Мне от предателя ничего не нужно!

Что-то со свистом рассекает воздух, падает к ногам. Браслет невесты с кэналлийским узором... Выходит, мастер его все-таки отослал! Серебро, карасы, витиеватая надпись окружает стоящего у скалы вепря...

– Ты опозорила Надор! – Вещь с родовым гербом не должна валяться под ногами, но как поднять ее на глазах изменницы?! – У меня больше нет сестры.

— У тебя больше нет сестры, – холодно повторила Айрис.

— У тебя больше нет сестры, – каркнул ворон, подхватывая злополучный браслет, – у тебя больше никого нет...

Взмах крыла, и черная птица исчезает в желтом небе, унося ненужный подарок, теряется среди себе подобных.

– Я тебя не знаю, – на шее Айрис горит алая ройя, – убирайся! Тебе здесь не место.

– Мое место рядом с моим сюзереном! – Откуда у нее ройя Катари? Или это другой камень? – Моя кровь и моя честь принадлежат ему!

– Уходи, – худые руки обвивают шею черноволосого мужчины, – моя кровь и моя честь принадлежат ему.

На лице черноволосого золотая маска, но не узнать его невозможно.

– Тебе не спрятаться за женщину! – Рука ищет шпагу, но находит лишь пустоту.

– Я не вижу тебя. – За спиной Ворона меч Раканов, а голос холоден и тяжел: – Я тебя не вижу, значит, тебя нет!

Меч! Он должен его забрать...

– Герцог Окделл, – голос сюзерена разрывает молчание, – исполни свой долг!

– Именем анакса и во имя его! – Шпага пропала, но остался кинжал! Кинжал святого Алана с родовым вепрем на клинке. Как легко он пробивает доспехи, словно это не сталь, а шелк. Темная кровь хлещет на древние плиты, какая она горячая! Как жадно пьют ее камни. Они так хотят пить, они так долго ждали...

– Убийца! – Вопль Айрис сливается с птичьими криками и гулом обвала. Нет, это не обвал, это топот бесчисленных армий. Армий сюзерена.

– Вперед! – велит Альдо. – Мы обречены на победу!

Закатная башня все еще рвется к небу, сколько в ней высокомерия, сколько гордыни было в том, кто ее возвел!

– Он мертв! – Меч Раканов ложится к ногам анакса. – Я убил его!

– Он жив, пока стоит башня. Что ты мне принес?

Это другой меч! В его рукояти не аметист, а янтарь. В золотой глубине проступает что-то черное... Карас? Карас в янтаре?!

— Мой государь, я исправлю свою ошибку. Башня будет низвергнута!

Глава 4

Надор

400 год К.С. Ночь с 11-го на 12-й день Зимних Ветров

1

Ужас не кончался. Эйвон Ларак носился по рассыпающемуся замку, и Чарльз следовал за ним. Он больше не кричал, не пытался поднимать упавших, не уворачивался от рушащихся балок. Чувство, заставляющее отдернуть руку прежде, чем почувствуешь боль, смирилось, а может, просто устало, но бросить Эйвона, зажмуриться и тупо ждать пробуждения Давенпорт не мог.

Капитан метался по заваленным обломками и снегом дворам, проклиная насылающих

сны демонов и храпящего в «Четырех вепрях» Хейла, до которого не доходило разбудить соседа. Там, в настоящей жизни, на небе не было ни одной луны, а здесь ухмыляются целых четыре. Скованные переливчатыми дугами, они неотвратно сползаются к замершей в зените звезде, заливая гибнущий Надор призрачным золотом. В безмолвных желтоватых сумерках кое-как одетые люди таскают детей и вещи, размахивают руками, толкаются, подхватывают друг друга, падают на колени, бьют заиндевелившим бревном в запертые ворота.

Растерянные, испуганные, злые, они возникают, чтобы навсегда пропасть из глаз и навсегда остаться в памяти... Конюх хватает под уздцы очумевшую лошадь, худющая старуха волочет облезлый сундучок. Мальчонка лет четырех утирает кулаками слезы, на нем женская меховая безрукавка. Слишком длинная, она волочится по грязному снегу. Лохматый парень держит на руках девушку с разбитой головой. Она мертва, но брат, жених или муж этого не понимает.

Очередной толчок швыряет беднягу на колени, но он так и не разжимает объятий. Откуда-то выскакивает здоровенный малый с выпученными глазами, врывается в кучку женщин и, отчаянно работая локтями, пробивается вперед. К воротам. Кто-то падает, кто-то отлетает в сторону, полная молодая женщина хватается за грудь. Здоровяк, даже не оглянувшись, выскакивает из толпы, сталкивается нос к носу с Ларак. Граф поднимает руку, бьет наотмашь. Мужчина застывает как вкопанный, судорожно глотая воздух, и вдруг заходится в плаче. Ларак помогает подняться служанке в одном чулке, идет дальше; за ним, словно нитка за иголкой, тянутся порядок и уверенность. В жизни граф Эйвон никогда не был таким и не будет, но это сон! Страшный сон, который когда-нибудь кончится!

Тряхнуло. С толстеного скрюченного дерева посыпался снег, запорошил сваленную меж корней кучу барахла. Седоголовый слуга, отстранив двух обнявшихся женщин, протиснулся к низкому каменному сараю. Толчки не прекращались, и старика мотало из стороны в сторону, но он как-то отодвинул засов. Во двор, перескакивая друг через друга, вывалились ошалелые разномастные псы.

Из стены вывалился огромный камень, разбив в щепки засыпанный снегом воз. Старуха в нижней юбке и девичьей шали пошатнулась и села на снег. Собаки вылетели на середину двора и сбились в кучу, поджав хвосты и беззвучно, по-рыбьи, разева пасти. Те, кто был заперт в гибнущем замке, кричали сами и слышали крики, треск и скрежет, а у Давенпорта были только глаза, которые он не закрыл, сам не зная почему. Чарльз проходил сквозь падающие обломки, сквозь чужой страх и чужую смерть, и с ним не происходило ничего. Он видел, как без ветра качаются и роняют ветви деревья, валяются с крыш и стен камни и черепица, тянутся к желтому небу руки, открываются и закрываются рты...

Лунное колесо стало меньше, а каменный дождь – гуще, и все больше людей толпилось на узкой площадке у ворот, где распоряжался Эйвон Ларак. Граф больше не вглядывался в каждое женское лицо, он отгонял толпу от рассеченных трещинами стен, выслушивал тех, кто хоть что-то соображал, отдавал короткие приказы. И их исполняли! Пытались исполнять.

Ларак махнул рукой, и мужчины, разбивавшие ворота, опустили свое бревно на землю. Из их ртов валил пар, по лицам катился пот. Они стояли и смотрели, как шестеро здоровяков подхватили таран и ударили по золотым от лунной пляски створкам. Почему они до сих пор не рассыпались, ведь это просто доски, даже ничем не окованные?! От них должны остаться лишь щепки... Должны?! Во сне, где по небу кружат четыре луны, а ты проходишь сквозь людей и камни, никто никому не должен...

– Бэзил! Бэзил, разбуди меня!!!

Из покосившейся крыши вылетела балка и перебила хребет серой лошадке; толпу повело в сторону, ударило о кладку буропенной волной. Новый толчок, и торчащая над стеной колокольня неторопливо накренилась, уронила венчавшую ее свечу и начала падать, рассыпаясь в полете. Эйвон Ларак вздрогнул и бросился в глубь дворов, мужчины у ворот принялись с удвоенной силой орудовать своим бревном.

Снова тряхнуло, и граф едва не налетел на бьющуюся в агонии лошадь. Он пьяно

шатался, но пытался бежать... Почему никто не прикончит кобылу, неужели это так трудно?! Ларак исчез в чудом уцелевшей арке, а Чарльз безнадежно застрял над умирающей лошадью, нашивая несуществующий пистолет. Несуществующий и бесполезный. Он не смог бы пристрелить эту кобылу, как не мог помочь плачущей женщине, подхватить ребенка, сменить таранщиков, он ничего не мог, только стоять босиком на нехолодном снегу и смотреть на чужую смерть...

– Бэзил, проклятье! Ты что, оглох?! Я хочу проснуться!!!

Одна из внутренних стен заколебалась и осела, подняв столб красноватой кирпичной пыли; завал отрезал бросившегося к церкви Ларака от площади. И тут ворота наконец разлетелись. За ними была скала.

2

Обвал сожрал развалины вместе с пересохшей чашей, но мертвое дерево не потеряло ни единой ветки, уцелела и тропа. Раньше она приближалась к обрыву лишь в двух местах, теперь черный ломаный зигзаг подползал к ней вплотную везде, насколько хватало глаз.

– Здесь больше не будут ходить, – прошептала Луиза. Она думала об одном, дочь услышала другое.

– Все погибнут, – тихо сказала она, – Надора не будет и дороги не будет...

– Помолчи, могильщица! – прикрикнула капитанша. – Зоя обещала...

– Она обещала Айри, – Селина судорожно сглотнула, – и Ларака... А Реджинальд? А Дейдри с Эдит? Мама, сколько людей в Надоре?

– Не знаю, не считала! – Сколько же их? Сотни две, если не три. И еще деревня за мостом, но туда оно не доберется... Оно?! Почему она так подумала?

– Пойду посмотрю, что внизу.

– Я с тобой.

Внизу был туман, в котором тонули дрожащие черные стены. Мелкие камни сыпались градом, крупные отрывались от края обрыва реже и не сразу. Где же носит эту Зою?! И как она вернется, если развалин, в которых кто-то околел, больше нет? А может, они пошли другой дорогой? Люди вечно умирают и убивают. Конечно! Джоанна говорила, что осенью повесился мельник... Конечно же! Они вышли на мельнице!

– Ничего не видно, – Селина встала на колени и свесила голову в пропасть, – одни камни.

– Тогда пошли назад!

Дочь без лишних слов встала, она и раньше-то не была болтушкой, а теперь и вовсе сникла.

– Тебе не холодно?

– Нет... мама, на небе правда четыре луны? Под деревом?

– Правда. Это место такое. Видишь, опять...

– Какие они яркие, – посетовала Селина, – как... как беда. А внизу все грохочет.

– Закрой глаза и думай, что это телеги. Помнишь, когда в Кошоне строили церковь, ездили у нас под окнами?

– Помню, – кивнула Селина, но глаз не закрывала, – мы должны были остаться со всеми.

– Мы не знали! – Опять! Святая Октавия, опять! Для всех – горе, для нее – всего лишь неудобство... Так уже было. С Манриками. Дамы Катарини тряслись от страха, а госпожа Арамона смотрела на тех, кого уводят, как... Как кошка с забора бойни. Вот в Октавианскую ночь она могла бы взвыть от ужаса, но на ней висела семья. Сейчас – только Селина.

– Все хорошо. Все будет хорошо.

– Мама, ну как ты можешь?!

Как она может? Она сама не знает как, но кричать она не станет. Кудахтать с насеста, когда рядом умирают... Это не всем дано.

Под ногами прополз очередной воз, развернулся, покатился назад, земля задрожала

сильнее, к подземному гулу присоединился донесшийся поверху грохот.

– Это в замке?

– Почему в замке? – возмутилась Луиза. – Глыбы валяются не только здесь! Забыла, что стена тянется до озера?

– Я помню.

Резкий удар и догоняющий его грохот. Где-то поблизости. Глыбы крошатся друг о друга и рычат, по земле черными ветвями ползут трещины, сыплются и сыплются камни с обрыва... Сколько же их!

– Подстели плащ как следует. Тебе еще детей рожать!

– Я же говорила... Неужели ты думаешь... Я не предам Айри! Никогда...

– Не предать – не значит хоронить себя заживо. – А луны сейчас сойдутся. Они будут крошить друг друга, как камни, или просто погаснут? А может, упадут? Что будет, если на тебя свалится луна? А четыре луны? Святая Октавия, чего только не лезет в голову...

– Мама!

Грузный одинокий силуэт закрывает звезды. Шляпа, шпага, плащ... Капитан Гастаки и больше никого.

– Я не смогла. – Бездна голос, безнадёжное лицо, безнадёжные слова. – Мне не дано... Дороги нет, ничего нет... Она бессильна. Даже Она...

3

Четыре золотых лица слились в одно, черное. Ослепительно вспыхнула золотая звезда. Пора! Во имя святого Алана, сюзерена и анаксии, во имя справедливости, пора! Дикон вскочил на коня и поднял клинок. Могучий темно-серый жеребец злобно заржал и прыгнул вперед. Юноша не оглядывался. Он знал, что воинство Скал не оставит своего Повелителя. Конница, набирая разбег, неслась на приступ. Топот копыт сливался в непрерывный, могучий гул, заполнивший зажатую скальными стенами долину. Скалы терпеливы, но есть предел и их терпению! Можно простить многое, но не втопанную в грязь клятву...

Золотая звезда горела все ярче, указывая путь, мелькали поросшие лесом горы, дрожащие от нетерпения утесы, одинокое озеро, сломанное дерево, где-то Ричард видел похожее... В Сагранне? В Алате? В Эпинэ? Это не важно, важен долг!

Ричард прищепил коня, ощущая себя единым целым с ним, с несущейся сзади армией, с окрестными скалами. Кавалерия не штурмует крепости, но только камень со-владеет с камнем, и только верный вправе карать предавшего. «Верность изменнику суть измена, как и родство с изменником – измена, и послушание оному». Таков закон! Предательство не искупит ничто, кроме смерти, но изменнику даровано право покарать себя самому... У него был выбор, у него было время. Шестнадцать дней и шестнадцать ночей...

Башни возникли неожиданно, древние, мощные, облитые лунным светом... Серый гранит корчится от страха – замок узнал свою смерть раньше тех, кого он прячет. Дикон слышал, как дрожат и стонут связанные людской волей глыбы. К утру они станут песком, серым, ничтожным песком на могиле клятвопреступников.

Конь Ричарда встал на дыбы, обрушив копыта на выносную башню. Дико вскрикнул камень с белой полосой, ему ответил другой. Юноша сдержал скакуна и обернулся, с гордостью глядя, как из золотистого марева вырывается отряд за отрядом. Он привел армию в срок, его долг исполнен, долг и присяга... Сюзерен будет доволен!

– Дикон!

Дейдри, что она здесь делает? Откуда?

– Дикон, Ди...

– Дейдри?! Это ты?

Послышалось... Крики так похожи, крики и плач. Слушать их страшно, но долг есть долг, он превыше жалости, боли, милосердия. Потом он вспомнит, как ревели в агонии стены, как молились, проклинали, ругались люди, вспомнит и не сможет уснуть, но он

должен снести с лица земли этот замок и самую память о нем...

– Вперед! Именем Скал и во имя их!

4

Ларака Чарльз нашел быстро. Вернее, нашел не самого графа, а его ноги, выглядывающие из-под завала, сквозь который Давенпорт заставил себя пройти, вспомнив, что это сон. Второй завал перекрыл выход из внутренних дворов, третий – засыпал вход в церковь, но само здание как-то держалось. Более того, в узеньких окнах бился рыжий живой свет. Там кто-то был, кто-то, к кому бросился на помощь Эйвон Ларак, но не дошел.

Чарльз опустил на корточки рядом с неловко вывернутым сапогом, протянул руку и в который раз ничего не коснулся. Он здесь был, и его здесь не было...

Справа рухнуло что-то большое, разлетелось вдребезги, острые каменные осколки картечью прошли по двору. К счастью, пустому, если не считать мертвых и капитана Давенпорта. Жизнь, то есть то, что от нее осталось, билась по ту сторону завала у заросших камнем ворот. Можно было вернуться к ним или пройти сквозь стены и вырваться из надорского кошмара, но Чарльз бросился туда, куда не добрался Ларак.

Наверное, разбежаться было незачем, но капитан еще не привык к тому, что с ним творится. Когда прочерченная трещинами кладка оказалась перед самыми глазами, Давенпорт не выдержал и зажмурился. На мгновение, но этого хватило. Он опять ничего не увидел и ничего не понял, просто оказался внутри. В очередном кошмаре.

Доброй четверти потолка в алтарной части как не бывало. Почти слипшиеся луны и уцелевшие лампы высвечивали груды балок и камней. Между уцелевшими скамьями металось несколько человек, а у засыпанного алтаря кто-то лежал. Кто-то мертвый... Вокруг покойника стояли на коленях священник, худая женщина во вдовьем покрывале, девочка и простоволосая заплаканная толстуха.

Луны совсем сошлись, свет из желтого стал багровым, в дыру градом посыпались камни. Священник вскочил и, вытянув вперед руки, словно собираясь нырнуть в несуществующую воду, побежал к двери. Она уцелела, но с той стороны был завал. Чарльз это знал, те, кто был внутри, еще нет. Клирик толкнул дверь, та не подалась, священник навалился всем телом, потом замолотил по створкам кулаками. Каменный дождь стал реже. Высокий слуга задрал голову и вздрогнул, худое лицо исказил ужас. Чарльз тоже глянул вверх; стену и часть потолка рассекала трещина, похожая на Рассанну, как ее рисуют на картах.

– Осторожней... Трещина!

Давенпорт с криком бросился к алтарю, он помнил, что дверь завалена, но забыл, что его не слышат.

Стоявшая на коленях женщина медленно обернулась и посмотрела сквозь капитана. Немолодая и очень спокойная, она что-то сказала, и тут Чарльз понял, кто перед ним. Мирабелла Окделл не покидала Надора, но это могла быть лишь она. Перед герцогиней лежала ее дочь. Мертвая.

Лицо девочки было испуганным и удивленным. Она казалась живой, мать – нет. Хозяйка Надора скользнула взглядом по трещине и колотящим в дверь людям и отвернулась. Ее губы шевелились, глаза глядели на гигантскую багровую луну. Неужели молится? Сейчас?!

Пол вздрогнул от очередного удара, у «Рассанны» по-явились притоки. Одна из верхних лампад покосилась, на переломанные скамьи потекло горящее масло, девочка, двойник той, что лежала на полу, растерянно заморгала, по худым щекам побежали слезы. Кто это, Дейдри или Эдит?

Из-за однорукого святого выскочили коренастый парень и девушка в платье для верховой езды. Коренастый принялся сбивать огонь плащом, девушка тоже схватила какую-то тряпку. Им на помощь кинулся высокий слуга и кто-то со шпагой, похожий на отставного

офицера.

Пламя пригнуло голову и погасло, парень бросил прожженный плащ и повернулся к наезднице, это был Реджинальд Ларак. Девушка... Айрис Окделл покачала головой и вдруг поцеловала Реджинальда в щеку.

Новый толчок разворошил дымящуюся кучу, слева рухнула колонна, храм заволокло пылью. Айрис отшвырнуло на переломанные скамьи, мужчины удержались на ногах, их плечи и головы были в каменном крошеве и какой-то трухе. Ларак кинулся к упавшей, но девушка уже поднялась, она часто дышала, на высокой скуле темнела ссадина.

Чарльз оглянулся. Слуга с продавленной рухнувшей статуей грудью лежал у стены, за ним торчала каменная рука, но клирик и человек пять уцелевших по-прежнему толкали дверь.

5

Из правого придела вывалился кусок лохматой тьмы. Круша уцелевшие скамьи, он устремился к алтарному завалу, и Чарльз в который раз перевел дух. Потому что черная косматая тварь без головы и хвоста была невозможна, еще невозможней насаженных на звезду лун и выросшей за воротами скалы. Потому что это все-таки сон, в который он раз за разом верил. Утром все кончится, а к вечеру они увидят Надор. Настоящий, целый и невредимый. Придется расставлять караулы, притворяться, что никогда не встречал Реджинальда, говорить с живым Лараком, «брать под покровительство» невесту герцога Эпинэ... Неужели она на самом деле такая худенькая, с запавшими серыми глазами и упрямым ртом?

Косматая нечисть присела на задние ноги – у нее были ноги, красные, с раздвоенными коровьими копытами, – и прыгнула вбок, мимоходом опрокинув Реджинальда. Плотный виконт пушинкой отлетел в сторону и сел, Айрис бросилась к нему, и тут «Рассанна» на потолке дрогнула, налилась чернотой и поплыла к тем, кто возился у заваленного выхода. Рассыпающаяся резная арка падала медленно, но люди двигались еще медленнее. Они оборачивались, заламывали руки, отступали и оступались, падали на колени, разевали рты, а сверху на них неспешно надвигались покрытые резьбой глыбы.

Украшенный дубовой гирляндой камень плавно опустился на плечо старого офицера, второй, поменьше, пришелся туда, где только что стоял молодой Ларак, половина скорбного бородатого лица уложила на выщербленную мозаику священника, серая тяжелая книга с вырезанной на ней свечой прижала к полу хохочущую женщину, а потом все скрылось в пыли.

Первой опомнилась черная тварь. По-собачьи отряхнувшись, она осторожно тронула копытом Реджинальда, отступила и замерла, ковыряя мозаику. Ларак чихнул и затряс головой, Айрис выпустила его руку и шагнула к роющей пол нечисти. Та вновь отступила и остановилась. Девушка сделала еще один шаг – все повторилось: отход, остановка, ожидание. Тварь хотела, чтобы за ней шли, и Айрис шла, а за ней, шатаясь, брел Реджинальд, перемазанный, но живой. Живы были и трое у алтаря. Девочка и толстуха плакали, Мирабелла молилась. Трещины на потолке стали шире, по накренившемуся полу катался бронзовый шар. Откуда он взялся, Чарльз не понял.

Безголовый то ли бык, то ли пес топнул ногой и потрусил туда, откуда выскочил, Айрис переглянулась с Реджинальдом и побежала следом. Тварь остановилась в алькове у груды мусора. Щепки, вырванные с мясом петли и несколько бронзовых завитков – вот и все, что осталось от разбитой панели, вместо которой чернела стрельчатая дыра. Выход!.. Он все-таки был! Первой на багровый от спятившей луны снег выскочила Айрис, вздохнула всей грудью, торопливо прижалась щекой к щеке подоспевшего Реджинальда и опрометью бросилась назад. К матери и сестре. Она вряд ли заметила обезглавленные башни, нависшие над осевшими стенами скалы, разрубившую двор трещину. Чарльз видел все и ничего не мог – ни помочь, ни умереть, ни проснуться...

Реджинальд Ларак, прихрамывая, устремился за Айрис. Он ее любил, в этом не было сомнений. Любил, чьей бы невестой она ни была. Савиньяк опять угадал, и Чарльз едва не взвыл от непрошенной ярости, хотя Маршал Севера не командовал чужими снами.

Давенпорт с ненавистью глянул на не значащуюся ни в одном атласе звезду и нырнул в черную щель, пройдя сквозь лежащего на пороге монстра.

Айрис держала сестру за руки, вынуждая встать. Девочка судорожно всхлипнула, но подчинилась. Герцогиня Мирабелла тоже поднялась. В безмолвном корчащемся безумии только она и походила на камень. Айрис указала в сторону алькова. Торопливо вскочила толстуха, подоспел Реджинальд, принялся что-то объяснять. Айрис мотнула головой и закусил губу, мимо, чудом миновав вдовствующую герцогиню, прокатился проклятый шар, налетел на мертвую и застыл, прижавшись к худенькому бедру. Мирабелла проводила его взглядом и опустила на колени – она не хотела уходить. Айрис бросилась на пол вместе с матерью, она не молилась и не молила, а пыталась ее поднять. Герцогиня вырвала у дочери руку и опустила вуаль. Девушка встала, ее губы были искусаны в кровь, но она не плакала, только дрожала, словно очень замерзла. Эдит или Дейдри смотрела то на сестру, то на мать, толстуха уже шмыгнула в альков, Реджинальд все еще что-то говорил. Мирабелла обернулась. Она смотрела на младшую дочь, только на нее, и та покорно встала на колени, молитвенно стиснув изодранные в кровь руки. Когда же утро?! Лучше не спать месяц, чем видеть такое...

Вздрогнул и пошел волнами пол, шар покинул свое пристанище и, матово поблескивая, покатился к бесполезной двери, дыра сверху стала еще шире, она походила на глаз. Огромный, налитый кровью глаз с желтым горящим зрачком. Айрис потянула сестру за руку, та даже не повернула головы. Из-за груды мусора вылетела красноногая тварь, едва не опрокинула молящихся и бросилась назад. Реджинальд мотнул головой, словно получивший приказ новобранец, схватил Айрис за руку и поволок за красноногим.

Пол ходил ходуном, одна за другой валились еще уцелевшие статуи, но в клубах пронизанной красным светом пыли Чарльз как-то различал две человеческие фигурки и мчащуюся рядом косматую черноту. Они почти достигли алькова, когда рухнула центральная колонна. Теперь в трещинах был весь потолок. Нет! Трещины уже не были трещинами, а потолок – потолком. Больше ничем не связанные плиты и балки неслись вниз, на бегущих и на коленопреклоненных, на уже мертвых и пока живых.

Давенпорт еще успел заметить, как вставшая на дыбы черная тварь остановила первого из каменных монстров, закрыв собой прижавшихся друг к другу людей. Реджинальд обнимал Айрис, а черная тварь держала рехнувшиеся плиты. Пока могла... Пока очередная глыба не заставила ее рухнуть сначала на колени, а потом на брюхо, похоронив тех, кого она хотела спасти. И только тогда Чарльз Давенпорт проснулся.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВЫСОКИЙ СОВЕТ ВЕЛИКОЙ ТАЛИГОЙИ

Заняв талигойский трон, Альдо Первый Ракан объявил о своем намерении вернуться к древним законам и традициям, забытым во время правления династии Олларов.

Одним из его первых указов стал Эдикт о восстановлении Высокого Совета Талигойи в том виде, в каком он существовал на момент падения Кабитэлы (3-й день Осенних Ветров 399 года круга Молний гальтарского периода). Однако это было лишь первым шагом к будущему возрождению золотоанаксианского Высокого Совета и разделению дворянства на эориев, ведущих свой род от легендарных анаксов четырех древних царств, и ординаров, не являющихся прямыми потомками и кровными вассалами Повелителей Стихий.

Эории Золотой Анаксии (а впоследствии – Золотой Империи) делились по принадлежности к одному из четырех Великих Домов – Скал, Ветра, Волн и Молний. Дом

возглавляли Повелители Стихии, которым подчинялись четыре рода кровных вассалов. Повелители же, в свою очередь, хранили верность анаксам-Раканам.

После распада Золотой Империи представители Великих Домов, дабы отличать себя от ординаров и в то же время не оскорблять эсператистскую церковь, стали называть себя не эориями, а Людьми Чести.

На момент прихода к власти Франциска Оллара из двадцати фамилий, возводящих свой род к древним анаксам, уцелело одиннадцать: Окделлы, Рокслеи, Карлионы, Тристрамы, Берхаймы, Придды, фок Варзов, Гонты, Эпинэ, Савиньяки, Дораки. Герцоги Алва и графы Ариго формально относились к Людям Чести, но почитались в их среде полукровками.

Ниже приводится краткая характеристика фамилий, составляющих Высокий Совет Талигойи. Ситуация дана на 24-й день месяца Осенних Молний 399 года круга Скал нового периода.

ДОМ СКАЛ

Повелители Скал: герцоги Окделл.

Герб: на багряном поле золотой вебрь на фоне черной скалы.

Девиз: «Тверд и незыблем».

Глава дома: Ричард Окделл (род. 381 круга Скал).

Титул наследника по прямой линии: граф Горик.

Основные владения: во Внутреннем Надоре.

Резиденция: замок Надор.

Семья: не женат.

Ближайшие родственники: мать, вдовствующая герцогиня Мирабелла, урожденная Карлион (356 круга Скал), и сестры: Айрис (382 круга Скал), Дейдри (386 круга Скал), Эдит (387 круга Скал).

Наследник по праву крови: отсутствует.

Названный наследник¹²: Реджинальд, виконт Лар (372 круга Скал).

Основатель фамилии: по абвениатской легенде, герцоги Окделл ведут свой род от сына Лита Литтиона, первого из анаксов Надорэа — одного из четырех царств, объединившихся под скипетром Раканов в Золотую Анаксию. Достоверно известно, что нынешние Окделлы — прямые наследники золотоанаксианского Великого Дома Надорэа, чей глава носил титул Повелителя Скал.

Краткая история фамилии

В Золотой Анаксии род Надорэа был одним из влиятельнейших. Повелители Скал никогда не были уличены в нелояльности к анаксам Раканам, однако, будучи приверженцами традиционного уклада и абвениатской веры, восприняли реформы Эрнани Святого весьма болезненно. Глава Дома Скал Ликандр Надорэа отказался принять эсператизм, демонстрируя нарочитую приверженность старым богам. Два старших сына Ликандра и единственный брат были заподозрены в заговоре и почли за благо отпроситься на северные рубежи, где и погибли в 399 году круга Ветра в стычке с варитами.

В 13 году круга Волн нового периода дочь Ликандра Юлиана (395 круга Ветра г.п. — 78

¹² Согласно утвержденному Альдо Первым правилу наследования, основанному на традициях Золотой Анаксии, в случае отсутствия у эория наследника по праву крови избирается названный наследник, принимающий участие в обязательных церемониях. Будет ли он утвержден после смерти завещателя в правах наследования, зависит не от завещателя, а от высочайшей воли. Следует отметить, что в Талиге Олларов действовали схожие правила. Разница состояла в том, что не имеющий прямых наследников дворянин по законам Талига не был обязан называть своего преемника.

круга Волн н.п.) тайно сочеталась браком с безродным любимцем Эрнани Манлием Феррой (см. приложение к «Лику Победы»: история рода герцогов Ноймаринен). Брак был одобрен императором, но семья Надорэа отвернулась от новобрачных. Единственным исключением был брат Юлианы Луциан (391 круга Ветра г.п. – 63 круга Волн н.п.).

Когда Манлий Ферра был отправлен императором на север, Юлиана вновь пошла против воли семьи и старогальтарских традиций, последовав за супругом. По времени это совпало с началом территориальной реформы, когда главам Великих Домов и их кровным вассалам передавались «для защиты» земли, прилегающие к так называемому Кольцу Эрнани, – области в непосредственных окрестностях новой столицы, управляемой лично императором.

Став после смерти отца Повелителем Скал, Луциан Надорэа обратился к императору с просьбой пожаловать ему земли, примыкающие к землям, охраняемым Феррой, дабы на северных рубежах Золотой Империи образовался надежный заслон против вторжений варитских племен. Эрнани с радостью пошел навстречу верному вассалу. Северные владения Повелителей Скал стали именоваться Надорэа по имени новых владельцев, затем, под влиянием местного диалекта, название трансформировалось в Надор.

В последней четверти круга Волн нового периода набравшая силу эсператистская церковь начала гонения на «еретиков, почитающих себя демонским отродьем». Власть императоров слабела, сепаратистски настроенная знать южных провинций Гайи и Уэрти при поддержке церкви настаивала на уравнивании в правах с эориями. В этих условиях император Эодани Разумный (299 круга Волн – 362 круга Волн) приказал главам Великих Домов и их кровным вассалам взять себе новые, не связанные с абвениятством имени. Согласно хроникам, гонец Эодани застал Германа Надорэа в дороге. Оскорбленный приказом, но хранивший верность императору, Герман в ответ на вопрос, какое имя он желает взять, велел гонцу спросить название первого попавшегося ему на обратном пути села, каковым оказалась деревушка Окделл.

Титул герцогов Окделлы получили в начале круга Молний уже после распада Золотой Империи. Тогда же был высочайше утвержден их герб и девиз. Ранее символом рода Надорэа был черный бык с человеческой головой, опирающийся передними ногами на багряный камень.

Начиная с Луциана Надорэа и заканчивая Аланом Окделлом, Повелители Скал славились личной отвагой и безграничной преданностью Раканам, сперва императорам Золотой Империи, затем – королям Талигойи.

Связь дома Окделлов и дома Лараков

После казни Алана Окделла (см. ниже) его супруга Женевьев (370 круга Молний – 38 круга Скал) была насильно выдана замуж за одного из ближайших сподвижников Франциска – Гвидо Ларака (371 круга Молний – 30 круга Скал). Сыновья Алана были лишены владений и герцогского титула, перешедших к отчиму.

Получивший должность Маршала Севера Ларак отбыл в Надор, где показал себя умелым администратором и неплохим политиком.

Рассказывают, что Женевьев не подпускала к себе супруга, но в канун Зимнего Излома произошло несчастье. Обитателям замка стал являться безглавый бык, а затем щит с гербом Окделлов, оставленный по требованию Женевьев на месте, сорвался со стены, убив ее младшего сына Эдварда (394—399 круга Молний). Герцогиня Ларак увидела в этом перст судьбы и смирилась. У Женевьев и Гвидо было семеро детей, в том числе два сына, Люсьен и Роберт.

После гибели маршала Гвидо под Агарисом (30 круга Скал) Люсьен Ларак, обожавший своего единоутробного брата Ричарда, хотел передать ему унаследованный титул, но этому резко воспротивились как сам Ричард, так и Женевьев Ларак.

Герцоги Ларак владели Надором до 158 года круга Скал, когда маршал Раймонд Ларак (130—221 круга Скал), желая оградить будущую жену, вдову Артура Окделла Марию (128—221 круга Скал), от упреков в корысти, просил Фердинанда Первого Оллара передать герцогский титул и владения сыну Марии от первого брака. Ходатайство было удовлетворено с оговоркой, что в случае пресечения рода Окделлов титул и владения последних возвращаются в дом Лараков.

Наиболее известные представители фамилии

Джулиан Окделл (331—374 круга Волн) – старший сын и наследник Германа Окделла. В 360 году в ходе неудачного сражения императорской армии с уэртскими сепаратистами прорвал кольцо окружения и спас императора. Спустя полгода магнус ордена Чистоты обвинил Джулиана Окделла в ереси, принесении человеческих жертв каменным идолам и сделке с демоном, имевшим вид черного безглавого быка с красными копытами. Не желая обострять и без того напряженные отношения с церковью, Эодани согласился выдать Повелителя Скал ордену, одновременно послав к нему гонца с приказом бежать. Известно, что Джулиан в гневе бросил письмо императора в огонь и только просьбы жены и воля отца заставили его уступить.

Герцог бежал в Бергмарк, где был принят с королевскими почестями. Он поступил на службу к маркграфу Хлодвигу и в 374 году погиб в сражении с гаунау.

Алан Окделл (364 круга Молний – 3-й день Осенних Ветров 399 круга Молний).

Близкий друг и верный соратник короля Эрнани Одиннадцатого. После захвата столицы Франциском Олларом вместе с графом Михаэлем фок Варзов вывез в безопасное место королеву Бланш и принца Эркюля, после чего вернулся в королевский дворец, чтобы покарать герцога Рамиро Алва, сдавшего город и убившего короля.

Алану удалось смертельно ранить Рамиро, но сам он был схвачен воинами Франциска и в тот же день казнен. Перед смертью проявил удивительное мужество, поразившее даже слуг узурпатора.

Имя Алана Окделла стало знаменем всех противников Олларов и Алва, а спустя четыре года решением агарисского конклава Алан был причислен к лику святых.

Ричард Горик (391 круга Молний – 41 круга Скал). Первый маршал Талига (30—41 круга Скал).

Старший сын Алана Окделла и герцогини Женевьев (урожденной Эпинэ). В соответствии с принятыми у эориев законами Чести был вместе с матерью привезен в осажденную столицу. После казни отца и вынужденного замужества матери Ричард решением Франциска Оллара был лишен герцогского титула и оставлен в столице в качестве заложника, но вскоре перешел под опеку двоюродного дяди, Первого маршала Талига Шарля Эпинэ.

Ричард всюду сопровождал своего опекуна, отличаясь недюжинной смелостью и сноровкой. По ходатайству Эпинэ Ричард Окделл получил личное дворянство, а за отвагу, проявленную в битве при Глэнтайрте в 17 году круга Скал, – баронский титул. Его гербом стал обвитый золотым плющом меч, а девизом – «Верен!».

После болезни и последующего отхода от дел Шарля Эпинэ (26 круга Скал) Ричард становится правой рукой фактического преемника Шарля – маршала Колиньяра.

В 29 году круга Скал Ричард Окделл сочетается браком с Фредерикой фок Варзов и получает к свадьбе имение Горик и графский титул.

В 30 году во время отражения организованного Агарисом второго Священного похода погибают маршал Колиньяр и отчим Ричарда Гвидо Ларак. Единоутробный брат Ричарда Люсьен Ларак хочет отречься от герцогского титула и надорских владений в пользу брата, но

тот не соглашается. Известны его слова, сказанные Люсьену: «Я еще не искупил ошибки отца, а тебе искупать нечего. Надор твой по праву совести».

В том же году Ричард Окделл граф Горик был назначен Первым маршалом Талига, хотя злые языки поговаривали, что это назначение было не более чем пощечиной Людям Чести, а фактическим командующим талигойской армии являлся Рамиро-Вешатель.

Ричард Горик героически погиб в 41 году круга Скал в бою при отражении очередного нападения дриксенских баронов на Придду. Похоронен в Старой Придде в церкви Святого Адриана.

Джеральд Окделл (148—219 круга Скал) – друг и соратник Фердинанда Первого, один из инициаторов заключения первого Золотого Договора.

Старший сын погибшего при странных обстоятельствах Артура Горика и Марии Тристрам получил герцогский титул и владения в 158 году круга Скал, однако всю свою жизнь подписывался «граф Горик» и сетовал, что в момент передачи титула был несовершеннолетним и не мог отказаться от незаслуженного и ненужного дара. Тем не менее вдова Джеральда Алиенора (урожденная герцогиня Придд) вопреки воле покойного настояла, чтобы на его усыпальнице выбили старинный герб Окделлов в окружении кипарисовых ветвей.

Сын Джеральда Эдвард (188—241 круга Скал), вступив в права наследования, по настоянию матери окончательно вернул в Надор древнюю символику, одновременно убрав гербы Лараков и Гориков.

Льюис Окделл (252—284 круга Скал), герой Двдцатилетней войны, ближайший соратник маршала Рене Эпинэ, славившийся отвагой и упорством. Погиб во время переправы через Хербсте. Первоначально был похоронен в Хексберг, но по настоянию жены, урожденной графини Борн, и тестя прах Льюиса был перенесен в Надор в фамильную усыпальницу.

Эгмонт Окделл (358 – 3-й день Весенних Волн 393 круга Скал), генерал талигойской армии, организатор и глава антиолларовского восстания 393 года. Эгмонт – единственный сын Эдварда Окделла (316—362) и его второй жены, урожденной графини Ларак.

Этот брак был заключен по настоянию матери Эдварда, вдовствующей герцогини Эдит (урожденной Килеан), по сути, ведавшей воспитанием единственного внука до его поступления в Лаик. Герцог Эгмонт был оруженосцем маркиза Эр-При, затем служил в Торке, где в 386 году был произведен в полковники. В 380 году Эгмонт Окделл вступил в брак с баронессой Мирабеллой Карлион.

В 387 году полк Окделла был включен в состав арьергарда фок Варзов, прикрывавшего отступление армии маршала Рокслея у Малетты. Исход уже считавшегося проигранным сражения и, весьма вероятно, всей кампании в целом решил дерзкий маневр полковника Рокэ Алва. При этом, чтобы получить возможность действовать, Алве пришлось застрелить своего непосредственного начальника, генерала Грегори Карлиона, близкого родственника герцогини Окделл. После сражения по армии поползли слухи о том, что ошибка Рокслея на самом деле была осознанной изменой, а генерал Карлион и ряд других офицеров являлись его соучастниками. Итоги расследования, проведенного герцогом Колиньяром, не разглашались, однако было объявлено, что Карлион убит на дуэли. Рокэ Алва получил генеральскую перевязь, а около десятка офицеров Северной армии под разными предлогами были удалены из армии. Среди последних были Карл и Конрад Борны и «отпущенный за ранением» герцог Окделл, произведенный тем не менее в генералы.

Эгмонт вернулся в Надор, где и оставался во время восстания Карла Борна (388 круга Скал). Выдвинутые герцогом Колиньяром предположения о связи герцога Окделла и герцога Придда с мятежниками не подтвердились. В конце 391 года Эгмонт Окделл подал прошение о возвращении на воинскую службу, которое и было удовлетворено.

Генералу Окделлу было поручено сформировать из жителей Внутреннего Надора несколько резервных полков, которыми предполагалось укрепить каданскую границу. Осенью 392 года Эгмонт доложил Первому маршалу Талига Рудольфу Ноймаринену, что не может набрать в Надоре должного количества солдат и хотел бы обратиться за помощью к своему бывшему господину маркизу Эр-При. Предложение было принято.

В начале 393 года в Надор вошли два кавалерийских полка, набранных во Внутренней Эпинэ. После этого Эгмонт Окделл объявил о том, что более не признает Фердинанда Оллара законным королем Талига, требует его отречения и созыва Высокого Совета, который изберет достойного короля. Стало известно, что восставшие ждут помощь из Гаунау и Каданы, однако мятеж удалось подавить до подхода союзных войск.

Появление королевской армии со стороны топей Ренквахи оказалось полной неожиданностью, и повстанцам пришлось принять бой в заведомо проигрышной позиции. Накануне сражения герцог Окделл принял вызов командующего королевскими войсками герцога Алва и был им убит на линии.

Кровные вассалы Дома Скал

Графы Рокслей

Герб: на багряном поле опустивший голову черный лось на фоне золотой скалы.

Девиз: «Верность незыблема!»

Глава фамилии: Дэвид Рокслей (род. 372 круга Скал).

Титул наследника по праву крови: виконт Роксли.

Основные владения: в графстве Рокслей во Внутреннем Надоре.

Резиденция: замок Роксли.

Семья: не женат.

Ближайшие родственники: мать, вдовствующая графиня Корделия, урожденная Дрюс-Карлион, племянница Розмэри (398 круга Скал), дочь Генри Рокслея-младшего (357—399 круга Скал).

Наследник по праву крови: отсутствует.

Названный наследник: кузен по матери барон Одри Лаптон (род. 371 круга Скал), гимнет-капитан Альдо Первого.

Основатель фамилии: по абвениатской легенде, Рокслеи ведут свой род от второго сына Литтиона, первого из анаксов Надорэа.

Достоверно известно, что Рокслеи — прямые наследники золотоанаксианского рода Карнэа.

Краткая история фамилии

В Золотой Анаксии Карнэа традиционно принадлежали к «военной партии», пользуясь полным доверием анаксов и не имея обыкновения вмешиваться в политику. Из рода Карнэа вышло немало знаменитых воинов, однако представители фамилии более всего отличились, охраняя особу анакса, как в военное время, так и в дни мира.

Представители семейства Карнэа славились физической силой, верностью данному слову и молчаливостью, которую недоброжелатели объясняли необразованностью.

Религиозные реформы Эрнани Святого и перенос столицы Карнэа восприняли как нечто само собой разумеющееся.

Получив «для защиты» земли, прилегающие к землям Надорэа с юго-востока и тянущиеся до топей Ренквахи, Карнэа с присущей им основательностью стерегли северо-восток, на века остановив продвижение восточных варитов.

Указ Эодани Мудрого о смене имени Корнэа сочли обоснованной необходимостью и

взяли себе имя, под которым были известны среди варитов.

Титул графов они получили в начале круга Молний, уже после распада Золотой Империи. Тогда же был высочайше утвержден их старый девиз и новый герб, с которого по совету короля исчез пес Лита. Смена имени и герба мало что изменили в положении фамилии: Рокслеи по-прежнему прикрывали северо-восточные рубежи, храня верность Дому Скал и королю.

Наиболее известные представители фамилии

Роберт Рокслей (362 круга Молний – 335 круга Скал) вассал и сторонник Алана Окделла. После казни Алана был захвачен воинами Франциска. Имел долгий разговор с Шарлем Эпинэ, после чего поклялся кровью не поднимать оружие против Франциска, но присягнуть ему на верность отказался. Был отпущен в родовые владения, где занялся привычным делом – обороной границы. В 3 году круга Скал был вынужден послать за помощью к Маршалу Севера Гвидо Лараку. Продвижение вторгнувшихся в Восточный Надор гаунау было остановлено, но Ларак и Рокслей перешли в наступление и захватили значительные, но малонаселенные территории к северу от Рокслея и Надора

В 5 году Роберт Рокслей присягнул на верность Франциску Оллари, приняв от него подтверждение титула и маршальскую перевязь. В 11 году Гвидо Ларак был отозван в столицу, и оборона севера легла на Роберта и его сыновей: Энтони (394 круга Молний – 42 круга Скал) и Чарльза (2—71 круга Скал).

Джеймс Рокслей (247—299 круга Скал), прозванный «Охотником на медведей», – герой Двадцатилетней войны. После окончания Лаик Джеймс Рокслей три года служил оруженосцем Мориса Савиньяка, а затем был переведен в личную королевскую охрану. Весной 266 года тенъент был вызван в Роксли к умирающей матери. Начало Двадцатилетней войны застало Джеймса, его отца и четырех братьев в их северных владениях. Граф Генри Рокслей отказался перейти на сторону Гаунау и, собрав, кого мог, заступил врагам дорогу во Внутренний Надор. Во время приграничных боев один за другим погибли братья и отец Джеймса, после чего ему пришлось возглавить северонадорское ополчение. Он сумел не только остановить продвижение войск Гаунау на подступах к Внутреннему Надору, но и отбросить их назад к границе. В 269 году Джеймс Рокслей получил полномочия Проземператора Надора и еще более шести лет сдерживал врага, практически не получая помощи из Оллари.

После перелома в ходе кампании и подписания Гаунау сепаратного мира с Талигом в 276 круга Скал он прошел во главе своей армии до Каданы, приняв ее капитуляцию.

В 287 году женился на семнадцатилетней Марианне Валмон. Имел от нее двоих сыновей и дочь. В 299 году умер от последствий тяжелого ранения, полученного в ходе войны.

Графы Тристрам

Герб: на багряном поле черный замок на фоне золотой скалы.

Девиз: «Мощь незыблема».

Глава фамилии: Джон-Люк Тристрам (368 круга Скал), полномочный посол Альдо Ракана в Великом герцогстве Ургот.

Титул наследника по праву крови: виконт Таур.

Основные владения: в графстве Тристрам на границе Внутреннего Надора и Внутренней Придды.

Резиденция: замок Таурхолл.

Семья: жена Элеонора Тристрам, урожденная графиня Феншо (373 круга Скал),

дочери – Марта (391 круга Скал), Элеонора (394 круга Скал).

Ближайшие родственники : мать, вдовствующая графиня Елизавета, урожденная Килеан-ур-Ломбах (349 круга Скал), брат Мартин, виконт Таур (370 круга Скал), сестра Мария (381 круга Скал).

Наследник по праву крови: Мартин, виконт Таур.

Основатель фамилии: по абвениатской легенде, графы Тристрам ведут свой род от третьего сына Литтиона, первого из анаксов Надорэа.

Достоверно известно, что Тристрамы – прямые наследники золотоанаксианского рода Таурэа.

Краткая история фамилии

В Золотой Анаксии Таурэа традиционно принадлежали к «военной партии», из поколения в поколение охраняя высочайшую фамилию. Таурэа чаще других была дарована привилегия первого утреннего доклада, из которого анакс узнавал о событиях предыдущей ночи, а на фамильном клинке Таурэа рядом с семейным символом и знаком Скал стоял знак защитника анакса – крылатый леопард.

Знак этот был убран, когда в 346 году круга Ветра гальтарского периода Повелитель Волн обвинил Гая Таурэа в покушении на супругу анакса Кервиллию. Суд эориев не счел представленные доказательства исчерпывающими, однако не смог вынести и оправдательного приговора. В результате Гай Таурэа был выслан в северные провинции без права возвращения в Гальтары. В 357 году во время суда над гайскими аристократами, предпринявшими попытку убийства Лорио Борраски, был обнаружен истинный виновник заговора против Кервиллии, и анакс Амирэтани вернул Таурэа в столицу, предложив ему высокую должность. Но оскорбленный эорий отказался за себя и своих сыновей и испросил разрешения удалиться в свои имения, где и оставался до самой смерти.

Религиозные реформы Эрнани Святого и перенос столицы Таурэа восприняли равнодушно. Они продолжали избегать придворной жизни до середины круга Волн, когда Эркул Таурэа внезапно принял эсператизм и явился с семьей в столицу хлопотать о смене оскорбляющего Создателя имени. Их просьба была удовлетворена.

Титул графов они получили в начале круга Молний, уже после распада Золотой Империи. Тогда же был высочайше утвержден девиз и герб.

Графы Тристрам, как правило, держались в тени, не принимая опрометчивых решений. В конце круга Молний, формально принадлежа к Дому Скал, предпочитали поддерживать Дом Волн, с которым были связаны семейными узами. Тем не менее после прихода к власти Франциска Оллара Тристрамы не предприняли ни одной попытки выступить с оружием против новой династии. Во время правления Алисы Дриксенской Тристрамы были в числе ее приближенных, но после падения королевы дистанцировались от наиболее верных и активных ее сторонников.

Наиболее известные представители фамилии

Мария , графиня Горик, графиня Ларак (урожденная Тристрам). См. выше.

Графы Карлион

Глава фамилии: Ангерран Карлион (358 круга Скал), сын Вильяма Карлиона (314—385 круга Скал) и баронессы Розамунды, урожденной Феншо-Тримейн.

Герб: набагряном поле золотой дуб на фоне черной скалы.

Девиз: «Незыблемо стоек».

Титул наследника по праву крови: с 1-го дня Осенних Молний 399 круга Скал – виконт Давен.

Основные владения: в Северном Надоре.

Резиденция: замок Старый Карлион.

Семья: супруга графиня Алиса (род. 368 круга Скал), урожденная баронесса Заль; дети: сыновья Фердинанд (387 круга Скал) и Август (394 круга Скал), дочери – Мирабелла (391 круга Скал), Катарина (396 круга Скал), Матильда (399 круга Скал).

Ближайшие родственники: брат Седрик (361 круга Скал) и сестры Франциска (339 круга Скал), в олларианстве – Фелицата, Аглая (342 круга Скал), Северина, в замужестве баронесса Хони-Агарик (352 круга Скал).

Наследник по праву крови: Фердинанд, виконт Давен (387 круга Скал).

Основатель фамилии: по абвениатской легенде, Карлионы ведут свой род от четвертого сына первого из анаксов Надорэа Литтиона.

Достоверно известно, что Карлионы – прямые наследники золотоанаксианского рода Рубуров.

Краткая история фамилии

В Золотой Анаксии Рубуры традиционно дистанцировались как от придворных интриг, так и от военных кампаний, зато проявляли недюжинные таланты в сельском хозяйстве, и прежде всего в скотоводстве и виноградарстве. Белые вина Рубуров по праву считались лучшими в Золотой Анаксии.

Представители семейства Рубуров славились своей основательностью, неторопливостью и спокойствием. Они охотно принимали должности правителей отдаленных провинций, но лишь в том случае, когда речь не шла о большой политике. Известен случай, когда Корнелий Рубур, уставший от интриг и претензий местной знати, тайно покинул свою резиденцию в Уэрте и вернулся в Гальтары, умоляя анакса освободить его от должности.

Религиозные реформы Эрнани Святого и перенос столицы Рубуры восприняли как неизбежное зло. Выбирая между плодородными южными землями, владение которыми, однако, означало соседство с сепаратистскими провинциями, и северными угодьями, надежно защищенными мечами Карнэа и Надорэа, Рубуры предпочли север. Они довольно быстро освоились с местным климатом и преуспели в скотоводстве и земледелии. Рубуры стали лучшими в Золотой Империи производителями шерсти, но их попытка разбить виноградники потерпела неудачу. Тем не менее в результате попыток Мария Рубура улучшить слишком кислое вино был открыт способ получения виноградного спирта и, соответственно, крепких спиртных напитков.

Указ Эодани Мудрого о смене имени Рубуры исполнили, приняв имя самого крупного из своих поместий. Титул графов получили в начале круга Молний, уже после распада Золотой Империи. Тогда же был высочайше утвержден их старый девиз и новый герб. Недоброжелатели утверждают, что дуб, сменивший медведя с человеческой головой, увековечил очередное изобретение Рубуров – напиток из выдержанного в дубовых бочках спирта.

Впервые за всю историю рода Рубуров-Карлионов они вмешались в большую политику в 399 году круга Молний, когда Мередит Карлион, подстрекаемый своей супругой Кунигундой, сестрой Эктора Придда, поддержал последнего в его притязаниях на регентство. После победы Франциска Оллара Меридит испросил разрешения удалиться в свои владения, где и оставался до конца своих дней, поставляя в столицу мясо, шерсть и касеру.

Старший сын Меридита и Кунигунды Брендон (см. ниже) после смерти Франциска в 27 году круга Скал поднял мятеж. Брендон был казнен, а семья Карлионов лишена титула и

трех четвертей земельных владений, включая Старый Карлион.

После мятежа Брендона Карлионы вели уединенную жизнь, практически не покидая своих земель и воздерживаясь от политики и государственной службы. Первым исключением стал Седрик Карлион (см. ниже). В 249 году за заслуги перед короной ему был пожалован баронский титул и поместье в графстве Дорак, которое он назвал Новым Карлионом.

Впоследствии Новый Карлион отошел дочери Седрика от второго брака Раймонде Савиньяк-Алва, а его сыну Вильяму был возвращен Старый Карлион, все эти годы находившийся под управлением короны. После Двадцатилетней войны представители семейства Карлион периодически занимали различные государственные должности, но к вершинам власти не поднимались.

Во времена Алисы Дриксенской внук Седрика Грегори Карлион-старший (280—366 круга Скал) и три его сына выказали себя горячими сторонниками королевы. После падения Алисы Карлионы по собственной инициативе вернулись в Надор. В восстаниях Борна и Окделла участия не принимали.

После своего воцарения Альдо Первый Ракан повелел барону Карлиону впредь именоваться графом.

Наиболее известные представители фамилии

Брендон Карлион (392 круга Молний – 27 круга Скал), старший сын Мередита Карлиона и графини Кунигунды, урожденной Придд, с 19 круга Скал – граф. В 23 году круга Скал был назначен помощником коменданта Оллари. После смерти Франциска Первого, поддавшись на уговоры матери, во время поминальных торжеств поднял часть гарнизона и вместе с присоединившимися к нему противниками Олларов попробовал захватить Октавия Оллара. Выступление было подавлено Рамиро Алвой-младшим, а сам Карлион и поддерживавшие его офицеры повешены.

Седрик Карлион (219—271 круга Скал). После окончания Лаик в 235 круга Скал был взят в оруженосцы экстерриором Талига Этьеном Эпинэ, что и определило его дальнейшую карьеру. Седрик прошел путь от советника посольства Талига в Уэрте до полномочного посла. В 256 году за поддержку алатских сепаратистов был выслан из страны. В Талиге за то же самое получил от Карла Второго баронский титул и поместье в провинции Эпинэ. Формально с 256 года – в отставке, состоял в Совете провинций, считался знатоком уэртского (с упором на алатский) вопроса, неоднократно выступая в роли неофициального консультанта короны.

Женат первым браком на Денизе Феншо (221—250 круга Скал). Сын Вильям (241—301 круга Скал) и дочь Алиенора (250—353 круга Скал).

Вторым браком в 251 году женился на Изабелле Сакаци (233—270 круга Скал), единственной близкой родственнице Балинта Мекчеи, будущего великого герцога Алата. От этого брака родилась дочь Раймонда (252—321 круга Скал) (см. ниже). В 270 году окончательно отошел от дел, в 271 умер от тяжелой болезни.

Раймонда, маркиза Сакаци, графиня Савиньяк, герцогиня Алва (урожденная Карлион) (252—321 круга Скал) – дочь барона Седрика Карлиона и Изабеллы Сакаци. В 270 году тайно покинула дом отца и вступила в брак с графом Морисом Савиньяком (207—275 круга Скал). Сын – Арно, граф Савиньяк. Далее см. приложение к «Лику Победы».

Второй брак – в 277 году с Первым маршалом Талига герцогом Алонсо Алва. Далее см. приложение к «Лику Победы».

Согласно алатским законам Раймонда получила в наследство майорат Сакаци, переданный с ее согласия во временное управление алатской короне. В настоящее время господарем Сакаци является старший из потомков старшего сына Раймонды Сакаци, то есть граф Лионель Савиньяк.

Грегори Карлион (346—387 круга Скал), сын Майлза (316—370 круга Скал), второго сына барона Грегори Карлиона-старшего, генерал, убит Рокэ Алвой во время Торской кампании 387 года.

Мирабелла, герцогиня Окделл, урожденная Карлион (род. 356 круга Скал), — дочь Хьюго Карлиона (320—381 круга Скал), третьего сына барона Грегори Карлиона-старшего (см. выше), кузина Ангеррана Карлиона и супруга Эгмонта Окделла (см. выше).

Агарисские Карлионы

Потомки Эмиаса Дрюс-Карлиона, троюродного брата Брендона Карлиона, в 22 году круга Скал тайно выехавшего сначала в Дриксен, а затем в Агарис. После казни Брендона объявил себя его единственным законным наследником и был поддержан в своих притязаниях агарисскими Раканами и их сторонниками.

После воцарения Альдо Ракана последний из агарисских Карлионов Ланкелот прибыл в Талигойю вместе с кардиналом Левием. Ланкелот оспаривал у Ангеррана Карлиона титул и владения, однако погиб в дорской давке в 1-й день Зимних Скал 400 года.

Графы Берхайм

Герб: на багряном поле золотой бык на фоне черной скалы.

Девиз: « Незыблемо верую! »

Глава фамилии: указом Альдо Первого графский титул передан Мариусу Берхайму (род. 371 круга Скал), племяннику погибшего в Доре Арчибальда Берхайма (см. ниже).

Титул наследника по праву крови: виконт Креденьи.

Основные владения: указом Альдо Первого графам Берхайм пожалованы бывшие владения графов Креденьи, но вступить во владение этими землями Берхаймы пока не могут.

Резиденция: официально резиденцией считается замок Креденьи в Эпинэ.

Семья: не женат.

Ближайшие родственники: отец, Герберт Берхайм (род. 350 круга Скал), в настоящее время находится в Агарисе. Отказался от всех притязаний на титул и наследство. Мать, Катарина, урожденная Миччи, сестра Пруденс (род. 382 круга Скал).

Наследник по праву крови: отсутствует.

Названный наследник: барон Хогберд (род. 348 круга Скал), находится в Агарисе.

Основатель фамилии: по абвениатской легенде, Берхаймы ведут свой род от пятого сына первого из анаксов Надорэа Литтиона.

Достоверно известно, что Берхаймы — прямые наследники золотоанаксианского рода Айронэа.

Краткая история фамилии

В Золотой Анаксии Айронэа показали себя хорошими воинами и надежными сторонниками «стальных» анаксов, в своей политике опиравшихся в первую очередь на силу оружия. Айронэа не принимали участия в политических интригах, предпочитая служить на северных границах анаксии.

Религиозные реформы Эрнани Святого они восприняли с сомнением, но перенос столицы их откровенно обрадовал. Айронэа поселились к западу от Надорэа и быстро нашли общий язык с агмами.

Указ Эодани Мудрого о смене имени Флориан Айронэа исполнить отказался. Спустя полгода он неожиданно погиб во время объезда своих владений. Его вдова Гертруда с сыном и двумя дочерьми была приглашена в столицу. Эодани стал опекуном малолетнего Герберта,

наследника Флориана, и пожаловал ему поместье Берхайм недалеко от Старой Придды. Достигнув совершеннолетия, Герберт принял имя Берхайма.

Титул графов Берхаймы получили в начале круга Молний, уже после распада Золотой Империи. Тогда же были высочайше утверждены их девиз и герб. Сторонники Эктора Придда, Берхаймы при первой возможности покинули захваченную Олларом Талигойю и перебрались в Агарис к королеве Бланш. Их владения были конфискованы и поделены между приближенными Франциска Оллара и признавшими его власть ординарами.

Наиболее известные представители фамилии

Арчибальд Берхайм (332 круга Скал – 1-й день Зимних Скал 400 круга Скал), друг детства принца-изгнанника Анэсти Ракана. После падения Олларов вернулся на родину предков.

При дворе Альдо Ракана исполнял обязанности церемониймейстера. Погиб в Доре.

ДОМ ВЕТРА

Повелители Ветра: герцоги Алва (см. приложение к «Лику Победы»).
Кровных вассалов нет.

ДОМ ВОЛН

Повелители Волн: герцоги Придд.

Глава фамилии: герцог Валентин-Отто Придд (род. 380 круга Скал), второй сын Вальтера-Эрика-Александра Придда (347—399 круга Скал) и герцогини Ангелики, урожденной графини Гогенлоэ-цур-Адлерберг (351—399 круга Скал).

Семья: не женат, ближайшие родственники: братья Клаус-Максимилиан, граф Васспард (род. 386 круга Скал), Питер-Иммануил (род. 389 круга Скал), сестры Габриэла (род. 369 круга Скал), вдова Карла Борна, Ирэна (род. 372 круга Скал), замужем за графом Гирке.

Наследник по праву крови: Клаус-Максимилиан, граф Васспард, младший брат главы фамилии.

Далее см. Приложения к «Лику Победы»

Основатель фамилии: по абвениатской легенде, герцоги Придд ведут свой род от сына Унда Ундиона, первого из анаксов Пенья – одного из четырех царств, объединившихся под скипетром Раканов в Золотую Анаксию.

Достоверно известно, что нынешние Придды – прямые наследники золотоанаксианского Великого Дома Пенья, чей глава носил титул Повелителя Волн.

Краткая история фамилии

В Золотой Анаксии род Пенья традиционно возглавлял «придворную партию», оспаривая первенство у военных, чьими лидерами чаще всего выступали представители рода Марикьяре, и у знати наиболее богатых провинций – Гальбрэ и Гайи, а позднее – Уэрты. На исходе гальтарского периода это противостояние успешно использовалось анаксами, опасавшимися возвышения Домов Молний и Волн и союза Дома Волн с сепаратистски настроенной знатью южных провинций.

Представители семейства Пенья традиционно занимали высокие придворные должности, презирали военное сословие и не одобряли «стальных» анаксов. Пенья были

известны своей выдержкой, скрытностью и умением загребать жар чужими руками. Тем не менее из этой семьи вышло двое выдающихся полководцев: Марциал Пенья (164—231 круга Скал гальтарского периода), прозванный Фульгатом, и Валериан Пенья (216—275 круга Ветра гальтарского периода), прозванный Пенношлемным за султан из белых завитых перьев, который давал знать как солдатам анаксии, так и врагам, где сражается стратег.

Религиозные реформы Эрнани Святого и перенос столицы Дом Волн воспринял внешне спокойно, но в череде заговоров и мятежей многие видели руку семейства Пенья. По этой причине Дому Волн «для защиты» были выделены земли к западу от владений Надорэа, ограниченные с юга Кольцом Эрнани, с севера – труднопроходимым горным хребтом, защищаемым союзными империи агмами, а с запада – землями, пожалованными Эрнани вновь созданным орденам Славы и Милосердия.

Указ Эодани Мудрого о смене имени Пенья восприняли спокойно, взяв имя города Прида, неподалеку от которого располагался их родовой замок.

Титул герцогов Придды получили в начале круга Молний, уже после распада Золотой Империи. Тогда же были высочайше утверждены их герб и девиз, а в имени появилось удвоенное «д».

В одной из хроник утверждается, что третий сын Максимилиана Придда Юстиниан (1—92 круга Молний), будучи в Бергмарк, услышал песню о том, как юноша агм поймал огромного лилового спрута с золотой отметиной, в щупальцах которого прятался маленький спрутик, которому удалось ускользнуть. Когда юноша принес свою добычу домой, его мать пришла в ужас и заклинала его никогда больше не выходить в море, но юноша рассмеялся. Он продолжал плавать, снискав себе славу одного из самых дерзких и удачливых капитанов, затем женился на прекрасной девушке. У них родилось восемь сыновей, один другого лучше. Во время свадьбы старшего из них вся семья вышла на девяти кораблях в море, чтобы принести дары духам волн и ветра. Когда это было сделано, из глубин поднялся гигантский спрут и утянул на дно жену капитана и всех его сыновей.

Вернувшись домой, Юстиниан узнал, что герцог Максимилиан и два его старших сына неожиданно скончались. Новому герцогу наметнули, что они были отравлены в результате интриг ближайшего окружения короля Лорио, опасавшегося чрезмерного усиления семьи Приддов (планировался союз со знатной гайифской фамилией Клитамнов, дочь главы которой должна была стать женой наследника Повелителей Волн). Юстиниан никак не отреагировал на полученные известия, представился королю и подал прошение о закреплении за ним герба с поднятым волной спрутом и девиза «Из глубин» (раньше символом рода Пенья-Придд была лазоревая волна, поднимающая сверкающее серебряное сердце).

Юстиниан Придд разорвал помолвку с Клитамнами и попросил руки дочери кансильера. Его предложение было принято. В положенное время у Юстиниана родился сын. На торжества, связанные с именованием первенца, Придд пригласил весь двор и послов Гайифы и Уэрты. Празднество посетил сам король, а эсперу на шею ребенка надел кардинал Талигойский. Почетным гостям от имени новорожденного были вручены дорогие подарки. Утром король, кансильер и кардинал были мертвы. Смерть наступила от укусов отравленных игл, вставленных в замки гайифских шкатулок, которые открыли погибшие. Однако среди подарков этих шкатулок не было, и причастность Юстиниана Придда к убийству доказать не удалось. Ходили слухи, что за убийством стоял младший брат короля, воспользовавшийся возможностью свалить вину на герцога Придда.

Кровные вассалы Дома Волн

Графы фок Варзов (см. приложение к «Лику Победы»)

Дополнительная информация. В 24-й день Зимних Молний 399 круга Скал Альдо Первому Ракану было подано прошение от прибывшего из Агариса Вильгельма Стамма,

утверждающего, что он является прямым потомком истинного Михаэля фок Варзов, подмененного в младенчестве кормилицей.

Графы Гонт

Герб: на лиловом поле золотой дельфин, несущий серебряный меч.

Девиз: «Честью – сила, силой – честь!»

Глава фамилии: Удо, граф Гонт (род. 369 круга Скал). Четвертый сын графа Олафа Борна и Альбины, урожденной маркизы Фарнэби. Указом Альдо Первого Ракана в 18-й день Осенних Волн 399 круга Скал пожалован титулом графа Гонта.

Титул наследника: виконт Шерна.

Основные владения : указом Альдо Первого Ракана графам Гонт переданы в полное и потомственное владение имения Манриков, расположенные в графстве Манро (Западная Придда) и в графстве Каданэр (Северный Надор).

Резиденция: замок Манро.

Семья : не женат.

Ближайшие родственники: Конрад, граф Борн (род. 361 круга Скал), второй сын Олафа Борна.

Наследник по праву крови: отсутствует.

Названный наследник: Питер-Иммануил Придд (род. 389 круга Скал).

Основатель фамилии: по абвениатской легенде, Гонты ведут свой род от третьего сына первого анакса Пеньи Ундиона. Точно известно, что графы Гонты – прямые потомки эориев Левкров из Дома Волн.

Краткая история фамилии

В Золотой Анаксии род Левкров, несмотря на принадлежность к Дому Волн, чаще оказывался на стороне «военной партии», возглавляемой Повелителями Молний. Левкры, чьи владения изначально располагались на побережье Померанцевого моря, стояли у истоков военного флота Золотой Анаксии, а их противостояние с аристократией Гайи лишь усиливало союз с домом Марикьяре.

Религиозные реформы Эрнани Святого и перенос столицы Левкры восприняли с пониманием, однако младший брат главы фамилии Ксенокл Левкр в 4 году круга Волн примкнул к заговору Филона Рустия и был осужден судом эориев.

Несмотря на это, Эрнани Святой отдал Левкрам земли на границе с варитами, представлявшими угрозу империи не только на суше, но и на море. В 25 году круга Волн флот Эгидия Левкра одержал первую победу над варитской флотилией. С той поры и до 312 года круга Волн Левкры защищали западное побережье империи. В 332 году под давлением эсператистской церкви и аристократии Гайи и Уэрти император лишил Левкров прибрежных владений и звания Хранителей Западного побережья, даровав взамен город Гонт и земли, граничащие с владениями Повелителей Волн.

Бывшие прибрежные земли Левкров император Силани Спокойный передал главному морскому стратегу Золотой Империи уроженцу Гайи Геперию Дастину, надеясь таким образом ублаготворить южных сепаратистов. Однако кораблям Дастина так и не удалось войти в Хексбергскую бухту, а население западного побережья при поддержке ордена Славы изгнало императорских чиновников и прибывших по суше гайифских офицеров. В конце концов Силани, не решившись открыто вернуть Левкров, предоставил Хексберг статус свободного порта, вольного приглашать на службу любых капитанов. Указ был оглашен в тот день, когда Леонид Левкр и два его брата, объезжая свои новые владения, погибли якобы от нападения варитских разбойников.

Малолетний сын Леонида был отдан на воспитание главе Дома Волн, на дочери которого он впоследствии женился.

Указ Эодани Мудрого о смене имени Левкры восприняли так же, как и Пенья, приняв в качестве родового имени название новых владений. Титул графов Гонты получили в начале круга Молний, уже после распада Золотой Империи.

Наиболее известные представители фамилии

Рутгерт Гонт (374 круга Молний – 9 круга Скал). Сперва по примеру Михаэля фок Варзов признал Франциска Оллара. В 5 году был поставлен во главе столичного гарнизона, однако, поддавшись уговорам и угрозам Бланш Ракан и Эсперадора, поднял мятеж, подавленный Арсеном Савиньяком и Готье Валмоном.

Рутгерт Гонт был казнен, и линия Гонтов в Талиге пресеклась.

Ходили слуги, что его малолетний сын был вывезен слугами в Дриксен, но о своих правах он так и не заявил.

Претенденты на титул:

После казни Рутгерта претендентами на титул и владения графов Гонт являлись и являются:

- графы Борн (см. ниже);
- так называемые агарисские Гонты (см. ниже);
- графы Штанцлер (см. приложение к «Лику Победы»).

Графы Борн

Герб: на коричневом фоне зеленая дубовая ветвь и золотой меч.

Девиз: «Жизнью и сталью!»

Глава фамилии: Конрад, граф Борн (род. 361 круга Скал), второй сын графа Олафа Гонта и Альбины, урожденной маркизы Фарнэби.

Семья: жена Шарлотта, сыновья Карл (392 круга Скал) и Рихард (395 круга Скал), дочь Ангелика (396 круга Скал).

Близкие родственники: Удо, граф Гонт.

Титул наследника: виконт Карней.

Основные владения: в графстве Борн (Внутренняя Придда).

Резиденция: Замок Карней.

Наследник по праву крови: Карл, виконт Карней.

Основатель фамилии: Рихард Борн-младший (2—61 круга Скал), сын погибшего в стычке с дриксенцами Рихарда, младшего брата Рутгерта Гонта. После восстания и смерти Рутгерта взят на воспитание семейством фок Варзов. В 18 году круга Скал указом Франциска Первого Рихарду был дарован титул графа Борна и бывшие владения Гонтов.

Агарисские Гонты

Потомки двоюродного брата Рутгерта Фридриха Килеан-ур-Ломбаха (382 круга Молний – 70 круга Скал), сбежавшего после подавления мятежа в Агарис. Указом королевы Бланш признаны единственно законными наследниками Рутгерта Гонта.

ДОМ МОЛНИЙ

Повелители Молний: герцоги Эпинэ.

Герб: на алом поле, рассеченном золотой молнией, два дерущихся жеребца – черный и белый.

Девиз: «Предвещает победу».

Глава фамилии: Робер Эпинэ.

Титул наследника: маркиз Эр-При.

Основные владения: в графствах Старая Эпинэ и Ариго.

Резиденция: замок Эпинэ, неподалеку от города Лэор.

Семья: не женат.

Ближайшие родственники: граф Жермон Ариго – двоюродный брат по матери, Катарина Оллар – двоюродная сестра по матери.

Наследник по праву крови: отсутствует.

Названный наследник: отсутствует¹³.

Основатель фамилии: по абвениатской легенде, герцоги Эпинэ ведут свой род от сына Астрапа Астрапиона, первого из анаксов Марикьяре – одного из четырех царств, объединившихся под скипетром Раканов в Золотую Анаксию.

Достоверно известно, что герцоги Эпинэ – прямые наследники золотоанаксианского Великого Дома Марикьяре, чей глава носил титул Повелителя Молний.

Краткая история фамилии

В Золотой Анаксии род Марикьяре традиционно возглавлял «военную партию», оспаривая первенство у царедворцев, чьими лидерами чаще всего выступали представители рода Пенья. На исходе гальтарского периода это противостояние успешно использовалось анаксами, опасавшимися возвышения Дома Волн и его союза с сепаратистски настроенной знатью Гайи и Уэрты.

Представители семейства Марикьяре презирали политику и политиков и славились горячностью, открытым нравом и любовными похождениями. Из их числа вышло немало стратегов и ставших легендарными героев-воинов.

Религиозные реформы Эрнани Святого и перенос столицы Дом Молнии воспринял спокойно, поскольку новый император и его безродные любимцы Манлий Ферра и Диамни Коро заняли жесткую позицию в отношении притязаний Гайи и Уэрты, а перенос двора на север укрепил партию сторонников войн с варварами-варитами.

Получив «для защиты» земли, прилегающие к Кольцу Эрнани с юго-востока, Марикьяре вскоре стали основной силой, сдерживающей притязания Уэрты и Гайи. В 211 году круга Волн во время очередного гайифского кризиса Повелитель Молний Чезаре Марикьяре-младший, названный в честь знаменитого родича (см. ниже), первым в Золотой Империи получил пост Проэмперадора Юга с правом заключения мира и объявления войны.

Указ Эодани Мудрого о смене имени Марикьяре восприняли в присущем им стиле. Они взяли себе имя Эпинэ в честь речки, у которой Проэмперадор Чезаре в пух и прах разбил объединенное войско сепаратистов.

Титул герцогов Эпинэ получили в начале круга Молний, уже после распада Золотой Империи. Тогда же был высочайше утвержден их герб и девиз. Изначально символом рода Марикьяре была так называемая Астрапова молния на алом поле, но Эсперадор Теоний

¹³ После подавления восстания Эгмонта Окделла и бегства Робера Эпинэ на титул и владения Эпинэ стал претендовать Альбин Маран, сын сестры Анри-Гийома Маргариты от ее второго брака с бароном Реми Мараном. Притязания Марана, женатого на сестре герцога Колиньяра Амалии, всемерно поддерживали родственники последней. Тем не менее недвусмысленное неодобрение этих планов со стороны наиболее влиятельных фамилий провинции (в первую очередь Савиньяков, Валмонов и Рафиано) привело к тому, что поданный Колиньяром указ не был подписан Фердинандом Вторым и вопрос оставался открытым до конца жизни Анри-Гийома.

объявил его демонским знаком. Смена имени и герба не отразилась на характере и положении Повелителей Молний, остававшихся щитом и мечом королевства Талигойя.

Наиболее известные представители фамилии Марикьяре/Эпинэ

Святой Адриан (в миру Цезарь (Чезаре) Марикьяре) – (369 круга Ветра гальтарского периода – 154 круга Волн нового периода) – основатель и первый магнус ордена Славы.

Старший сын и наследник Повелителя Молний, Чезаре был другом детства и побратимом Ринальди, третьего сына анакса.

В юности Чезаре так же, как и Ринальди, отличался необузданным нравом и отчаянной храбростью. Во время северного похода Лорио Борраски побратимы показали себя не только неустрашимыми воинами, но и одаренными военачальниками. Однажды, находясь во главе небольшого отряда, Чезаре и Ринальди узнали о приближении с тыла значительного числа варитов. Предположив, что и впереди главнокомандующего Лорио Борраску ожидают превосходящие силы противника, побратимы, послав гонца к стратегу, на свой страх и риск развернули арьергард и приняли неравный бой на переправе, не дав варитам нанести по армии Борраски внезапный удар.

В честь этого подвига в Гальтаре была воздвигнута двойная триумфальная арка (впоследствии имя Ринальди Ракана было с нее сбито).

После гибели Анэсти Ракана новый анакс Эридани назвал Ринальди своим наследником и запретил ему возвращаться в армию. Остался в столице и Чезаре. В 395 году он соблазнил жену брата Повелителя Скал Илларию и при прямом содействии Ринальди бежал с ней на юг. Союз оказался недолгим, любовники расстались. Дальнейшая судьба Илларины неизвестна, а Чезаре, лишенный советом эориев наследства и имени, отправился в путешествие по Померанцевому морю. Им была составлена первая карта побережья, и он же был первым золотоземельцем, которому посчастливилось посетить гнездо корсаров – остров Райион (впоследствии – Марикьяру) и свести дружбу с его обитателями.

Именно там Чезаре посетил видение, заставившее его отказаться от путешествия в Багряные земли и вернуться в Гальтары. В пути он узнал о преступлении Ринальди, но не поверил в виновность побратима. Чезаре поклялся отыскать доказательства того, что Ринальди был оклеветан. Не найдя таковых на земле, он спустился в подземелья, чудесным образом миновав Капканы Судьбы.

Что он там обнаружил, неизвестно, но, поднявшись наверх, Чезаре надел родовые цвета, назвал свое имя и потребовал аудиенции у анакса Эрнани. Следствием этой беседы была отмена решения совета эориев и восстановление Чезаре в статусе наследника дома Молний. С 1 по 4 год круга Волн Чезаре Марикьяре одержал ряд блистательных побед над варитами и гайи. Его числили наследником Лорио Борраски, однако в 5 году Чезаре неожиданно для всех принял эсператизм и отрекся от мира, сменив имя на Адриана. Благоволение императора, былые заслуги, личное обаяние и дар предвидения быстро выдвинули Адриана на первые позиции среди эсператистского духовенства. В 7 году Адриан основал орден Славы, единственный из семи, членам которого разрешалось носить оружие и пить вино. Адриану была также дарована привилегия присутствовать на суде эориев и брать осужденных на поруки. Последним правом Адриан воспользовался всего пять раз, хотя доподлинно известно, что родственники осужденных, склоняя Адриана на свою сторону, пускали в ход любые доводы, от мольбы до угрозы и подкупа.

Необычное поведение и растущая популярность молодого магнуса и его ордена стали причиной сначала тайной, а потом явной ненависти к нему со стороны значительной части эсператистского духовенства, однако все попытки так или иначе причинить Адриану зло кончались полным провалом. В 7 и 15 годах Адриан объявил о бывших ему откровениях (см. приложение к «Лику Победы»), доказательствами чего были огненные письма на стенах

его кельи, державшиеся 16 дней. В 16 году им была создана эспера – семилучевая звезда, ставшая символом новой веры. Народ приписывал вышедшим из рук Адриана эсперам свойства талисманов, хранящих своих владельцев от нечистой силы, что немало способствовало их быстрому распространению по территории империи.

Адриан пережил всех основателей эсператистских орденов. В пятьдесят лет он выглядел тридцатилетним, в 120 – пятидесятилетним. Вечером 24-го дня Летних Молний 154 года магнус Адриан вошел в свою келью, и больше его никто не видел. Когда в полдень следующего дня озабоченные его отсутствием братья вошли в обитель Адриана, они нашли лишь принадлежащую ему цепь главы ордена и запечатленный на стене знак эсперы.

Адриан был причислен к лику святых решением конклава в 162 году круга Волн. Является наиболее почитаемым святым у военного сословия и олларианцев.

Антоний Первый (в миру Энио Марикьяре) – Эсперадор (364—379 круга Волн) (см. приложение к «Лику Победы»).

Гастон Эпинэ (340—392 круга Молний) – Проэмперадор Юга, непримиримый противник развязанной Агарисом антиталигойской кампании. В 381 круга Молний разбил под Эр-При вторгшуюся в Талигойю армию Уэрты, за что получил в награду маркизат Эр-При. Первым маркизом Эр-При стал наследник Гастона Шарль (см. ниже).

Шарль Эпинэ (367 круга Молний – 32 круга Скал) – Первый маршал Талига при Франциске Первом Олларе и его сыне Октавии.

Одаренный полководец, Шарль Эпинэ спас талигойскую армию, поставленную ее главнокомандующим на грань катастрофы, но остановить армию Франциска было не в его силах. В осажденной Кабитэле Шарль Эпинэ сблизился с герцогом Кэнналоа Рамиро Алвой. Точных сведений о том, до какой степени Эпинэ был посвящен в планы Рамиро, нет. Известно лишь, что смертельно раненный Рамиро рекомендовал Франциску Оллару назначить своим Первым маршалом герцога Эпинэ. Шарль принял предложение и на похоронах Рамиро Алвы стоял рядом с Франциском, держа на руках новорожденного герцога Алва.

Шарль быстро снискал уважение, а позднее и любовь людей Франциска. Его ближайшими соратниками были Арсен Савиньяк и Себастьян Колинъяр (см. приложение к «Лику Победы»), позднее Ричард Окделл (см. выше) и Рамиро Алва-младший.

Армиям Шарля Эпинэ не только удалось остановить организованную Агарисом интервенцию, но и перейти в наступление, как на юге, так и на севере. Эпинэ не потерпел ни одного поражения, но в 26 году он тяжело простудился и так до конца и не оправился. Фактически отошедший от дел, маршал умер в 32 году, не оставив наследников, титул и земли перешли к его племяннику, тоже Шарлю (399 круга Молний – 72 круга Скал). В талигойской армии была весьма популярна шутка: если бы Рамиро-младшего не было, им бы стал младший Шарль.

Женевьев Окделл, урожденная Эпинэ, кузина Шарля Эпинэ, супруга Алана Окделла (см. информацию по Дому Скал).

Рене Эпинэ (241—302 круга Скал) – близкий друг маршала Алонсо Алва и алатского господаря Мекчеи, один из трех наиболее знаменитых полководцев Двадцатилетней войны.

Внук экстерриора Этъена Эпинэ и сын губернатора Леона Эпинэ (210—299 круга Скал), Рене прославился под именем маркиза Эр-При.

Прозванный за горячий нрав и пристрастие к белому цвету Белым Мориском, Рене встретил Двадцатилетнюю войну в чине полковника. В 269 году он получил генеральскую перевязь, а в 274-м – маршальскую.

Весной 276 году круга Скал Рене Эпинэ вступил в командование Северной армией,

задачей которой было очистить герцогство Ноймаринен и Новую Придду от захватчиков и их пособников.

Летнюю кампанию 276 года славящийся легким нравом и благодушием Эр-При начал с отсечения от основных сил и окружения корпуса Поля Пеллота, состоявшего из талигойцев, перешедших на сторону коалиции Гайифа – Дриксен – Гаунау. Перед боем Рене прилюдно снял талигойский мундир, переодевшись в родовые цвета Повелителей Молний и оставив лишь маршальскую перевязь. По его приказу вместо талигойских флагов были подняты алые, рассеченные золотой молнией полотнища, которые привез брат его жены маркиз Альмейда.

Корпус Пеллота был уничтожен полностью, сдавшиеся в плен солдаты расстреляны, а офицеры повешены на глазах шестнадцати пленных дриксенских и гаунауских офицеров. Поль Пеллот был повешен последним, вниз головой. После этого Рене отпустил пленников со словами, что их армии будут иметь дело с армией Талига и ее маршалом, но бывших талигойцев ждет встреча с мориском-убийцей.

В 280 году круга Скал Алонсо Алва, фактически возглавлявший страну во время тяжелой болезни Карла Второго, направил Рене на юг. Маршал предпринял наступление на Паону, его армия с блеском выполнила все поставленные перед ней задачи. Рене принял капитуляцию императора Гайифы Алексиса Второго, после чего был вновь отправлен на север, в Прибрежную Придду, где и развернулись основные события заключительного этапа Двадцатилетней войны.

После окончания войны и до смерти Рене Эпинэ оставался в армии. Никогда ничем не болевший маршал скоропостижно скончался по пути в Олларию. Согласно оставленному завещанию похоронен в Ноймаринен.

Рене был женат на Лусии Альмейде, имел трех сыновей и дочь Магдалу, вышедшую замуж за наследника великого герцога Алата Балинта Мекчеи.

Эпинэ Анри-Гийом (314—399 круга Скал) – единственный сын Мишеля, младшего сына маршала Рене, наследовал своему старшему дяде Арсену, не имевшему детей мужского пола. Неожиданная гибель двоих кузенов Анри-Гийома, бывших близкими друзьями наследного принца Карла, породила весьма неприятные для Анри-Гийома слухи. Оскорбленный нелепыми подозрениями, герцог нашел понимание и сочувствие у Алисы, супруги принца Франциска Оллара.

В 345 году Анри-Гийом в строгом соответствии с древними талигойскими традициями был посвящен в рыцари ее высочества, получив право носить ее цвета и повязывать на рукав ее ленту.

Злые языки утверждали, что недавно овдовевший Анри-Гийом стал любовником принцессы, но убедительных доказательств плотской связи не существует.

Во время правления Алисы герцог Эпинэ поддерживал ее во всем, обрывая любые попытки вызвать его на обсуждение августейшей четы.

После смерти Франциска Второго Эпинэ возглавил регентский совет, распущенный в результате переворота, организованного кардиналом Диомидом, принцем Георгом Олларом и Алваро Алвой (см. приложение к «Лику Победы»).

С момента подписания от имени регентского Совета вдовствующей королевы Договора о полномочиях (361 круга Скал)¹⁴ и до конца жизни Анри-Гийом жил в родовом замке, являясь негласным лидером Людей Чести.

В 392 году герцог Эпинэ настоял на участии своего сына Мориса Эр-При и четверых внуков в восстании Эгмонта Окделла (см. выше). После того как Эгмонт погиб в поединке накануне сражения, повстанцев возглавил Морис Эр-При. Бой был проигран, Морис Эр-При

¹⁴ Договор о полномочиях подтверждал передачу полномочий прежнего регентского совета новому и гарантировал сторонникам королевы Алисы и их семьям безопасность и сохранность имущества в случае, если они сохраняют лояльность новой власти.

и трое его сыновей погибли, а Робер был тяжело ранен и в бессознательном состоянии вывезен с поля боя.

Лишившийся семьи Анри-Гийом остался доживать свой век в родовом замке под надзором Альбина Марана. Умер в 399 году, завещав единственному уцелевшему внуку поднять восстание против Олларов и добиться отделения Эпинэ от Талига.

Кровные вассалы Дома Молний

См. приложение к «Лику Победы».

История костюма в Золотых землях

Общие положения

Рассматривая всю историю материальной культуры, как в Кэртиане в целом, так и в Золотых землях в частности, необходимо принять во внимание несколько условий, не позволяющих проводить прямые аналогии с привычными для нас понятиями, явлениями и, в какой-то степени, событиями.

Основное различие между нашим миром, где признание или же отрицание высших сил является исключительно вопросом веры, и Кэртианой состоит в том, что последняя была создана четырьмя божествами, которых впоследствии стали называть Абвениями ¹⁵. Сотворение Кэртианы и участие в ее судьбе высших сил являются неоспоримым фактом, определяющим все развитие описываемого мира.

География и климат Кэртианы со временем претерпели ряд существенных изменений. В момент сотворения это был мир, максимально приспособленный для существования человека и необходимых ему животных и растений. Изменения климата и ландшафтов в худшую сторону начались уже после исхода Абвениев. По мнению большинства исследователей, первые негативные признаки дали знать о себе в конце гальтарского периода. Особо следует отметить постепенное оледенение Седых земель, затопление Норуэгского перешейка, заболачивание северного побережья Золотых земель и моровые поветрия, полностью уничтожившие коренное население Бирюзовых земель. Достоверных сведений о подобных катаклизмах в Багряных землях нет.

При этом в мире Кэртианы большинство изменений происходили постепенно, без рывков и сильных потрясений. Это касается всех сторон жизни: и социума в целом, и технологий, и материальной культуры, и религии. Культ Четверых гармонично влился в абвениатство. Классический вариант эсператизма (в отличие от ортодоксального первоначального варианта) вобрал в себя ¹⁶ большую часть постулатов абвениатства. Олларианство и эгидианство выросли из эсператизма, являя собой его осовремененный и более терпимый вариант.

Ткани и красители. Используемые цвета

В Кэртиане ткани из растительных (хлопок, лен, иногда используются крапива и конопля) и животных (шерсть, шелк) волокон известны еще с абвениатских времен. На

¹⁵ Подробно характеристика Богов – Абвениев представлена в кратком очерке о религии и церкви в Кэртиане, данном в приложении к роману «Лик Победы».

¹⁶ См. повесть «Пламя Этерны» и приложение к роману «Лик Победы».

севере Золотых земель в большей степени распространена одежда из шерсти, льна, меха и кожи, на юге – из льна, хлопка, ввозимого поначалу из Багряных земель шелка и значительно реже – из шерсти. Методы окрашивания и декорирования тканей весьма разнообразны и также имеют давние традиции.

Различие в использовании тех или иных тканей в костюме обусловлено в первую очередь социальным и материальным положением носящих его лиц. Костюмы знати изготавливались из тканей высокого качества. Простонародье довольствовалось простыми тканями, окрашенными более дешевым (иногда – кустарным) способом.

Для окрашивания тканей использовались растительные, минеральные и комбинированные красители. Область применения того или иного красителя напрямую зависела от места его производства и возможности транспортировки. Самыми знаменитыми «красильными» регионами издавна являлись южное и юго-западное побережье Золотых земель и северное побережье Багряных земель.

* * *

Несмотря на практически повсеместное главенство в Золотых землях монотеистических религиозных систем, в материальной культуре мира сохраняется множество языческих (абвениатских) отголосков. Широко представлены они и в цветовых предпочтениях обитателей Золотых земель, как в одежде, так и в оформлении жилья.

Главенствующими цветами Золотых земель являлись и являются следующие:

Цвета Скал (Лита): черный, багряный, золотой (определенные оттенки желтого), реже – серебряный и соответствующие ему оттенки серого.

Цвета Ветра (Анэма): белый, синий, голубой, черный, серебряный (некоторые оттенки серого).

Цвета Волны (Унда): зеленый, лиловый (фиолетовый), лазурный, золотой (возможен серебряный).

Цвета Молнии (Астрапа): черный, белый, алый, золотой.

Это не значит, что коричневому, розовому, оранжевому и прочим цветам отказано в существовании, но использоваться они стали значительно позже.

Существует полузабытая, но тем не менее заметная практика деления цветов по культурно-географическому принципу. Наибольшей популярностью в тех или иных регионах пользуются цвета, посвященные божеству, культ которого был выражен сильнее прочих. Имеет место и сезонная зависимость цвета одежды. Зимой активнее используются цвета Лита, весной – Анэма, летом – Унда, осенью – Астрапа.

Традиционно:

Эпинэ, Алат, частично Марикияра и Кэнналоа – области Астрапа;

Прибрежные районы Померанцева и Устричного моря – области Унда и Анэма;

Торка (Бергмарк) – область Лита и Астрапа.

О родовых цветах талигойской аристократии

Разделение цветов по принадлежности к Великим Домам Талигойи (Талига) достаточно условно. Цветовая гамма герба (герба сюзерена или, позднее, герцога провинции или же города) – не догма и даже не руководство к действию. В обыденной жизни допускаются любые цвета, сочетаемость которых определяется исключительно личным вкусом. Запретов на использование тех или иных цветов в Золотых землях (как и законов «против роскоши») в обозреваемый исторический период не отмечено за единственным исключением, о котором будет сказано ниже.

Со времени становления аристократии Золотой Анаксии (позднее – Золотой Империи и Талигойи) значительная часть традиционных обрядов и торжеств талигойской знати

проводится в родовых цветах и с использованием символики если не прародителей – Абвениев, то соответствующих стихий (Скал, Ветра, Волн или Молний).

Для одежды новобрачных обычно выбирают самый светлый из имеющихся родовых цветов, трауром же является самый темный. Допустима оторочка иного родового цвета. Позднее цветом траура в эсператистских странах становится серый (отделка, как правило, отсутствует), а в эгидианских странах и Талиге – черный. Узкая оторочка и пояс иного цвета не запрещены, но используются редко.

Тем не менее существуют сообщества, в которых цвет одежды жестко регламентируется. В первую очередь это представители религиозных орденов, олларрианское духовенство и, в зависимости от обстоятельств, верхушка гоганских общин.

Костюм абвениатского периода

Абвениатским (древнейшим) периодом называют временной период, отмеченный личным присутствием создателей мира, начиная с сотворения Кэртианы и заканчивая исходом. Точной датировке не поддается.

Состояние материальной культуры в описываемую эпоху определяется непосредственным вмешательством Абвениев и их спутников-астэр в жизнь смертных.

Повторно подчеркнем, что, в связи с особенностями развития кэртианского общества, в истории костюма не отмечено резких изменений, когда в течение очень короткого времени ношение устаревшей одежды становилось социально неприемлемым. Разумеется, под влиянием внешних условий одежда менялась, но при этом «старые» элементы костюма повсеместно использовались наравне с «новыми».

* * *

В абвениатскую эпоху платье «шитое» (одежда, различные элементы которой соединялись с помощью иглы и нити) и «не сшитое» (одежда, в которой различные элементы соединялись между собой с помощью различных заколок) носили одновременно.

Основными предметами и мужского, и женского костюма были (*рис. 1*) следующие.

Хитон – рубашка из льна или шерсти. Боковые стороны, как правило, сшивали, а на плечах скрепляли застежками или завязками. В талии хитон перетягивали поясом.

Хитон в зависимости от качества ткани и отделки использовали и как повседневную, и как праздничную, и как верхнюю, и как нижнюю одежду. В отношении длины применялись два общих правила: женская одежда длиннее мужской; чем старше человек – тем длиннее одежда.

Праздничный хитон был длиннее и шире повседневного; женский хитон достигал щиколоток, мужской хитон – колена или середины голени.

Гиматий – верхняя одежда, покрывало-плащ квадратной или прямоугольной формы. Носился поверх хитона. Женщины могли носить гиматий как покрывало, накидывая край на

голову.

Пеплос – «дальний родственник» гиматия, представитель упомянутой выше «не сшитой» одежды. Его оборачивали вокруг тела, драпируя и крепя заколками и повязками. Пеплос использовали довольно редко, в основном в качестве ритуального облачения.

Ткани абвениатского периода были гладко (без узора) окрашены. Готовую одежду отделявали по краю тесьмой или лентами другого цвета, сначала однотонными, позднее – с узором. Самыми ранними и распространенными орнаментами были графические символы четырех стихий ¹⁷.

Наиболее распространенным головным убором являлся матерчатый обруч-повязка различной ширины и формы, завязанный под затылком. В качестве парадных головных уборов использовались венки из растений, посвященных тому из Абвениев, в честь которого устраивалось торжество; причем в разных местностях использовались разные растения. Позднее венки заменили обручами из драгоценных металлов или сплавов: плетеными, литыми, украшенными резьбой, драгоценными камнями, а в женском варианте еще и подвесками.

Женские прически – чаще всего косы, по-разному заплетенные или уложенные, а также сочетания кос и распущенных волос. Мужские – в той или иной степени повторяли прически Абвениев в их человеческой ипостаси: свободно лежащие волосы средней длины, в случае необходимости убираемые под обруч-повязку или же стянутые на затылке.

Обувь – теплый климат позволял обходиться вообще без обуви, однако большинство населения Золотых земель носило кожаные *сандалии* различной степени открытости.

Первыми украшениями были уже упомянутые венки и гирлянды из посвященных Братьям-Богам растений. Они же стали прообразом первых ювелирных изделий: обручей, ожерелий, браслетов. Серьги и кольца в описываемый период были менее распространены.

Ювелирные украшения абвениатского периода никогда не наделялись функциями оберегов, талисманов или же религиозных символов. Соответственно, отсутствовали и поверья об их сверхъестественной силе. Тем не менее не исключено, что в указанный период избранные счастливицы становились обладателями украшений, созданных непосредственно Абвениями. Весьма распространено мнение, что астеры (см. приложение к «Лику Победы») испытывавшие тягу к определенным драгоценным и полудрагоценным камням, дарили их своим смертным возлюбленным, причем камни эти как бы впитывали часть силы дарителей.

Костюм гальтарского периода

Описываемый период также можно назвать «золотоанаксианским», поскольку к его началу четыре царства Повелителей Стихий – потомков Абвениев соединились в Золотую Анаксию во главе с анаксом – Раканом, чья столица находилась в городе Гальтары.

Началом периода можно считать момент исхода Абвениев из созданного ими мира, а окончанием – царствование Эрнани Святого, перенесшего столицу в Кабитэлу, принявшего эсператизм и отказавшегося от самого термина «анаксия» (формально конец гальтарской эпохи датируют окончанием круга Скал гальтарского периода – 1 годом круга Волн нового периода ¹⁸).

В гальтарский период происходит частичное изменение климата: в отличие от предшествующего времени перепады температур становятся все более заметными. Изменения климата не могли не коснуться обихода жителей Золотых земель.

¹⁷ Символ Скал чаще всего представляли в виде графического рисунка – «трапеции»; символ Ветра – спиралевидное изображение в 4 витка; символ Молнии – 4 ломаные линии, расходящиеся из одного центра; символ Волны – 4 параллельные плавные линии.

¹⁸ Согласно хронологии, приведенной в приложении к роману «Лик Победы».

Гальтарский период – единственное время в истории Золотых земель, когда действовали законы, регламентирующие ношение тех или иных цветов анаксом, эориями (Повелителями Стихий, их кровными вассалами и родичами), воинами домов и прочими жителями Золотой анаксии. В этот период в костюм и вошли нетрадиционные цвета (уже упоминавшиеся коричневый, розовый, оранжевый и другие). Тем не менее о каких-либо преследованиях за ношение «неположенного цвета» неизвестно.

Во второй половине гальтарской эпохи произошло столкновение и последующее частичное объединение Золотой Анаксии с «северными варварами», обитающими «за Разрубленным Змеем»¹⁹, – переселенцами из Седых земель. Это повлекло за собой появление и последующее повсеместное распространение элементов костюма, ранее Золотой Анаксии не свойственных.

* * *

Основные элементы и детали одежды в начале гальтарского периода практически не отличались от своих предшественников. С течением времени, однако, произошли определенные изменения (*рис. 2*).

¹⁹ Горный массив, служащий естественной границей Золотой Анаксии с севера и северо-запада.

Хитон стал более узким по покрою и перешел в разряд одежды нижней и преимущественно мужской. Постепенно хитон вытеснила *туника*.

Туника могла иметь некоторое подобие цельнокроеных недлинных рукавов. В отличие от хитона, тунику надевали через голову, изначально ее боковые части не сшивались. Отдельно тунику (или хитон) носили редко, в одежде была принята многослойность – несколько слоев ткани летом лучше защищали от жары, зимой – от холода.

Важной частью и женского, и мужского костюма был *плащ*. Женский вариант плаща дольше сохранял архаичную форму гиматия. В сущности, это и был гиматий, который ко второй половине гальтарского периода «опустился» на плечи и «расправился» вдоль

женской фигуры. Мужской вариант плаща довольно быстро приобрел «классическую» форму – прямоугольный кусок ткани, накидываемый на одно или на оба плеча, закалываемый застежкой – *фибулой*.

В женском костюме верхняя туника (ее можно считать определенным аналогом римской «стола») – сшитая, с рукавами, отделанная широкой каймой – утвердилась как обязательная верхняя одежда женщин всех сословий. К концу описываемого периода ее называли просто «*платье*».

Приблизительно в то же время в обиход мужской части населения Золотой Анаксии вошли короткие (до колена) *итаны*, довольно плотно облегающие ноги. Первоначально – одежда воинов, позже – обиходная мужская одежда всех слоев населения.

В гальтарскую эпоху (ближе к концу) в Золотых землях появились первые гоганские переселенцы. Гоганский костюм характерен тем, что в нем дольше всего сохранялись архаичные «не сшитые» элементы. Даже к концу круга Скал нового периода в гоганском обиходе уцелели не только неподшитые края одежды, но и неподрубленный домашний текстиль.

* * *

Обувь, как мужская, так и женская, становится гораздо разнообразнее, на что, несомненно, повлияло изменение климата и контакт с варварскими племенами. Появившиеся *сапоги* и *полусапоги* (в виде зашнурованного кожаного чулка на жесткой подошве), как и привычные сандалии, изготавливались из кожи разных цветов. Обувь декорировалась вышивкой и металлическими деталями – как функциональными (пряжки), так и чисто декоративными. Низшие сословия носили либо деревянные, либо изготовленные из грубой кожи башмаки типа сабо.

* * *

Женские прически гальтарского периода были разнообразны: косы различного плетения, комбинации кос и локонов; позднее волосы стали собирать в узлы на затылке. Для закрепления причесок использовались ленты (по большей части – для детей и молодых девушек), заколки, гребни и шпильки – костяные, металлические (в том числе – из ювелирных металлов), реже – из определенных пород дерева. Для украшения парадных причесок использовали обручи, диадемы, сетки для волос, ленты и головные накладки из легких тканей.

Мужские прически также отличались разнообразием. Гладкие, с открытым лбом, завитые, с челкой; молодые мужчины брили лицо, отращая с возрастом усы, а затем и бороды; определенной моды на цвет волос не было.

* * *

Ювелирные украшения не претерпели значительных изменений. В ходу были головные обручи (диадемы), кольца, браслеты, серьги, ожерелья, шейные цепочки. Украшения носились как мужчинами, так и женщинами и были практически одинаковы (за исключением особого вида геральдических цепей, которые не носили женщины, и ожерелий, которые не носили мужчины).

В описываемое время впервые стали осознанно использоваться ювелирные изделия, наделенные функцией «оберегов». Как правило, мистические свойства приписывались сочетаниям камней и металла, посвященных тому или иному богу. Как «обереги» или «знаки» использовались вставки в перстни или медальоны – в виде гладко отшлифованного камня с резным рисунком знака соответствующей стихии. Рисунок мог заполняться металлом либо цветной эмалью.

Обручальный браслет на правой руке (средней ширины, достаточно плотно прилегающий к руке, с именем или родовыми символами) был знаком семейного положения. Вдовы и вдовцы снимали обручальный браслет и надевали «вдовый браслет», более узкий, без декора. Серебро и золото ценились равно.

Костюм кабитэлского периода

Кабитэлским периодом именуется промежуток времени с 1 года круга Волн нового периода по 399 год круга Молний, в течение которого столицей сперва Золотой Анаксии, позднее – Золотой Империи и, наконец, королевства Талигойи был город Кабитэла (период завершается переименованием Кабитэлы в Олларию). Основным фактором, влияющим на материальную культуру Золотых земель в указанный период, является административная и религиозная реформа, начатая императором Эрнани Святым и оказавшаяся необратимой.

Перенос столицы и, соответственно, переезд в Кабитэлу не только императорского двора, но и значительной части золотоимперской (талигойской) знати не мог не отразиться на костюме. Новая столица располагалась значительно севернее Гальтары, и ее климат был совершенно иным.

Впрочем, одежда раннего кабитэлского периода не слишком отличалась от позднегальтарской. В мужской одежде преобладали уже упомянутые туники и хитоны (преимущественно для домашней носки), женские платья мало отличались по покрою от гальтарских, – но климат диктовал свои условия. Многослойность одежд из атрибута, подчеркивающего статус и богатство, становится жизненной необходимостью; плащ из парадной и статусной одежды превращается в повседневную. Обувь становится более закрытой и более высокой.

Включение в золотоанаксианский обиход штанов и соответствующего нижнего белья сопровождалось забавными моментами. Столкнувшись с обосновавшимися к северу от Разрубленного Змея переселенцами из Седых земель и оценив удобство и соответствие климату такого элемента варварской одежды, как штаны, золотоземельские зории ввели их в обиход. Однако в силу консерватизма и снобизма предпочитали прятать их под туникой. Простые же воины носили штаны так, как им было удобно. Таким образом, подштанники возникли благодаря «стыдливости» аристократии, а верхние штаны – из соображений практичности, ну а суровый кабитэлский климат подтолкнул мужское население анаксии к тому, что верхние и нижние штаны стали носить одновременно.

В то же время и по той же причине начинают использовать земной аналог «опорок», которые наматывали на ступни и выше – достигая колена. Со временем появляются и чулки, шитые из обычных тканей и вязанные.

Мужской костюм

В раннекабитэлский период мужчины всех сословий носили две туники (верхнюю и нижнюю); короткие или длинные штаны (с короткими, как правило, надевали чулки); плащ, закалываемый застежкой-фибулой на плече. Туника подпоясывалась, к поясу костюма определенных сословий (дворянство и воины) крепилось оружие. Длина верхней туники, длина и ширина рукавов, ширина подола верхней туники могли меняться. Однако общая тенденция – чем старше и знатнее мужчина, тем длиннее и богаче его одежда – сохранялась.

Ближе к середине периода в верхней одежде появляются новые типы с принципиально иным покроем. Очевидно, что первоначально они были продиктованы изменениями в воинском деле. Широкие одежды требовали большого количества ткани, а носить под металлическими доспехами длинные складчатые туники было неудобно. Соответственно, возникли различные типы *курток* и *кафтанов*, сначала – как военная одежда, а позже – как повседневная и парадная (рис. 3).

На протяжении всего периода незаменимым не только с утилитарной, но и со статусной точки зрения остается *плащ* и его «урезанный» аналог – гербовая *котти* («нарамник»), который надевали поверх доспехов.

Женский костюм

Женский костюм начала периода почти не отличался от старогальтарского: нижняя туника (рубашка), верхняя туника (платье), плащ.

Вынужденное переселение в более суровый климат и церковная реформа отразились на женском костюме, в первую очередь сделав его более закрытым. Обычными деталями становятся высокий ворот, длинные, иногда закрывающие руку (включая пальцы) рукава,

полностью скрывающая ноги юбка.

Спустя некоторое время верхняя женская одежда для выхода стала двойной. Поверх нижней туники – рубашки было принято носить два платья – верхнее и нижнее. Платья отличались длиной и покроем рукавов: у нижнего – более простые, узкие, у верхнего – широкие, сложного кроя и отделки. Верхнее платье подпоясывалось, причем линия талии не была жестко привязана собственно к талии, варьируясь от положения под грудью до бедер; последнее более характерно для второй половины кабитэлского периода (рис. 4).

В середине описываемого периода (после переезда Святого престола в Агарис и разделения Золотой Империи на несколько суверенных государств) в покрое женского платья произошли изменения. Благодаря использованию шнуровки верхняя часть платья (лиф) стала заметно уже, а юбки за счет вшивания клиньев – шире, у церемониальной и

придворной одежды появился шлейф.

И мужская, и женская одежда знати украшалась вышивкой, тесьмой, расшивалась бисером и драгоценными камнями, зимняя одежда дополнялась оторочкой из дорогих мехов. Одежда простонародья отличалась более скромной отделкой, в основном – по манжетам и проймам рукавов, вороту, линии застежки у распашной одежды.

Нижнее белье

Упоминаемая при описании более ранних периодов «нижняя одежда», по сути, выполняла функции белья (при этом почти не отличаясь от одежды верхней особенностями покроя и составом ткани). Но нижнее белье как таковое, то есть одежда, отличающаяся от верхнего платья покроем и составом ткани и никогда не носимая отдельно, возникло именно в кабитэлский период.

Основой для нижнего белья (рубашки) послужил самый древний вид одежды Кэртианы – хитон, сшитый и по боковым, и по плечевым швам; в начале периода – одинаково свободного покроя и у мужчин, и у женщин.

К окончанию периода женская рубашка становится длиннее и уже, появляются рукава и такие элементы покроя, как вытачки, шнуровка, застежка на пуговицах. С изменением мужского костюма изменяется и мужская рубашка. У нее появляются рукава, а длина, как правило, не превышает длины верхней части костюма.

Головные уборы, прически, ювелирные украшения

В указанный период наиболее распространенными женскими головными уборами были головные накидки (мантильи), сетки для волос, обручи – диадемы. Позднее появились капюшоны – их носили и как элемент плаща, так и отдельно, с пелериной (шапероны); были распространены береты и чепцы. Среди простонародья в ходу были платки и косынки, причем способ их завязывания мог сильно отличаться в зависимости от местности. Самыми популярными мужскими головными уборами были береты, капюшоны и шапероны; к концу периода появились шляпы (с полями и без).

Прически кабитэлского периода отличались простотой и аскетичностью.

Женские прически, как правило, представляли собой уложенные вокруг головы или на затылке и спрятанные под головной убор косы. Зачесанные назад или разделенные на пробор волосы гладко убирались; локоны допускались редко, в основном – у девочек или незамужних девушек высших сословий.

Мужчины стригли волосы достаточно коротко, обычным было ношение усов и небольшой бороды.

Ювелирные изделия описываемого периода отличались достаточно скромным декором; почти не использовалась «стихийная» символика. К ювелирным украшениям, наделенным функциями «оберегов», добавилась эспера – медальон в виде металлической звездочки с 7 (4 больших и 3 маленьких) лучами. Иногда в центр эсперы помещали драгоценный камень, миниатюрную икону или один из семи орденских символов. Эсперу могли носить как на отдельной цепочке (или шнурке), так и на ожерелье или бусах.

* * *

В кабитэлский период цветовая символика костюма несла более узкую по сравнению с

предыдущими эпохами смысловую нагрузку. Понятие «родового цвета» использовалось в основном в среде высшей аристократии. В одеждах вассалов, дружинников и слуг доминировали «цвета сюзерена», основной из этих цветов был цветом плаща или нарамника, которые можно считать элементами протомундира.

Отдельно стоит серый цвет, носимый духовными лицами, теми, кто находится в трауре, и религиозными фанатиками.

Костюм олларрианского периода (1—397 ²⁰ год круга Скал)

В 399 году круга Молний «Марагонский Бастард» Франциск Оллар захватывает столицу Талигойи Кабитэлу и коронуется под именем Франциска Первого. Талигойя становится Талигом, обретя вместе с новой династией и новым именем новые законы и новую церковь.

После принятия Талигом олларрианства к факторам, влияющим на различия в развитии костюма Талига и эсператистских стран, добавилась еще и религиозная составляющая. Новая олларрианская церковь, помимо декларированного возврата к «первоначальным заповедям Создателя», была дополнена многими доэсператистскими (иначе – абвениатскими) элементами. Таким образом, начало олларрианского периода в Талиге можно идентифицировать как некий аналог эпохи Возрождения.

Значительное внимание уделялось развитию экономики и торговли. Ремесленники получили определенную экономическую свободу, а происхождение «новой элиты» повысило социальный статус торгового и ремесленного сословия, благосостояние которого также заметно возросло.

На костюм описываемого периода, помимо религиозной реформы, оказали влияние три весьма важных фактора: «южное» влияние, развитие промышленного производства и административные и кадровые перестановки, выразившиеся в том числе и в возвышении «новой» элиты, вышедшей из военного и торгового сословия.

Мужской костюм

Франциск Оллар, многие из его офицеров, получивших с воцарением сюзерена не только титулы, но и высшие административные должности, и большинство перешедших на сторону Олларов представителей «старой» знати были уроженцами Юга (Эпинэ, позднее – Кэналлоа и Марикьяры). Несомненно, что они оказывали решающее влияние на политику, экономику, военное дело и культуру страны, а следовательно, и на жизненный уклад, манеру поведения и костюм.

Мужской костюм данного периода практически не зависел от времени года и состоял из белья (нижняя рубашка и подштанники) и верхней одежды, состоявшей, в свою очередь, из *колета* (куртки) или кафтана (позднее – *камзола*); нижней частью костюма были штаны и чулки. Поверх колета или камзола накидывали плащ в виде прямоугольного или полукруглого полотнища ткани (*рис. 5*).

²⁰ Окончанием периода условно считается время начала действия романа «Красное на красном». Дальнейшая история развития костюма прямо или косвенно отражается в тексте романа.

Верхней сезонной (зимней) одеждой также был плащ – утепленный, с прорезями для рук и капюшоном. В провинциях Талига помимо плаща использовались и местные варианты верхней одежды: утепленные суконные кафтаны (Эпинэ), шубы и полушубки (Ноймаринен, Торка, Северный Надор, районы Эпинэ, близкие к Алату).

Следует выделить еще одну особенность, определившую вид мужского костюма в Талиге. Становление Талига проходило в условиях постоянных войн на севере и юге. Военная служба для талигойского дворянина являлась обычным делом, а военные составляли элиту королевства: причем офицеры недворянского происхождения помимо высокого денежного содержания, как правило, получали личное дворянство. Соответственно, практичный, удобный для нахождения в месте ведения военных действий

костюм становится повседневным костюмом проолларовской аристократии Талига.

Основными требованиями к мужскому костюму становятся простота (он должен легко и без посторонней помощи надеваться) и удобство при носке под доспехами (кирасой). Неудивительно, что в первые годы правления Олларов из мужской одежды практически исчезают эффектные, но неудобные элементы: чрезмерно зауженные или очень широкие рукава, жесткие высокие воротники, застежка сзади; а шнуровка остается лишь в качестве необходимой застежки. Мужчины носят штаны средней ширины ниже колена, закрывающие голень чулки и сапоги.

Со временем рациональный аскетизм первых Олларов смягчился, и в мужском костюме начала проявляться своеобразная «придворная» тенденция. Впрочем, придворный костюм практически не отличается от военного качеством ткани и отделки, все отличия (съемные элементы, более сложный покрой отдельных частей костюма, обилие отделки) были не более чем дополнениями, которые определялись личными вкусами, финансовым положением и отчасти требованиями этикета. На придворный костюм легко надевалась кираса; его можно было надеть и снять самостоятельно, хотя это и занимало больше времени.

Мужской костюм декорировался отделкой из ткани контрастного цвета, кружевом, вышивкой, реже – мехом. Для украшения верхней придворной одежды могли использовать полудрагоценные и драгоценные камни. Большой популярностью пользовались шейные платки и шарфы, а в придворном костюме – накладные кружевные манжеты.

Обязательной принадлежностью мужского костюма дворянина является холодное оружие (меч, позднее – шпага). Дворяне, состоящие на действительной военной службе, носили декоративную перевязь, свидетельствующую о военном чине. Эта перевязь (в отличие от оружейной) носится с левого плеча к правому боку, оружие к ней не крепится. Офицеры, вышедшие в отставку, сохраняют право ношения статусной перевязи.

Женский костюм

В женском костюме описываемого периода отразилась не столько свойственная мужскому костюму рациональность, сколько результаты развития промышленного производства, несомненное южное влияние и особенно – изменение образа жизни.

На смену образу «женщины, осознающей свой долг», свойственному для круга высшей аристократии Талигойи – Людей Чести, пришел новый образ: «женщина – возлюбленная», причем возлюбленная не «небесная» – идеализированная и недоступная, а вполне земная. Такая, как Октавия Алва – Оллар, Леонора Креденьи, Магдалена Савиньяк – Валмон, Мадлен Креденьи – Салина...

Следует отметить, что в истории Золотых земель данный поворот событий весьма близок к понятию «революция». Впервые с абвениатских времен положение женщины определялось не «долгом великого дома», не церковными канонами, а самими женщинами и их возлюбленными.

Узкий, закрытый, нарочито целомудренный женский костюм кабитэлского периода смягчился. Силуэт стал более широким и плавным, стали часто использоваться драпировки, «пополз» вниз ворот, «подтянулись» и расширились рукава, укоротились сковывающие шаг подолы, расширились юбки. С течением времени в обиход вошли составные платья, где лиф (сложного кроя, облегающий) и юбка кроились отдельно (рис. 6). Одежда незамужних девушек отличалась более светлыми тонами, простотой покроя и была менее декорирована, чем платья замужних женщин.

Впрочем, климат Олларии остался прежним. Соответственно, глубокое декольте обычно прикрывалось косынкой или кружевным воротничком, а укорачивание рукава привело к постоянному ношению в холодное время года перчаток. Для шитья одежды вместо традиционного для кабитэлского периода шерстяного сукна стали использовать более легкие и пластичные бархат, атлас, батист и шелк.

В повседневной жизни в южных провинциях женщины носили более легкий вариант костюма, когда поверх нижней рубашки надевалось одно платье, но сшитое из тканей, различных по цвету и фактуре. В результате казалось, что платьев – два.

Изменение образа жизни и отход от старых традиций привели к изменению функций женского плаща. В оллариянском Талиге женский плащ (в виде прямоугольного полотнища, накидываемого на одно или оба плеча) как «статусная одежда», демонстрирующая принадлежность женщины к дворянскому сословию и определенной семье, использовался крайне редко. Женщина надевала его лишь при церемонии помолвки и бракосочетания, а также при представлении королю (когда этикет требовал наличие плаща).

Во всех других случаях плащ исполнял функции утилитарной сезонной одежды. В теплое время года его могли заменять широким шарфом – палантином, головной накидкой или шалью. Зимние плащи были с дополнительной суконной или меховой подкладкой, капюшоном и прорезями для рук. В холодное время года, помимо плаща, женщины всех сословий носили верхнюю одежду типа удлиненного кафтана.

Нижнее белье

Мужское нижнее белье почти не изменилось и представляло собой достаточно короткую (до бедер) нижнюю рубашку, подштанники и чулки. К середине периода у нижней рубашки появился распахной воротник, который отделялся кружевом или вышивкой и расправлялся поверх верхней одежды, и аналогичным образом отделанные манжеты, выглядывавшие из рукавов верхней одежды.

Женское нижнее белье менялось вместе с верхним костюмом. Разнообразие покроя верхнего платья привело к аналогичному разнообразию покроя нижних рубашек. В зависимости от фасона верхнего платья рубашки были с рукавами и без, закрытые и с низким вырезом, свободного покроя (собираемые на талии или под грудью на продернутую через разрезы в ткани или кулиску ленту или шнур) и с узким, отдельно скроенным лифом.

Для придания объема расширенным юбкам верхнего платья женщины стали носить несколько нижних юбок. Использование чулок стало обыденностью среди всех сословий.

В отличие от эсператистских государств ношение жесткого корсета в Талиге не регламентировалось. Довольно часто можно было встретить предклассический вариант жесткого корсета – высокий плотный пояс, надеваемый под платье поверх рубашки в костюме дворянок или поверх платья (или блузки и юбки) – в одежде простолюдинок.

Как женское, так и мужское нижнее белье шилось из легких гладких тканей различного цвета. Состав ткани для нижнего белья менялся в зависимости от местности. Шелковое, льняное и хлопковое белье носили в южной части Талига, льняное и шерстяное – в северной. В украшении использовались вышивка и отделка кружевом.

Головные уборы, прически, обувь, украшения

Основными мужскими головными уборами оставались береты или шляпы. Зимой, особенно в северных и горных районах, носили меховые шапки и колпаки.

Мужские прически и наличие или отсутствие усов и бороды не регламентировались. Наиболее распространенная длина волос в мужской прическе – немного ниже плеч.

Повседневным женским головным убором как дворянок, так и простолюдинок был чепец. Зимой (поверх чепца) надевали берет, шаперон или капюшон, в некоторых провинциях широко использовались теплые платки, шали, различные головные накидки – мантильи.

Повседневная женская прическа представляла собой вариант уложенных кос, комбинацию кос и локонов. Как скрепляющие элементы использовались шпильки, в прическе девочек и девушек – ленты.

Обычная «парадная» прическа представляла собой комбинацию узла волос на затылке, забранного под сетку (шелковую, расшитую драгоценными камнями, иногда – практически полностью выполненную из драгоценных металлов), и уложенных локонов. В парадном варианте прически широко использовались мантили, вуали, а также специальные украшения для волос.

Самой распространенной мужской обувью у дворянства и военного сословия описываемого времени были сапоги; другая обувь (полусапоги, туфли) использовалась значительно реже или же как элемент домашней одежды. Башмаки считались обувью простонародья.

Женщины высших сословий и горожанки носили туфли, изготовленные из кожи или ткани, часто украшаемые вышивкой полусапоги, сапоги; крестьянки – башмаки и сапоги. Зимнюю обувь утепляли и декорировали с помощью меховой отделки.

Ювелирные украшения были весьма разнообразны. И мужчины, и женщины носили кольца и перстни, браслеты (как обручальные, так и декоративные), броши, цепи, подвески и медальоны. Среди женских украшений большой популярностью пользовались серьги и ожерелья различной формы, реже использовались диадемы – в качестве дополнения к особо праздничной прическе. Элементы из драгоценных камней в ювелирной оправе использовались для декора одежды – и в вышивке, и как скрепляющие элементы.

* * *

Ограничений на цвет одежды в оллариианском Талиге не существовало, за исключением специально оговоренных случаев.

Для церемонии бракосочетания невеста надевала костюм преимущественно белого цвета с дополнением либо родовых цветов (дворянство), либо цветов провинции. При заключении повторного брака цвет одежды на церемонии не регламентировался. Жених-дворянин надевал родовые цвета или же, если он находился на воинской службе, парадный мундир. Недворяне одевались по своему усмотрению.

Для особо важных случаев, связанных с делами семьи, в аристократической среде, как правило, использовалась одежда родовых цветов.

Цвет траура – черный; для дворян допускается узкая оторочка иного родового цвета.

Солдаты и офицеры на действительной военной службе носят черно-белый мундир (для высшего командования летом используется «обратный» – преимущественно белый – вариант). Гарнизон Оллари, в который входил и полк патрульной стражи, носил красно-белые мундиры.

Первый маршал носил черно-белую перевязь и шлем с черно-белым султаном, а когда доспехи стали уходить в прошлое, черный берет или шляпу с белым страусиным пером. Первый адмирал Талига и командующие армиями в чине маршалов носили перевязи и перья родовых цветов королевы, командующие эскадрами – синие, генералы родов войск – зеленые (пехота), желтые (кавалерия), оранжевые (артиллерия).

Цвет одежды оллариианского духовенства – черный.

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ КОСТЮМА В ДРУГИХ СТРАНАХ ЗОЛОТЫХ ЗЕМЕЛЬ

Золотые земли являются сложным политическим и географическим образованием, что, разумеется, не могло не найти своего отражения в костюме.

Север и северо-запад Золотых земель (королевство Гаунау и кесария Дриксен) в основном населены потомками варитов – переселенцев из Седых земель, в первой половине гальтарского периода оставивших прародину под натиском ледников.

С принятием эсператизма жители северо-запада формально отказались от старых религиозных представлений (некоторые пережитки седоземельских верований сохранились в легендах и обычаях населения Дриксен и Гаунау), но сохранили традиции материальной культуры оставленной прародины.

Для костюма Дриксен и Гаунау характерно использование следующих цветов: серый, черный, иссиня-черный, некоторые оттенки синего и зеленого, золотой и серебряный; значительно реже используется красный. В отличие от других стран Золотых земель широко распространен коричневый цвет и все его оттенки.

Костюм Дриксен и Гаунау отличает нарочитая многослойность.

И в мужском и в женском костюме, независимо от сословий, активно используются кожа и мех. Широко распространены вязаные (в основном – из шерстяной пряжи) изделия (рис. 7).

Для декорирования и скрепления одежды часто применяются металлические элементы (медные – у простолюдинов, серебряные и золотые – у дворянства) со «звериной»

(седоземельской) доэсператистской символикой. В ювелирных украшениях в ходу крупные полудрагоценные камни – гладко отшлифованные либо с резьбой; драгоценные камни сложной огранки используют редко.

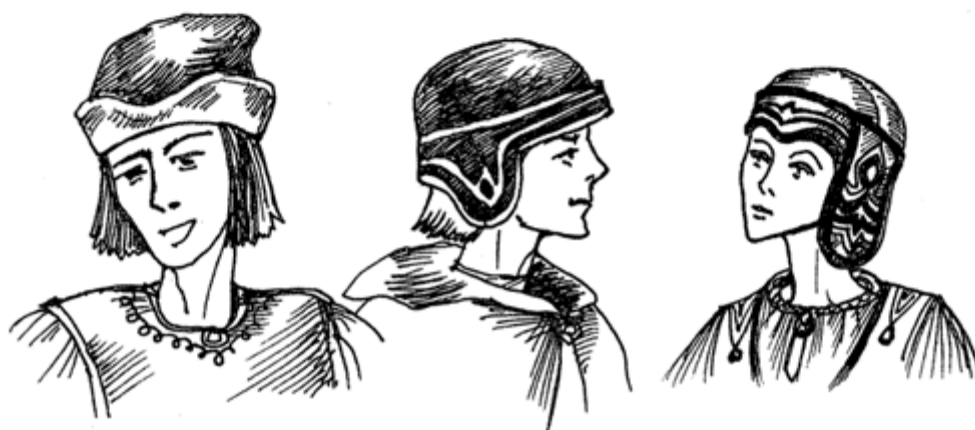
Женский костюм Дриксен и Гаунау строится на основе жесткого силуэта, создаваемого плотным корсетом и дополнительными особенностями покроя.

Гайифа, Агария, Ургот, Бордон

Юг и юго-восток Золотых земель населяют потомки жителей южных провинций Золотой Анаксии, расколовшейся к началу круга Молний на ряд независимых государств.

Определенная «оппозиция» костюму метрополии в южных провинциях Золотой Анаксии (Гайи и Уэрте) проявилась уже в начале кабитэлского периода. В то время, когда новая столица куталась в закрытую одежду от непривычных холодов, Паона и Агарис, «соблюдая анаксианские и имперские традиции», все больше и больше обнажались.

Для дворянского костюма Гайифы и Уэрты (Агариин) на протяжении последних 900—1000 лет свойственны неумеренное количество разрезов на одежде (порой в довольно неожиданных местах) и нарочитая демонстрация нижней одежды с вытягиванием ткани нижнего платья в прорези верхнего. Зачастую такая «лоскутность» принимала «абвениатскую» форму – и верхняя одежда южной знати, несшитая, но скрепленная на плечах, на груди, по бокам заколками и застежками из драгоценных металлов, напоминала торжественные одеяния золотоанаксианской аристократии или как минимум отражала представления южных модников о древних одеяниях (*рис. 8*).

Легкие ткани и легкомысленно бельевой покррой костюма подчеркивали природные недостатки фигуры. Как следствие, в Гайифе в начале кабитэлского периода возникли жесткие элементы костюма, позднее превратившиеся в корсет. Сначала широкий пояс – корсет был призван скрывать недостатки и подчеркивать достоинства фигуры; позднее его функции диаметрально изменились, и корсет нового, «целомудренного» образца широко распространился в эсператистских странах как обязательный элемент женского костюма высших сословий.

В Гайифе и Уэрте (Агариин) жесткий корсет особого покррой носили и мужчины, подобно дамам, скрывая недостатки и подчеркивая достоинства фигуры. Той же цели

служили и накладные икры.

И в мужском и в женском костюме юго-востока Золотых земель предпочитают светлые, «пастельные» цвета, причем особой любовью пользуются сине-зеленые тона, «цвет павлиньего пера» и «цвет шеи голубя». Одежда дворянства отличается обилием декора (вышивка, декоративные разрезы, отделка кружевом, тесьмой, драгоценными камнями). Часто используются декоративные накладные детали – съемные воротники, рукава, манжеты, баски (в мужском и женском костюме), дополнительные сильно драпированные юбки (в женском).

При этом верх костюма – достаточно открытый. Для мужской верхней одежды характерен широкий (каре) или глубокий, обильно декорированный вырез воротника. Ворот и верхняя часть нижней рубашки при этом отделяются многочисленными рюшами – из ткани рубашки или же кружевными. Для женского костюма, помимо широкого и глубокого декольте, характерен также короткий (до локтя) рукав, шившийся из особенно легких, полупрозрачных тканей.

Жителей юго-востока Золотых земель отличает и обильное использование ювелирных изделий. Самыми распространенными драгоценными камнями в Гайифе являются бирюза, жемчуг, рубины, опалы и золотистые топазы; в Агарии особой любовью пользуются изумруды.

Именно в Гайифе впервые вошли в обиход мужские парики, мода на которые, наряду с появившимися позже женскими, с течением времени распространилась практически по всему Золотому континенту. Популярный и женский и мужской головной убор – пышный, объемный берет.

Карликовые государства и города-государства побережья Померанцева моря, за рядом исключений, обусловленных геральдическими причинами, придерживаются гайифской и агарийской моды.

«Пограничные регионы»: Алат, Бергмарк, Кэналлоа

Регионы Золотых земель, в которых произошло смешение коренного населения, переселенцев из Седых и Багряных земель и народностей неясного происхождения (Бергмарк, Кэналлоа, Алати), стоит рассмотреть отдельно.

В костюме этих областей, при всем их несхождении, можно выделить ряд общих особенностей.

Одежда высшей аристократии и низших сословий разнится только качеством ткани и отделки; покрой повседневного костюма различается незначительными деталями (общая длина, ширина проймы и длина рукава). Праздничные костюмы в данных областях практически идентичны – вплоть до использования в традиционных украшениях одинаковых материалов, которые имеют не столько декоративное, сколько сакральное значение (оберег, амулет).

Женская одежда составная: юбка и блуза; талия подчеркивается широким поясом; распространены довольно короткие (немного ниже талии) безрукавки и жилеты.

Верхняя одежда мужчин представляет собой вариации кафтана или колета (куртки); плащ в виде несшитого полотна используется в повседневной жизни исключительно аристократией, зато оружие носят все.

В женском костюме высших сословий широко используются элементы мужского костюма. Женский охотничий костюм и костюм для путешествий в указанных регионах – подобранный (перекроенный) мужской костюм, позднее «расширенный» за счет замены или добавления «женских» элементов. Низшие сословия в этом вопросе более традиционны, но мужское платье при необходимости могут надеть и простолюдины.

Быт и, соответственно, костюм жителей полуострова **Кэнналоа** формировались под влиянием как золотоземельским, так и морисским. К последнему можно отнести использование преимущественно гладкоокрашенных тканей. При этом цветовая гамма костюма Кэнналоа гораздо шире принятой в прибрежных районах Багряных земель и включает в себя практически все цвета. Это неудивительно: Кэнналоа – один из «красильных центров» Кэртианы, где сосредоточено множество источников растительного и минерального сырья, используемого для получения красителей.

В целом же багряноземельское влияние сильнее проявляется в прибрежных районах полуострова и наиболее заметно в домашней одежде и в одежде простонародья (*рис. 9*).

Мужской костюм на полуострове практически не зависит от времени года, что связано с мягким морским климатом. Кэналлийский дворянский мужской костюм отличается от талигойского не столько особенностями кроя, сколько особенностями ношения, а также использованием характерных морисских деталей – прежде всего оружия, изготовленного с учетом багряноземельских традиций.

В Кэналлоа параллельно существует два вида мужских рубашек. «Классическую» нижнюю мужскую рубашку носят под колетом, курткой или камзолом, а в менее официальной обстановке, без верхней одежды, завязывая полы узлом под грудью. Так же – без верхней одежды – носят и «багряноземельскую» – туникообразную длинную (до середины бедра) рубаху свободного покроя. Передняя часть такой рубахи либо с небольшим вырезом, либо с разрезом, затягиваемым шнуровкой.

Для мужского костюма Кэналлоа характерен широкий пояс – кушак; традиционный головной убор – среднего объема берет; широко используют косынки, шарфы и иные головные повязки, завязываемые узлом на затылке.

Женский кэналлийский костюм – составной: рубашка или блузка, широкая юбка, широкий пояс – корсаж. Женщины высшего сословия, как правило, носят платья, причем покроем платья может зависеть как от талигойской моды, так и от багряноземельской. Женщинами всех сословий используется головное покрывало – мантилья: широкое, из легких тканей (или кружева), закрывающее голову, плечи, частично – руки (и мало чем отличающееся от абвениатского гиматия).

В Кэналлоа в качестве костюма для охоты и для путешествий молодыми женщинами традиционно используется мужской костюм: рубашка, длинная приталенная куртка – колет, широкий пояс – кушак, длинные средней ширины штаны, невысокие (до середины голени) сапоги.

В Кэртиане широко известны и пользуются популярностью кэналлийские ювелирные изделия, а также холодное оружие и пояса.

* * *

В культуре и костюме Северной Торки (**Бергмарк**) прослеживается очевидное седоземельское влияние, но назвать его дриксенским значило бы исказить истину. Составляющие костяк нынешнего населения Бергмарк агмы и обитатели Дирксен вариты хоть и имеют общие корни, но разошлись так давно... что можно считать, что этих общих корней и не было. Посему седоземельское влияние в Бергмарк носит своеобразный оттенок.

Кожа и мех в костюме Бергмарк используется шире, чем в соседних Дирксен и Гаунау, но иные «животные» мотивы в декорировании костюма в Торке отсутствуют. Само понятие «декорирование» к костюмам бергерров (особенно мужскому) можно отнести лишь условно: нефункциональных деталей костюма в Бергмарк просто не встречается, а отделка застежки (шнуровки), ворота и манжет в первую очередь предназначена для укрепления соответствующих деталей костюма и удобства ношения. Основное украшение – яркий цвет одежды, и надо признать, что по цветовой гамме костюма Торка мало уступает Кэналлоа, а используемые цвета, несмотря на географическую удаленность данных регионов, очень похожи; разве что, отдавая дань своему морскому прошлому, воевать бергеры предпочитают в ярко-бирюзовых одеждах. Этот же цвет является официальным цветом маркграфов, а вот носить столь любимый в Дирксен коричневый цвет бергеры полагают позором.

Основная мужская одежда: куртка свободного покроя – кожаная, меховая или из шерстяного сукна; длинные свободно облегающие штаны (плотная ткань или кожа, замша), сапоги. Верхние (особенно зимние) плащи в Бергмарк – не кусок ткани, накинутый на плечи и застегнутый (завязанный) на груди, а сложно скроенная одежда с прорезами для рук или рукавами, длинной застежкой и капюшоном. Зимой носят меховые колпаки или шапки – круглые, с удлинненными «ушками», летом – фетровые или суконные шляпы (*рис. 10*).

Более четкого, приталенного покроя длинная куртка (или меховой полушубок) характерна и для женского костюма; вообще варианты верхней части женского торского костюма разнообразны: рубашка или блузка; суконная, кожаная или замшевая, отороченная мехом безрукавка; куртка или жакет. Наряду с составным костюмом (юбка с блузой и жакетом) бергерские дамы охотно носят платья.

В отличие от мужского, женский торский костюм может декорироваться вышивкой (либо в тон ткани, либо еще один-два цвета отделки, обычно в близкой цветовой гамме) и аппликацией из ткани, кожи и меха. Для женского зимнего костюма характерно использование не головных покрывал, а «перебравшихся» из мужского костюма меховых шапок.

Как мужчины, так и женщины в Бергмарк всегда имеют при себе один-два амулета (как правило, это очень просто оправленные полудрагоценные камни местного происхождения, «настроенные» на своих владельцев при помощи специальных, подчас весьма сложных обрядов), но рассматривать их как украшения было бы неверно.

* * *

О влияниях на костюм **Алата** говорить сложно, поскольку этот регион, формально находясь в центре бывшей Золотой империи (между Эпинэ и Агарией), заметно отличается и по бытоустройству, и по религиозным воззрениям от ближайших соседей – Агарии и Гайифы. Необходимо заметить, что до обретения Алатом независимости в женском дворянском костюме прослеживалось сильное агарийское влияние, и зачастую алатские господа носили платья «агарийского» покроя, но с «алатскими» дополнительными деталями и декором. Впоследствии агарийское влияние сменилось талигойским и кэналлийским, чему немало способствовало побратимство первого правителя независимого Алата и soberано Кэналлоа, Первого маршала Талига Алонсо Алвы.

Алатский костюм строится на основе четко приталенного силуэта (*рис. 11*).

Отличительная особенность костюма данного региона – обилие отделки: в основном вышивки, в том числе с использованием бисера и бусин из драгоценных и полудрагоценных камней, тесьмы и декоративных лент (иногда – в несколько рядов, широкой полосой), аппликации из ткани контрастного цвета и особым образом выложенного шнура. Вышиваются шубки, полущубки и «стриженки» из овчины, вышиваются жилеты и доломаны, вышиваются рубахи и блузки, вышиваются юбки, штаны и нижнее белье, вышиваются шали и сапоги.

Характерной верхней одеждой для мужского алатского костюма является приталенный

доломан – кафтан со своеобразной отделкой: короткий у молодежи, достигающий колена у людей постарше. Поверх доломана носят широкий, декорированный кистями и вышивкой пояс, длинные, достаточно широкие штаны заправляются в сапоги. Голову алатского витязя зимой украшает меховая, летом – суконная либо из другой плотной ткани высокая шапка, украшенная птичьими перьями, лентами, кистями.

В менее «официальном» варианте мужского костюма широко используются жилеты – безрукавки, как суконные, так и меховые (в основном – из стриженной овчины), с обильным декором на лицевой стороне.

Алатские дамы, так же как и кэналлийские, и торские, в качестве охотничьего или дорожного костюма используют перешитый или специально сшитый на женскую фигуру мужской костюм (длина доломана достигает колена). При этом широкие алатские юбки дают возможность использования комбинированного костюма: штаны надеваются под юбку, ширина которой не мешает ездить в мужском седле.

И крестьянки и знатные дамы в Алате одевались практически одинаково: нижняя рубашка, пышная блузка, жилет со шнуровкой на лифе, юбка (зачастую не одна). Простолюдинки поверх юбки повязывали фартук (простой в обычные дни и украшенный вышивкой, несущий исключительно декоративную нагрузку в праздники). Незамужние девушки носили похожий на кокошник убор – «парту», замужние – чепцы; широко использовались платки и шали. В холодное время года сверху надевалась безрукавка – «стриженка» и полушубок – жакет. В алатском костюме издавна и широко используются ткани с набивным рисунком.

Как своеобразный реликт в Алате еще встречаются как мужские, так и женские костюмы со сложными составными рукавами: узкий, закрывающий запястье «нижний» рукав, и широкий – едва не достигающий пола – богато декорированный верхний рукав с разрезом, открывающим руку от локтя.

Зимние плащи в Алате напоминают торские, по сути представляя собой широкие, расклешенные книзу шубы. Летом в мужском костюме плащ практически не используется, в женском – заменяется широкой шалью.

Женские прически (как правило, косы и комбинации кос) отличаются обильным использованием лент.

Для алатского женского костюма, помимо декорирования деталей костюма, характерно обилие украшений: бусы, ожерелья, кольца, браслеты, броши, серьги; в праздники девушки могут носить и головной убор – металлический обруч с вставками из драгоценных и полудрагоценных камней. Надо отметить, что в Алате (особенно в его горной части) до сих пор в неявной форме существует культ Астрапа, что находит свое отражение в мотивах вышивок и ювелирных изделиях. В частности, одним из любимых алатских мотивов является «рябиновый»: узоры из ветвей и ягод этого посвященного Астрапу дерева встречаются в вышивках особенно часто. Самым популярным женским украшением в Алате являются бусы из имитирующих ягоды рябины местных сердоликов.

* * *

Совершенно отдельно с точки зрения общего развития костюма Золотых земель стоит костюм сагранских народностей и государств, расположенных за Сагранским хребтом: Холты, Нухутского султаната, в меньшей части – Кагеты.

Остальные страны Золотых земель не имеют выраженных особенностей в развитии костюма, не считая тех, что определяются климатическим влиянием, а также обязательным использованием в эсператистских странах корсета в женском костюме и серых траурных одеяний.

Иностранные влияния на развитие костюма в Талиге в течение круга Скал

Талиг никогда не был изолирован от других государств Золотых земель, соответственно, и талигойский костюм изменялся не только в зависимости от климата и бытовых условий – определенное влияние на костюм Талига оказывали традиции и мода соседей. В этой главе мы рассмотрим иностранное влияние на талигойский костюм в течение оллариянского периода.

Как уже было сказано, круг Скал в Талиге начался с того, что на талигойский костюм было оказано сильнейшее «южное» влияние, которое на протяжении последних 400 лет фактически и не прекращалось. Необходимо отметить, что за единственным («алисианским») исключением, влияние других регионов Золотых земель на моду Талига не являлось определяющим.

Начало круга Скал ознаменовалось многочисленными союзами между высшей талигойской и кэналлийской аристократией. Эта тенденция сохранялась в течение последних 400 лет, поддерживая «кэналлийское» влияние в военной, политической и экономической сферах. На развитие костюма в основном оказывало влияние последнее – товары из Кэналлоа и Багряных земель в Талиге стали обычным явлением. Красители, драгоценности, ткани из Багряных земель, фрукты, цветы, пряности были доступны в Талиге не только в дворянской среде, но и в семьях горожан среднего достатка.

Династический брак между фамилиями Оллар и Ноймаринен и политический союз с герцогством Ноймаринен принес Талигу не только присоединение герцогства и прочный политический и военный союз с Бергмарк: бергерские плащи фактически становятся форменной одеждой Северной и Северо-Западной армий Талига.

Начало Двадцатилетней войны, образование Великого герцогства Алат, политический союз с алатским герцогом Балинтом Мекчеи и женитьба кронпринца Людовика Оллара на принцессе Матильде Мекчеи положили начало продолжительному периоду «алатской моды» в Олларии. Помимо частичного изменения силуэта женского костюма (талия костюма окончательно утвердилась на талии дамы), мужского (ношение алатского пояса поверх колета или камзола) и декора (костюмы стали обильнее украшаться вышивкой), широкое распространение получили изделия алатских мастериц (кружева, шали, предметы обихода) и мастеров-ювелиров (серебряные украшения с полудрагоценными и драгоценными камнями).

Алатский «верховой» (охотничий и для путешествий) костюм, состоящий из пышной блузки, длинного жакета, широкой юбки (в самом смелом варианте – штанов) и сапожек, стал открытием для Талига – и моментально, в силу своего удобства и своеобразного очарования, был взят на вооружение талигойскими аристократками.

* * *

Но уже через 50 лет можно было наблюдать прямо противоположное явление. Влияние Алисы Дриксенской, супруги взошедшего в 345 году К.С. на престол Талига Франциска Второго, стало своеобразным регрессом по отношению к общеталигойской тенденции.

Рьяная эсператистка, увлеченная старинными хрониками, собиралась «возродить Великую Талигойю». Разумеется, речь о возвращении свергнутой династии Раканов либо о расширении границ Талига до размеров Золотой Империи не шла. Но вот декор старой Талигойи королеве Алисе (и ведомому ею Франциску Второму) удалось сделать образцом для подражания во всем королевстве (*рис. 12*). Иногда – путем прямых запретов на ношение либо неношение того или иного элемента костюма.

Отсутствие корсета в течение довольно короткого времени для дворянки становится неприемлемым. Мягкий силуэт талигойского женского платья сменяется жестким, для сохранения угловатого силуэта юбки зачастую используются жесткие конструктивные элементы типа фижм, в моду входит глухой ворот, завершающийся объемным плоеным

воротником. При этом рукава достаточно коротки и подкалываются с помощью булавок. Этот отход от старинной традиции объясняется страхом непопулярной в Талиге королевы перед отравителями.

Мужской костюм обретает сходство с современным гайфским. Именно в эти годы талигойский костюм обогатился рингравами (съёмной баской, носимой поверх штанов); изменился покрой штанов, а в качестве обуви все чаще стали использоваться туфли. В моду вошли короткие и широкие штаны, разноцветные чулки, украшенные бантами и драгоценностями туфли. При этом с разной степенью удачности копировались мужские причёски кабитэлского периода: короткая стрижка и усы с бородкой.

Вышеуказанные изменения затронули в основном лишь «придворную часть» костюма. Костюм военный практически не изменился. Военные носили гладкие рубашки, колет или камзол, длинные (за колёно) неширокие брюки-пantalоны, высокие сапоги, плащ, шляпу. Первые маршалы Талига (Алваро Алва, Рудольф Ноймаринен) и их подчинённые не сочли необходимым поощрять изменения и украшения мундира. Так «придворный» и «военный» мужские костюмы разошлись окончательно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные в предыдущей главе тенденции на момент окончания круга Скал в целом сохраняются.

В мужском костюме прослеживаются два направления: костюм придворный – обильно декорирован, довольно часто используется парик; военный костюм более рационален, черно-белых «мундирных» цветов.

Женский костюм строится на основе корсета, юбки – многослойные. Платья декорируются контрастной отделкой (каймой, тесьмой), кружевом, вышивкой. Форма и длина рукава, глубина декольте формально не регламентируются, можно наблюдать как открытые глубокие, так и закрытые глухие варианты платьев.

М. Ивановская